

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

«Нам нужна новая экономика, с конкурентоспособной промышленностью и инфраструктурой, с развитой сферой услуг, с эффективным сельским хозяйством. Экономика, работающая на современной технологической базе. Нам необходимо выстроить эффективный механизм обновления экономики, найти и привлечь необходимые для нее огромные материальные и кадровые ресурсы».

В.В. Путин

«Наша партия сталкивается с многочисленными и серьезными вызовами, а внутри партии имеется много насущных проблем, которые мы должны решить. В первую очередь, это коррупция, оторванность от народа, формализм и бюрократизм, которые создаются некоторыми партийцами. Мы должны приложить максимум усилий для решения этих проблем. Вся партия должна оставаться в полной боевой готовности».

Си Цзиньпин

«Политика стала такой ожесточенной и пристрастной, настолько пропитанной деньгами и влиянием, что мы не можем заняться серьезными проблемами, требующими решения. И это первое, что требуется изменить...»

Реальный мир рационально выглядит только на бумаге. В течение двух бурных десятилетий сказанное неоднократно подтверждалось... Ослабела идеологическая борьба, но на смену ей пришли племенные, этнические, религиозные конфликты».

Б. Обама

«... Сбудется, если не будем ничего предпринимать».

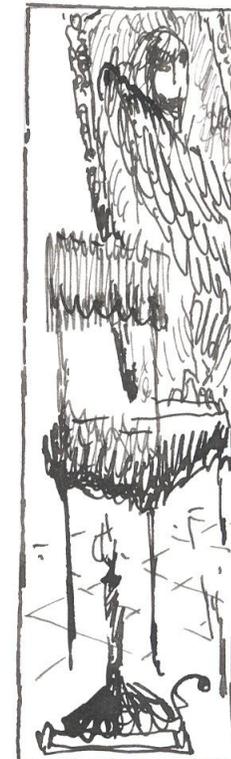
В.С. Черномырдин

В НОМЕРЕ:

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

N6(84)

АКТУАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ
РЕЦЕНЗИИ И ОТКЛИКИ
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ISSN 2073-6118

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

**АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ**

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

НОЯБРЬ
ДЕКАБРЬ **№6(84)**

МОСКВА 2012

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и
экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.
2012. № 6. — 304 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Редакционно-издательский совет:

д.э.н., проф. А.И. Агеев; д.э.н., проф. У.Ж. Алиев (Казахстан);
д.х.н., проф. Л.А. Асланов; д.э.н., проф. А.Ю. Архипов (Ростов-на-Дону);
д.э.н., проф. В.Д. Базилевич (Украина); д.и.н., проф. И.В. Бестужев-Лада;
д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону); д.ф.н., проф. Ф.И. Гиренок;
д.э.н., проф. М.М. Гузев (Волжский); д-р, проф. В. Драшкович (Черногория);
д.э.н., проф. Л.Н. Дробышевская (Краснодар); д.ф.н., проф. В.В. Ильин (Украина);
к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова, первый заместитель гл. редактора;
д.э.н., проф. О.В. Иншаков (Волгоград); д.э.н., проф. В.Я. Иохин;
д.х.н., проф. С.Г. Кара-Мурза; д.ф.н., проф. Д.С. Клементьев;
д.э.н., проф. С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.П. Колесов;
д.э.н., проф. В.И. Корняков (Ярославль); д.ф.н., проф. В.А. Кутырёв (Нижний Новгород);
д.э.н., проф. П.С. Лемещенко (Белоруссия); д.э.н., проф. С.П. Макаров;
д.э.н., проф. А.З. Новак (Польша); д.э.н., проф. Ю.М. Осипов, председатель совета;
д.э.н., проф. А.А. Пороховский; д.э.н., проф. В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург);
д.э.н., проф. В.Т. Рязанов (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.С. Сизов (Киров);
к.и.н., в.н.с. И.П. Смирнов; к.э.н., проф. В.М. Сологубов (Екатеринбург);
к.т.н., проф. Е.А. Субботин (Екатеринбург); д.ф.н., проф. Л.А. Тутов;
д.э.н., проф. А.С. Филипенко (Украина); д.э.н., проф. В.В. Чекмарёв (Кострома);
д.э.н., проф. В. Шмидт (Германия); д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский, заместитель гл. редактора;
д.э.н., проф. Ю.В. Яковец; д.э.н., проф. Ю.В. Якутин

Научный редактор — *Е.С. Зотова*

Редактор — *Т.Г. Трубицына*

Художник — *Е.Ю. Осипова*

Оригинал-макет — *П.Г. Полунина*

Компьютерная верстка — *Л.Г. Полунина*

Распространение — *И.А. Ольховая*

Научно-организационная работа — *А.А. Антропов, К.В. Молчанов, С.С. Нина,
С.Ю. Синельников, Т.С. Сухина*

**Включен в Перечень ВАК российских рецензируемых
научных журналов и изданий**

Издается с участием Академии философии хозяйства

Выходит 6 раз в год

Адрес редакции: 119992, Москва, Ленинские горы, МГУ, III учебный корпус,
экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183, факс (495)939-3496,
e-mail: <eszotova@mail.ru>

skype: <philosophy_of_economy>

http://www.econ.msu.ru/cd/311/, http://www.css.msu.ru

Тираж 1000 экз.

Учредитель Общество с ограниченной ответственностью

«Инвестиционная компания БАРЕЛЬ»

тел. (499)515-3333, 8-800-333-2939 (звонок по России бесплатный), (495)710-2939.

www.barrel.ru

ISSN 2073-6118

© «Философия хозяйства», 2012 г.

Содержание

Раздел I	
Философия хозяйства	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Русские из истории, в современности и для будущего.....	9
<i>В.Д. Базилевич</i>	
Философия экономики в системе самосознания общества.....	29
<i>Н.Б. Шулевский</i>	
Мифы — софийные вести философии хозяйства.....	34
<i>В.В. Ильин</i>	
Философско-экономическое мышление: модус долженствования.....	49
<i>Л.М. Ипполитов</i>	
Критика модели «экономического человека» в работах С.Н. Булгакова и П.Б. Струве.....	54
<i>А.А. Акинин, А.А. Шевелев</i>	
К вопросу о природе государства и правящего класса в современной России: ответ «Эксперту».....	61
<i>Е.В. Косов</i>	
Политика — искусство невозможного!.....	77
<i>А.Г. Домбровский</i>	
Экономический хронотоп в процессе становления креативного общества.....	85
<i>Г.Г. Иващенко</i>	
Этика хозяйствования старообрядцев и протестантская хозяйственная этика: сходства и различия условий формирования и функционирования.....	93
Раздел II	
Экономическая теория	
<i>В.М. Кульков</i>	
Логика экономического противоречия (к 200-летию выхода в свет «Науки логики» Гегеля).....	103
<i>Е.В. Красникова</i>	
Место политэкономии в экономических науках и вузовском учебном процессе: факторы отторжения советской политэкономии.....	117
<i>Н.М. Хабалашвили</i>	
Современная капиталистическая экономика — это уже не рыночная экономика.....	141
<i>Ю. Евдокимов, М. Молчанов</i>	
Классический капитализм и системный подход: уроки последнего кризиса.....	150
<i>О.В. Андреева</i>	
Крупные корпорации как форма реализации неоконсервативной модели развития.....	161
<i>А.А. Залетный</i>	
Альтруизм в управлении.....	166
<i>П.А. Краснокутский</i>	
Формирование паркетно-кластерной модели региональной инновационной системы Ростовской области.....	180
<i>Е.В. Радковская</i>	
Дисфункции в региональном развитии.....	189

<i>Л.И. Кочурова, Е.А. Филимонова, Е.И. Харлампенков</i> Государственное управление рыночной прибылью — гарантия экономической безопасности России	198
Раздел III	
Актуальная философия	
<i>Ф.И. Гиренок</i> Жиль Делез. Человек-симулякр	211
<i>В.В. Варава</i> Андрей Платонов и «русская религиозная философия».....	220
<i>В.Н. Прончатов</i> Предметы труда для универсальной картины мира	235
<i>А.Н. Фоменко</i> Современное осмысление «радикального гуманизма» Э. Фромма	245
Раздел IV	
Рецензии и отклики	
<i>Ю.М. Осипов</i> Юбилей как повод к самоутверждению	257
<i>Н.Б. Шулевский</i> Политическая экономия — блудная дочь в чертогах философии хозяйства..	263
<i>Т.Ю. Яковец</i> Пересотворение Истории	267
<i>Н.Н. Ростова</i> Асимметрия в рефлексии о сакральном.....	269
Научная жизнь	
<i>Ю.М. Осипов</i> Кризис бродит по планете	277
Наши авторы	290
Содержание за 2012 г.	293

Contents

Part I

Philosophy of Economy

Yu.M. Osipov

The Russians from History, in Present and for Future 9

V.D. Bazilevich

Philosophy of Economics in the System of Self-Consciousness of Society 29

N.B. Shulevsky

Myths — the Sophianic Messengers of Philosophy of Economy 34

V.V. Ilyin

Philosophical-Economical Thinking: Modus of Ought 49

L.M. Ippolitov

The Criticism of the Model of «Economic Man»

in the Works of S.N. Bulgakov and P.B. Struve 54

A.A. Akinin, A.A. Shevelev

On the Nature of the State and the Ruling Class in Contemporary Russia:

Institutional Analysis 61

E.V. Kosov

Politics Is an Art of Impossible! 77

A.G. Dombrovski

Economic Chronotope During the Formation of Creative Society 85

G.G. Ivaschenko

The Ethics of Economic Management of Old Believers’

And Protestant Economic Ethics:

Differences And Similarities in the Conditions of Forming and Functioning 93

Part II

Economic Theory

V.M. Kulkov

The Logics of Economic Contradiction

(For 200th Anniversary of the Release Hegel’s «Science of Logic») 103

E.V. Krasnikova

Place of Political Economy in the Economic Sciences And University

Educational Process: The Factors of Rejection of Soviet Political Economy 117

N.M. Khabalashvili

The Modern Capitalist Economy — This Is Not a Market Economy 141

Yu. Evdokimov, M. Molchanov

Classical Capitalism And System Approach: Lessons of the Last Crisis 150

O.V. Andreeva

Large Corporations as a Form of Realization of Neo-Conservative

Model of Development 161

A.A. Zaletny

Altruism in Management 166

P.A. Krasnokutsky

Formation the Parquet-Cluster Model of Regional

Innovative System of the Rostov Region 180

E.V. Radkovskaya

Dysfunctions in Regional Development 189

<i>L.I. Kochurova, E.A. Filimonova, E.I. Kharlampenkov</i> Public Administration by Market Profit — the Guarantee of Economic Safety of Russia	198
Part III	
Actual Philosophy	
<i>F.I. Girenok</i> Gil Delez. The Person-simljakr	211
<i>V.V. Varava</i> Andrei Platonov and «Russian Religious Philosophy»	220
<i>V.N. Pronchatov</i> Subjects of labor in the universal picture of the world	235
<i>A.N. Fomenko</i> Humanitarian intentions in psychoanalytical philosophy	245
Part IV	
Reviews and Responses	
<i>Yu.M. Osipov</i> Anniversary as an Opportunity to Self-Assertion	257
<i>N.B. Shulevsky</i> Political Economics — the Prodigal Daughter of Neo-Philosophy Economy	263
<i>T.Yu. Yakovets</i> Recreation of History	267
<i>N.N. Rostova</i> Asymmetry in a Reflection about the Sacral	269
Scientific Life	
<i>Yu.M. Osipov</i> Crisis Haunting the Planet	277
Our Authors	290
Contents of the Journal for 2012	293

1

**ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА**

Ю.М. ОСИПОВ

Русские из истории, в современности и для будущего

Аннотация. Рассматривается феномен русского мира, восходящего к русскому этносу (суперэтносу): от истоков до современности и возможного будущего.

Ключевые слова: Россия, русский мир, русский этнос, история, социология, антропология, философия.

Abstract. The author reviews the phenomenon of the Russian world, dating back to the Russian ethnos (superethnos): from its origins to the present and possible future.

Keywords: Russia, Russian world, history, sociology, anthropology, philosophy.

Россия — страна из череды исторических экспериментов, как явно сознательно устраивавшихся, так и вроде бы самих по себе происходивших. И человек этой страны, будь то славянин, русич, угро-финн, татарин, был вынужден к этим следовавшим друг за другом экспериментам приспособливаться, изменяться, по-разному себя проявлять, меняя свой текущий жизнеотправительный образ, словеса, тексты, стиль поведения, само сознание, но при этом сохраняя что-то и исконно свое, коренное, почвенное, подспудное, инстинктивное, даже и темное — как выживательное и спасительное, так и попросту отличное — характерное и характерное — вовсе не во всем и положительное.

Россия — страна полиэтническая, разноплеменная, многонародная, но по населенческому преимуществу страна русских, с русским миром в своей сердцевине, хотя в полноте своей не только собственно русская.

Русский — это, надо полагать, бывший русич (он же русин, русь, росс), а русич — бывший, должно быть, славянин, выделившийся из славянского мира как именно русич, хотя не исключено, что проторусич и подревнее по своим истокам, чем обычный славянин. Но так или иначе возник на восточноевропейских (гиперборейских) просторах не ранее и не позднее I тысячелетия н. э. именно *русич* — атрибут по крайней мере Новгородской, затем Киевской (раннерюриковской), а потом и Московской (позднерюриковской) Руси.

В новое время «русича» сменил на историческом посту «русский», он же «великоросс» — это уже в эпоху Петровской империи, названной великим гонителем и преобразователем посконной-де Руси и закорузлых-де русичей Российской империей, следственно, не русской, даже и не великоросской, что вовсе не значит, что поступил Петр I опрометчиво и абсурдно.

Сегодняшний русский — как раз бывший великоросс, а Россия — страна именно русских, а не великороссов и уж тем более не русичей.

Итак: когда-то был проторус, потом явился в среде славянской русич, затем и через великоросса на арену вышел русский. Прежде всего этнически русский, русский по крови, хотя и немало смешанной, русский по корню, по истокам, по древу, по генеалогии, по родному пространству, по родному языку, по принятой им родной культуре. От ведического (языческого) проторуса через христианизированного русича к внезапно и насильственно европеизированному русскому — еврорусскому, так сказать, — и этот-то «еврорусский» и есть на сегодняшний день собственно *русский*, тот самый русский, которому довелось стать и быть русским в Российской империи, остаться таковым в СССР и продолжать оставаться русским в нынешней Российской Федерации. Титульный, как модно теперь говорить, этнос, он же и суперэтнос, вбирающий в себя и тьмы изначально нерусских, но становящихся через какое-то время адаптированными (и кооптированными) русскими.

Между современным русским и тем же проторусом большая, конечно, разница, прежде всего по идейно-культурным характеристикам, хотя и по этническим тоже. Одно русо-русское начало в русском человеке сменялось другим русо-русским началом, а может, и не таким уж русо-русским, а и норманнским, половецким, византийским, христианским, ордынским, польско-литовским, немецким, интернационаловским, советским, евро-глобалическим, — и вышла весьма сложная этно-культурная «матрешка», содержащая не одно вовсе, а несколько образующих русский этнос начал, друг с другом органично и не очень спаянных.

В русском человеке наряду с собственно русо-русскостью всегда гнездились и какое-нибудь исходно нерусское начало, влиявшее в той или иной степени на русо-русскость, но и само подвергавшееся непременно обрусеванию, что и имело результатом эту самую «матрешечную» конструкцию русскости, в которой русо-русскость всегда была, конечно, в сердцевине, а вокруг оседала разная обрусевавшая нерусскость.

Стабильное присутствие нерусскости в русском человеке дало повод к двум почти уже сакраментальным утверждениям: 1) что «рус-

ские» не этно-именной, вовсе и не точечный, термин, а социо-культурно-лингво-собираемый; 2) что русо-русскость настолько недостаточно и неявно представлена в русском человеке, что о русском человеке как таковом и говорить-то не очень уж приходится, соответственно и обо всем русском: языке, культуре, цивилизации, государстве, народе, наследии, истории.

Да, русский в широком смысле не только собственно этнически русский, но ведь без чисто этнического русского момента, а лучше бы сказать, русской субстанции, ни о чем русском говорить вообще нет никакого смысла (тот же, к примеру, язык ведь не где-то в атмосфере сам по себе бытует, а в среде соответствующего языку этноса — первоэтноса, это всегда прямая принадлежность того или иного этноса, а этнос всегда — непосредственный производитель и носитель языка). Русским обычно называет себя всякий, кто усваивает русский язык и русскость во всей их полноте, независимо от своего личного этничества и лингвистического происхождения. И хотя это именно так, это вовсе не свидетельствует об отсутствии в русском мире вполне наследственных этноспецифических русских.

Русского человека можно воспринимать как этнически не очень выраженного, а потому и как бы этнически не существующего, но это всего лишь внешнее, вполне и бестолковое, суждение, обязанное либо невольной «куриной слепоте», либо намеренной, вполне уже и не куриной, клевете. Есть они, эти непосредственно корневые русские, и вовсе не только по принадлежности к территории, языку или истории, а прямо по крови, по отцовству и материнству, по органичной связи поколений, по генетическому преемству, как и по сознанию, характеру и манере поведения, даже и по персонально-коллективному типу, по физическому даже, не говоря о метафизическом, генотипу. Многие из идео-культурного в русском человеке может быть исходно и нерусским, что все равно не мешает русскому человеку оставаться русским, ибо сидит в нем неистребимый исходный фундамент, отличающий русского не только от любого африканца или китайца, но и от любого европейца тоже, включая, к примеру, окатоличенных поляков или оправославленных сербов, даже и от ближайших к русским вполне православных малороссов-украинцев. Тут уж ничего не поделаешь — «русский» это не так окаемно-поверхностно-собираемый термин, как ядро-центрово-сердцевинный. Спросите любого аборигенного человека где-нибудь на Тамбовщине, Рязанщине или Псковщине, кто он... «по национальности», и получите от него сначала искреннее удивление по поводу столь неуместного и в общем-то глупого вопроса, а потом, хоть и вынужденный, но вполне осознанный и совсем уж не глупый ответ: «Русский!».

Обрусевание — это становление нерусского человека в русского, что вовсе не противоречит коренной русскости, которая хороша как раз тем, что способна не отвергать нерусского, а принимать его в русский мир, что оборачивается и для русского человека обратной способностью легко входить в другие этно-культурные миры и к ним вполне добротнo приспособляться. При сохранении достаточной доли своего изначально русский человек нигде и никогда, приравливаясь к чуждому поначалу контексту, не теряет своей фундаментальной идентичности, как и не мешает обрусевшему чужестранцу и иноплеменнику сберечь свою исходную этно-культурную особость.

Быть русским вовсе не значит быть хорошим, да еще и лучшим. Быть русским — быть прежде всего особенным, но ровно настолько, чтобы не впадать в исключительную высокомерность, не пытаться возвышаться над другими людьми и народами, но при этом не терять и того для себя важного, что обычно называется национальным (этно-народным) характером, что можно назвать жизнеотправленческой самобытностью, причем не терять в самых разных обстоятельствах и во вполне жестких контекстах.

Русскость — как имманентный людской характер и подходящий способ бытия, как самостоятельная экзистенциальная ценность (не обязательно хорошая, красивая, привлекательная, а попросту в русском человеке по экзистенциальной нужде сидящая) — зарождалась и складывалась 1) на открытом всем ветрам бескрайнем равнинном пространстве, в гуще лесов, с обильными реками, озерами и болотами, в самой что ни на есть насыщенной растительной и звериной жизнью, но при этом и «не обиженной» суровостью, хладностью и темностью природе, хотя и не без выходов русского человека в теплые южные степи, скудные северные земли, к волнительным морям и цветущим предгорьям; 2) в условиях по большей части колючего, переменчивого и контрастного климата с долгой зимой и кратким летом, неуверенной весной и нестойкой осенью; 3) при постоянной борьбе за существование как с беспредельным пространством и неустойчивой, хотя и вовсе не мертвой природой, так и с разного рода завоевателями, захватчиками, грабителями, колонизаторами; 4) под жестким прессом правящих элит, часто иноплеменных и в лучшем случае лишь обрусевавших, рассматривавших славяно-русо-русский мир более всего как объект эксплуатации и закабаления вместе с присущим ему аборигенным населением; 5) в практически непрерывном сопротивлении постоянно присутствовавшей в стране, временами ведшей себя весьма агрессивно, идейно-культурной нерусскости, либо заимствовавшейся и привнесившейся правящими кругами извне, из нерусских миров, непременно при этом навязывавшейся, часто насильственно, прямолинейно

и безоговорочно, либо являвшейся вдруг изнутри, уже в качестве, так сказать, «родного» противовеса становившейся вдруг неприемлемой и «неродной» славяно-русо-русскости, а также в вынужденном приспособлении русскости к нерусскости — вплоть до восприятия последней в качестве органичного элемента первой, чуть ли иной раз даже не решающего; б) в упорном переваривании всего нерусского до его более или менее потребительной приемлемости и «союзнического» удержания в корневой русскости; 7) с противоречивым формированием русскости от одного «модернизационного» эксперимента к другому, от одного странового кризиса к другому, от одного этнокризиса к другому, от одной социокатастрофы к другой — разрывно, импульсивно, неровно, с забросами и выбросами, разворотами и отступлениями, а в целом — волнительно-страдательно: через регулярное отрицание русскости и спасительное в ее пользу противопоставление, обычно тягостно-сопротивленческое, в затяжной идейно-исторической борьбе русскости за свое выживание и сбережение, за настоящее и будущее.

В итоге возникла и бытует весьма оригинальная качественная специфика русскости как антропо-психо-культуро-исторического феномена, отличающегося, с одной стороны, какой-то бросающейся в глаза, но в то же время и их застилающей невыраженностью, неопределенностью, непроясненностью, смутностью, незаконченностью, неустойчивостью, колеблемостью, вибрационностью, переменчивостью, странностью, а с другой — крайней ценностно-поведенческой противоречивостью, соединением несоединимого, отсутствием или же неустойчивым присутствием золотой середины, без-мер-ностью, краелюбием, порывистостью, дисгармоничностью, а в целом — загадочностью, открытой закрытостью, как и закрытой открытостью, какой-то прямо-таки органичной неустроенностью, безразличием к общепринятым в человечестве ценностям, фатализмом, презрением к смерти, если не смертолюбием, как и поразительной стойкостью, аскетичностью, неприхотливостью, жертвенностью, но при этом и ироничностью, насмешливостью, дурашливостью, опять же покорной непокорностью и непокорной покорностью, анархичностью, безоглядностью, непоследовательностью, непрограммируемостью, спонтанностью, буйностью, но при этом и гибкостью, приспособляемостью, находчивостью, сметливостью, импровизационностью, а в остатке — не просто явной *инаковостью*, а самой что ни на есть... *неотмирностью*, какой-то изначальной, исходной, древлеобусловленной чуждостью этому миру, даже и собственно вроде бы русскому, явной бытийственной временностью, подорожностью, непрекращающимся чаением какого-то иного мира.

Не надо в русскости искать большой любви к порядку, деловой обязательности, рассудочной праведности, как и большого уважения к закону, взаимовыгодности, личной и всеобщей полезности. Нет, нет и нет! Все, что угодно, но только не добровольная, устойчивая и удовлетворительная принадлежность к институциональной, умственной, поведенческой и любой другой *сети*. Идеал русскости — углубленный в себя сиделец, внезапный и как бы растворяющийся в пространстве беглец (булгак), неожиданный, недолговечный и ненадежный удачник, вольный казак, безрассудный разбойник, смиренный бродяга, но никак не упорный трудолюбец, неустанный стяжатель богатства, довольный собой ловкий торговец, бесконечно деловитый предприниматель, неудержимо хитроумный финансист. Разумеется, среди русского люда есть и кое-какие «рацио», и сторонники «делов», как и справные «хозяйства», и даже улыбочивые гедонисты есть, и жаднющие крохоборы, и наглые «прихватизаторы», но... это все как бы вопреки русскости, ей в противоположение и в противовес, в укор, порицание и отрицание, где-то на ее парарусской периферии.

В ядре русскости все-таки более всего... э-э... *ничто*, да, да, именно так — НИЧТО, никак разумно не схватываемое, сходу не улавливаемое и легко не прочитываемое. Живет русский человек какой-то, знаете ли... *нежизнью*, сам себе мешая и более всего от себя же страдая и от себя же бежа. Неуютно русскому человеку в этом мире, даже и в собственно русском, и не ценит он мира *этого*, как и не ценит ни быстротекущего вокруг времени, ни житейского дара господнего, ни другого подле себя человека, ни самого себя; он ничему не учит никого из сидельцев земных, не наставляет высокопарно, никуда не ведет. Это его — русского-де неудачника — все учат, наставляют, ведут, а он... он бежит от всего на него отовсюду ниспадающего, замыкается в себе, отводит в сторону все понимающие глаза и прячет в ухмылке свою неподвижно-подвижную физиономию, отстраняется, увертывается, отлынивает. А любителей попользоваться «русским фактором», поучить «недолеланных» русо-русских, да поэксплуатировать их — пруд пруди, и кое-кому это неплохо удавалось и удастся: хазарам, варягам, византийцам, ордынцам, полякам и литовцам, крымчанам, туркам, немцам, сбродному и бродячему интернационалу, а теперь вот и глобальным «гражданами мира» из еще многонациональной Европы и навсегда уже квазинациональной Америки.

* * *

В чем же тут дело? Почему естественно возникающий и упорно удерживаемый русо-русским людом *русский лад* (то бишь русский образ сбалансированного жития-бытия — а таковой ведь тоже непремен-

ная принадлежность русского мира, без которого никакого русского мира вообще быть не может) не доходит до *лада всего русского мира* — *русского мира-лада*, или *русского лада-мира*, а остается, несмотря на бескрайнее распространение по огромному евразийскому пространству вполне русского повседневного жития-бытия, в пределах более всего низового социального уровня, в некоторой степени среднего и лишь частично, если не вообще в крапинку, высшего? Почему русский мир никак не овладеет всем социумом и не вменит ему именно русский лад?

Вопросы! Ох, какие нелегкие и всюю коварные вопросы!

История Руси-России, включая, видно, и Славянию, а до нее и проторусию со Скифией и Гипербореей, — история нескончаемого *становления-потока*: становления как этногенеза, этапогенеза, империагенеза, происходившего в каком-то дискретном, прерывном, импульсивном, но при этом непрекращающемся, неукротимом и неумолимом историческом (по-своему и внеисторическом) качественном потоке, в котором местный (почвенный) генез намертво и стратегически — вплоть до нынешнего времени — безнадежно переплелся с внешним генезиальным воздействием-участием, что предопределило на почти что вечные (многовековые) времена не то затяжку становления чего-то навеки определенного (какого-нибудь хорошо сбалансированного «тысячелетнего царства»), не то бесконечный отбор (исторический кастинг) всего лишь возможных определенностей, регулярно-пререгулярно оказывавшихся почему-то по ходу исторической реальности в разряде неприемлемых.

В то время как Западная Европа, эта прямая по местоположению, идее и алчности наследница Римской империи, была разделена на ряд ожесточенно соревновавшихся друг с другом государств, каждое из которых стремилось к имперскому господству над Европой, но не могло этого никак достичь вследствие сопротивления своих соседей-соперников, Восточная Европа оказалась со всем своим коренным населением заложницей иного этапогенезисного процесса, когда все восточноевропейское пространство стало зоной становления единого большого — имперского типа — государства, но при этом вне прямого наследования какой-либо древней столь же имперского типа государственности, а потому под мощным воздействием внешних прогосударственных и антигосударственных сил. В Западной Европе возымела место ясно обозначенная геополитическая полисубъектность, нашедшая воплощение в наборе самостоятельных и противодействовавших друг другу субъектов-государств (потом и наций), а в Восточной Европе, наоборот, шел поиск моносубъектности, причем поиск этот шел не просто под влиянием и по инициативе внешних сил,

а и с неперменным колониальным душком. Западная Европа — ареал становления послеримской «волчьей стаи», каждый крупный и сильный член которой жаждал имперской власти над Европой и Ближней Азией (крестовые походы), но, не добившись оной, установил затем метропольную власть над дальними заморскими территориями, реализовав свои изначальные имперские амбиции уже в ходе так называемых Великих географических открытий. Западная Европа породила огромные колониальные, вполне и мировые, империи. Одной из колониальных целей Западной Европы была и Восточная Европа с Сибирью (Тартария), но тут Европе мешали славяне, хазары, русичи, византийцы, варяги, татаро-монголы, даже и поляки с литовцами, как и сама складывавшаяся в мучениях большая восточноевропейская государственность. И ежели в Западной Европе возникли имперские центры-метрополии, хозяйничавшие в подчиненных им колониях, то в Восточной Европе сам аборигенный центр оказывался в колониального типа зависимости (рабстве) от водружавшегося над ним большого государственного монстра. Отсюда как раз и особенное положение и весь необычный характер складывавшейся в таком вот колониально-государственном котле аборигенной русскости.

История русов-россов-русичей-русских уходит корнями в давние времена и в древние пласты человеческого бытия. Были когда-то проторусы или не были, сказать сегодня трудно, хотя язык-то, называемый ныне русским, о-о-очень древнего происхождения. Но так или иначе в среде расселившегося почти по всей (!) Европе разноплеменного славянства образовалось более или менее единообразное население, которое в какой-то исторический момент стало именовать себя (или кем-то именоваться) русами, россами, русичами, русскими. Наверное, это стало возможным (и необходимым) со складыванием в Восточной Европе единой централизованной государственности.

А до этого на восточно-европейской территории бытовали наряду или рядом с угро-финнами и тюрками разные славяне, часть из которых вполне можно отнести сегодня если не к проторусам, то хотя бы к предрусам, ибо именно из них, пусть и со смешением с угро-финнами и частично с тюрками, образовалось в дальнейшем собственно русское племя. И были эти предрусы натуральными ведо-общинниками со своим духовным, идейным, социальным, физиологическим и материальным укладом (укладами) жизни. Потом их стали называть, противопоставляя христианам, язычниками, хотя никакими язычниками они не были, а были ведистами со своими вождями и волхвами-мудрецами, как и были они в основном селянами, аграриями, лесовиками, охотниками, рыболовами. Приходилось им быть и воинами, и, надо полагать, «разбойничками» (предказаками), что заставляло и позволяло им

иметь крепостцы с крепостями да городки с городами, и князей с дружинами, и главарей-атаманов с братвой, даже кое-какую государственность. Не обходились они без ремесла и торговли, как и без систематической обороны своих земель и без грабительских и отомщенческих походов в иные земли.

И что очень важно: именно тогда в седой древности, в незапамятные времена, в дорусском этнонаселенческом раздолье и была заложена... *русскость* (когда-то *предрусскость*), которой и довелось затем идти по восточноевропейской истории, изменяясь и сохраняясь, становясь вроде бы другой, но оставаясь... все той же: древней, исходной, первоосновной, субстанциальной, корневой, натуральной, ведической, языческой, инаковой, инородной, иномирной, в общем — не *этой и не той*: ни вполне рюриковской, ни вполне византийской, ни даже вполне христианской, ни тем более ордынской, европетровской, немецкой или латинской, ни тем более «интернациональной», ни даже советской, ни, само собой, либерал-глобалической.

И ежели так, а очень похоже, что именно так, то, превращая славян-предрусов, включая и угро-финнов с тюрками в русов, россов, русичей, русских, а теперь вот и россиян, причем не просто превращая, а и усиленно при этом гнобя, поработывая и эксплуатируя, так называемая российская, а на поверку не такая уж и российская (русская, росская, русическая, русская) государственность (какая угодно: хазарская, норманнская, византийская, христианская, ордынская, святорусская, европетровская, немецкая, цезарероссийская, «советско-социалистическая», либерально-глобалическая, она же и криминально-компрадоро-буржуазная, но только не собственно русо-русско-российская), эта-то *над-пара-псевдо-русско-российская* государственность, сама бесконечно меняясь и экспериментируя, выделала из коренного населения именно то, чем это коренное население нынче и является — «матрешку», в глубинной сердцевине которой как сидел, так и сидит, поеживаясь, отмахиваясь и отбиваясь, но и вынужденно при этом приспособливаясь к внешнему на себя давлению, этот самый *проторус*, да-да, именно так — проторус, он же когда-то и предрус, но настолько и всю битый историей, отчего и предстает сегодня уже не предрусом, а именно *проторусом* — метафизическим прообразом-предком нынешних русских, ищущих и не находящих себе места в искореженной совсем уж нерусскими реформами современной России.

Очень любопытная получается картина: русский человек, будучи в своей вроде бы стране, а на самом-то деле не очень-то и в своей, не находит для себя полноценной во все стороны реализации — и не столько по причине оттеснения в некую незримую этнорезервацию, сколько в силу своей собственной неадекватности бытующему вокруг

него цивилизационному контексту. В своей вроде бы стране, да вот явно не в своей тарелке! Достаточно уникальная ситуация: русский мир, который для русского человека вовсе не такой уж и русский, скорее даже — нерусский, — и никто давно уже и не знает, каким же должен быть этот русский мир в своей достаточно полной адекватности русскому человеку, который ухитряется быть и оставаться не слишком-то адекватным... даже... самому себе?

Бытует, не бытуя; хозяйствует, не хозяйствуя; живет, не живя!

Жизнь как беспробудное тягло; хозяйство как непрерывный и злостный принуд; бытие как бесперебойное небытие.

Нежить, нестрой, небыть!

Нет, конечно, и жизнь была и остается, и кое-какое устройство имется, и даже сносное бытие как-то выстраивается, но... все это очень и очень *вопреки* — вопреки всему: сменявшим друг друга цивилизациям и государствам, откуда-то бравшимся законам и конституциям, всяким там князьям, царям, императорам, вождям, боярам, аристократам, дворянам, купцам, предпринимателям, кулакам, преображенцам, жандармам, партийцам, энкавэдэшникам, чиновникам, менеджерам, администраторам, как и идеологиям, политикам, экономикам, хозяйствам, культурам и антикультурам, литературам, театрам, кинематографам, газетам и журналам, телевидениям, а также безмерным эксплуатациям, рабствам, унижениям, притеснениям, преследованиям, издевательствам, несправедностям, пыткам, арестам, отсидкам, уморениям, казням, не говоря уже о нашествиях, войнах, грабежах, разорениях, пожарах, уничтожениях, экспроприациях, чистках, угонах в полон, бегствах, эмиграциях, высылках... о-о!.. всему-всему, включая и таких искателей чужеземной выгоды, как степняки, хазары, варяги, рюриковичи, византийцы, греки, ордынцы, немцы, свеи (шведы), литовцы, поляки, литовцы, турки, запорожцы, крымчане, кавказцы, европейцы, латинцы, глобалисты... в общем — мало ли кого из тех, кто всегда зарился и до сих пор зарится на русские земли, русский люд, русские подземные кладовые, не обильную растительность и живность, на свежую русскую природу, на безграничное российское пространство.

И вот все вопросы тут... к *государственности*, да-да, именно так — к государственности, а не к чему-то или кому-то еще, ибо тысячелетняя вроде бы восточноевропейская государственность произвела на свет много чего, кроме, однако, одного — *свободы*, разумеется, цивилизованной свободы, ограниченной, регулируемой, умеренной, но... СВОБОДЫ все-таки, а не тысячелетнего даннического и любого иного, вплоть до морального, РАБСТВА.

Гнет, насилие, деспотизм, произвол, армейщина, тотальная крепость!

И ежели свобода, то уж как воля вольная — бегство, анархия, разбой, восстание, либо как вынужденность — вопреки, как чудесное сказочное мгновение, как блеснувшая во мраке молния.

А ведь были в истории проторусов, может, и не самые счастливые, но зато вполне недеспотические времена, как раз те самые — общинно-племенные, догосударственные, дофеодальные, дорюриковские, довизантийские, а также, увы, дохристианские, то бишь *ведические*. И поскольку *вопреки*, то вопреки как раз всему этому *тысячелетнему*, как и благодаря всему тому, что сохранялось в людях из *до-тысячелетнего*. Ах, этот архетип — молотый, перемолотый, но... сохранившийся и все время воспроизводящийся, ибо он от начала, от основы, от корня, от вечности, от Бога, а все остальное — от времени, от ситуаций, от цивилизационных проектов, от человека-творца, от сменявших друг друга экспериментов, ну и от тысячелетия, не выработавшего ни необходимости, ни возможности сколько-нибудь свободного и правильного относительно потребной несвободы бытия.

Отсюда и особый, совершенно и непонятный, тип человека — русского человека, со всей его инстинктивной любовью к природе и вполне разумной нелюбовью ко всему человеческому, с обязательным признанием «своих» и непризнанием себя самого, с настороженной приязнью к близким и оправданным неприятием чужаков. Не жизнь — а выживание; не хозяйство — а вынужденность; не смерть — а гибель; не мир — а антимир; не бытие — а ад! Тысячелетняя борьба за существование, но не только с природой и внешними врагами, что понятно, а и с имманентной — своей и в то же время *несвоей*! — государственностью, мало того, и с самим собою тоже, ибо отрицавшийся тысячелетней государственностью архетип был вынужден непрерывно, пусть по преимуществу и потаенно, сражаться со сменяющимися друг друга временно торжествовавшими типами, этому архетипу вполне ликвидационно противостоявшими. В итоге архетип выжил, но... обезображенный, исковерканный, изувеченный. И что примечательно: сдаваться он никогда не собирался и ныне тоже не собирается!

Только с уходом из этого мира последнего русского человека может исчезнуть и сама русскость — этот таинственный, ужасный и непереносимый этно-культурный архетип, восходящий к седой древности и все еще ждущий адекватного себе мироизъявления.

Не получилось у Рюриковичей, включая христианизированных владимировичей, хотя и шансы вроде бы были (Ярослав Мудрый со своей «Русской Правдой» и Иван III со Святой Русью — Третьим Римом); не получилось и у Романовых, хотя шансы и у них кое-какие

были на протяжении всего XIX в.; не получилось и у Ленина со Сталиным, ибо никаких шансов на свободное русское мироизъявление тогда вообще не было (даже не предполагалось); ничего жизнеспособного не получается и у нынешнего федерального режима, вполне и деспотического, и произвольного, и эксплуататорского, даже и хищнического, хотя вроде бы и либерального (если и такового, то явно либерал-криминального). Сегодня в российской государственности вообще нет ничего русского, даже и российского почти нет, очень мало и попросту национального, зато хватает гнусной антинациональной традиционности — умело воспроизведенных деспотизма и волюнтаризма, служащих главным образом местным компрадорам, присвоенцам да мировому глобалическому закулисью.

Вот и выходит, что русскость отдельно, а государственность — отдельно, и ежели какое-то между ними текущее единение, то не более, чем симбиозное, еще и при том, что государственность бесцеремонно владеет русскостью, а не русскость непринужденно пользуется государственностью, причем государственность, будучи сама не свободной, не дает и русскости стать в своем бытии и развитии свободной. И не русскость вовсе по природе своей раба; это государственность российская никак не может выйти за пределы направленного на нее же саму *про*-рабского полагания; она и русскость держит в *про*-рабском состоянии.

Могла ли ранее и может ли сейчас русо-российская государственность стать иной — непрорабской, недеспотической, непроизвольной, небезумной, и ежели не совсем уж народовластной, то хотя бы... *про*-народной, служащей не властной элите, почти сплошь для страны неудобоваримой по причинам ее хронической инородности, иносмысловости и неизбежной неорганичности, а собственно *народу*, который не тупое население вовсе, а животрепещущая воспроизводственная целостность? То у нас элита норманнская, то провизантийская, то христианская, то проордынская, то пролатинская, то проевропейская, то пронемецкая, то, не успев как следует обрусеть, либерал-промасонская, а потом и прокоминтерновская, а затем какая-то «советско-социалистическая», промарксистская, сталинская, а теперь вот либерал-глобалическая, вполне уже компрадорская, совсем уж чуждебная.

Чего не было и до сих пор нет в стране — пророссийской, не говоря уже о прорусской, элиты, — и бытует себе страна без органичной себе элиты — без своей элиты, а та, что имеет место — не только не своя (несвоя!), не только чужая, а еще и... враждебная!

Так что ежели и симбиоз государственности и русскости, пусть и не органика, то и он, знаете ли, очень уж принудительный свыше и очень уж вынужденный снизу.

Тут большая, тупая и нескончаемая русо-русская беда: разрыв между государственностью и рускостью, между народонаселением и элитой, между властью и гражданством, тот самый критически перманентный разрыв, который не просто мешает животворному общенациональному единению, но, неизбежно поощряя внутринациональный разлад, приводит к социо-политическим противостояниям, расколам, смутам, бунтам, войнам, ничем не оправданным массовым жертвам.

Хочется это кому-то слышать или нет, но вся русо-российская цивилизация со времен по крайней мере перворюриковичей держится не так на соголосии и согласии верхов и низов, своих и пришлых, «правых» и «левых», «почвы» и «плодов», самобытной русскости и заимствованной нерусскости, как на всего этого разноголосии и разногласии, а потому и не на доброй воле противоречащих сторон, а на насильии одной противоборствующей стороны над другой, в лучшем случае — на вынужденном и всегда временном между скрытно враждующими сторонами полукompромиссе.

Вот и стала бытующая в цивилизации русскость настолько противоречивой и внутренне рассогласованной, что, несмотря на достигаемый местами и временами бытовой лад (те же дворянские, крестьянские, купеческие, пролетарские, интеллигентские, даже и «советские» родовые и семейные гнезда), русскость как большая государственная социальность так до сих пор имманентно не сладилась, хотя и обогатилась, тоже, правда, очень противоречивой и внутренне весьма рассогласованной, русскоязычной и русскодуховной культурой, существующей, впрочем, как бы в параллель собственно русскости, реализующей себя более втемную, чем, так сказать, всветлую.

За свою многовековую историю русскость (проторусо-славяно-русо-россо-руссость) пережила все что угодно, кроме... победы... над собой, причем как по линии внутреннего творческого единения, так и в аспекте личного высвобождения. Впечатление, что русскость, все время вроде бы рождаясь, никак все-таки не родится: и никакая внешняя или заимствованная извне конструкторская сила, она же и сила повивальная, задачи такого рождения решить не может. Казалось бы, русскость зародилась и чуть ли не встала на ноги на той же Новгородчине, ан-нет, потребовались еще варяги-повивалы, быстренько превратившие Русь-руссость во что-то варяжско-византийское, намереваясь еще и использовать Русь-руссость для покорения даже самой Византии (Олег, Святослав, Владимир); не удалась будто бы ведо-языческая Русь (хотя почему это она вдруг не удалась?), так греко-византийское

христианство пришло в страну по согласию с ее правителями (вместо захвата Византии Русью произошло идейно-духовное покорение Руси Византией); христианство, обратившись в русское православие, весьма сродненное с проторусским ведо-язычеством, обогатило во многом русскость, но собою русскость не заменило, хотя и сделало из русскости новую русскость — православную, одержавшую в конце концов верх над Ордой, что не помешало победившей русскости — уже даже святой русскости — впасть в дикий кризис, отметившийся Великой Смутой, в итоге которой пала рюриковская Русь (тогда Московская) и явилась Русь романовская — прозападная, пролатинская, что и было подтверждено неистовым Петром I, уничтожившим остатки Святой Руси вместе с ее православной русскостью, чем вынудило русскость потесниться и уступить место как откровенной нерусскости — западнизму, так и вновь обновленной русскости — еврорусскости; романовская Россия — страна перманентного противоборства традиционной (христо-ведо-языческо-христианской, или православной) русскости с западной нерусскостью и прозападной еврорусскостью, вольно и невольно сгенерировавшей Революцию — как перманентного стремления-движения, и приведшей-таки к революции-событию, в результате чего проиграло все российское, а выиграло все евроинтернациональное, для которого любое российское, не говоря о русскости, уже не имело шанса на историческое бытие; вместе с Интернационалом на денационализированную Россию свалился советизм-социализм, пытавшийся, как и Интернационал, навсегда покончить с русскостью (получившей статус уже внеисторического-де пережитка), причем не только в идейно-духовном (архетипическом) плане, но и в плане людском, что предполагало жесткие гонения на самих носителей русскости (во всех ее проявлениях) вплоть до физического уничтожения; русскости помог выжить тогда государственный национализм, одолевший внутри страны пришлый Интернационал, вынужденно опершись на все-таки бытовавшую в стране русскость, хотя, конечно же, вовсе не ради этой последней: советизм-социализм продолжал господствовать, не давая русскости сколько-нибудь свободно задышать и целостно развернуться, чему даже не поспособствовала Великая Отечественная война с ее Победой, а ведь русский фактор сыграл в войне и победе явно решающую роль; неудобоваримый компромисс между советизмом-социализмом, владевшим государственностью, и русскостью, удерживавшей язык и часть культуры, закончился крахом советизма-социализма (коммунизма) и новым приходом в страну нового Интернационала, но уже не лево-марксистского, а правоимпериалистического, что поставило русскость, с одной стороны, перед новым ее отрицанием, а с другой — новой возможностью вынуж-

денно и как бы назло самопроявиться. Вот и выходит, что русскость, никогда в известное историческое время в своей стране не господствовавшая, периодически тем не менее усиливалась и, казалось, иной раз одерживала верх, но в силу как своей внутренней противоречивости (рассогласованности), так и противодействия ей разного рода экзо- и эндогенной нерусскости (антирусскости), устойчиво и навсегда навверх так и не забиралась, ввергаясь в очередную смуту и попадая в очередной нерусский капкан, а вместе с этим и в гонимое, подчиненное, выживательное положение.

Русскость есть, она имеет историю, пройдя через огонь, гонения, страх, отчаяние, притеснения, произвол, насилие, падения, гибель, но при этом и через стояние, сопротивление, обогащение, возрождение, подъемы, даже и взлеты, но... так и не выйдя на какой-то собственный путь, возможно, ей заведомо и не предназначенный, а ежели несмотря ни на что и вдруг предназначенный, то какой же путь, и когда может случиться его обретение?

Опять несуразные вопросы, ждущие почему-то вполне суразного ответа!

* * *

Весьма примечательно в связи с этим нынешнее положение и состояние русскости, наступившие, заметим особо, после ряда исторических поражений русскости (прозападная Смута; проевропейское «петровское преобразование»; революционный 1917 г.; предательский 1991 г.), объяснимых только в терминах *русского апокалипсиса* — то вялотекущего, то разгорающегося, то затихающего. Когда и с чего этот зловерный апокалипсис начался? О-о, тут можно предположить любую дату и назвать любые события, начиная с «призвания» варягов (та ведь еще была сделочка!). Но достаточно и беглого обзора хотя бы новой истории России, не говоря о новейшей, чтобы убедиться в наличии никуда не исчезающей апокалиптической составляющей российского бытия. Апокалипсис для России! Это не конец вовсе, а всего лишь способ бытия, когда тенденция к жизни то и дело перекрывается тенденцией к... нежизни, — и та же русскость не живет в России в полную силу, а лишь существует как-то, чему-то, конечно, служа, но не служа напрямую ни самой себе, ни своему субъекту-носителю, ни собственно России. Может, это и хорошо, так, видно, и надо, как раз в этом и состоит космическая суперзадача русскости. Именно поэтому русскость-то и столь загадочна, неясна, невыражена. Но при этом и столь... *будущна!*

Да, да, именно так — *будущна!*

Это-то всего труднее сегодня понять, когда русскость при всей кажущейся либерал-ельцинской свободе, вовсе не на плаву, а по-прежнему все там же, где-то внизу, если и не в катакомбах, то уж точно на заднем дворе, никак не в общем доме, не говоря уже о каком-либо внутристрановом приоритете или почете; она придавлена, активно и всячески атакуема — как нечто несуразное, вредное и ненужное; русскость заслуживает ныне только порицания, хулы и отвержения, причем по всем критическим азимутам; ничто из русского не годится для новой — евроглобалической — жизни, этой последней лишь мешая и не позволяя плодотворно развернуться.

Опять конфликт: почвенной русскости и оторванной от почвы или же пришедшей нерусскости, да такой по размаху конфликт, что в пору говорить о большой этногенезисной Смуте, вновь посетившей российские края, — пусть во многом и фарсовой, ибо вокруг позорно-паразитический Постмодерн, но в то же время и вполне злодейской — что со стороны нерусскости, что со стороны самой русскости.

Позиция «родной» нерусскости понятна: чем меньше имманентной русскости, тем вроде бы лучше для взбодрившейся ныне имманентной нерусскости, представленной на острие главным образом евроглобализмом, хотя не все тут так просто, ибо очень уж для опрометчивой «родной» нерусскости опасно, остающейся один на один с еще более сильной внешней нерусскостью, способной попросту поглотить нас-всем вообразившую себя историческим субъектом доморощенную нерусскость (в российском пространстве, явно особенном по духу, смыслам и разрешениям, выживает и что-то этакое может творить только... русскость, как и приспособливающаяся к русскости, т. е. обрусевающая, нерусскость). Крайняя внутренняя нерусскость давно уже готова к полной сдаче на милость более сильной внешней нерусскости, имея даже союзников («союзничков») в собственно русской среде, хотя и сталкиваясь со вполне понятным сопротивлением в среде нерусской, вовсе не объята на 100% ненавистью к коренной и производной русскости.

Так что хотим мы этого или не хотим, но в сегодняшней России имеет место затяжная разноплановая и многоуровневая борьба между почувствовавшей вдруг возможность окончательной победы над русскостью и от того оголтелой нерусскостью (внутренней и внешней) и вынужденной стихийно и вовсе не самозабвенно держаться русскостью. Инициатива и пыл в этой борьбе за нерусскостью, в особенности, своей, вполне доморощенной, а за русскостью в целом неосознанная, разрозненная и весьма пока вялая оборона, ибо нападение оголтелой нерусскости оказалось по силе, ловкости и упорству все-таки незапным, ну и лучше организованным, а русскость не только была за-

стигнута врасплох, но и, вжата, зачищенная и ослабленная в «советско-социалистические», они же «интернациональные», времена, впала в собственный внутренний кризис — как в плане своей болезненной самоидентификации с нарушенным правом на самобытие, так и в аспекте обычного для апокалиптических времен нравственно-психологического расстройства. Русскость не только не была тогда на подъеме, но даже и на спаде — как некая все еще жизнеспособная и достаточно энергичная целостность, она, скорее, валилась в кому, причем, если и подвергалась ни с того, ни с сего окроплению святой водой, то разве лишь еще мертвой.

Реакция русского народа на обрушившуюся на него свободу, сочетавшуюся с небывало ярим по откровенности и ненависти ниспровержением присущей ему, но предусмотрительно осовковленной русскости, оказалась для этого народа одновременно как неожиданной, если смотреть на это глазами очевидца, так и вполне ожидаемой, если подойти к этому экспертно-аналитически. И хотя русскость как концептуальность осталась по преимуществу в Нави, русские люди, наоборот, Яви вовсе не покинули! Они не могли, да и не знали, как развернуть в свою сторону презиравшую их и отказывавшуюся от них Явь, но зато они в основе своей, а может, и по большей части, не только не забыли о своей генотипной принадлежности к русскости, хотя нашлось и немало на тот момент отказников, но и, как инстинктивно, так и вполне осознанно оставшись верными своим предкам, пронесшим изначальную русскость через века и сообщившим ее своим потомкам вплоть до ныне существующих, не только удержали в себе архетипическую русскость, призвав ее себе и на помощь, но и, как бы опомнившись, противопоставили свою русскость ополчившейся на них антирусскости, — и сделали это почти бессловесно и очень по-разному: как стоически цивилизованно, оставаясь, несмотря на все гадкое и злое на них свалившееся, верными гражданами фактически предавшей их страны (точнее, государства с антиотечественным правительством во главе), так и протестно-антиграждански («варварски»-де), обратившись в беспардонных негодяев, отщепенцев и пакостников, не говоря уже об отморозках, хулиганах и бандитах (кровь ушкуйная выиграла!).

В общем, явилось вдруг и то, и другое, явно хорошее и явно плохое, как, разумеется, и третье... уже никакое, генерируемое безучастностью, безразличием, трусостью, слабостью, изменой, предательством, потерей достойного лица и благообретенного исторического образа. Всякое повывлезало внезапно наружу: святое и подлое, если не подлейшее; возвышенное и угрюмо низкое; достойное и поразительно мерзкое; жизнестойкое и расслабленно погибельное. Величайшее тут случилось испытание, этакий сакрально-судный кастинг, обусловлен-

ный свободой-де, безграничем, безмерьем, но при этом и соблазнами, и прельщениями, и вседозволенностью. Время великого беспредела! Маски были сброшены и... зверь... прямо на выход, да не вон, не на задворки, а прямо на арену, в деятельность, в жизнь. Инфернализация бытия и торжество земного ада, выворот из выворотов, он же и крошечный переворот — верхом вниз и низом вверх, круговертное опрокидывание, самый что ни на есть сатанинский кульбит.

Что ж, и русские поддались на узаконенный правительством грандиозный грабеж громадного общенародного достояния, может, и не в первых рядах и не с самым большим наваром, но вполне массово и с немалой для себя выгодой. Так что и миллиардеры русские на свет явились, и миллионеры, и просто очень богатые, и в меру состоятельные, и вполне успешные, и ничуть не отставшие... на воровском празднике жизни, разумеется, за счет наивных-де, инертных, не приспособившихся, очень уж «порядочных», в общем — отодвинутых воровской мафиозной реформой на периферию грешного земного бытия, на край убогой экзистенции, а то и вовсе загнанных в мрачное небытие.

Расслоился русский мир — на выигравший верх и проигравший низ с беспроигрышной серединой в промежности, окунулся с головой как в осатаненную антирусскость, так и в осатаневшую антирусскость, хоть и не весь, не целиком, даже и наверху не весь, да вот и с русскостью насовсем не распрощался, не смог, а в значительной части своей и не захотел, даже и не собирался. Больная, искаженная, уродливая, а... *русскость*, от которой русскому миру-люду никуда, выходит, вообще-то не деться! Для кого-то это житейская обыкновенность, для кого-то спасательный круг, а для кого-то неудобные, тяжкие, но никак не сбрасываемые вериги. Нашлись, конечно, откровенные и последовательные беглецы из русского мира и даже от самой русскости (с разной степенью выскочившей удачи, как и, конечно же, подсказывающего возмездия); бытуют повсюду по миру и в самой России как бы уже бывшие русские, а теперь вот «граждане мира», «глобокочевники», а по сути-то международные «перекати-поле» да «воздушные шарик»; наслаждаются еврожизнью с ее материальным избытком и досуговым комфортом, если не самоубийственными излишествами, так называемые *новые русские* (не чета старым: предприниматели, бизнесмены, начальники, менеджеры, эксперты, специалисты, политики, как и, разумеется, ловкачи, казнокрады, коррупционеры, душепродавцы, как же без них!).

Нет, русский мир вовсе не ушел в своем людском составе в подполье, как когда-то староверы, а принял, пусть и не целиком, даже и не в основном, новую жизнь и новое для себя строение, напрочь позабыв

не только о советизме-социализме с его стремлением к общности, мере и единению, но и о любого происхождения нравственности — что ведической, что православной, что советской. Этот-то сброс нравственности, или Великая аморальная революция, оказался самым поразительным метафизическим событием российской современности: от все-таки человека к легко угадываемому человекозверю! Мгновенный, одноразовый, чуткий сброс, даже не мутация, требующая все-таки кое-какого времени и немало усилий. Не смутировал тут вовсе многие русский человек, а попросту... внезапно вылупился, прямо из себя, когда сдерживавшая его звериный нор нравственная скорлупка вдруг взяла, да и разлетелась на куски... разумеется, не без мановения кое-какой волшебной палочки... в руках... э-э... — уж не самого ли земногенного сатаны?

Так или иначе, но у русского человека, когда-то теснимого, преследуемого и гонимого, упорно и целеположенно отрицаемого, но выжившего, пережившего и продолжающего быть, вдруг появился шанс... высказаться, и он высказался, вполне радикально при этом разделившись: частью сохранив и отстояв себя, укрепив свой дух, возвысившись над собой и удержав русский мир этнически, культурно и цивилизованно; частью отрекшись от себя, своей русскости, поддавшись чарам глобализма и впав в псевдоевропейскую прелесть; частью самоистребившись, не выдержав новой экзистенциальной экзекуции; частью же обратившись прямо в зверя, начисто забыв о морали, мире, мере, о людях — предках, современниках, потомках, о культуре, стиле, такте, о законе, цивилизации, порядке, о грехе, воздаянии, возмездии, вообще о Боге, Высшем смысле, Софии.

В итоге теперь сложнейшее состояние русского мира вкупе с его глубинной рускостью, вполне и *кризисное*, да что кризисное — *апокалиптическое*, когда русский мир, пусть и особенно извне и даже изнутри не приветствуемый, отвечает уже более всего сам за себя — стоя, соблазняясь, увлекаясь и зверея, возвышаясь и падая, держась и гнобясь, продолжаясь и самоотрицаясь. И в самом деле тут Страшный Суд — мало того, что чуть ли не весь мировой контекст судит нынче русский мир, ненавидя его и любя, но и сам русский мир судит себя, тоже, знаете ли, не без любви к себе и не без к себе же ненависти. Тут уже не перестроение только, а самое что ни на есть *пересотворение*, ежели русский катарсис одолеет все-таки русскую смуту, и русский мир выйдет из смертоносной передрыги вполне позитивно и перспективно обновленным.

Главное тут не в вождах, так всегда вождельно народом русским ожидаемых, чтоб повели бы его по правильной-де дороге, которой, собственно, и нет, как нет ныне и вряд ли вообще явятся правильные и способные куда-то вообще идти к свету вожди; даже не в идее спаси-

тельной тут дело, ибо идей много и каждая либо относительна и ложна, либо никак людской средой не воспринимается, либо успешно подавляется другой идеей, столь же ложной, либо сама быстро исчезает в потоке обильного, опять же по преимуществу ложного словоизвержения; и массовое экзальтированное обращение к Господу ничего не даст, как ничего не дает тот же массовый обезжизневающий скепсис.

Здесь потребно *самопреображение русского мира*, столь же, однако, маловероятное, сколь и многонужное, — однако каких только чудес на свете не бывает, как и не случалось с русским миром, давно уже, кажется, долженствовавшим исчезнуть с лица земного!

Коварно и напрямую атакованный, униженный и ослабленный, обезумленный и раскуроченный, русский мир, приняв смертоносную дозу безнадежья, безумства и озверения, но при этом и отмобилизовав способность к стоянию, сопротивлению и самоудержанию, вовсе не сдался и уж тем более не исчез, хоть и отступил, и сжался, и отступился, и опоганился, но... выжил-таки, выжил и... идет себе и идет, без общей, кажется, цели, но идет... в будущее, которого для русскости вроде бы уже и нет — в глобальном-то мире, но, кажется, все-таки... есть — неизвестная, конечно, будущность, но разве так уж известна будущность европейства, американства или того же китайства?

Главное, что русский мир со своей давно уже проклятой-де русскостью есть, он бытует, разлагаясь, умирая, очищаясь и собираясь с силами, но вот для чего?

Нет, не для господства над другими мирами, даже не для доминирования в собственно российском (Российской Федерации) мире, а всего лишь для... *альтернативы*, еще никому, даже и самому русскому человеку, не ведомой, а мир-то вокруг уже бешеный, он втягивается в *большой апокалиптический кризис* и ему еще только предстоит всерьез столкнуться с тем, что русскому миру уже довелось не раз испытать и что он всю испытывает сейчас. Отправленный на inferнальное дно и немало от него заразившийся, русский мир, опомнившись и придя в себя, не только не остался там — в погибельном небытии, но и, немало замаравшись и потеряв часть себя, смог отпрянуть от мертвящего края, подняться и пуститься в новое историческое плавание посреди доминирующей ныне антирусскости и ей вопреки.

Русскость преодолевает сегодня и свою собственную антирусскость, все более осознавая себя несомненной исторической данностью и непреходящей экзистенциальной ценностью. За битого двух небитых дают, и русскость, выживая, приспособливаясь, теряя и приобретая, не очень еще заметно, но уже неотступно *самопреобразуется*, не без надежды и даже некоторого оптимизма вглядываясь в вовсе не такое уж светлое, но все-таки еще возможное для него и всего человечества *будущее*!

В.Д. БАЗИЛЕВИЧ

Философия экономики в системе самосознания общества

Аннотация. Автор предлагает концепцию экономики как концепт современной экономической теории, способствующей познанию сложности современного мира.

Ключевые слова: философия экономики, антропология, человек, философия культуры, хозяйство.

Abstract. The author introduces the concept of the economy as a concept of modern economic theory that promotes the knowledge of the modern world complexity.

Keywords: philosophy of economics, anthropology, human, cultural philosophy, economy.

Усложнение общественной жизни, развитие форм ее организации, смена культурных форм повышают значимость интеллектуальных достижений, т. е. интеллектуальной жизни общества, ибо творчество мыслящей личности становится «точкой» развития всей системы и перехода ее в новое качество. Научно-технический прогресс, интеллектуальное созидание предоставляют в распоряжение человека мощные силы, способные не только на дальнейшее преобразование социальной жизни, но и на наделение ее смыслом.

Однако в самосознании общества, отдельных индивидов этим тенденциям не придается должного значения, они так и остаются на обочине активной деятельности. Об этом свидетельствует тот факт, что в условиях постоянных кризисов — экономического, духовного, экологического, антропологического — человек довольно медленно меняет свой менталитет, образ жизни, систему образования, в которых продолжают действовать установки, не всегда согласующиеся с реальными вызовами времени. Решение этих проблем предполагает изменение культуры эмоциональных переживаний, ценностных ориентаций, а тем более способа мышления как в индивидуально-личностном, так и в общественном масштабе.

Важнейшими средствами ослабления напряжения этих проблем, последовательного и терпеливого их решения являются культура, образование, наука, искусство и особенно — философия. Но для этого она и сама должна пройти «курс изменения» своего самосознания, сблизив предметное содержание научно-образовательной деятельности с аксиологической направленностью, введя антропогуманистические критерии в оценки результатов своей деятельности.

Предметное обеспечение образования — это, прежде всего, задача конкретных наук, решающих, что ныне должно входить в их «основы». Здесь и возникает место для *философии экономики*. Образование в целом есть поле комплексных исследований, междисциплинарного подхода и всеобъемлющего анализа, поскольку оно является системным объектом, и системны его основные проблемные ситуации. Для философской же рефлексии как нет особых «объектов» внутри этой системы, так нет и запретов — любая область отношений мира и человека может стать проблемой философского осмысления, однако под определенным углом зрения и со специфическими мировоззренческими и методологическими целями, а именно, связей «частностей» с общей картиной мира, необходимой человеку для ориентации в нем и построения адекватных систем практического действия.

Формирование понятия «философия экономики» становится следствием расширения образовательно-культурного пространства и дифференциации философского знания. Основания этой дифференциации были начаты в теоретическом дискурсе баденской школы неокантианства Г. Риккертом и В. Виндельбандом, которые сформировали общие принципы философии культуры как специфической области исследования и осуществили обоснование ценностного плюрализма как источника качественно новых направлений философского анализа. Становление собственно философии экономики, таким образом, произошло в контексте общекультурного процесса формирования методологий комплексного анализа социоэкономической реальности и «средствами учета потенциала синергетического эффекта взаимодействия разных научных дисциплин, и формирования их средствами нового результативного знания как фундамента научных концепций и теорий» [1, 9].

Практика реальной жизни свидетельствует, что смысловой потенциал философско-экономических исследований в современном обществе выходит далеко за пределы научно обоснованного экономического знания, демонстрируя, что «четкая рациональность должна дополняться социальной мудростью, в частности экономической, которая иногда имеет иррациональные измерения, такие как традиционность, моральность, духовность и пр.» [1, 8]. Как известно, рациональность без философской духовности теряет свое антропогуманистическое назначение.

Можно поставить вопрос: обладает ли философия экономики особым предметом, а соответственно и способом философской рефлексии, особым категориальным аппаратом, чтобы претендовать на особое место на общем «древе» философского знания, подобно классическим философским дисциплинам: онтологии, гносеологии, логике,

аксиологии, этике, эстетике, философской антропологии и т. п? По-видимому, это все-таки более частная сфера, которая может, например, образовываться в рамках социальной философии, по тем же основаниям, что и философия техники, философия права и пр. Однако многие проблемы философии экономики граничат с логикой и гносеологией, онтологией и аксиологией, этикой и эстетикой, философскими концепциями человека и т. п., поэтому проблемное поле ее сложно-системно. «Философия экономики есть философия специфического раздела культуры. И в этом плане она, базируясь на результатах частных (в том числе экономической) наук, должна ответить на онтологические и антропологические вопросы: “куда” и “зачем” развивается нынешняя экономическая ситуация и какова ее социально-аксиологическая направленность. В этом плане пока делаются лишь первые шаги» [2, 7].

В этом контексте необходимо методологически разделить философию экономики и экономическую философию. Философию экономики можно считать системой мировоззренческого анализа экономических знаний, что позволяет определить сущностные характеристики экономических явлений и процессов, а также меру социально-практической эффективности всего многообразия экономических концепций в их конкретно-исторических проявлениях. Экономическая же философия — это методологически отличная от философии экономики область знания, которая является системой последовательного обоснования той или иной экономической позиции как ценностной основы социально-экономического развития общества. Соответственно в качестве предмета философско-экономического анализа выступает «экономическая деятельность человека, смысл, цели и ценности его экономического поведения» [1, 11], а объектом — его экономическая деятельность.

Непосредственным поводом появления философии экономики стала необходимость осмысления усложняющегося социокультурного бытия человека в современном мире — в XXI в., предполагающем окончательную смену индустриального (экономического) общества информационным, постиндустриальным. Это изменяет системы деятельности, адаптации и выживания человека в новых условиях. Наблюдая и осмысливая результаты и последствия своей рациональной деятельности, человек оказался в ситуации, не адекватной его ожиданиям, с которой он не может пока справиться, опираясь на полученный в системе образования и культуры багаж знаний и способностей. В этом контексте вопрос нужно поставить следующим образом, считает В.С. Степин: «Если мы говорим о видах социальных организмов как о цивилизациях, то недостаточно рассмотреть только лишь,

как организована их экономическая жизнь. Нужно саму экономическую жизнь понять с точки зрения доминирующих культурно-генетических кодов, базисных ценностей соответствующих цивилизаций» [3, 18].

Данный культурно-генетический код выступает информационной структурой, которая играет роль, аналогичную роли генов в развитии биологических видов. В качестве таких структур выступают базисные ценности культуры, частью которой является философия. Они представлены категориями культуры, мышления, мировоззренческими универсалиями, на основании которых функционирует и развивается огромное количество социоинтеллектуальных программ человеческой деятельности, поведения и общения, представленных в виде различных кодовых систем и составляющих «тело культуры». Мировоззренческие универсалии выполняют в жизни общества такую же функцию, как гены в живом организме. Они организуют в целостную систему сложный набор различных феноменов культуры и выступают в качестве базисных структур социокода, играют роль своего рода ДНК социальной жизни.

Смыслы мировоззренческих универсалий (категорий «природа», «космос», «пространство», «время», «человек», «свобода», «справедливость» и т. д.), формируя целостный образ человеческого жизненного мира и выражая шкалу ценностных приоритетов соответствующего типа культуры, определяют, какие фрагменты из непрерывно обновляемого социального опыта должны попасть в поток трансляции, а какие — остаться вне этого потока, т. е. не передаваться новому поколению и не играть сколько-нибудь важной роли в его становлении. Тем самым «они определяют, какие знания, верования, ценностные ориентации, целевые установки, образцы деятельности и поведения будут преимущественно регулировать поведение, общение и деятельность людей, формировать их социальную жизнь» [3, 18]. В этом отношении функционирование универсалий культуры действительно весьма похоже на роль ДНК как своеобразной матрицы синтеза белков и других веществ, из которых построены клетки и многоклеточные организмы, матрицы, определяющей основную структуру и функции этих организмов. «Система мировоззренческих универсалий — это своеобразный культурно-генетический код, в соответствии с которым воспроизводятся социальные организмы. Радикальные изменения социальных организмов невозможны без изменения культурно-генетического кода. Без этого новые виды общества возникнуть не могут» [3, 18].

В этом контексте философия экономики может рассматриваться как область «социально-философского знания, сущность которого раскрывается в исследовании структуры экономического сознания и специфики экономического мышления современного человека, а также

условий, средств и механизмов принятия максимально эффективных экономических решений и формирования их средствами позитивных социальных эффектов» [1, 12]. Другими словами, философия экономики выступает своеобразным социокультурным генетическим кодом, методологические и мировоззренческие функции которой позволяют позиционировать ее в качестве теоретического основания организации социальной и экономической деятельности.

Все это побуждает к более глубокому изучению человеческого потенциала в экономической жизни с учетом форм его интеллектуально-культурного бытия, накопившихся изменений с целью создания защитных механизмов от разрушительных сил социальных катастроф и культурного безразличия в историческом аспекте. Ведь в оценке экономических школ и направлений, их ответах на экзистенциальные проблемы жизни человека принципиально важны исходные позиции, а именно: в какой целостной социокультурной, исторической и национальной среде существует и развивается та или иная система экономических идей? Это предполагает классификацию и отбор предметного содержания экономических знаний, обеспечивающих информационный багаж и развитие личностных способностей, а также аксиологическое, смысло-жизненное обоснование мотиваций деятельности, предлагаемые тем или иным мыслителем-экономистом. Или, как говорит Р.Л. Хайлбронер, «философом от мира сего». Экономисты всегда вели исследования. Идеи, с которыми они выступали, с которыми имели дело, в отличие «от идей великих философов, играли заметную роль в нашей повседневной жизни; казавшиеся им нужными эксперименты, не могли быть проведены в тиши лаборатории. Теории великих экономистов потрясали мир — а их ошибки оказывались для него губительными» [4, 17]. Важно учитывать и тот момент, что «превращение их еретических мнений в образец здравого смысла вкупе с их же обличением «здрового смысла» как набора предрассудков были «важнейшими элементами при строительстве интеллектуального здания современной жизни» [4, 17]. Все это предполагает изучение философских смыслов каждого экономического учения в истории их развития.

Литература

1. Глушко Т.П. Філософія економіки у структурі сучасної гуманітарної освіти. К., 2008.
2. Мясникова Л.А. Экономика постмодерна и отношения собственности // Вопросы философии. 2002. № 7.
3. Степин В.С. Философия и эпоха цивилизационных перемен // Вопросы философии. 2006. № 2.
4. Хайлбронер Р.Л. Философы от мира сего. М., 2008.

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ

Мифы — софийные вести философии хозяйства

Аннотация. Анализ провиденциальной метафизики мифа, дающего софийную экспертизу четырем проектам хозяйствования (прометеевскому, героическому, антропологическому и софийному); четырем типам системного хозяйственного ума; четырем исследовательским ориентациям хозяйства; четырем социально-властным императивам хозяйства. Миф доказал, что человек приемлем лишь для софийного проекта, имеющего целью Царство Божье, т. е. построение человеком своего Дома на земле по священной мере мудрости. Миф доказал эту аксиому идейно, образно, событийно и практически. Мифы открыли земледелие, скотоводство, ремесла, строительство, металл, корабли, язык, календарь, семью, полисы, мораль; вся последующая культура, религия, наука и практика лишь развивали аксиоматику мифа, ничегошеньки жизнотворного в нее не прибавив. И сделаны были эти открытия не вслепую, а посредством высшего знания Софии-мудрости, указующей сакральные пути человеку и миру безумствующим.

Ключевые слова: миф, София Премудрость Божия, философия хозяйства.

Abstract. In the article the author analyzes the providential metaphysics of the myth, which gives expertise to four projects of economy (Promethean, heroic, anthropological and Sophian), to four types of systematic economic mind, to four research orientations of economy; to four powerful social imperatives of the economy. Myth proved that human being is acceptable only for Sophian project, which is led by the aim of the Kingdom of God, namely, human being aims at building of his Home on the Earth of sacred measure of wisdom. Myth proved this axiom ideologically, figuratively, through event and practice. Myths discovered agriculture, livestock, handicrafts, construction, metal, ships, language, calendar, family, policies, and ethics. All the further cultures, religions, science, and practice only developed axiomatic of the myth, adding nothing life-giving at all. And these discoveries were made not blindly, but through higher knowledge of wisdom-Sophia, which points out the sacred ways to the human being and the world of madness.

Keywords: myth, Sophia-Wisdom of God, philosophy of economy.

Есть феномен настолько необычный и уникальный, что он смог найти себе прибежище лишь в русской ноосфере. Речь идет о *философии хозяйства*, которую лучше зачислить в сообщество ноуменов —

познаваемо-неизвестных и непознаваемо-известных реалий мира сего и не совсем сего.

Ядро, перводвигатель философии хозяйства содержит в себе тайную¹ интригу жизни человеческой, что запечатлела мудрость сказочного мира: «Пойди туда — не зная куда, принеси то — не зная что». Но мудрость не приемлет умственное тунеядство, а потому не открывает до конца свои императивы, требуя от твари извлекать из своего серого вещества недостающие звенья-смыслы. Поэтому в целом виде формула мудрости гласит: *«Пойми то — не зная что; пойди туда — не зная куда; сделай то — не зная что; принеси то — не зная что; отдай тому — не зная кому; получи сполна за то — не зная за что; вытерпи все — получи самое важное из всего»*. Но это и есть смысловая формула философии хозяйства, онтология ее тайны, ее послание человеку, ее целевая причина. Имеющие ум, да уразумеют слово софийное!²

Поэтому в определении предмета философии хозяйства недостаточны стандартные общенаучные и логические методы дефинирования. Предмет философии хозяйства не определим в смысловом пространстве родо-видовых отношений, ибо хозяйство и философия суть предельные роды, которые являются и определяемыми, и определяю-

¹ А тайна — это не «секрет», не сокрытое и запрятанное; тайна — это то, чего как раз и сокрыть нельзя, что открыто сверх всякой меры, как ярчайший свет, ослепляющий человека, не видящего того, что ясно видно и чего нельзя не видеть, даже приложив огромнейшие усилия для того, чтобы не видеть. («Как трудно видеть то, что ясно вижу» (Шекспир)). Тайна — это благостный аноним бытия, который открывается только тогда, когда это нужно миру и когда мир сам в лице своих Лучших открыт для него; тайна не открывает себя недостойным, ибо это убивает охраняемую ею реальность. Тайна — это необходимое условие мысли, смысл миротворный и ноосферный; тайна порождает и сохраняет мысли, которая есть дети тайны, призванные чтить своих родителей и не раскрывать их благой таинственности. Просветители считали разум выше тайн, а в тайнах видели не онтологию, а обманы, не замечая, что как семени для прорастания нужна темнота, так и для мысли, так и для любви — тайна, а не научная наглость. Наука пытается вскрывать тайны, не зная тайны и целей своего собственного бытия, тайны самой тайны. Тайна охраняет бытие от агрессии Гогов и Магогов, теней и призраков, юмористов и финансистов, паразитов и динамитов, артистов и демонистов, симулякров и артефактов. Итак, да здравствует тайна и Таинства — источник побеждающих надежд!

² Мысли и смыслы не разрушаются, ибо в них и посредством них дышит вечная жизнь. Мысль всегда мыслит самое себя, а потому мышление всегда работает как целое, а не как часть. Поэтому мысль хранит в своей идеальности все поврежденные органы, способности души и тела в их исходном здоровом состоянии.

щими, и определителями, и самоопределениями. Родо-видовое *определение* признает высшие начала, превосходящие любые роды и *определения*, и низшие начала, не доросшие до *определений*. Бог, идеи, мир, София, творчество не определимы, не имеют пределов, выступая только в качестве определяющих субъектов, а хаос, ничто, бездна — безродные и безличные муки стихий, действующие вне рода, индивида и вида. Поэтому и философия хозяйства есть и определяющий род, и определяемый вид, и определенная единичность, и неопределенная софиореалия; поэтому ее определение возможно лишь в сфере софийного разума.

Можно подвести философию хозяйства под категории: «процесс», «деятельность», «феномен», «структура», «бытие» и др.; но в отношении философии хозяйства эти реалии сами являются видами и не раскрывают ее специфики. Да и философия — это не вид мудрости, а ее проявление в человеке.

В определении философии хозяйства непродуктивны сравнительные методы, ибо, сравнивая, скажем, ее с экономикой, мы измеряем несоизмеримое; мы сопоставляем хозяйство-род и хозяйство-вид с неизвестными смыслами метафизики, которая высказывается в ней языком философии. Сравнить философию хозяйства не с чем, как не с чем сравнивать иррациональные числа в математике, что не мешает им эффективно работать во благо рациональных измерений. В философии хозяйства работают иррациональные феномены, движимые софийным *ratio*, благостную мудрость которого нужно постичь.

В понимании философии хозяйства нужно учесть существенную роль *четырёхзначия «пост...»*, отвергающего любые методы, определения, само знание, заменяя их игровыми алгоритмами. Постмодернизм доказывает, что все наработанные науками и культурой методы и принципы порождают не понимание, а самообман и наукообразное невежество, в рамках которого *индивид* становится *дивидом*, врагом самого себя, неосознанно превращая себя в нечеловека. Нужна *деконструкция* всех методов, интерпретаций, определений, логики и самого субъекта, чтобы выявить те прасмыслы, которые отверг научный прогресс, заменив их интерпретациями, истолкованиями, похоронив в них истинное первознание-оригинал. И в философии хозяйства *деконструкция* должна выявлять ее первичные, софийные и миротворные смыслы.

Логические определения зависят от общей парадигмы науки, которая сначала жестко разделяет субъект и предмет, а затем безнадежно ищет их порушенное единство. Философия хозяйства не отвергает точности, логичности, теоретичности, системности, упорядоченности,

научности; она лишь выявляет в них высшие смыслы метафизики (жесты «невидимой руки» Адама).

Но философия хозяйства обнаруживает и внутреннюю ограниченность самого определения, которое не устанавливает пределов своей определяющей работе, не знает пределов своих же пределов³. Ведь всякое определение ставит предел не только изучаемому предмету, но и самому субъекту, ограничивая его умственность. А ведь мир, все вещи не только имеют пределы, но в них бушует и беспределье дикой вольницы. И когда ученые самозабвенно пытаются определить это беспределье мира, то возникают незаконные пределы, которые становятся «диктатурой предела, беспощадно приканчивающей не только определяемое, но и самого определяющего» [1, 29]. В простейшем определении: «Собака есть животное», мы примерно знаем, что есть собака, а вот что есть «животное», вне единичного бытия, вряд ли кто скажет что-либо внятное. Животное — это абстракция, в которой таится ничто, пустота, незнание, отрицание всякой формы.

Выходит, что логические определения внутренне заряжены саморазрушением, отрицая самих себя и все *определенные* ими формы. Выходит, что все научные дефиниции не изображают содержание определяемых предметов, а искажают, отрицают его. И фактически определить любой предмет означает обречь себя на непонимание, избавиться от размышления о смыслах, ступить на тропу обезумливания, деинтеллектуализации.

Встает вопрос, с какой целью это делается, кому это выгодно и нужно? Врагу рода человеческого и его комиссарам в науке и в образовании? Человеку нужны знание и понимание, а применяемые им методы определения порождают незнание, непонимание; эти методы своими определениями подавляют животворные смыслы определяемых вещей, эксплуатируют эти смыслы в целях умножения незнания и непонимания в масках научного знания. Постмодернизм прав со своей деконструкцией, требующей переопределить все определения и обратиться к первосмыслам мира и вещей.

Философию хозяйства определить стандартами существующей науки и философии невозможно. Поэтому она имеет свою целостную логику, свое учение о доказательствах и определениях, но она оперирует и неопределенными, неопределимыми и неопределяемыми факторами, смиряя себя перед волей метафизических смыслов и реалий.

³ «Determinatio est negatio» (Б. Спиноза); определение по сути есть отрицание целого во имя выгоды частей.

Первую логику философии хозяйства, наиболее точный и адекватный метод определений, как и другие методы⁴, выработал миф, хранящий в себе целостность мира, человека, разума. В античной мифологии реальность представлена Большим, Малым и Средним космосом. В Большом космосе царит гармония, в Малом бушует хаос, в Среднем космосе, который представляет общество, царят противоречия и войны. Миф определяет любой предмет в качестве особого *мира (космоса)*, в котором действуют и другие *миры космоса*. Каждый предмет есть особый целостный мир, в котором есть и гармония, и хаос, и противоречия, и войны. И частью любого предмета является алгоритм его самоопределения в качестве единства определяемого, неопределяемости и беспределья. Не только нации, но и всякий предмет жаждет самоопределения.

И философия хозяйства есть Средний космос, целостный мир, который действует и как предмет, и как субъект, и как метафизическая «рука»; а все вместе творят чудный и неведомый хозяйственный мирокосмос.

Христианская методология использует апофатические (отрицательные), катафатические (позитивные) и демонические определения. В апофатических определениях мир, вещи не соответствуют своим оригиналам, и это несоответствие отрицает их автономию, толкает их на путь поиска своих сакральных истоков. В катафатических определениях мир и вещи содержат в себе свои высшие смыслы, которые выявляют философия, теология и науки. Демонические определения указывают, что в мире и в его обитателях есть нечто чуждое, враждебное им, что они должны подчинить своим нуждам.

Определительное понимание философии хозяйства близко к христианской методологии. Философия хозяйства есть форма откровения, выражения Премудрости Софии Божественной, созидающей идеи и смысловые дома для вещей. В философии хозяйства работает софийная метафизика, ведущая ее путями меры и справедливости, охраняя ее от падения в беспределье экономизма. Наконец, философия хозяйства осознает и то, что в хозяйстве скрыто антихозяйство, служащее князю мира сего — экономизму, который без хозяйственных дотаций не состоялся бы. Философия хозяйства требует от своих адептов быть мудрыми, как змии, и простыми, как голуби, чтобы князь мира сего и работал на этот мир, а не использовал его в целях мира инфернально-

⁴ Дж. Вико полагал, что «первая наука, которой нужно научиться, — это мифология, т. е. истолкование мифов» [2, 44]. Технически определение сравнимо с записью на кассету мозга кассеты предмета, переполненной смыслами.

го. Нужна и голубиная простота для восприятий чистоты софийных смыслов.

В философии хозяйства любой предмет не имеет определений от субъекта, ибо каждый предмет уже сам по себе есть определение Бога, данное через Его Софию Премудрую. И философия хозяйства не имеет предмета определения, она сама уже есть о-предел-енная «субстанция-субъект»; и эта субстанция сама себя определяет в человеческом мире. *Определение есть размышление, вернее, раз-мысл-ивание предмета, выявления всей целостности его смыслов.* Определение не дает пределов предмету и субъекту, не ограничивает их, не отрицает их в общих абстракциях, а задает смысловой алгоритм размышлений о нем. Содержание философии хозяйства определяется через размышления, рассуждения, в которых бьется сердце ее правды.

А сама философия хозяйства есть средний мир космоса, жизни людей. В качестве такого мира философия хозяйства выступает и как предмет, и как субъект-демиург, и как цельное знание, охватывающее метафизику знания-оригинала, практическую смыслологию знания и системно-теоретическое знание-понимание. Связаны все эти аспекты философии хозяйства размышляющими определениями и обобщениями.

Но философия хозяйства представляет собой не просто мир человеческий; она опирается и на тот факт, что мир этот не только есть, не только реализуется, изменяется, развивается, но он еще и продолжает твориться Богом, Софией Премудрой, хозяйствующим субъектом. Этот мир еще и досотворяется, пересотворяется, выдумывается, проектируется, воображается, виртуализируется, инфернализируется человеком, дьяволом и Големом, извлекается ими из глубин сознания и бессознания, рискуя утонуть в хаосе, энтропии, бездне. Для философии хозяйства мир есть сложное взаимодействие завершенных, свершающихся, незавершенных и бифуркационных реалий.

Но какой именно проект несет в себе динамика хозяйственного мира? Кто автор этого проекта? Что сулит человеку этот проект?

Философия хозяйства сама по себе есть драма некоей идеи, ибо всякая идея есть драма, если не трагедия, идеальных ценностей в мире материальных субстанций, коварных информаций, свирепых инфернаций и проклятых имманенций. Завязкой этой драмы стали возникновение и грехопадение человека. Единственным зрителем и свидетелем этой драмы была мифология⁵, которая дала первое описание различ-

⁵ «Тот, кто взором не проникнет
В толщу трех тысячелетий
К темноте, как крот привыкнет,

ных проектов хозяйства, указала их эсхатологические перспективы, их авторов. Миф видит отличие человека от животных в его умениях, которые являются источником, движущей силой хозяйствования. Древние выделяли *техно-ремесленные, социальные, властные, мусические и моральные* умения человека. Животные ограничены данным, а человек постоянно развивает свои умения, порождает новые. Есть даже некий закон самовозрастание этих умений и способностей.

Кто является автором этих уникальных творящих сил человека? Куда они ведут и приводят человеческий мир?

Мифология, в отличие от науки и философии, дает полный ответ на эти вопросы, созерцая начала, описывая середину, показывая воочию итоги этих хозяйственных деяний. Миф выделяет четыре проекта хозяйствования.

Прометеевский, inferнальный (постмодернистский) проект. В рамках этого проекта автором человеческих умений и дарований является Прометей. Но вот чему именно научил людей опальный и коварный титан?

Еврочеловек спроектирован и создан Прометеем, ставшим факелом- символом европейской цивилизации. В Античности Прометей, несмотря на все усилия Эсхила, почти не занимал олимпийцев и людей; он даже не участвовал в Троянской войне. Карьера Прометея началась с Возрождения, Просвещения и социализма, деятели которых считали себя титанами. Для Маркса «Прометей — самый благородный святой и мученик в философском календаре» [3, 25]; атеист, а благородство и святость нашел в религии?!

Каковы же деяния этого благородного и святого мученика?

Имя «Прометей» производно от индоевропейского корня *me-dh-*, *men-dh-*, «размышлять», «познавать» и буквально означает «предвидящий», «мыслящий прежде». Поэтому Прометею Зевс велел то ли сотворить первый род людей, то ли сделать антропологический макет человека. (Есть две версии этого мифа.) Но Прометей должен нести вину за качество созданных им самим или же созданных с его помощью европейцев. Что же это за люди?

Однажды Зевс инкогнито решил проверить, насколько эти люди блюдут правду и закон. Инспекция Зевса завершилась антропологической катастрофой. В облике старца Зевс посетил царя Ликаона. Сыновья царя приготовили Зевсу угощение: зарубили своего брата Никтима, смешали его печень с потрохами овец и сварили для небожителя суп. Они догадывались, что к ним пришел бог, но решили все же устроить старцу кулинарный тест. Зевс все понял и решил, что людей,

Век живя на белом свете» (Гете).

способных на такие мерзости, следует уничтожить. Но Прометей пожалел несчастных людей и спас их от гибели, подарив им якобы украденный у богов огонь. Да, бедные люди! Изверг Зевс! Но дело здесь вовсе не в огне. Супчик-то Зевсу Ликаон варил не на газовой или электрической плите, а на обычном огне, т. е. люди уже до Прометея знали огонь. Не огонь Прометей дал людям, а научил их свершать чудовищные преступления, завоевав популярность у европейцев именно своим богоборческим гуманизмом и демонизмом. Зевс свершил свое правосудие, но Прометей спас часть этого кулинарно извращенного рода.

Новых людей создали Девкалион (сын Прометея) и Пирра (дочь его брата, Эпитемея от Пандоры). И опять почему-то Прометей уже через своего сына и родственника участвует в создании нового поколения людей.

Прометей не бескорыстен в отношении людей и движет им не жалость к ним. Так, Эсхил сообщает, что Прометей отнял у людей их изначально провидческие знания, заменив их гаданиями и надеждами, оружием и убийствами. Прометей — еще и отец PPa. Уже в войне титанов с Зевсом Прометей понял, что правдой, как и грубой силой, власть Зевса (да и любую власть) не свергнуть. Нужны хитрость, обман, коварство, лицемерие, провокации. Поэтому он предал своих сородичей-титанов в их войне с Олимпом и присоединился к Зевсу, когда его победа была уже предрешена.

Но есть у Прометея свой проект человека хозяйствующего, по которому он обучает людей ремеслам, строить дома, корабли, письму, числам. Он обучил людей безбожию и кощунству, колдовству и общению с Аидом, обманывать богов. Прометей владел демоническим искусством фабриковать пиарные подобию мысли и незримо манипулировать сознанием людей. Он владел каким-то вариантом иллюзорного бессмертия; он умел отучать людей от сознания, заменяя его призрачными ритуалами. Прометей открыл закон, согласно которому самыми лучшими средствами захвата и удержания власти являются преступления, хитрость, вообще, пороки. Ведь не зря европейцы признали его своим духовным прародителем!

Но он не мог дать людям начал порядка и морали для жизни в обществе. Чего стоит один супчик царя Ликаона! Имеет ли будущее человеческий род, который все умеет, кроме... жить с себе подобными. И эти люди, наделенные Прометеем техническим разумом, начали в войнах истреблять друг друга. Создав людей, Прометей заложил мину замедленного действия, которую люди с необходимостью через хозяйство приводят в действие. Зевс истребил воспитанников Прометея. И не помогли им огонь и все искусства подлого титана.

Кроме каторжной ссылки коварного титана на Кавказ, Зевс вынудил брата Прометея, Эпитемея, жениться на красивой, но глупой и любопытной Пандоре. И Прометей, обманувший самого Зевса, не нашел ничего лучшего, как собрать все беды людей в один сундук и оставить его на хранение Пандоре, строго-настроено наказав не открывать его. Понятно, что Пандора открыла сундук, а человечество получило сполна за свое злонравие. Остались в сундуке лишь надежда и мечтания. Эти душевные силы Прометей оставил людям, чтобы они сами творили свою гибель. После катастрофы с сундуком Пандоры человечество было обречено на гибель. Но технический интеллект Прометея плюс помощь демонов-виртуалов отсрочили этот приговор.

Однако весь богоборческий лик Прометея не может скрыть страх, который движет его действиями. Прометей в глубине своего олимпийского атеизма чувствовал, что его путь губителен, ибо ведет частное к отрыву от целого. И в своем бунте он прошел этот путь в ничто до конца. Зевс спас его от физической гибели; но Зевс не мог спасти его от духовной гибели. Поэтому западный человек даже в эпоху Возрождения, вдохновленный Прометеем, творил не от избытка жизни, а от страха смерти. Микеланджело жалуется: «Мой жалкий гений, извлечь, любя, способен смерть одну».

Прометей выступает как некий космический экспериментатор над людьми. Зачем они ему нужны? Чего он хочет от них? Ведь каждый раз его помощь оборачивалась тем, что люди истреблялись Зевсом или же сами неслись к своей гибели. Зевс обвинил Прометея в демоническом волюнтаризме. Именно Прометей учил, что все проблемы разрешимы путем усиления мощи субъекта новыми материально-вещественными орудиями, хитроумием и расчетом. Но если вначале огонь спасает людей, то в итоге этот же огонь без правды их же и погубит. И кризис XXI в. питается избытком огня и недостатком справедливости.

В целом, хозяйственный проект Прометея учит человека преодолевать волю богов, природы, самого себя. Зачем? Чтобы стать виртуально-инферральными существами и переселиться в Аид? Чтобы стать живоподобными тенями титанов, вечно терзаемых муками за свои неправедные деяния? Прометей видит назначение человека в том, чтобы вечно протестовать, бунтовать против мира, жизни, богов и самого себя, не сознавая того, что этот бунт завершится вечными муками, которыми боги, природа, жизнь, натура человека ответят на безумный протест, отринувший свет и возлюбивший мрак. Посредством хозяйствования человек прямо-таки должен переселиться в Аид. И над этим проектом успешно работают современные технологические цивилизации.

Мудрость мифа гласит, что хозяйственный проект, стремящийся преодолеть волю Бога, самоценность природы и сакральность человека, неизбежно приведет людей в Преисподнюю даже без финансовых кризисов. Прометей — подлинный автор проекта протестантизма. В прометеевском проекте хозяйствования заложены коварные и скрытые цели, которые люди распознают лишь тогда, когда уже ничего изменить в своем бытии не смогут.

Героический, культурный проект хозяйствования. Автором этого проекта являются герои — потомки брачных союзов богов и людей, существа типа Геракла, Тезея, Персея и др. Именно героев мифы считали авторами хозяйственных умений и способностей человека, из которых вырастает мир культуры. Назначение человека этот проект видит в том, чтобы созидать культуру — второе, неорганическое, тело людей.

Действительно, культурное творчество есть важнейшее деяние человека. И философия хозяйства первой откликнулась на призыв героев, признав культуру софийную элементом хозяйства. Но, превращая культуротворчество в самоцель, героический проект незаметно искажается, а его хозяйствование становится созиданием искусственного мира, который превращается в автократическую сущность, враждебную самой жизни. Вовсе не случайно в мифах все герои погибают от преизобилия своих деяний, вырождающихся в деспотический произвол культуры, в которой орудуют бессознательность и антисознание, непонимание и антизнание. Так, культуротворческие деяния Геракла пресекла его жена Деянира, дружившая с кентавром Нессом, который посоветовал ей пропитать одежду героя своей кровью, от чего он и сгорел в страшных мучениях. И хотя Гера взяла Героя на Олимп, дала ему в жены Гебу — богиню вечной юности, а Деянира покончила с собой, миф ясно говорит о том, что использование жизни и хозяйствования только как средства культуры рано или поздно завершится катастрофой и гибелью субъектов-героев. Судя по имеющимся сведениям об Атлантиде, эта цивилизация погибла именно из-за фетишизации культуры, которую не смогли спасти даже герои-атланты.

Культуру-самоцель на каждом шагу подстерегает капкан самоизоляции, соблазн вампиризма на смысловых энергиях порождающей ее хозяйственной жизни. Наоборот, хозяйствование и жизнь должны использовать культуру как средство, как миноискатель для хождения по взрывоопасному бытию, для прохождения к своим высшим смыслам сквозь все капканы бездн и демонических сил.

Антропологический проект хозяйствования. В этом проекте все умения и дарования людей изначально присущи самому человеку, который лишь развертывает и реализует их во внешнем мире. И разъ-

ясняет миф последствия реализации этого проекта на судьбах Дедала и его сына Икара.

Дедал был непревзойденным инженером, художником, скульптором, зодчим, приборостроителем. Твердили, что созданные им инструменты, созданные по его проектам здания и корабли, останутся на века, а статуи оживут. Правда, Геракл, увидев своего скульптурного двойника, с возмущением разбил ее. Талант Дедала было разносторонним: племянника Тала, который мог превзойти Дедала, великий инженер просто убил. Афиняне, презрев все умения и таланты Дедала, изгнали его из страны.

Принял Дедала к себе с радостью царь Крита — Минос, женатый на Пасифае, дочери Солнца. Сестрой ее была та самая Цирцея, а сам Минос был сыном Зевса и девы Европы, соблазненной в образе белого быка (!) Зевсом, который затем подарил эту тварь своему сыну. Дедал оправдал надежды царской семьи. Пасифая хотела обезопасить себя от наложниц Миноса: и Дедал решил эту проблему, изготовив настолько сильный афродизиак, что у царя во время любовных соитий из известного органа выходили скорпиончики, от которых подруги царя сразу же в мучениях умирали.

Далее, Пасифая возжелала белого быка; и Дедал создал живое подобие коровы, внутри которой помещалась царица. Бык есть бык, он не изучал постмодернизм и не знал о симулякрах; общаясь с коровой, он удовлетворял противоземную похоть царицы. От этого романа родился Минотавр — человекобык, пищей которого были молодые люди. Любовь царицы к своему уроду привела ее к Дедалу, который построил лабиринт с такими запутанными ходами, что попавший в него уже никогда не мог выбраться. В этот лабиринт был заключен ужасный человекобык Минотавр.

Исчерпав, видимо, финансовые возможности Миноса, Дедал решил поискать счастья в иных краях, но царь держал его под неусыпной охраной. Тогда Дедал изготовил себе и своему сыну — Икару, крылья и они улетели с острова. Сам Дедал понимал опасность изобретения: не следует опускаться близко к воде, ибо крылья промокнут и не смогут работать; но нельзя и слишком близко к солнцу, ибо воск, скрепляющий крылья, растает и перьеплан рухнет. Но Икар молодой и зеленый, презрев законы техники, поднялся слишком высоко и... рухнул на землю. Дедал все же сохранил каплю совести: он проклял свое инженерное мастерство, которое внушает пользователям его изобретений эйфорию и они или гибнут, или же превращаются в монстров-извращенцев. Они или организуют космические экспедиции к Солнцу, или же становятся антропофагами.

Итак, человеческий, слишком человеческий проект хозяйствования, замыкающийся на желания и волю Я, тоже заканчивается в ходе реализации неосознанным суицидом, или же невообразимыми извращениями человека. Если допустить, что человеку все позволено, и он все может, то такое существо почему-то начинает конструировать совершенную машину для суицида или же выдумывать пороки, которые неприемлемы даже для дьявола и Аида. Научно-технический прогресс, движимый желаниями и умениями человека сам по себе строит общую гробницу-лабиринт для всего человечества. Но это еще не последнее слово хозяйственной мудрости мифа.

Софийный проект хозяйствования. Миф лаконично и просто докладывает нам, что на его взгляд подлинным автором саморастущих умений, изобретательности человека является не просто боги, герои, люди, а сверхчеловеческое миротворное знание-мудрость. Впервые слово «софия» («sophia») с малой буквы употребил Гомер. Наиболее полно эта «софия» воплотилась в Афине Палладе — самой парадоксальной богине античности. Она рождена Зевсом, но без матери; дочь, не имеющая родителей; жена, рождающая детей (города, семьи, умения и хозяйство) без мужчин, абсолютно нравственная богиня. Ее родителями, мужем, детьми является мудрость. Все боги, герои, люди творят, изобретают, хозяйствуют не сами по себе, а в меру присущей им этой мудрости. Мифология еще не знала софийного мира, но она уже предвидела мир ософиенный. Организмом и формой действия этой софийной силы мудрости выступает и хозяйство.

И лишь христианство адекватно осознало мудрость, ставшую в нем Софией Премудростью Божией — помощницей, художницей, радостью Бога. София — особое знаниевое существо; она больше, чем ангел, но меньше Божьих Ипостасей, выражая их внутреннее совершенство — способность творить из знания и знанием миры, вещи, существа, царства.

И софийный проект хозяйствования задает цели бытию и человеку. Он направлен на созидание *Дома* мира, домов людей, вообще, все предметы, растения и существа представляют собой Дома, воздвигаемые Премудростью Софии Божией. Она определяет предметы через Дом. Быть — значит, Дом иметь; не язык есть дом бытия, как полагал Хайдеггер, а само бытие есть Дом Софии, воздвигнутый ею для идей и замыслов Отца. И каждый предмет есть дом смысла, идеи. По этому эталону она застраивает домами-предметами весь мир. И законами всех домов Софии служат *мера* и *справедливость*.

Нужно отметить, что *прометеевский, героический* и *антропологический* проекты хозяйствования страдают двумя неисцелимыми недугами: они невозможны без допингов, которые содержатся в деньгах и в

пороках. А поэтому они неизбежно в ходе своего развертывания изобретают деньги, используя их для чужих, строго говоря, антижизненных целей. Отделившись от сакральных истоков, хозяйство с финикийской необходимостью становится товарно-денежными отношениями, а затем экономикой и финансовоэкономикой, которые исполняют апокалипсический приговор, который мифы вынесли этим трем проектам хозяйствования, не признающим богов и софийного попечительства.

Так, элементами *прометеевского проекта* являются обман, хитрость, коварство, подлость. Титан научил людей фальсифицировать жертвоприношения — хорошее мясо пускать на «шашлык», а кожу и кости сжигать для жертвоприношений богам: мол, дым от мясных отходов дает столь нежные благоухания, что боги оценят их выше мяса. Ну, а поскольку слова «обман» и «обмен» отличаются лишь знаком, то остается всего лишь один шаг до изобретения денег как всеобщего обманщика и обменщика: обменять и обмануть можно все и всех, кроме... богов, о чем Прометей в порыве своего гуманизма забыл. И вот этот обман богов, породивший деньги, затем стал настолько большим, что обманом его уже неприлично, да и небезопасно именовать, а потому назвали его экономикой, финансами, хотя свое последнее слово и дело этот первообман уже выскажет и совершит в Преисподней. А пока экономика и шашлыкономика ядовито благоухают...

Существенным элементом *героического проекта* тоже являются пороки. Но здесь они направлены в первую очередь против самих героев, которые и гибнут от них. Дело в том, что герои неплохо исполняли все те дела, которые затем можно было выполнять лишь с помощью денег, позволяющих концентрировать мощь в нужных точках для сверхчеловеческих планов. Пока были герои, то деньги были не нужны, а поскольку уже был обман-обмен, то появились деньги, которые сразу же заявили, что в их мире гераклам и ахиллам делать нечего, они лишь мешают людям блудить на свои денежки. Герои могли справиться и с инфляцией, и с долгами, и с нобелевскими экономистами разобрались бы, и деньги научили бы вести себя прилично, заставив их платить оброк всем людям за то, что они терпят обманщиков. Но героев мало, а денег много; и не могли героев на земле защитить даже боги, давшие своим детям лишь божественные пенсии. Но герои правы: все беды людские зарождаются именно в человеке, не желающем признавать свой героический оригинал.

И *антропологический проект* хозяйствования неизбежно порождает из себя деньги и экономику, используя для этого беспредел человеческих извращений и бесконтрольное изобретательство людей. Уже на постройку лабиринта для Минотавра Дедалу потребовалось немало денег и рабов, но средства царю дали его соседи, которые побаивались

сына Зевса и его извращенной Пасифаи. Немало денег потребовалось и на изготовление «перьевпланов» для себя и сына своего, Икара. Дедал проклял свое изобретательство, но такие умения втуне не пропадают. И Минос занялся первоначальным накоплением, прокладывая путь идущему за ним Марксу.

Деньги запустили пороки людей в хозяйство, постепенно превратив его в экономику, живущую на проценты от смерти. Но безмерное умножение денег безмерно умножает пороки, беды и мошенничества человеческие, что в итоге ведет к потере чувства опасности, к интернетовской эйфории, которая завершится пляской inferнальных фурий.

Почти вся философия твердит о том, что познаваемая природа, существующее скрывается от человека. Но почему же — ведь человек и вещи бытуют в одном и том же мире? Видимо, мир скрывается от человека, наученного Прометеем и своими беспредельными желаниями, зная, что умения людей без попечительства Софии-мудрости несут в себе гибель.

Философия хозяйства, следуя хозяйственному проекту Софии Премудрости Божией, ограничивает пороки благими силами и средствами, а безмерное изобретательство подчиняет мере Дом, который содержит больше возможностей для творчества, лишённого своих губительных последствий. И деньги в софийном хозяйственном строе тоже обретут новую жизнь. Ибо перед мудростью предметы не скрываются, а открываются, как бы зная, что мудрость свята и не способна на зло. Древним грекам на самую малость удалось подчинить общество философии, и — о чудо! — во всех сферах жизни у них все получалось. Процветала даже содомия всех видов, достигнув эталонных образцов; а вот когда они занялись чистой экономикой, все рухнуло. Человек предстал в ней во всем своем убожестве и уродстве, во всей своей гигантской мелочности и скаредности, во всем искусстве своей чудовищной лжи и неодолеваемого самообмана. Сам мозг незаметно стал не столько органом мысли, языка и сознания, сколько органом лжи, подлости, коварства и обмана; потому-то он стал так быстро увеличиваться, дабы обеспечивать возрастающую массу экономики и финансов.

Итак, миф дал софийную экспертизу четырем хозяйственным проектам; четырем типам системно-целостного хозяйственного ума; четырем гносеологическим ориентациям хозяйства, четырем социально-властным императивам хозяйства. Виртуально-инфернальный проект хозяйства миф сразу же отверг, локализовав его в Аиде. Миф доказал, что человек приемлем лишь для софийного проекта, имеющего перспективой Царство Божие, т. е. построение человеком своего Дома в соответствии с законом и мерой священной мудрости хозяйства. Дока-

зал идейно, образно, событийно, практически: в рамках и посредством мифа были сделаны открытия, определившие эволюцию человечества: земледелие, скотоводство, ремесла, строительство, металл, корабли, язык, календарь, семья, полисы, мораль; вся последующая культура, религия, наука и практика лишь развивали аксиоматику мифа, ничтошеньки жизнотворного в нее не прибавив⁶. И сделаны были эти открытия не вслепую, а на основе объективного ведения Софии-мудрости, указующей сакральные пути эволюции человека безумствующего. Миф искал софийность мира и нашел ее, а потому он и состоялся. А люди ищут софийность, но находят пользу и калорийность, забывая, что их подлинными ценителями являются черви не от мира сего!

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Обретение. М., 2011.
2. *Вико Дж.* Основания новой науки об общей природе наций. Л., 1940.
3. *Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений. М., 1956.
4. *Бэкон Ф.* Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1972.

⁶ Ф. Бэкон знал: «Как будто они (мифы. — *Н.Ш.*) стоят вне времени и являются не созданием самих поэтов, а чем-то вроде священных реликвий, дыханием лучших времен, проникшим в поэзию древних греков из преданий еще более древних народов» [4, 231]. Мифология является первым откровением идеального в мире материи. Содержанием мифа служат злключения идеального в поисках им своей правды. Миф — истинный сказ о том, как идеи ищут свои души; души — свои тела; тела — свои дела; дела — свой смысл; смысл — свою идею; и как они все вместе создают свой миф. Миф — смысловой полигон миротворных сил, мастерская вечности, в которой идеи, души, дела, тела, смыслы вырабатывают необходимые им формы бытия. Миф — абсолютное софийное сознание, в котором мир сам мыслит о себе, хотя и с участием человека, но независимо от него. Мифы не имеют родителей, у них нет авторов, их невозможно вывести из предшествующих форм сознания, ибо они возникают вместе с миром и человеком. Мифы — единственная форма нерукотворного, спонтанного, естественно-возникшего сознания. Субъектом и органом такого сознания может быть только София. Если сознание есть осознанное бытие, то мифология есть непознанная софийность этого бытия. Мифам не грозят скептицизм, критицизм, догматизм; они спокойно перерабатывают разрушительную энергию этих болезней сознания в свои софийные, общезначимые формы. Мифам не нужны школы, университеты, академии, ибо они сами сохраняют эти институты своими софийными инициативами.

В.В. ИЛЬИН

**Философско-экономическое мышление:
модус долженствования**

Аннотация. В статье рассматривается проблема философско-экономического мышления, актуализация которого способствует познанию сущности процессов современной цивилизации.

Ключевые слова: мышление, философия, экономика, хозяйство, экономическая теория, экономическая логика, рационализация, антропологизм.

Abstract. The problem of the philosophical-economic thinking, which actualization promotes the knowledge of the nature of modern civilization processes.

Keywords: thinking, philosophy, economics, management, economy, economic logic, rationalization, anthropological.

Экономика, основанная на разделении труда, представляет собой, помимо прочих определений, организованную в масштабах общества, деятельность по удовлетворению человеческой потребности в обеспечении и качестве жизни. Соответственно в центре экономической логики должны находиться люди. Но на практике, а также и в современной экономической теории то, что мы называем специальной экономической логикой, все чаще предстает перед нами как странная принудительная логика анонимно действующих правил, которая порой вступает в вопиющее противоречие с нашими интуитивными представлениями о справедливой организации совместной жизни людей: одних она делает безработными, других, которые еще остаются на рынке, держит в постоянно растущем напряжении. Она так безудержно нагнетает рост «производительности» или того, что мы принимаем за «производительность», и при этом не делает ничего, чтобы обеспечить людей необходимым для достойной жизни даже на национальном уровне, не говоря уже о глобальной перспективе. И она же поощряет необратимый экономический рост, который обеспечивает части людей высочайший уровень потребления, уже давно превратившийся из социально-политической в глобальную экологическую проблему. Видимо, современная экономическая логика, т. е. теория, с точки зрения жизненной целесообразности не так уж совершенна. Чего ей не достает — так это философского измерения.

Сомнение в жизненной целесообразности динамично развивающегося независимо от человека процесса рационализации экономики обуславливает потребность в новых основополагающих ориентирах

для экономического прогресса, в этико-философском осмыслении рыночной экономики. Ведь ее реальное развитие идет в направлении все более радикального обособления «выпущенных» сил «свободного» рынка, которые охватили уже весь мир. Поэтому так востребована сегодня новая междисциплинарная область знаний — философия экономики. В определенном смысле философия экономики призвана стать ответом на эпохальный вызов времени. Речь идет о том, чтобы уточнить и даже дать новое определение, жизнеспособное и перспективное, действительно спорным отношениям между экономической логикой и этическим здравым смыслом, между экономизмом и антропологизмом, между прагматизмом и ценностным отношением к миру.

Можно было бы удивиться, почему для этого нужна новая дисциплина, гибрид философии и экономики. Разве мы говорим не об исконных, коренных вопросах той обладающей богатой традицией дисциплины, которая когда-то не случайно выделилась из моральной философии и вплоть до последнего столетия абсолютно верно обозначалась как политическая экономия? В принципе, конечно. Только эта дисциплина со временем возмнила себя свободной от всяких «ценностей», «чистой» экономической теорией, в аксиоматике которой нет места для этических, философских категорий. Представители этой дисциплины, почти со всех точек зрения «враждебной конкретной жизненной целесообразности, в качестве граждан, разумеется, не расположены заботиться о развитии реально существующей рыночной экономики, точно так же, как и другие мыслящие современники; однако в качестве «компетентных» специалистов они по парадигмальным причинам едва ли уже в состоянии сказать что-либо внятное по поводу той пропасти между анонимной, но зачастую странным образом партийной, экономической логикой, с одной стороны, и этической логикой человечности с другой, которая становится все более очевидной» [1, 10].

Более того: сегодняшний мейнстримовский экономикс в известном смысле является скорее частью проблемы, чем действенным средством ее разрешения. Ведь он выстраивает лишь односторонние функции смоделированной в кабинетной тиши рыночной системы и, как правило, пытается нивелировать философско-экономические, этико-практические проблемы общественного хозяйства, полностью растворяя их именно в «логике системы». Там, где «гуманитарные потребности или общественные стремления не могут найти соответствующего применения в рамках абстрактной функциональной логики рыночной системы, или даже принципиально ей противоречат, «чистая» экономическая теория часто приводит аргументы — не особо рефлексивные по поводу собственных нормативных положений — против столь не-

двусмысленных притязаний общества в его хозяйственной практике на человечность и жизненную целесообразность» [1, 11].

Поэтому «задача конкретизации» [2, 134] постепенно оказывается в центре общественно-политических и экономико-теоретических дискуссий. В традиционной экономической мысли многое подлежит уточнению. Прежде всего, необходимо точно разъяснить и обосновать основополагающее различие между горизонтом мышления обладающей реальной властью экономики, с одной стороны, и философско-экономическими резонами — с другой. Совершенно очевидно, что для этого требуется интенсивная полемика с современной философской и экономической мыслью. «Чистой» экономической науке, как уже сказано, не достает безусловных этико-философских категорий, в силу ее парадигмальной ограниченности (научно вполне легитимной) категориями экономической рациональности. Со своей стороны, современная философия экономики после заметных успехов, достигнутых в последнее время на пути «конкретизации» ее общих положений, к счастью, намерена, наконец, на правах «прикладной», «практической философии» вмешаться в актуальные общественно-политические дебаты, имеющие практическое жизненное значение. И все же одного желания «применить» философию к хозяйственной, экономической сфере как что-то внешнее по отношению к экономической логике или даже как поправку к ней недостаточно: эта логика обладает собственными нормами — задача в том, чтобы обнаруживать их внутри экономического мышления и осмысливать в свете философских принципов.

Актуальность данной проблемы обусловлена тем, что человеку, как говорит Л. фон Мизес, «доступны только два принципа мысленного понимания реальности, а именно принципы телеологии и причинности. То, что нельзя подчинить ни одной из этих категорий, является совершенно недоступным для разума человека. Для человека событие, не поддающееся объяснению с помощью одного из этих принципов, таинственно и непостижимо. Изменение можно объяснить только как результат либо действия механической причинности, либо целестремленности поведения; третьего пути для человеческого разума не существует» [3, 28]. Исходя из этого следует точно понимать, где, согласно экономической логике, могут скрываться эти нормативные моменты, как они влияют на формирование практических программ в экономической политике и как при этом в имплицитной форме происходит обращение к философским вопросам хозяйствования. За этой общей задачей фундаментального переосмысления экономической логики с точки зрения критики ее нормативной основы необходимо взглянуть также специфическую задачу философии экономики, кото-

рая выходит за пределы «практической философии», с одной стороны, и «нормативной» экономической теории — с другой [1, 12].

Данные рассуждения служат отправной точкой для концепции философско-экономического мышления. Введение этого специального обозначения вполне оправдано и даже напрашивается, учитывая, что предлагаемый подход существенно отличается от уже представленных в философско-экономическом дискурсе. Методологически генеральную цель новой концепции философии экономики можно определить в соответствии с упомянутым требованием критического переосмысления нормативной основы экономической теории, как философски осмысленную ориентацию в политэкономическом мышлении, которая не игнорировала бы нормативы, имплицитно выраженные в реальных хозяйственных условиях.

«Ориентироваться в мышлении» [4, 386] — это выражение И. Канта подразумевает методически строгие действия, направленные на непредвзятое и логичное обоснование любой идеи, ее соответствия действительности. При этом речь идет о «способности думать за самого себя, принимать независимые решения» [5, 51]. Именно эту независимость собственных философско-моральных суждений, ориентирующихся на самостоятельно избранные принципы, И. Кант обозначил как автономию и определил как основополагающую способность «мыслящего существа» [4, 374]. В этом смысле тот, чьи слова продуманы и взвешены, кто «говорит за себя сам, потому что сам за себя подумал, а не повторил за кем-то» [6, 10], является зрелой личностью. Зрелость подтверждает лишь тот, кто не позволяет себе скороспелых суждений. Путь рефлексии, ведущий к овладению навыком самостоятельно ориентироваться в процессе мышления, И. Кант называет «просвещением», или «выходом человека из состояния собственной незрелости» [4, 377]. Автономное, просвещенное мышление и соответственные слова могут быть названы критическими в том смысле, что они безоговорочно выносят свои позиции на суд взыскательного анализа их аргументации. На философию экономики сегодня возлагается задача обеспечить возможность не просто некритично принимать заданные в реальности обстоятельства, а поставить вопрос об их этической обоснованности: реализовать на практике свободу самоопределения человека.

Ниже этого основополагающего уровня требований современной философии не может опускаться и философия экономики — и именно ввиду сложившегося положения вещей, при котором в области экономики речь зашла о критической рефлексии в рамках довольно влиятельных и властных мировоззрений и комплексов интересов. В этом отношении философия экономики всегда выступает еще и как безоговорочная и всесторонняя критика идеологии. Именно потому, что она,

как минимум, согласно ее философским концепциям и интенциям, не останавливается ни перед какими мнимыми или реальными законами мышления, она является лучшим противовесом от всякого рода идеологий. Поэтому она рассчитывает систематически содействовать формированию зрелого, ответственного, экономически мыслящего человека.

Само собой разумеется, что философия экономики не предлагает в готовом виде непосредственных практических решений конкретных проблем хозяйственного поведения или экономико-политического устройства. Она в большей степени нацелена на объяснение рациональной формы мышления в основных экономических, хозяйственно-этических вопросах. Задача систематической разработки и передачи философско-экономических знаний в общем и целом сводится к главным идеям, основополагающим для интегративного принципа. Во-первых, последовательное проведение философско-экономической «мыслительной линии»; во-вторых, критика «чистого» экономического разума; аналитический подход к основным вопросам жизненно-практического рационального хозяйствования; в-четвертых, включение в философско-экономическое мышление экономико-этической типологии, т. е. учение о «месте» морали хозяйствования в современном обществе.

Философия экономики, таким образом, стремится обосновать разумную ориентацию в экономической теории и практике, даже если это идет наперекор определенным привычкам мышления. Соответственно, новая предметность обращения к основополагающим проблемам экономики предполагает, что весь привычный круг идей экономистов тщательно изучен и именно философско-экономический подход является критерием жизнеспособной, рационально целесообразной экономической деятельности в корреляции с другими сферами общественной жизни.

Литература

1. *Ульрих П.* Критика экономизма. М., 2005.
2. *Müller-Armack A.* Genealogie der Sozialen Markt wirtschaft. Frühschriften und weiterführenden Konzepte. Bern; Stuttgart, 1974.
3. *Мизес Л. фон.* Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск, 2005.
4. *Кант И.* Критика чистого разума. М., 2006.
5. *Oser F., Althof W.* Moralische Selbstbestimmung. Modell der Entwicklung und Erziehung im Wertebereich. Stuttgart, 1994.
6. *Adorno Th.* Kritik // Adorno Th. Kleine Schriften zur Gesellschaft. Frankfurt, 1971.

Л.М. ИШПОЛИТОВ

Критика модели «экономического человека» в работах С.Н. Булгакова и П.Б. Струве

Аннотация. В статье рассматривается критика модели «экономического человека» в работах русских экономистов начала XX в. С.Н. Булгакова и П.Б. Струве.

Ключевые слова: экономическая теория, философия хозяйства, история российской экономической мысли, институционалистская экономическая теория, «экономический человек», С.Н. Булгаков, П.Б. Струве.

Abstract. The article considers the criticism of the model of «economic man» in the works of the Russian economists of the beginning of XX-th century S.N. Bulgakov and P.B. Struve.

Keywords: economic theory, philosophy of economy, history of Russian economic thought, institutional economic theory, «economic man», S.N. Bulgakov, P.B. Struve.

Модель «экономического человека» является одним из методологических «столпов» классической и неоклассической экономической теории. Представители альтернативного неоклассике институционалистского направления отвергли модель, в рамках которой человек принимает решения исключительно под влиянием гедонистического мотива, причем его действия однозначно детерминированы и легко предсказуемы. В противоположность этому институционалисты изучают деятельность человека в контексте исторически сложившейся социальной среды и институциональной структуры общества. Согласно их взглядам, на образ мышления и поведение любого хозяйствующего субъекта воздействует множество институциональных факторов, как экономических, так и неэкономических. Поэтому его решения и действия ограничено рациональны, а зачастую иррациональны, а потому недетерминированны и труднопредсказуемы. В этом смысле институционализм отличает антирационалистический подход, учет множественности мотивов и побудительных причин экономического поведения людей, причем особая роль в его анализе отводится этическому фактору и анализу психологии индивидов и общественных групп.

С.Н. Булгаков и П.Б. Струве, которые в начале XX в. переходили на позиции институционалистского направления, также выступили с критикой модели «экономического человека». Булгаков утверждал идею нового понимания человека и его роли в экономической системе, принципиально иную, нежели господствовавшая в современной ему

экономической теории. Новое истолкование роли человека базировалось на нетрадиционном представлении о значении религиозной этики в хозяйственной жизни. Этой проблеме была посвящена, в частности, работа Булгакова «Народное хозяйство и религиозная личность» (1909), где он обосновывает отличный от «экономического материализма» взгляд на движущие силы эволюции общества, на религиозное сознание как творческое начало, формирующее хозяйственную и социальную систему.

Исследуя генезис концепции «экономического человека», Булгаков отмечал, что классическая школа унаследовала основную предпосылку социальной философии утилитаризма (И. Бентам и его ученики) об обществе как совокупности разрозненных, взаимно отталкивающихся человеческих атомов — представителей различных интересов. Пережив эту механистическую концепцию общественного устройства, политическая экономия одновременно, как писал Булгаков, «...усвоила от него абстрактное, одностороннее упрощенное представление о человеке... Таким образом, сложилась, между прочим, предпосылка классической политической экономии об “экономическом человеке”... который не ест, не спит, а все считает интересы, стремясь к наибольшей выгоде с наименьшими издержками; это — счетная линейка, с математической правильностью реагирующая на внешний механизм распределения и производства, который управляется своими собственными железными законами» [1, 111].

Булгаков отмечал, что если А. Смит сознательно предпринял условное методологическое различие альтруистических и эгоистических мотивов в человеческом поведении (влияние первых он исследовал с точки зрения морали в «Теории нравственных чувств», влияние же вторых — с точки зрения политической экономии в «Богатстве народов»), то его последователи (Рикардо, а затем Манчестерская школа) забыли об условности этого методологического приема. Восприняв познавательную конструкцию «экономического человека» как догмат, они заменили живую психологическую личность методологической предпосылкой, превратив общество в «мешок атомов», взаимно непроницаемых, которым лишь не нужно мешать в их самостоятельных перемещениях. По мнению Булгакова, социализм (Р. Оуэн, Ф. Лассаль, а особенно К. Маркс), составляя как бы антитезис и классической школе, и манчестерству, на деле продолжает «духовную традицию Бентама». «Он в такой же мере механизмирует общество и устраняет живую человеческую личность и неразрывно связанную с ней идею личной ответственности, как и манчестерство» [1, 112], — подчеркивал Булгаков, называя социализм «манчестерством наизусть». Социализм, по его мнению, отличается от него лишь тем, что на место

индивида и индивидуального интереса он ставит общественный класс и классовый интерес — того же «экономического человека», только группового, классового.

Коренная ошибка, совершаемая всеми представителями «экономизма», заключалась, как подчеркивал Булгаков, в том, что методологическая условность — «экономический человек» — приравнивается к «человеку вообще». При таком подходе «прагматическая стилизация» подменяет экономическую реальность, а место живых людей занимают «методологические призраки». Все, что не вмещается в жесткие рамки концепции «экономического человека», безжалостно отсекается или принудительно в них втискивается, при этом уничтожается и выхолащивается все реальное и конкретное, присущее живой человеческой личности. В то же время «экономический материализм» забывает о том, что экономическая теория — наука об историческом и конкретном — и, следовательно, то, что она допускает в целях упрощения познания, отнюдь не соответствует (или соответствует лишь отчасти) живой исторической действительности. Искусственно обособляя один из аспектов хозяйственного поведения личности, методологическая стилизация «экономического человека», тем самым закрывает путь к его познанию. «В действительности, — писал Булгаков, — “экономический человек” политической экономии есть одна лишь, хотя и очень важная сторона жизни человеческой личности, проявлений деятельного “я”. Народное хозяйство есть результат индивидуальной деятельности личностей, а развитие производительных сил есть творчество народа в хозяйственном отношении, до известной степени есть тоже феномен его духовной жизни» [1, 113].

В связи с этим Булгаков обратился к проблеме соотношения «механического» и «органического» компонентов в экономической системе, свободы и необходимости в хозяйственной деятельности. По его мнению, нельзя отрицать, что хозяйство, в особенности народное и мировое, есть и механизм. Однако вместе с этим «...оно не есть и никогда не может быть только механизмом, как и личность не есть только счетная линейка интересов, а живое творческое начало. Исходя из одного представления о механизме, нельзя даже понять до конца хозяйственную жизнь, вне личной инициативы, вне творческого к ней отношения, вне различных волевых импульсов, — одной рутинной, или одним своекорыстным интересом невозможно даже поддержание экономического status quo, а тем более невозможен хозяйственный прогресс...» [1, 113]. Булгаков подчеркивал, что человеческая личность во всех ее проявлениях является самостоятельным хозяйственным «фактором» (не путать с пресловутым «фактором производства»). Человек — целостный индивид, самосознающая и ответственная личность, в

которой на практике невозможно «отделить» одну из ее сторон, например, экономическую деятельность от духовной, как это делается, скажем, в классической концепции «производительного» и «непроизводительного» труда. В одних сферах хозяйства эта самостоятельная роль человека проявляется яснее, в других — менее зримо, но роль эта не подлежит сомнению. «Хозяйство, — заключал Булгаков, — есть взаимодействие свободы, творческой инициативы личности и механизма, железной необходимости, есть борьба личности с механизмом природы и общественных форм в целях их приспособления к потребностям человеческого духа. Одним словом, *хозяйство ведет хозяин*» [1, 113—114].

Таким образом, народное хозяйство, по Булгакову, — не только механизм, но и активная деятельность человеческих личностей, а социальная жизнь — не только борьба классов, но и сложная система их взаимных обязанностей. Поэтому «невесомые» духовные силы, такие, как общественное мнение, верования и убеждения людей, являются реальным и могучим фактором экономической жизни и исторического развития — подобно тому, как неосызаемые силы в природе иногда признаются естествознанием наиболее мощными. Отсюда следует, что экономическая теория не должна никоим образом исключать из своего поля зрения идеальные ценности, в частности, такие, как общее мировоззрение, как религия. «Религия как фактор экономического развития, поскольку она есть фактор в образовании личности, вводится таким образом в круг изучения экономической жизни» [1, 114], — делал вывод Булгаков.

Особое внимание Булгаков уделил проблеме происхождения капиталистического духа хозяйства, его роли в формировании экономического строя капитализма и его хозяйствующего субъекта — «экономического человека». Здесь он основывался на исследованиях М. Вебера о протестантской хозяйственной этике, попутно вводя их в научный оборот русской экономической мысли. Солидаризируясь с позицией М. Вебера, Булгаков ведет генезис капиталистического рационализма — определяющего признака духа капитализма — не от Бентама и его «политической арифметики», а от протестантской трудовой этики, от религиозных верований и убеждений этой ветви христианства.

Булгаков выражал сожаление по поводу отсутствия исследований, подобных веберовскому, о роли духовных факторов в экономическом развитии России. По его мнению, особый интерес для экономической науки представляет выяснение «экономических потенций православия», которое, отличаясь коренным образом в своем отношении к миру от протестантизма, тем не менее обладает мощными средствами для воспитания личности и выработки у нее чувства долга и индивидуаль-

ной ответственности, так необходимых и для экономической, и для всех иных видов общественной деятельности. Речь шла, в частности, о присущей православию дисциплине аскетического «послушания» и «хождения перед Богом». Булгаков считал, что ослабление религиозного духа, упадок личности и усиление утилитаризма в отношении к миру вообще и к экономической жизни в частности, угрожают подорвать хозяйственное развитие как России, так и европейских стран. В воззрениях на хозяйственную жизнь и промышленное развитие в России «... господствует крайний бентамизм в той или иной форме..., и фикция “экономического человека” принимается без анализа и критики» [1, 123]. Главное внимание уделяется распределительным процессам и отношениям, понимаемым как результат конкуренции и классовой борьбы. В то же время «сравнительно слабее сознается значение развития производительных сил, как творческой задачи, — роста всего народного хозяйства как совокупных усилий человеческих волей» [1, 123].

В связи с этим Булгаков сформулировал задачи русской науки и общественности применительно к положению современной ему России. Прежде всего, он считал необходимым освободиться от многих «идейных фантомов», в том числе и от концепции «экономического человека». «Нужно понять, что и хозяйственная деятельность может быть общественным служением и исполнением нравственного долга, и только при таком к ней отношении и при воспитании общества в таком ее понимании создается наиболее благоприятная духовная атмосфера как для развития производства, так и для реформ в области распределения, для прогресса экономического и социального» [1, 125].

В написанной в эмиграции работе «Православие. Очерки учения православной церкви» Булгаков развил религиозно-этический подход к исследованию экономических проблем, дополнив его рассмотрением взаимосвязи православия и хозяйственной жизни. Он утверждал, что каждой хозяйственной эпохе присущ свой собственный тип хозяйствующего субъекта, «экономического человека». «Последний представляет собою, конечно, не экономический автомат, приводимый в движение одной пружинкой хозяйственного эгоизма и действующий с неумолимой прямолинейностью и безошибочной точностью, но конкретный духовный тип со всей сложностью и многообразием психологической мотивации» [2, 345], — подчеркивал Булгаков. В человеческой душе, по его мнению, устанавливается внутренняя связь между религией и хозяйственной деятельностью, и раскрытие этой связи является одной из новых и интереснейших задач экономической науки. Булгаков полагал, что «наряду с другими духовными типами, существует и христианский тип *econotíc man* — как в самом общем смыс-

ле, так и более конкретно, применительно к разным христианским исповеданиям: тип православный, католический, протестантский с разными его разветвлениями...» [2, 345—346]. Что касается православно-экономического человека, то он имеет, прежде всего, те черты, которые обусловлены христианством вообще, а затем — те, которые происходят именно от православия в его конкретных исторических судьбах.

Близкий к Булгакову лично и в идейно-теоретическом плане П.Б. Струве также подверг критике модель «экономического человека» в рамках полемики по методологическим вопросам с другим видным русским экономистом, представителем маржиналистской «киевской школы» А.Д. Билимовичем.

Струве отверг утверждение об однозначной рациональности и детерминированности поведения участников рыночного обмена, противопоставив ему положение о том, что поведение индивидуумов в экономике «самочинно». Он утверждает, что и экономические, в частности, рыночные процессы имеют неустойчивый, случайный, вероятностный характер: «Хозяйственная жизнь складывается из множества отдельных действий хозяйствующих субъектов, которые, будучи в общем и формально мотивами так называемого хозяйственного расчета, в своей индивидуальной, “микроскопической” конкретности случайны в точном смысле этого слова. “Микроскопически” действия продавцов и покупателей определяются расчетом, ориентированным с разной, бесконечно дифференцированной, осведомленностью о положении рынка, столь же дифференцированной разумностью и с неопределенной подвижностью во времени субъективных оценок (проектов, или заявок цен) и их окончательных денежных выражений...» [3, 12—13]. Здесь Струве выделяет те черты рыночного процесса, которые игнорируются маржиналистской теорией экономического равновесия. В современных терминах, это — неполная рациональность экономического поведения, асимметричное распределение информации среди участников рынка, изменчивость их субъективных оценок и, как следствие, рыночных цен.

Выступая против прямых аналогий экономической жизни с физическим миром, Струве подчеркивал различия между предметами физики и экономической науки. Прежде всего, в отличие от элементарных частиц физической материи, поведение социальных индивидов недетерминированно, непредсказуемо, что делает социальную и, в частности, хозяйственную жизнь «статистичной во второй степени». Далее, в отличие от физики, экономическая наука не может исходить из предпосылки о полной независимости социальных индивидов друг

от друга. Напротив, она должна отправляться от положения об их все-сторонней взаимозависимости, что порождает проблему вероятностной обработки таких взаимодействий. «Эта всесторонняя взаимозависимость, — писал Струве, — непреодолима для “механического”, или “динамического”, в противоположность статистическому, рассмотрения. Если мы к этому прибавим, что экономические “индивиды”, с точки зрения экономического познания, не являются абсолютно детерминированными какими-нибудь известными нам силами, а “контингентны”..., “самочинны” или “бесчинны”, точное познание в экономике возможно только либо в форме статистической разработки, либо в форме фактического описания неисчислимых статистически феноменов и сторон» [3, 16].

При этом Струве вовсе не отрицал значения «хозяйственного расчета». Однако в свое описание хозяйствования и хозяйства в качестве основного признака «вторичного хозяйствования» он сознательно включал не предпосылку эгоизма, а признак *возмездности* хозяйственных действий (см.: [4, 48]).

Таким образом, всесторонняя взаимозависимость экономических явлений, недетерминированность поведения, по словам Струве, «многозначных и дискретных» хозяйствующих субъектов, являются непреодолимыми препятствиями для механистического подхода в экономической теории. Концепция равновесия, перенося на экономическую систему законы классической механики, не только упрощает, но и возвращает экономическую материю.

Литература

1. Булгаков С.Н. Народное хозяйство и религиозная личность // Булгаков С.Н. Два града. Исследования о природе общественных идеалов. СПб., 1997.
2. Булгаков С.Н. Православие: Очерки учения православной церкви. М., 1991.
3. Струве П.Б. Научная картина экономического мира и понятие «равновесия» // Экономический вестник. Берлин, 1923. Кн. 1.
4. Струве П.Б. Первичность и своеобразие обмена и проблема «равновесия». Ответ А.Д. Билимовичу // Экономический вестник. Берлин, 1924. Кн. 3 (1).

А.А. АКИНИН, А.А. ШЕВЕЛЕВ

**К вопросу о природе государства и правящего класса
в современной России: ответ «Эксперту»**

Мы должны изменить само
государство, исполнительную и
судебную власть в России.

В.В. Путин.

О наших экономических задачах

Аннотация. В статье анализируются характерные особенности формирования правящего класса и государства в постсоветской России. Раскрывается процесс его обуржуазивания, который приобрел ряд негативных черт, препятствующих становлению модели устойчивого и опережающего развития страны. Особое внимание уделяется исследованию российской государственной элиты (госбуржуазии), ее двойственной природы. Обозначаются пути перехода к современной модели государства.

Ключевые слова: правящий класс, государственная буржуазия, этакратия, двойственная природа правящего класса, социальный порядок открытого доступа, опережающее развитие.

Abstract. The paper analyzes the characteristics of the formation of the ruling class and the state in post-Soviet Russia. Discloses a process of becoming bourgeois, who has acquired a number of negative traits that hinder the establishment of a model of sustainable and accelerated development of the country. Marked the transition to the modern model of the state.

Keywords: the ruling class, the state bourgeoisie, etakratia, the dual nature of the ruling class, advanced development.

От эмпирического описания к концептуальному осмыслению

Существует большое количество публикаций российских экономистов, социологов, политологов и элитологов, а также журналистских исследований (часто превосходящих по содержательности и глубине научные штудии), посвященных эмпирическому анализу государства и правящего класса в современной России [1—3]. Однако несомненен дефицит концептуальных работ по обозначенной теме. В частности, особый интерес представляет исследование социально-экономической природы российской госэлиты как господствующей фракции правящего класса. Попытка концептуального осмысления природы правящего класса, пусть и без углубленного анализа его структурных особенностей и внутренних взаимодействий, содержится в интересной и провоцирующей на непростые размышления статье Т. Гуровой и М. Рогож-

никова [4], основные тезисы которой сводятся к следующим положениям.

Авторы утверждают, характеризуя политические события 2011—2012 гг., что «если смотреть на думскую и президентскую кампании с более или менее исторической точки зрения, то в этот период закладывались основы для новой волны укрепления политической власти стержневого для нашего общества класса буржуазии на качественно ином уровне публичности политики. А разве было кому отдавать власть?» [4, 19]. Сделан несколько странный вывод о том, что в результате политического замещения в первой половине 2000-х олигархата 1990-х гг. как ранней формы буржуазно-классового государства буржуазно-бюрократическим правлением с опорой на народ было создано, насколько возможно на том этапе, «сильное буржуазное государство», в котором доминирует «класс правящей напрямую крупной буржуазии». При этом отсутствует авторская оговорка, что господствующую роль в этом классе играет государственная, или административная, буржуазия, распоряжающаяся как государственными, так и частными активами и связанная теснейшими (теневыми, через личную унию) узлами с крупным частным бизнесом. В то же время признается отсутствие конкурентной политической системы и то, что парламентские партии фактически не представляют интересов ни крупной буржуазии, ни среднего класса. Буржуазия выступает как класс «в себе». Констатируется, что буржуазное и демократическое начала российской власти находятся в противоречии и конфликте друг с другом, а робкие и непоследовательные попытки демократизации с неизбежностью (как ступени некой циклической последовательности) сменяются охранительно-консервативной фазой эволюции государства. Высказывается пожелание сделать российское классовое государство буржуазно-демократическим, соединив его буржуазную природу с партийно-парламентским демократизмом, одновременно сформировав класс профессиональных политиков, «более или менее изолированных от крупных финансово-промышленных активов».

Т. Гурова и М. Рогожников, по сути дела, выступают за формирование класса национальной частной буржуазии «для себя», завоевавшей политическое представительство и сменившей роль «брокера на услужении» и оффшорного бенефициара на исторического субъекта развития России. Подобная постановка вопроса имеет полное право на существование (и даже не лишена определенной привлекательности), однако нельзя не отметить, что инфильтрация крупного бизнеса в зарубежные юрисдикции, его прогрессирующая идентификация с инонациональным образом жизни делают проблематичным достижение этой цели. Думается, новое качество национальной буржуазии не мо-

жет ни быть связано, во-первых, с долгосрочным процессом изменения социальной структуры общества в сторону формирования того, что называется полноценным средним классом, социальная функция которого — быть связующим звеном (медиатором) между обуржуазившейся элитой, тормозящей даже принятие по лучшим западным образцам налога на роскошь во имя сомнительного «комфорта осажденного замка» эпохи безмерного гедонизма («Бери от жизни все!»), и «простыми людьми» или «рассерженными горожанами», чьи нужды и чаяния ему социально близки и понятны по-своему, во-вторых, со сглаживанием вопиющих социальных диспропорций⁷, в-третьих, созданием современной модели государства (когда вместо доминирующих патрон-клиентских отношений приходят безличные права элит, утративших свои личные привилегии, но не возможности эффективного обеспечения защиты своих прав), в-четвертых, рекрутированием в правящий класс новых фракций буржуазии и иных социальных элементов, чьи бизнес-успехи почти или уже не связаны с логикой создания ренты посредством привилегий. Кроме того, далеко не очевидно, что крупная буржуазия, выросшая из процесса «захватнического» обретения госактивов (о приватизации долгов и речи не было), который услужливо назвали первоначальным накоплением капитала, получив политическую власть, проявит себя провайдером и модератором демократизации общественных институтов и раскрепощения продуктивного предпринимательства.

Для становления демократической государственности и придания ей устойчивого характера необходима критическая масса новых социальных акторов (в том числе во власти), дополняющая, а затем и идущая на смену «первому призыву» российской буржуазии. Можно прогнозировать, что сложившаяся на сегодняшний день в России государственно-корпоративная олигархия, равно как и крупнейшие частные старые и новые собственники (основные субъекты «архаичного буржуазного классового государства», — и здесь авторы статьи «Наша революция» правы на все 100% в оценке нашей государственности) просто так — в угоду идеалам демократии — не сдадут свои позиции, а движение автократического режима к воплощению институциональ-

⁷ «Доходную структуру российского общества можно изобразить в виде русской матрешки. На макушке — «золотой процент». От макушки до плеч головная часть — это 20% хорошо и среднеобеспеченных россиян. В ногах — бедные и необеспеченные, которых, по статистике, не многим более 10%. А все тулово — 70% населения! — составляют «недообеспеченные россияне». ...*Элиты развития* включают наиболее успешных представителей продвинутых и развивающихся групп общества, следовательно, такие элиты сконцентрированы главным образом в «верхнем среднем классе» [2, 21—22].

ной модели «стационарного бандита»⁸ вряд ли будет последовательным и снизит коррупционный налог на общество.

Вполне реалистичным представляется вывод А. Рубцова о том, что «дематериализация политических “вещей” уже достигла критического масштаба в том, что называется большой политикой и затрагивает макросоциальные отношения. Система согласования интересов и легального снятия конфликтов на глазах исчезает даже в остаточных формах, уступая место машине целенаправленного нагнетания противостояний и перевода их в режим фатальной неразрешимости. В политическом плане для слишком большого числа полноправных и далеко не худших граждан в их родной стране нет своего государства. ...В государстве нет “твердого тела”, даже чтобы сдержать распад неформальных корпоративных отношений внутри самой властной корпорации» [6]. Судорожно-рефлекторные силовые действия со стороны определенных групп коррумпированной госбуржуазии, прикинувшись государством, лишь подчеркивают отсутствие сильного государства национальных интересов, ориентированного на долгосрочное развитие, демонстрируют ситуативный и плохо продуманный по своим последствиям стиль управления страной. По данным Всемирного банка, который с 1996 г. измеряет качество государства в 212 странах, по эффективности правительства Россия набирает только 41,6 балла (Дания — 100, Норвегия — 98, США — 93), находясь в рейтинге на уровне Лесото, Перу и государства Науру, сильно отставая от всех стран с сопоставимым подушевым доходом [7].

Особенности и модернизационный потенциал правящего класса

В чем же заключается причина неудовлетворительного (крайне низкого) реформаторского и модернизационного потенциала правящего класса в России, дефицита его стратегического мышления, а также неспособности консолидировать нацию вокруг долгосрочного проекта развития? Иначе говоря, почему так и не сформировалась российская модернизационная элита? Если полагать, что правящий политически и господствующий экономически класс буржуазии состоит из двух

⁸ А. Заостровцев пишет: «Автократия с длительным временным горизонтом (“стационарный бандит”) обеспечивает “рациональную монополизацию воровства”. Если автократ (оставаясь по природе своей бандитом) закрепил за собой территорию на длительный срок, то ему выгодно ограничить норму воровства в своем хозяйстве, поставив мирный порядок и другие общественные блага. ...Автократ с коротким временным горизонтом определяется Олсоном и МакГиром как “кочующий бандит”» [5].

фракций — государственной и частной, то ответ на поставленный вопрос сведется к анализу их специфических особенностей.

Фракция крупной частной буржуазии не имеет достаточно развитого и институционально оформленного политического представительства, но связана неформальными узами (например, через *crony capitalism*) с госэлитой (иерархией федерального и регионального уровней), всецело сосредоточена на оффшорном бизнесе, а не задачах раскрытия экономического потенциала страны⁹. Госэлита в целом — это социальная общность, выступающая носителем госвласти и госсобственности. Доминирующая фракция госбуржуазии, представленная чиновниками и политиками высшего ранга, встроена в систему коррупционных связей, не обладает консолидирующей идеологией развития, не имеет сильных стимулов к проведению социально ответственной экономической политики. Инициирование же очередных акций по подготовке к новой волне большой приватизации госимущества свидетельствует об отторжении того варианта политики, который предполагает выстраивание упорядоченного, а в перспективе конкурентоспособного госсектора (госкапитализма). Что касается средней буржуазии, то в современной России она ведет во многом маргинальное существование, не имея сколько-нибудь значимого влияния на две господствующие фракции. Нельзя также не отметить низкую роль технократов в принятии политических решений. Власть экспертного знания (компетенций) находится в зачаточном состоянии, под спудом волюнтаризма подкованных решений. По ряду направлений политики (например, в сферах образования, здравоохранения, науки) ярко представлен монополизм весьма малочисленных, но избранных властью экспертных групп. «В Кремле до сих пор не предложили хоть какой-то внятной модели управления страной, а правительство не предлагает принципиальной хотя бы бюджетной политики. Все, что мы можем наблюдать, — это игра команд и окружений. ...Нет управляемого процесса и нет никакой стратегии. Речь идет о политической импровизации, заведомо неправовой, “немножко силовой”, которая должна принудить к консолидации всю широко понимаемую властью команду» — отмечает Г. Павловский [9; 10].

⁹ «Еще в разгар кризиса 2008 года главный научный сотрудник Института экономики Российской академии наук Борис Хейфец дал такую оценку: по его данным, около 70—80 процентов российской экономики управляется из оффшоров. “Сейчас у нас до девяти десятых крупных частных компаний де-юре принадлежат холдинговым оффшорным структурам”, — говорит Хейфец. А некоторые экономисты утверждают, что и все 95 процентов предприятий» [8].

Таким образом, ни одна из группировок класса буржуазии не может взять на себя роль лидера-новатора, реализовать миссию комплексной модернизации хозяйства, социальной сферы, политических и административных институтов. Лидерские амбиции высших руководителей государства сводятся либо к инициированию затратных проектов (созданию своего рода потемкинских деревень), либо к бессистемным и плохо увязанным друг с другом корректировкам законодательства, как правило, вызывающим негативный общественный резонанс. При этом либеральные новации, часто теряющие свой смысл в процессе законодательного оформления, предсказуемо чередуются с ужесточением регулирующих правовых норм. Предвыборные декларации дезавуируются планируемым сокращением социальных расходов, что, в конечном счете, делает неосуществимой реализацию долгосрочных задач по восстановлению и наращиванию национального человеческого капитала.

Главные и определяющие процессы 1990-х и «нулевых» годов — обуржуазивание госэлиты, создание крупных личных состояний с помощью властного ресурса (в той или иной форме). И хотя эти процессы стали уже привычной частью отечественного социального устройства, вплоть до настоящего времени они так и не трансформировались в новое качество развития. Совершив революцию сверху, госэлита (вместе с крупными частными собственниками, возникшими «ниоткуда») в первую очередь и воспользовалась ее результатами. Однако именно она несет персонифицированную ответственность за то, что став бенефициаром революционных перемен, так и не смогла сделать главным предметом своей заботы общественные интересы и цели национального развития. По справедливому утверждению Дж. Стиглица, «богатые сырьевыми ресурсами страны обычно не придерживаются стратегии устойчивого роста. Их политики отказываются понимать, что, пока они не вкладывают сырьевые деньги в производительные виды деятельности на поверхности земли, а не под землей, их страны становятся все беднее. Политическая дисфункция усугубляет проблему, ведь конфликты вокруг доступа к сырьевой ренте приводят к появлению коррумпированных и недемократических правительств» [11].

Можно констатировать, что форсированное обуржуазивание госэлиты в рамках складывавшихся обычаев отечественного делового оборота не способствовало, а препятствовало повышению ее совокупного качества и управленческой эффективности. Кризисные и депрессивные явления в российской экономике усугубляла (и, похоже, их причиной является) реализация в реальной политике установок и задач, не только не решающих структурные проблемы России, но и достаточно явно толкающих ее на путь регресса. «Реформы» в армии,

МВД, здравоохранении, образовании и ряде других сфер плохо продуманы и просчитаны, зачастую имеют деструктивную направленность, фактически лишают нашу страну достойных статуса великой державы перспектив.

И ключевыми элементами реформаторских «игрищ и аттракционов» российской бюрократии являются драматическое снижение качества, дееспособности, профессиональной и человеческой годности, а порою и явное вырождение российской элиты. В силу этого под большим вопросом остается достижение в обозримые исторические сроки такого уровня зрелой буржуазно-демократической государственности, в рамках которой реализуема стратегия опережающего развития [2]. Налицо лишь сохраняющийся пока «слабость политических позиций действующего истеблишмента» (Т. Гурова, М. Рогожников) и соответствующего ему застойного авторитаризма, лишенного стимулов к переменам, исторической динамики и по-настоящему массовой поддержки (40% россиян в августе 2012 г. в той или иной степени поддерживали протестные акции).

Архиважно поэтому дать правильную оценку буржуазной природе госэлиты в пореформенной России. Она не обусловлена обладанием традиционной собственностью на средства производства, а проистекает из той специфической роли, которую управленческий класс играет в организации разного рода транзакций (сделок). Речь идет о своего рода «транзакционно-управленческой буржуазии», извлекающей рентные доходы из обладания собственностью на государственную организацию и административный ресурс. Обуржуазивание бюрократии неразрывно связано с частичным замещением ее общественных функций (как персонификации общественного сектора) скрытой, полутеневой и всегда неформальной деятельностью, направленной на поиск и присвоение административно-политической ренты. В этом и заключается сокровенный смысл ее буржуазной природы, внешним проявлением которой выступают разветвленный «семейный бизнес» (до недавнего времени считавший нужным маскироваться для приличия и камуфлировать коррупционные сделки, отстаивая свои меркантильные, корыстные интересы под видом защиты чести и достоинства в суде даже от намеков в нечистоплотности), эксклюзивные привилегии, предоставляемые патронируемым коммерческим структурам, зарубежные активы и т. п. Преимущество монополии на власть проявляется и в том, что в качестве посредников (брокеров) широко используются представители частного бизнеса. В этом случае лояльный частный бизнес работает «по поручению» ключевых персон госэлиты, выполняя неформальные соглашения разного рода (от финансирования футбольных клубов до приобретения движимого и недвижимого имущества элитного класса). Патронат частного сектора гарантирует его

защиту от конкурентов и правоохранительных органов, одновременно обеспечивая представителей паразитарной надстройки постоянным потоком коррупционного дохода и «разгружая» их от избыточных транзакционных издержек по организации неформальных и теневых сделок. Таков простой механизм формирования «госэлиты регресса», порождающей и несущей прямую ответственность уже не просто за локальные сбои в работе госмашины, но зачастую трагические по своим последствиям системные институциональные провалы, свидетельствующие о «глубокой нравственной коррозии государства» (Т. Гурова).

Следовательно, низкий новаторский и модернизационный потенциал госбуржуазии объясняется тем, что в ее деятельности возобладали не столько продуктивно-предпринимательская, сколько организационно-посредническая и рэнтнерская мотивации, присущие скорее «праздному классу» (М. Вебер). Организация крупных сделок, присвоение сопутствующих экономических выгод, их реализация в доходных активах (в частности, зарубежной недвижимости и бизнесе) — таково содержание неафишируемой деятельности обуржуазившейся госэлиты, отринувшей не только этические нормы, но и принятые в цивилизованном мире легальные стандарты в самоограничении. Отсюда и проистекают чудовищные разрывы в уровнях и качестве потребления, характерные для разных социальных групп в современной России. Нелегальные доходы давно стали основным элементом и источником воспроизводства руководящей и паразитирующей на ресурсах страны общности (бюрократической буржуазии). «Репутация высших чиновников в российском публичном пространстве не играет серьезной роли — ...из-за отсутствия подотчетности обществу. Главное для них — репутация внутри “команды”. На эту репутацию работают верность начальнику, готовность выполнять приказы и следовать “линии партии”, умение максимизировать свой ресурс влияния в рамках системы “кормлений” — т. е. грамотно бороться с конкурентами за ресурс и правильно делиться с начальством и сторонниками» [13].

Кроме того, бросается в глаза явная избыточность неэффективной и непомерно обременительной для общества «элитной надстройки». По данным Росстата, в настоящее время на федеральном уровне сосредоточено 35 700 человек, т. е. с 2000 г. количество федеральных чиновников выросло на 60%. Из федерального бюджета на содержание органов госвласти в 2011 г. было израсходовано 844 млрд р. (29,5 млрд дол.). Немного большее финансирование (31,2 млрд дол.) было обеспечено федеральным чиновникам в США. И это при том, что в России вдвое меньше население, а валовой внутренний продукт в 9 раз меньше [14].

Двойственная природа правящего класса: теоретическое наследие и современность

Отмеченные выше особенности правящего класса в России непосредственно вытекают из внутреннего противоречия этой общности: между ее общественными функциями и классовой природой, лишь формой проявления (оборотной стороной) которого является подчеркнутое Т. Гуровой и М. Рогожниковым «противоречие буржуазного и демократического начал» российской власти. Ведь в современных условиях ее общественные функции не могут быть реализованы оптимальным способом без опосредствующего их механизма демократического выбора. Конечно, допустимо обсуждать теоретические аспекты модели авторитарной модернизации как стратегической альтернативы национального развития (ссылаясь на примеры исторически успешных прецедентов), но не забывать при этом, что ее практическая реализация предполагает вполне определенное качество власти, наличие в ее структуре влиятельной модернизационной коалиции (в настоящее время отсутствующей).

В монографии М. Чешкова, опубликованной еще в конце 1970-х гг., однако не утратившей своей актуальности в силу образцового качества анализа, сформулированное противоречие было четко зафиксировано в рамках исследования теоретических представлений о ПГГ (правлящих политически и господствующих экономически группах) развивающихся стран [15]. Ученый отмечал, что созревание классовой природы ПГГ в этих странах не означает потерю ими общественных функций, но приводит к обострению противоречий между этими функциями и классовой природой ПГГ. Важен был сделанный автором вывод о том, что «резко расширяя свои экономические позиции и усиливая политико-идеологическое руководство (гегемонию) по отношению к местным частнособственническим классам, ПГГ проявляли себя как структурообразующий элемент господствующего класса во всех сферах его формирования — экономической, политико-идеологической и социальной. Складывавшийся при этом тип воспроизводства господствующего класса характеризовался производностью частнособственнических классов от ПГГ» [15, 201—202]. Не будет большой натяжкой утверждение, что подмеченная выше закономерность (применительно к развивающимся странам) проявила себя и в России на рубеже веков, разумеется, с существенной поправкой на иные исторические условия формирования рассматриваемой социальной общности классового типа и те очевидные политические дисфункции и институциональные ловушки, которые порождаются «сырьевым проклятием» и рентоориентированным поведением правящего класса.

Тем, кто не успел забыть классическое наследие, нетрудно заметить, что обозначенные выше теоретические выводы восходят к известной работе «Анти-Дюринг», которую Ф. Энгельс создавал в тесном сотрудничестве с К. Марксом, выдвинув положение о двояком пути возникновения классов, а вместе с ними и государства. Первый путь возникновения классов, по Энгельсу, характерен тем, что должностные лица, охранявшие общие интересы общин под надзором всего общества (решение споров, подавление захватов отдельными личностями излишних прав, надзор за водоемами, отправление религиозных функций) со временем узурпировали свои общественные функции, образуя особый орган, враждебный к каждой отдельной общине. Таким образом, отдельные незаурядные личности, достигшие господства, сливались в целые господствующие классы. Слуга постепенно превращался в господина, например, в восточного деспота и сатрапа. Ф. Энгельс подчеркивал, что политическое господство повсюду вытекало из общественных должностей и было устойчиво только тогда, когда выполняло свои общественные обязанности. Второй путь образования классов хорошо известен, он связан с распадом общины, с применением рабского труда, короче говоря, с длительным историческим процессом становления и формирования частной собственности. Из анализа классика следует важный вывод, что государство вначале опиралось на экономическую общественную функцию, затем оно обуславливалось развивающейся частной собственностью. На последнем этапе развития два пути классовобразования могут рассматриваться как рядоположные. Один путь не отменяет другой, однако, по крайней мере, для восточных деспотий был характерен именно первый.

Возвращаясь в современность, обратим внимание на то, что в смешанной экономике важнейшей интегрирующей структурой является госсектор, отрицающий некоторые стороны капиталистической собственности. На основе экономических отношений, складывающихся в госсекторе, возникает господствующая общность классового типа (для характеристики которой М. Чешков использовал понятие «этакратии»), которая монополизует общественные функции: выживания и интеграции, контроля и трансформации социо-государственной системы. Она объединяет политиков, бюрократов, технократов и идеологов в качественно новое социальное образование.

В этакратии следует различать политико-административную и технобюрократическую элиты, персонифицирующие общественный сектор. Классоподобная общность как раз и возникает на основе выполнения общественно-значимых функций. В различных исторических условиях она может приобретать разные обличья: либо создавать препятствия динамичному развитию, выступая преимущественно регрес-

сивной силой, либо выполнять роль агента обновления и развития, стимулируя и направляя прогрессивные изменения. В современной России возобладала тенденция к утрате лидерских и обновленческих потенций этакратией, что непосредственно связано с деформацией и частичной деградацией ее общественных функций, неспособностью обеспечить расширенное воспроизводство качественных общественных благ и их справедливое распределение. Поэтому правомерно констатировать, что в процессе спонтанного обуржуазивания этакратии сформировалась ее негативная определенность (неконтролируемое собственное обогащение). Впору говорить не о наращивании капитала общественных функций (общественном капитале), а их возможной перманентной приватизации с целью подчинения тех или иных государственных институтов, регламентирующих экономическую деятельность, определенным группам интересов, паразитарного присвоения любого общественного блага посредством выталкивания его в теневой оборот, где оно утрачивает свою общественную оболочку и становится предметом купли-продажи. Перестав персонифицировать общественный сектор, госбуржуазия также инициировала вдогонку реформе натуральных льгот ужасающий по своему качеству проект «монетизации прав человека», или коммерциализацию социальной сферы: были занижены стандарты «бесплатных» социальных услуг, санкционированы денежные поборы за них на общественных площадках, предоставлены права для перехода учреждений в автономный режим функционирования, при котором принцип платности (как в изложении И. Ильфа и Е. Петрова: «...можно, но деньги вперед») становится главенствующим для потребителей их услуг. Под прикрытием мирового опыта проводится «на деле» сокращение госгарантий бесплатного образования, главная проблема которого в том, что оно пока еще лучше, чем это требуется сегодня нашей (во многом монокультурной по структуре) экономике. Словом, этакратия сняла с себя ответственность за создание благоприятных условий полноценного воспроизводства национального человеческого капитала¹⁰, являющегося ключевым

¹⁰ «Согласно данным Минфина, в 2011 г. государственные расходы на образование и здравоохранение составили соответственно 4,1 и 3,5% от ВВП. ...В 2009 г. расходы на образование в Ботсване составили 8,9% ВВП, в Дании — 7,8%, в США — 5,5%. Единственный Израиль потратил на образование 5,9% валового внутреннего продукта. ...Средние расходы на здравоохранение в 46 странах, которые (по методике ООН) обладают самым высоким уровнем развития человеческого капитала, в 2009 г. составили 6,6% (по сравнению с нашими 3,5%). ...Вряд ли политическое руководство нашей страны сознательно взяло курс на уничтожение человеческого капитала и снижение числа обра-

преимуществом и главной производительной силой в любой современной экономике.

От застойной псевдостабильности к опережающему развитию: проблемы и решения

Важно осознать иллюзорность надежды на сохранение безальтернативной псевдостабильности. Неконкурентные политическая и экономические системы не дают шанса на поступательно-эволюционный сценарий развития, а перманентное загнивание гарантирует вступление в период социально-политических флуктуаций. Необходимы новый курс, формирование социальных и политических драйверов развития, своего рода социо-культурный и экономико-политический апгрейд (реновация) [17; 18]. Дилемма для власти проста: либо трансформация асоциального раннебуржуазного государства и соответствующая ей ротация госэлиты произойдут путем осмысленных эволюционных изменений (хотя и не без неизбежных трудностей и кризисных проявлений), либо через потрясения и хаос. В одном случае возможно становление эффективных институтов развития, в другом — наиболее вероятно закрепление на длительную перспективу негативных и досовременных черт российской государственности (например, бюрократия как социальная группа будет восприниматься обществом в качестве привилегированного сословия с несбалансированными правами и обязанностями).

В то же самое время назревшие перемены в общественно-государственном строе хоть и декларируются, но фактически понимаются этакратией узко и противоречиво, как частичные и по сути дела стилистические реформации, не затрагивающие основ системы. Задача комплексной политической реформы, призванной заложить условия и предпосылки для формирования конкурентной среды в политической сфере, была поставлена в усеченном виде для следующего политического цикла уже после победы «Единой России» и под давлением протеста могущих «выбирать политику» социальных страт в крупных городах России. В условиях роста протестной активности части граждан начинает использоваться такой хорошо известный (для homo soveticus) инструмент, как имитация народной поддержки власти. Достаточно стерильный в былых исторических условиях, этот инструмент не безобиден сегодня, поскольку искусственно противопоставляет друг другу разные группы формирующегося так называемого среднего класса

зованных людей, однако становится очевидным, что развитие образования и здравоохранения, а также обеспечение комфортных условий для реализации человеческого потенциала не являются для него приоритетными» [16].

(экономически независимой прослойки и рекрутируемых на поддержку власти бюджетополучателей). Однако безответственное конструирование гражданского противостояния не может скрыть тот факт, что система выборов в России фактически приобрела и внезаконную функцию по производству фальсификаций, выдающую на выходе заказанный результат. Несмотря на отдельные бесспорно правильные декларации сверху, обходится стороной (не реализуясь в конкретных политических решениях) и такая остро актуальная проблематика, как создание дееспособной правовой системы, эффективно регулирующей в рамках единого правового поля политические режимы (устройства) с их фактическими различиями в разных регионах страны. Также трудно отрицать необходимость становления новой партийной системы, реально представляющей весь спектр социальных групп и их значимых интересов (вместо нынешних партий-симулякров), конкурентных выборов, независимого от «надзора» верховной и исполнительной властей беспристрастного суда, повинующегося как букве закона, так и ищущего справедливости, действенного парламентского контроля за спецслужбами.

Проведение масштабной и комплексной модернизации, реализация структурной политики невозможны без активного вмешательства государства в экономические процессы. Утопичны упования исключительно на активизацию российского предпринимательства и рыночных сил, хотя создание институциональной «дружественной среды», освобождающей их от коррупционно-бюрократического давления — приоритетная задача государственной политики на обозримое будущее. В рамках разумной альтернативы российское государство должно научиться продуманно «мешать» (ограничивать антисоциальные практики групп особых интересов) и осмысленно «помогать» (регулировать процессы и стимулировать изменения). Однако для этого оно должно перестать быть паразитарной надстройкой и тормозом развития, а квазиэлита, оседлавшая ресурсно-рентные потоки в рамках «социального порядка ограниченного доступа», — для начала поделить свои контрольные полномочия с новыми политическими силами (пока лишь формирующимися в качестве национально ориентированного субъекта) во имя своего же выживания. Для успешной реализации этой повестки существуют реальные возможности, которые важно использовать, выстраивая стратегии национального развития.

Прежде всего, изменения в большой системе посредством комплекса политических и экономических преобразований должны пойти в направлении формирования предпосылок «социального порядка открытого доступа» (термин предложен Д. Нормом, Дж. Уоллисом и Б. Вайнгатом). Последний как потенциальная действительность, хотя и

имеет для своего описания нечто общее с идеями либерального фундаментализма, его «картинку» все же невозможно втиснуть в прокрустово ложе либерал-реформистских рецептов. Он обладает внутренней сложной диалектической природой: не только более тесно сочетает известные противоположности успешно формирующейся конкурентной экономической системы и институтов госрегулирования экономики, но и трансформирует их взаимосвязь в более сложную комбинацию по линии госинституты — общественные институты — регулируемый рынок. Отсюда вытекает чрезвычайно важная задача: найти оптимальное соотношение государственного ведения национальной экономики и общественного саморегулирования, что позволит уйти от избыточно бюрократического механизма регулирования социально-экономических процессов¹¹ и, возможно, повысит адаптивную эффективность, т. е. способность реагировать на внешние изменения и новые угрозы как децентрализованных структур и организаций, существующих на постоянной основе, так и экономико-политической системы в целом.

Итак, в своей простейшей формулировке свободный, *открытый доступ* к политическим и экономическим ресурсам — это система потенциально устойчивого развития в интересах нации, движимая борьбой конкурентного и соревновательного начал среди элитных групп общества и даже внутри господствующей коалиции, а также объединяющей социум государственной волей. При его естественном функционировании «честные выборы», например, уже не воспринимаются как высшая степень демократии. Степень демократизма общественных и государственных институтов определяется степенью вовлеченности народа в публичный дискурс и в принятие решений на его основе (например, о легитимации сверхкрупной частной собственности или «легализации капиталов, накопленных чиновниками и силовиками, их превращении в законную, публичную собственность», что предполагает возможность заключить безличный договор между новой буржуазией и народом, и тем самым закрепить результаты буржуазно-демократической революции, или по поводу выявления духовно-нравственной оценки большой приватизации со стороны молчаливого большинства, или о реформировании системы налогообложения в недропользовании в сторону более справедливого распределения горной и ценовой ренты, соответствующего императивам социального государства народного благоденствия...).

Возможно, апология порядка открытого доступа как социально-нормативного пространства и воспринимается в сегодняшней России

¹¹ «Но как начальник безо всяких институтов решил, так и должно быть» [19].

как утопия. И это естественно. Во-первых, потому что процесс его формирования не завершен даже в благополучных обществах; во-вторых, сам концептуальный подход, расплывчато убеждающий в преимуществах системы открытого доступа, обращен скорее не в ближнее, а дальнее будущее, в котором контуры чаемой реальности весьма туманны, а логика смыслов, выстраиваемая для описания ее правильного устройства, начинает ускользать даже от исследователей. И, в-третьих, и это главное, российское буржуазно-классовое государство, находящееся на архаической ступени своего исторического развития, не способно последовательно выступать ключевым субъектом структурных изменений в национальном хозяйстве, институциональным механизмом ограничения разных форм монополизма (не путать с монополией как структурой рынка) и рентоориентированных практик (исключая поиск «ренты инноватора»), проще говоря, непомерно разросшейся административно-коррупционной коммерческой деятельности. Основная причина одна: у этого архаичного государства с безудержно скромным обаянием буржуазии «нет будущего — в первую очередь видения этого будущего, идеи этого будущего» [20]¹². Но Россия, чтобы остаться на геополитической карте мира, должна непременно подготовить себя к восприятию такого социального порядка, в котором всем социально структурированным группам предоставляется право формировать безличные элитарные организации любого типа (политические, экономические, общественные или частные), деятельность правящих элит поддерживается весьма дорогостоящими демократическими институтами власти, профессиональная управленческая каста (бюрократия, пусть и «буржуазного толка») лишена надменности к налогоплательщикам, подконтрольна закону и ментально не готова к сращиванию с бизнесом, среди разных групп населения сложился консенсус по поводу долгосрочных целей экономического развития, и они готовы через высокую норму накопления вкладываться в свое будущее, а в большой системе возникают достоверные обязательства и доверие между общественной волей людей и безличной государственной властью, беспристрастно выполняющей свои общественно-значимые функции. И у России есть мощный аргумент в пользу этого. Надо только вспомнить, что вся история России — это история череды реализованных утопий.

¹² Современная российская государственность, как и позднесоветская, имеет пониженный иммунитет в информационно-идеологическом пространстве. Эту сферу надо немедленно восстанавливать, в том числе и посредством реформ, вытекающих из буквы и духа Основного закона страны.

С нашей точки зрения, все вышеизложенное о новой утопии, скрепленной с принципами реализма в экономической теории, созвучно идеям стратегии опережающего развития России, разработанной, в частности, С. Глазьевым. Эта детально проработанная стратегия преодолевает либертарианский уклон концепции догоняющей («консервативной») модернизации, обрекающей страну на зависимое полупериферийное существование в условиях быстро меняющегося мира. В этой связи критически важно не потерять в ближайшие годы остатки наукоемкого сектора, одновременно предприняв сверхординарные усилия по созданию новой высокотехнологичной индустрии (реиндустриализации), интегрированных структур ОПК, выстраивания учебно-научно-производственных комплексов, что потребует осмысленной финансовой и промышленной политики, уменьшения налогового и административного давления на производителей из отраслей высоких переделов, налаживания, наконец, партнерских по характеру, но по существу безличных отношений между государством и всем национальным бизнесом.

Если в 1990-е гг. власть в России вела во многом ущербную политику по отношению к национальным интересам, в «нулевые» годы была взята стабилизационная пауза, завершившаяся кризисом и последующим вялым (полудепрессивным) ростом, то актуальная повестка дня сегодня — становление государства развития, требующее концептуально новой экономической политики. Без правящего класса, обладающего зрелой государственной мыслью и твердой государственной волей (П. Столыпин), осуществление этой повестки в принципе невозможно. Единственно разумная перспектива проста — это решительный и бесповоротный отказ от разворовывания страны и легализации украденного в фешенебельных странах, представляющей суть государственного управления на протяжении всей четверти века национального предательства, в пользу ее развития [21].

Литература

1. *Крыштановская О.* Анатомия российской элиты. М., 2005 // http://anatomia-elity.narod.ru/anatomia_elity.html.
2. *Афанасьев М.* Российские элиты развития: запрос на новый курс. М., 2009 // http://www.liberal.ru/upload/files/afanasiev_light.pdf.
3. <http://www.stopcrime.ru/nbr2/1640/1643.html>.
4. *Гурова Т., Рогожников М.* Наша революция // Эксперт. 2012. № 29.
5. <http://www.idelo.ru/342/12.html>.
6. *Рубцов А.* Страна миражей // Новая газета. 2012. 27 июля.

7. За что мы их не любим // Ведомости. 2012. 3 авг.
8. <http://www.itogi.ru/delo/2012/34/181265.html>.
9. <http://www.rusrep.ru/article/2012/08/14/tandem>.
10. <http://polit.ru/article/2012/08/03/pavlovsky/>.
11. *Стиглиц Дж.* От проклятия к благословию // Ведомости. 2012. 8 авг.
12. *Глазьев С.Ю.* Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М., 2010.
13. Внутренняя репутация // Ведомости. 2012. 24 июля.
14. Не пашут, не сеют, не строят // Ведомости. 2012. 31 июля.
15. *Чешков М.* Критика представлений о правящих группах развивающихся стран. М., 1979.
16. *Захаров А.* Коррупция — причина, а не следствие // Ведомости. 2012. 21 авг.
17. *Акинин А.А., Шевелев А.А.* Россия на пороге социохозяйственных перемен: проблема экономического развития и модернизационный дискурс // Философия хозяйства. 2010. № 6.
18. *Акинин А.А., Шевелев А.А.* Фундаментальная трансформация экономической теории и перспективы модернизации в России // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 5. Экономика. 2010. Вып. 4.
19. *Привалов А.* Об институтах и о расширении Москвы // Эксперт. 2012. 16—22 апр.
20. *Добров А.* Письмо потомкам // Однако. 2010. 18 окт.
21. *Деягин М.* Письмо Дворковича Путину: либеральный клан вышел на тропу войны // http://www.odnako.org/blogs/show_20407/.

Е.В. КОСОВ

Политика — искусство невозможного!

Аннотация. Новой политической силой в России может стать новый реформированный федерализм, сначала как идея, а затем как система реального противовеса существующему неэффективному российскому централизму. Речь идет о реализации новой идеи самоуправления и самоорганизации.

Ключевые слова: постиндустриальная эпоха, этатизм, полицейско-бюрократическое государство, реформированный федерализм, сетевая структура, ответственная свобода, неуравнительная справедливость.

Abstract. Reformed federalism may turn into a new political force in Russia. Initially as an idea and then as a system of a real counterweight to a current inactive Russian centralism. The matter in hand is an implementation of a new concept of self-rule and self-organization.

Keywords: postindustrial era, ethatism, police-bureaucracy state, federalism, network structure, accountable freedom, egalitarian justice.

Говорить про политику как искусство возможного стали политические посредственности и бездари, чтобы оправдать свои серость и безволие. В их понимании «политика» лишь банальное сохранение статус-кво тривиальными средствами и способами. Такие политики ради своего личного комфортного существования готовы идти на любое лицемерие. Их робкие и половинчатые решения всегда самые непродуктивные и неудачные. Тогда как настоящая политика — это искусство невозможного!

Основной смысл всех социальных преобразований — движение к «идеалу справедливости». Причем сам этот идеал социального устройства тоже может меняться и уточняться в общественном сознании. Суть намечаемых общественных преобразований состоит не в попытке достичь завтра-послезавтра этот идеал, а затем утвердить его навсегда. Стабильность в обществе никогда не может быть целью. Цели социального развития не имеют конкретного срока реализации. Необходимые социальные преобразования — это непрерывный процесс поисков, а вовсе не плановое построение «полного коммунизма к 1980 г.», как нам в свое время «впаривали» руководители КПСС.

В постиндустриальную эпоху традиционные социальные и экономические теории все менее способны на объяснение реальности. Как бы ни казалось прочным и совершенным все то, что было создано в социальной организации вчера-позавчера, со временем всему требуется не только косметический ремонт, но часто коренная и болезненная ломка.

Упрощенные ответы на новые сложные проблемы третьего тысячелетия никому не нужны, требуются поиск и дискуссионное исследование принципиально новых, еще непривычных подходов, анализ неочевидных принципов организации социумов. Что заставляет нас считаться с реальностью, а не говорить «чего хочется». При этом громкая пафосность не прибавляет словам истинности. Через пафос будоражатся только страсти, а не здравый рассудок.

К сожалению, люди привыкли мыслить о своей истории и о явлениях современной жизни определенными штампами. Переубедить их трудно, как привыкли думать, так и будут опираться на эти стереотипы, как на костыли, всю оставшуюся жизнь. Внушить новую идею все-

гда сложно, даже невероятно сложно. Но еще труднее уничтожить ложные, но уже ставшие привычными понятия.

Если большевики испоганили такие чистые слова, как «товарищ», «советы», «равенство», «справедливость», то уже в постсоветское время пустопорожней болтовней опошили такие понятия, как «демократия», «законность», «либерализм». Важные слова и понятия превращаются в слова-фальшивки, в слова-заклинания, в слова-ярлыки. Люди становятся «рабами слов» и с пафосом изрекают «многонациональный народ», «средний класс», «права человека», совершенно не ведая, что за этим стоит. Пустые слова гремят как порожние ведра, в которые можно нагрести чего угодно. Вместо здравого смысла людям пытаются навязать пустые абстракции, манипулируя сознанием через «игру в слова».

Когда после брежневской мертвечины накатила горбачевская гласность, настало «время Слова», все только тем и занимались, что говорили-говорили-говорили. Потом пришло время Ельцина — «время Денег», больших и шальных денег. Все бросились «делать бабло» всеми правдами и неправдами. Время Путина — «время Карьер». Все полезли во власть, стремясь пробиться на самый верх.

Новое поколение уже не верит в «прогрессивные» социальные схемы и в красивые песенки о «счастливом будущем». Российская молодежь уже не хочет слышать ни о какой «политике», и не потому, что равнодушна, а просто ей противно от бессовестной лжи и демагогии. Всем уже изрядно поднадоели бесконечные разглагольствования и бесплодные поиски «светлых целей народных революций».

Государство «Российская Федерация» сейчас оформлено не как естественное продолжение тысячелетней российской государственности, а как *обломок* (весьма крупный) бывшей советской империи. Нынешнее российское государство существует по инерции среди других таких же государств-обломков, временно договорившихся о признании хоть какой-нибудь, даже самой призрачной стабильности.

Но инерции свойственно угасать. Перефразируя образные слова М.А. Булгакова и В.В. Розанова, следует признать, что дело не в том, что «все государства смертны», дело в том, что они *«внезапно смертны»* и могут совершенно неожиданно *«слинять в два-три дня»*. Даже в августе 1991 г., через три дня после провала путча, почти никто не мог предположить, что многомиллионная КПСС моментально испарится, будто и не было ее никогда. Напротив, зарубежные советологи утверждали, что задубелый советский тоталитаризм легко переварит небольшую горбачевскую «демократическую заварушку».

Затянувшаяся неопределенность в реформировании России возникла из-за того, что «лихие демократы», пришедшие на смену «дряхлым

коммунистам», не имели даже приблизительного плана формирования нового общества и построения нового государства взамен СССР. Думали так: вот уйдут коммунисты — и все наладится само собой. Не получилось!

Одной из главных причин развала как царской, так и советской империи стал *чрезмерный централизм государственного управления*. Раньше централизм выражался в абсолютном самодержавии русских царей, позже в удушающем тоталитаризме советской власти, словесно замаскированном под пресловутый «демократический централизм».

Не отстает в этом отношении и нынешняя российская власть, которая является едва ли не самой жесткой «президентской вертикалью» в мире, стоящей над обществом. Федеральная власть и лично президент мечутся из одного региона в другой, улаживая финансами и обещаниями то невыплату зарплат, то недостаток горючего при очередной полевой компании, то отсутствие газоснабжения в каком-нибудь отдаленном хуторе. Или лично раздавая на местах административные «оплеухи» после произошедших там природных и техногенных катастроф, будь то пожары, наводнения, землетрясения, обрушения мостов и гидроэлектростанций.

Дело в том, что в России трудно отказаться от традиционного *этноцентрического мировоззрения*. Российское государство всегда было на первом месте в сознании русского/советского общества и считалось высшей сакральной ценностью. Этатизм (державность) всегда существовал как в категориях «царской империи», так и в терминах «социализма/коммунизма». На практике это приводило к преклонению перед государственными институтами и к культуре очередного вождя.

Еще со времен царизма жива вера в то, что концентрация власти в одних руках обеспечивает эффективное руководство. Однако, как оказалось, в России концентрация власти чаще всего приводит не к сильному государству, а к крайне жестокому и неэффективному правлению, при котором людям только и остается, что уповать на здравомыслие самодержца-диктатора и его милосердие.

Взамен системы олигархического правления времен Ельцина («семибанкирщины») сейчас мы имеем в России сформированное за последнее десятилетие реальное *полицейско-бюрократическое государство*. На практике это выражается в правовом беспределе, произволе и коррупции. Более того, российский олигархат тесно сросся с государственным аппаратом, став де-факто одним органичным целым. Однако усиление централизации власти и подавление оппозиции, как показывает исторический опыт, дают быстрый эффект, но весьма кратковременный. В конечном итоге чрезмерная централизация власти

неизбежно приводит к взрыву всей государственной политической системы.

Этатическое мировоззрение властной элиты, самодовольно названное «суверенной демократией», стало в современной России официальной государственной идеологией, весьма сходной с идеологией фашизма — идеологией «корпоративного государства». При такой идеологии государство — «наше все», а человек — ничто! В этих условиях мнение «лидера нации» — беспрекословная истина, а мнение всех остальных — чепуха, не достойная внимания.

Фашистская доктрина утверждает абсолютную ценность государственности (этатизма) и требует полной лояльности существующему государственному строю. *«Для фашиста все в государстве, и ничто человеческое и духовное не имеет ценности вне государства»* (Бенито Муссолини).

Теоретики фашизма надеялись преодолеть классовый антагонизм и общественную несправедливость — но иным методом, чем уравнительный социализм. По мнению «настоящих фашистов», революция должна быть не интернациональной, а национальной, не атеистической, а христианской. Однако отношение к основным этатическим (державным) ценностям всегда сближало позиции фашистов и коммунистов. На практике это выражается, прежде всего, в ликвидации основополагающих институтов гражданского общества — демократических выборов, независимого суда, а также предполагает введение цензуры, роспуск независимых профсоюзов, запрещение либеральных партий. Фашисты убеждены: все, что является препятствием на пути укрепления государства, подлежит уничтожению.

Все тоталитарные режимы густо припахивают фашизмом. Недаром говорят: *«В стране, где похозяйничали коммунисты, фашистам уже делать нечего»*. Другое дело, что нынешняя российская власть свои истинные державно-этатические взгляды прикрывает псевдодемократической фразеологией.

Люди никак не хотят понять очевидное: в постиндустриальную эпоху время суперцентрализованной власти и диктаторов прошло. Так же как прошло время сакральности традиционного иерархического государства как главной ценности общества. При диктатуре страной могут управлять и полные ничтожества, примеров тому — тьма! Свою несостоятельность диктаторы скрывают путем ограничения свобод и введением единомыслия. Пустословием политиков порождается лишь цинизм общества.

Сегодня все диктаторы, какие бы погоны и фуражки они ни надевали, уже не страшны. Они просто смешны. А их любимая «вертикаль

власти» чаще всего напоминает отполированный до блеска вертикальный шест в сомнительном заведении.

Несмотря на крайне плачевные для страны результаты своей деятельности, центральная власть убеждена в своем «священном праве» быть несменяемой и продолжать диктовать населению свои законы. То есть мы имеем сейчас ничем не ограниченную диктатуру чиновников и ее «опричной прослойки» в виде жесткой бюрократической структуры и полицейских методов управления. В этом случае гражданские протесты против чрезмерного усиления центральной власти (не московской, а кремлевской!) неизбежны. Но любое упоминание об удушающем централизме и об отсутствии настоящего федерализма вызывает настоящее бешенство кремлевской власти, а любые либеральные веяния объявляются разрушительными.

В постиндустриальную эпоху принципиально меняется система организации и управления в обществе. Уже становятся неэффективными и диктатура, и олигархия, и любая другая форма жесткого централизма. Идея укрепления «вертикали власти» невозможна в условиях усложнения и многообразия действующих социально-экономических процессов. На смену «жестким» иерархическим структурам приходят структуры мягкие — «сетевые» (кластерные).

Реально сложившаяся монополия авторитарной власти может как-то измениться (стать более либеральной) и преобразоваться только в одном случае — когда возникнет некая мощная сила, ей противостоящая. Такой политической силой может стать *новый реформированный федерализм*, сначала как идея, а затем как система реального противовеса существующему российскому централизму. Новый федерализм нужен как фактор силы, чтобы повернуть центральную власть на другой, более демократичный (либеральный) курс.

То, что Россия имеет по конституции федеративное устройство, лишь пустые слова! По факту это никакая не федерация, а типичное централизованное унитарное государство, где даже президенты национальных республик назначаются чиновниками в Кремле. Ни в одной крупной стране мира, кроме нынешней РФ, в столичном центре не сосредоточивается столько ресурсов — финансовых, политических, информационных, всяких. Российская властная «вертикаль» отбирает у регионов почти все собранные налоги, централизует использование природных ресурсов, не позволяет демократически избирать администрацию на местах, контролирует судебную систему, препятствует модернизации ЖКХ. В таком виде Россия представляет собой совершенно нежизнеспособную структуру. Совершенно очевидно, что такая жесткая централизация — тормоз в развитии страны, что обрекает нацию на вырождение и вымирание.

Ни в одной стране мира нет такого количества «субъектов федерации», как в России. Такое дробное государственное устройство не обосновано ни экономически, ни исторически, ни с точки зрения эффективного управления. Административные границы начертаны прихотью русских царей и советских вождей от Ленина и Сталина до Хрущева и Ельцина. Деление России по этническому признаку безнадежно устарело, это просто случайные линии на географической карте. В существующем виде эти границы не нужны никому — ни имперцам-державникам, ни националистам, ни либералам. Для развития страны требуется новый подход — *демократический федерализм*.

Российское государство в нынешних границах может реально разделиться внутри себя на крупные самостоятельные образования — *федеральные края*. Их границы следует устанавливать не по этническим или экономическим признакам (все это изменчиво, а оттого зыбко и спорно), а по незыблемым географическим понятиям. Это, прежде всего, *водоразделы главных рек России*. Таких новых федеративных образований можно организовать на территории России не много, не больше двенадцати-пятнадцати. Население каждого такого федерального края будет составлять порядка десятка миллионов человек.

В европейской части России можно четко выделить семь федеральных краев: Верхнее-Волжский край (до притоков Суры и Ветлуги), Нижне-Волжский край, Донской край, Кубанский край, Терской край, Ладожско-Онежский (Новгородско-Ижорский) край, Двинско-Печерский (Поморский) край. Административные границы Днепроовского и Уральского краев (или округов) придется урегулировать с вновь объявленными государствами — Украиной и Казахстаном, осколками бывшего СССР.

В Зауралье возможны свои незыблемые федеральные административные границы, привязанные к географическим признакам: Иртышско-Обский (Сибирский) край, Енисейский край (с Байкалом), Ленский край, Приамурский край (по границе с Китаем), Дальневосточный край (Сахалин, Камчатка, Колыма, Чукотка)¹³.

Передача большинства экономических и административных функций центра в федеральные края (оставляя за центром лишь безусловно необходимые — общую финансовую систему, технологические стандарты, межрегиональную транспортную сеть, стратегические вооруженные силы и т. п.) позволит снять накопившееся напряжение от чрезмерного централизма в России — самой обширной страны мира. Двадцатилетие чеченских кровавых конфликтов доказывает, что с явлениями дезинтеграции можно успешно бороться, давая больше прав и

¹³ Подробнее см.: [1].

развивая самоуправление на местах, а не силой оружия и принуждения.

Новый федерализм позволит возродить российскую провинцию. Речь идет о реализации общей идеи *самоуправления*, о принятии на местах на себя всей полноты ответственности за каждое принятое решение. Однако федеральная (центральная) власть и ее пропагандистский аппарат найдут сотни причин (не называя истинных), чтобы опорочить и исказить идею новой федерализации и местного самоуправления. На это будут брошены подконтрольные СМИ и красноречие придворных журналистов и политологов. Хотя главная причина отрицания заключается в том, что центральная власть свое монопольное положение уступать никому не намерена.

Чего нынешняя власть боится больше всего? Любой *самоорганизации* людей. Пока общество атомизировано, т. е. разобщено на отдельных граждан с их мифическими «правами человека», власть может спать спокойно и обдѣлывать свои корыстные делишки. Но стоит людям начать влиять на процессы самоорганизации помимо тех рамок, которые установлены «их законами», то сразу начинается информационный вой про экстремизм, про раскачивание лодок (и яхт) и про «пятую колонну подлых иностранных агентов».

У нормального, физически и психически здорового человека высшей ценностью является *свобода*. Самое страшное падение человека в том, что он не хочет свободы и добровольно отказывается от нее. Такие люди предпочитают быть равнодушными и пассивными, считая, что в глазах окружающих равнодушие не так унижительно, как обычная трусость. Для самооправдания они всегда выставляют себя людьми зависимыми и подчиненными, от которых якобы ничего не зависит. Как заметил в свое время Ф.М. Достоевский, *«образованный человек, если ему это выгодно, может словами оправдать любую мерзость»*.

Печально, что все больше и больше людей в России заявляют, что свобода им просто не нужна, что идеи либерализма не для России. Что рабское холопство лучше (комфортней) свободы. Забывая, что рабское послушание никогда и никого не выручало — покорного бьют все кому не лень.

Долго жить во взаимоисключающей системе ценностей невозможно. Нельзя, с одной стороны, исповедовать основы православной (русской) культуры, а с другой — оставаться в убеждении, что нет преступлений против человечности, а есть только «объективная борьба классов».

Идеи Свободы и Справедливости должны стоять сейчас в центре повестки дня — идеи *ответственной* Свободы и *неуравнительной*

Справедливости. Памятуя о том, что права человека без его ответственности разрушительны, а уравнивающая справедливость абсурдна.

Народ никогда и нигде в мире не правит, у государственного руля всегда стоят политики. Их слова и поступки вызывают или горячую поддержку, или непримиримое отторжение. Власть в стране существует до тех пор, пока ей *доверяют*. А доверие — материя тонкая, деликатная, даже просто мистическая. Вроде, только что было это самое доверие, и вдруг — нет его, испарилось! А если нет доверия к власти, то никакая армия, никакой ОМОН не спасут власть от краха.

Реальная оппозиция должна искать и пропагандировать системные решения социального переустройства — государственные, экономические, идеологические. Главное — иметь и озвучивать четкий план создания *новой* системы, а не заниматься руганью одиозных представителей действующей власти. Приобрести доверие, а через него и реальную власть, можно только через честное правдивое слово.

И в заключение: *«Господа оппозиционеры! Будьте реалистами — требуйте невозможного!»*. Удача всегда улыбается дерзким, а слабаков обходит стороной. История помнит лишь тех, кого любили или ненавидели, остальных она неизбежно забывает.

Литература

1. *Косов Е.В.* Глокализация: основы формирования глобально-локальных узлов цивилизации // *Философия хозяйства*. 2012. № 3.

А.Г. ДОМБРОВСКИЙ

Экономический хронотоп в процессе становления креативного общества

Аннотация. Теории экономического времени и экономического пространства сегодня включаются в динамику исследований экономического процесса. Их актуальность возрастает в связи с непредсказуемостью тенденций развития наличного метаэкономического нарратива, феномены которого становятся все менее прогнозируемыми, наращивая риски и угрозы. Вместе с тем темпоральные и топологические свойства указанного нарратива выступают основополагающими факторами экономического осмысления особенностей производства, организации и управления; они возникают в экономических измерениях проблемы эффективности и, особенно, в контексте темы инновации.

Ключевые слова: пространство, время, глобализация, хронотоп, экономика, глокализация.

Abstract. The theory of economic time and economic space now is included into the research fields of economic processes. Their relevance is increasing due to the unpredictability of trends metaeconomic narrative. Its phenomena are becoming less predictable, increasing risks and threats. However, temporal and topological properties of this narrative are the fundamental factors of economic thinking features of production, organization and management, and they occur in the measurement of economic performance problems, and especially in the context of the theme of innovation.

Keywords: space, time, globalization, time-space, economy, glocalization.

Глобализация как *точка беспокойности* теоретиков и практиков экономики порождает необходимость переосмысления методологического и мировоззренческого фундаментов, на которых основаны научные дискурсы, посвященные современным проблемам.

Современность выступает актуальной категорией многочисленных исследований, будучи способом «схватывания» действительности в двух ее основополагающих измерениях: аксиологическом и рациональном. Аксиологическое измерение раскрывает современность как существующую *hic et nunc* и раскрывающуюся во всей множественности собственных проявлений, формируя ценностную систему координат, образующую нормы для локальных социумов глобального мира. Рациональное измерение имеет ярко выраженную темпоральную перспективу и соответственно является фрагментом исторического миропонимания, присущего носителям западной цивилизационной идентичности. Таким образом, рациональность основывается на аксиологическом срезе современности, но уже не на индивидуальном, а на всеобщем уровне, в котором глубоко укоренены экономические смыслы цивилизации.

В исследованиях проблем экономического времени и пространства существует укоренившийся дисбаланс, связанный с тем, что экономические топосы продолжают длительную историю научных исследований и являются решающими для ряда известных концептов — *глобализации, глокализации, постиндустриального общества* и т. д. Вместе с тем *экономическое время*, всесторонне осмысленное на индивидуальном уровне (и в классической политэкономии, и в современных бизнес-конструктах — например, в тайм-менеджменте), все же только начинает занимать важные позиции в масштабных экономических теориях на социальном уровне. Это демонстрирует, в частности, тезис В. Бирюкова, доказывающего, что «время является экономическим про-

странством развития хозяйственной системы» [1, 1], в чем можно увидеть неравномерность и недостаточность экономических интерпретаций понятий времени и пространства, в которых первое редуцируется по отношению ко второму. Но время и пространство все же требуют синтетического рассмотрения в рамках экономической теории, однако не через логически необоснованное рассмотрение одного неопределенного понятия через другое, а через создание принципиально нового подхода к пониманию социоэкономического нарратива, в котором баланс, соразмерность, органическое единство данных понятий рассматриваются через соотношение индивидуального и социального измерений бытия человека и социума.

Не вызывает сомнения тезис о том, что время — это экономический ресурс, приобретающий значение при повышении динамики общественной жизни, и занимает поэтому первоочередное место в инновационной экономике. Доказано, что темпоризация имплицитивно включена в проблему экономического функционирования общества как в позитивном состоянии, так и в состоянии различных деформаций, девиаций, кризисов (см.: [2]). Кроме того, время является нематериальным ресурсом, поэтому его поиск лежит в социокультурных измерениях экономики. Далее: время выступает способом рационализации экономических систем поскольку упорядочивает их последовательность.

Следует отметить, что проблема переосмысления экономического времени и пространства выступает на передний план в процессе развития современного, или постиндустриального, общества. Особенностями последнего является то, что «постиндустриальная концепция содержит в себе эволюционно-исторический принцип, по которому особенность современной эпохи может быть обнаружена только через адекватное представление о прошлом, означает опору только на уже заданные представление о времени» [3, 4]. Указанный эволюционно-исторический принцип вытекает из самой сущности постиндустриальной эпохи: даже термин «пост» означает эволюционность понимания исторического типа социума, которая концептуально вращается вокруг индустриального типа экономических процессов и позиционирует себя как форму, возникшую «после» предыдущей.

Однако параллельно с констатацией эволюционно-исторического принципа существует и выразительная критика указанного миропонимания: «именно потому, что история теряется, а будущее оказывается не гарантированным, общество рассматривает себя как стоящее перед вызовом, требующим самооценки относительно своего прошлого или будущего» [4, 219], — отмечает Н. Луман. Следовательно, речь идет о том, что экономические кризисы — как глобальные, так и локального

характера — имеют глубокие мировоззренческие основания и соответственно требуют глубокого теоретического осмысления, ведь в трансформации эволюционного понимания современности может содержаться и ключ к выходу из кризисных состояний. Действительно, сами по себе кризисные явления, как и теории «катастрофизма», популярные антиутопические сценарии стали настолько привычными и абстрактными установками, что потеряли функциональную возможность предупреждать об опасности. Также и концепции «общества риска» (У. Бек), «золотого миллиарда», «столкновения цивилизаций» (С. Хантингтона) и т. д. интерпретируются как повседневный научный или публицистический дискурс, а не как предупреждение с призывом к необходимым трансформациям социальных или экономических систем.

Кроме взаимовлияния мировоззрения и практики постиндустриального общества, косвенно тема экономического времени проявляется в описании темпа общественных изменений, а особенно — процессов инноваций, которые повышают динамику технологических процессов. Это ярко иллюстрирует понятие «моральное устаревание второго вида», означающее, что новый, более совершенный, продукт или технология вытесняют старый не из-за их изношенности, а при появлении более нового образца продукции. Таким образом, инновационная ориентация экономики характеризуется тем, что экономика сама постоянно наращивает собственные темпы развития, искусственно влияя на свои временные характеристики.

Таким образом, экономическая методология дополняется понятиями «экономического пространства» и «экономического времени», при этом возникает новый уровень их осмысления. Вместе с тем современная экономическая методология, выдвигая тезис об утверждении «качественно нового понятия — понятия “пространства-времени”, отражает взаимозависимость реального физического времени и физической строения пространства, который, в свою очередь, может рассматриваться и как прямая линия, а может быть и волнообразным, неустойчивым, динамичным» [5, 263]. Фундаментом такого конструкта может стать концептуализированное и уже осмысленное психофизиологическими, биологическими, а также литературно-структуралистскими и семиотическими исследованиями понятие «хронотопа», которое, будучи приложенным к экономике, позволит объединить основные требования к темпоральности, выдвинутые имеющимися запросами экономической теории, иначе говоря, переосмыслить эволюционно-исторический принцип с точки зрения преимуществ и недостатков его применения.

Хронотоп — понятие, впервые предложенное А. Ухтомским в 1925 г. в докладе «О временно-пространственном комплексе, или хронотопе», написанном под влиянием идей Г. Минковского и А. Эйнштейна. В тезисах данного доклада указано: «Реальность — хронотоп, в котором только искусственно абстрагируются разделы о явлениях только в пространстве Эвклида и только в Ньютоновской механике <...>. Судьба системы зависит от всех ее предыдущих состояний, то есть от ее истории <...>. Относительность пространственных мер зависима от движений и скоростей. Зависимость одновременности, сосуществования и абсолютной твердости. Безотносительна только спайка пространства и времени, инвариантный хронотоп» [6, 70].

Таким образом, А. Ухтомский первым после появления теории относительности осознал необходимость переоценки теорий времени с точки зрения его личностной ориентированности и субъективной детерминированности, определив хронотоп как фундаментальный инвариант, который сегодня можно положить в основу осмысления экономических иллюзий. Также он впервые высказал идею внедрения концепции личного времени и его отличия от социального времени, что стало новым шагом в построениях рационального знания. При этом в понятие хронотопа вкладывался также глубокий философский и метаисторический смысл: «С точки зрения хронотопа, существуют уже не абстрактные кривые линии в пространстве и времени, а “мировые линии”, которыми связываются давно прошедшие события с событиями данного времени, а через них — с событиями будущего, исчезающего в дали» [6, 342].

Итак, с внедрением хронотопа абстрактные пространственные или временные точки превращаются в события. Поэтому особенностью хронотопа выступает то, что он не является простым соединением свойств пространства и времени — это понятие владеет собственными, отличными характеристиками, состоящими в конструировании каждой отдельной личностью пространственно-временной организации, которая выражает континуум пространственных и временных состояний, объединенных взаимосвязями и взаимодействиями, и включения их в единый мировой процесс. Тем самым, любой целостный единый поток событий может быть представленным в хронотопе, т. е. в пространственно-временной связи координат.

Экономический хронотоп описывает различие времени и пространства в соответствии с теми дескриптивными и эмпирическими модальностями, в которых они воспринимаются. Основной функцией хронотопа является снятие абстрактности из понятий пространства и времени путем достижения конгруэнтности между индивидуальным и социальным уровнями экономики.

Не менее важной функцией хронотопа является высвобождение — т. е. «вынесение социальных отношений из местных контекстов взаимодействия и их перестройка в неограниченных пространственно-временных масштабах» [7, 135]. Пространство и время — базовые элементы социальных трансформаций, особенно с точки зрения нарратива постиндустриального общества. В последнем случае речь идет об анализе экономических процессов именно с точки зрения хронотопа. Например, по мнению Т. Керимова, хронотопам доиндустриальных обществ свойственны такие атрибуты, как локальность всех производственных практик и социальных взаимодействий, и, как следствие — устойчивость и повторяемость типичных конкретных ситуаций. Хронотопу индустриального общества свойственна дисциплинарность, структуре которой характерны «средоточие» (с точки зрения распределения в пространстве), она «органическая» (деятельность кодируется согласно запрограммированному порядку), «генетически» детерминирована (с точки зрения последовательности этапов), «комбинаторная» (индивидуальные действия объединяются как траектории движения социального механизма)» [8]. Понятие дисциплинарности вводится в связи с четкой привязанностью индивида к определенному топосу и контролем за его пространственно-временной динамикой.

Постиндустриальный тип хронотопа отличается постепенной интеграцией социального времени и пространства в единую систему. Поэтому впервые возникает хронотоп, которому свойственна *системность*. Внешними проявлениями такой системности являются интегративные движения составных элементов экономики, расширяющие собственное ядро параллельно с ростом своего динамизма. Тем самым, отмечает Р. Абдеев, «создаются глобальные рыночные механизмы, включающие не только материальное производство, но и банковское дело, научные исследования, систему образования. Все элементы этой системы, обмениваясь постоянно растущими потоками данных, информации и знаний, на путях “безбумажной” технологии управления создают новый, более динамичный базис экономического прогресса» [9, 112].

Итак, именно в хронотопе постиндустриального общества происходит пространственно-временное высвобождение, которое Е. Гидденс описал как «идею смещения настроек пространства и времени, что имеет значение базового элемента социальных изменений вообще и природы современности в частности» [7, 136]. По мнению социолога, у такого высвобождения есть два механизма реализации: первый — создание символических знаковых систем, второй — образование экспертных систем. Примерами первых являются средства обмена (например, деньги). Пространственно-временной элемент денег нахо-

дит выражение в процессах разграничения пространства-времени (хронотопа) путем объединения конкретного момента и отсрочки, присутствия и отсутствия. Зато экспертные системы предусматривают введение лично-ориентированных категорий, что объясняется способами установления взаимозависимостей между экономикой и личностью-инноватором, что, как мы увидим далее, является существенным признаком современного этапа становления постиндустриального общества.

Последний тезис отчетливо демонстрируется появлением идеи креативного общества. Так, Р. Флорида, говоря о становлении креативного класса, обращает внимание на взаимозависимость инновационной экономики и нового социального слоя, который начинает осознавать себя как класс и влиять на основные измерения хронотопа постиндустриального общества [10, 64]. Последнее мы можем описать через происходящий в нем эволюционный процесс, состоящий из следующих стадий: *информационное общество*, далее — *общество знаний* и, наконец, собственно *креативное общество*. Креативный класс, который формирует свою идентичность, отличается способом использования своего рабочего времени, меняет экономическую географию (инновационные технопарки строятся в регионах, где предпочитают пребывать конструкторы, изобретатели, инженеры).

Ввиду вышеизложенного следует определить, какие именно особенности креативного общества повлияли и продолжают влиять на хронотоп постиндустриального общества. Безусловно, в общих чертах его атрибутами будут выступать: ориентация на принципы гуманизма, либерализма и демократии; заложение в основу социальной жизни правового государства, гражданского общества, предпринимательства и инновации; нацеленность на богатство, силу и развитие; социальная, рыночная и инновационная ориентации экономики; наличие социального слоя инноваторов (которые являются частью креативного класса).

Вместе с тем для становления пространственно-временных характеристик креативного общества более фундаментальными являются такие его черты, как систематическое инвестирование в инновации в различных сферах (экономики, науки, техники, социальной сферы, политики, культуры); рост прибыли от инвестиций в инновации; увеличение количества профессионалов, занятых работой в различных отраслях; развитие венчурного капитала; развитие инновационных инфраструктур (технопарков, инновационно-технологических комплексов и т. д.) [11].

По мнению Р. Флориды, сегодня происходит интенсификация использования времени, сопровождающаяся разрывом между традиционным использованием рабочего времени и его использованием «креа-

тивным классом» — особым слоем общества, который формирует, направляет и развивает инновационный процесс, конструируя, таким образом, креативную экономику. При этом «в креативной экономике единственным невозобновляемым ресурсом является время, — утверждает экономист. — Эта экономика приводится в действие тремя факторами, не учитывая потребности в творчестве: модернизацией, гибкостью и темпами» [10, 82]. Представители креативного класса, будучи «сверхкреативным ядром» инновационной экономики, страдают от дефицита времени, что обусловлено, в частности, распространенной в креативных видах деятельности карьерой, которая формируется методом «фронтальной загрузки» — т. е. «в начале своей профессиональной жизни люди работают очень много и напряженно, рассчитывая на то, что со временем их усилия окупятся высокими доходами, мобильностью и преимуществами на рынке труда» [10, 82].

В исследовании хронотопа постиндустриального общества в современной, креативной стадии его развития, важное место занимает переосмысление глобализационных изменений настоящего. Пространственно-временная организация локальности упорядочивается в рамках глобальных социальных систем, которые идентифицируются как «глокальности» (интеграция глобального и локального уровней). Глокализация как «феномен неразрывности и взаимодополняемости внешне противоречивых процессов и локализации, а также их взаимное осуществление в настоящее время» [8] предусматривает ценностные трансформации, которые раскрываются через ряд специфических модальностей хронотопа постиндустриального общества.

Таким образом, введение категории «хронотопа» в экономическую методологию является заменой абстракций «пространства» и «времени» на целостный нарратив, в основе которого лежит хронотоп как интегративная мыслительная структура. Она позволяет переоценить современные общественные трансформации, в которых происходит «высвобождение» пространства и времени в символической и экспертной форме, где последняя приобретает собственное системное выражение в становлении креативного общества как одного из этапов развития постиндустриальной экономики.

Литература

1. *Бирюков В.В.* Время как экономическое пространство экономической системы: Автореф. дис. ... д-ра экон. наук. СПб., 2000.
2. *Домбровський О.Г.* Хронотоп як метод економічної інтерпретації категорії «сучасність» // Синергетика і освіта: Мат. Міжнар. наук.-практ. конф. К., 2012.

3. *Баскин А.И.* Время в системе экономических ресурсов постиндустриального общества: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2006.
4. *Луман Н.* Час і системна раціональність. К., 2011.
5. *Гальчинський А.С.* Економічна методологія. Логіка оновлення: Курс лекцій. К., 2010.
6. *Ухтомский А.А.* Доминанта. Статьи разных лет. 1887—1939. СПб., 2002.
7. *Гидденс Э.* Последствия современности. М., 2011.
8. *Керимов Т.Х.* Исторические типы хронотопов. Электронный ресурс // Социемы. 2007. № 13 // <http://csp.philos.usu.ru/usu/opencms/ru/publications/sociemi/13/kerimov.html>.
9. *Абдеев Р.Ф.* Философия информационной цивилизации. М., 1994.
10. *Флорида Р.* Креативный класс. Люди, которые меняют будущее. М., 2011.
11. *Журавлев В.А.* Креативное общество, креативная экономика и инновации // Проблемы и перспективы развития инновационно-креативной экономики // <http://econference.ru/blog/conf06/175.html>.

Г.Г. ИВАЩЕНКО

Этика хозяйствования старообрядцев и протестантская хозяйственная этика: сходства и различия условий формирования и функционирования

Аннотация. В статье рассматриваются основные особенности этики хозяйствования старообрядческих общин, анализируются причины их формирования в историческом контексте, описывается место старообрядческого предпринимательства в истории российской экономики и культуры, проводится сравнение старообрядческой и протестантской хозяйственной этики через сопоставление условий формирования ценностных установок для обеих культур.

Ключевые слова: этика хозяйствования, формирование этики хозяйствования, старообрядчество, протестантизм, история экономики.

Abstract. The article considers main features of old believers' economic ethics, analyses the reasons of their formation in a historical context, describes the place of the old believers' entrepreneurship in history of Russian economy and culture, compares old believers' and protestant economic eth-

ics through a comparison of the conditions for formation of the values for both cultures.

Keywords: economic ethics, formation of economic ethics, old belief, Protestantism, history of the economy.

Этика бизнеса с каждым годом приобретает все большее значение среди теоретиков и практиков менеджмента. Повышение корпоративности современного мира и бурное развитие информационных технологий вместе дали мощный толчок к глобализированной экономике. В этих условиях, как никогда раньше, актуальной стала проблема налаживания и регулирования этики деловых отношений на международном уровне.

Термин «этика», традиционно используемый для обозначения научной дисциплины, исследующей вопросы морали и нравственности, в современном деловом языке используется также и в смысле самого набора нравственных ценностей и норм, т. е. в смысле морали. Например, рассуждение об «этичном поведении» предполагает рассмотрение поведения такого человека, который придерживается моральных стандартов в своих действиях. Поэтому в дальнейшем выражение «этика хозяйствования» мы будем использовать в смысле набора нравственных норм и ценностей, которые приняты среди хозяйствующих субъектов.

Для нашей страны данная проблематика имеет особое значение. На ранних этапах развития международных направлений крупных российских компаний одной из центральных проблем стала именно проблема этики. То, что считалось нормальным бизнесом в условиях молодого российского капитализма начала 1990-х гг., западными предпринимателями воспринималось как воровство, уклонение от уплаты налогов, криминализация экономики и т. д.

Спустя более чем 20 лет этичность российского бизнеса стала значительно повышаться. Большинство крупных компаний сегодня имеют корпоративные кодексы, предпринимают меры по повышению своей социальной ответственности, придерживаются определенных правил деловых отношений даже в том случае, если они не прописаны на законодательном уровне.

Однако вопросы этичности хозяйствования начали возникать в среде российских предпринимателей и руководителей организаций задолго до новейшего времени. Этика организационной деятельности в самом общем смысле этого слова появляется фактически вместе с самой формой такой деятельности. Одним из ярких и важнейших примеров формирования и функционирования такой этики в нашей стране является этика хозяйствования старообрядческих предпринимателей.

Данная тема вызывает интерес по нескольким причинам. Первая и главная из них — это широкое присутствие выходцев из старообрядческой среды в рядах российских предпринимателей, явно не пропорциональное небольшому количеству самих старообрядцев относительно остального населения нашей страны во все исторические периоды. Так, в конце XIX — начале XX в. из 26 крупных торгово-промышленных династий Москвы половина приходилась на старообрядцев или выходцев из старообрядческой среды (см.: [1]). Причины такой распространенности предпринимательской деятельности среди старообрядцев лежат во многом именно в специфической морали этой общности, которая, разумеется, непосредственным образом отразилась и на деловой этике, присущей всем выходцам из рассматриваемой культурной среды. Немаловажной деталью является то, что немало старообрядцев можно найти среди успешных выдающихся российских предпринимателей прошлого, в том числе прославившихся своим меценатством. В этом ряду следует особо выделить следующих выдающихся деятелей.

- Савва Мамонтов — железнодорожный магнат, известный своей меценатской деятельностью, в частности, финансовой поддержкой многих художников и музыкантов. В художественных кругах широко известной стала его усадьба Абрамцево, в которой подолгу жили и работали такие выдающиеся деятели искусства, как И.Е. Репин, В.М. Васнецов, В.А. Серов, М.А. Врубель, В.Д. Поленов, Ф.И. Шаляпин и многие другие.

- Василий Кокорев — занимался винными откупами, стоял у истоков нефтяной промышленности в России; собрал Кокоревскую галерею и открыл приют для малоимущих студентов Академии художеств, где жили и работали И.Е. Репин, А.И. Куинджи, В.А. Серов, И.И. Бродский, А.М. Васнецов, Н.К. Рерих, И.И. Левитан и др.

- Василий Громов — лесопромышленник и учредитель Российского общества садоводства, сооснователь старейшей консерватории в России, ныне известной как Санкт-Петербургская консерватория имени Римского-Корсакова.

- Сергей Щукин — купец и коллекционер живописи, преимущественно импрессионистов и постимпрессионистов. Картины Моне, Матисса, Гогена, Пикассо из коллекции Щукина в результате дали начало коллекциям французской модернистской живописи в Эрмитаже и Пушкинском музее изобразительных искусств.

- Династия Морозовых — династия крупнейших предпринимателей в области текстильной промышленности, так же активно занимавшихся меценатством.

- Династия Рябушинских — династия купцов и банкиров, активно участвовавшая в политической жизни страны (лидеры партии «прогрессистов») [2—4].

Эти и многие другие примеры одновременно успешной предпринимательской деятельности и активного участия старообрядцев в общественной жизни (такое участие в последние годы рассматривается в рамках популярного понятия «социальная ответственность бизнеса»), безусловно, вызывают интерес как к тем моральным нормам и ценностным установкам, которыми руководствовались хозяйственники-старообрядцы того времени, так и к условиям и причинам формирования этих норм и установок.

Для того, чтобы понять мораль старообрядцев и, особенно, процесс ее формирования, важно, хотя бы кратко, ознакомиться с историей старообрядчества в России. Зародившись в ответ на церковные реформы патриарха Никона в 1653 г., старообрядчество не желало признавать новые ритуальные и символические нюансы, привносимые этой реформой в духовную жизнь российского православия из греческой церкви. Основные противоречия касались того, что современному человеку может показаться формальностью: замена двуперстного крестного знамения трехперстным, написание «Иисус» вместо «Исус», проведение крестных ходов в обратном направлении (против солнца, а не «посолонь») и др. Однако для людей, ревностно относившихся к религии и считавших неразрывной связью между внешней формой и внутренним содержанием священнодействий и таинств, даже малейшие изменения в церемониале означали и изменения в самой вере, что было предзнаменованием скорого прихода Антихриста [5].

Патриарх Никон имел довольно большое влияние на молодого царя Алексея Михайловича. Поэтому протестные выступления в связи с церковной реформой, приведшие к расколу внутри русской церкви, были встречены активными преследованиями старообрядцев, продолжавшимися на протяжении многих лет. Они были вынуждены бежать либо за границу, либо в отдаленные и плохо обжитые регионы страны. Так были образованы старообрядческие центры, самые крупные среди которых — Керженец, Стародубье, Клинцы, Новозыбков, Ветка, Иргиз [5].

Итак, мы видим, что староверы были поставлены в условия, когда они были относительно небольшими группами сплочены вокруг единой религиозной идеи, находившейся в жестком противоречии с господствовавшей в России верой. Этой сплоченности способствовали также и крайне тяжелые условия жизни на новых, необжитых землях и в суровом климате, а также многочисленные ограничения, запреты и дополнительные сложности, которые старообрядцам обеспечивало

государство. Упомянувшийся царь Алексей Михайлович требует «вероотступников, боголживников и церковных мятежников казнить, жечь мечом без всякого милосердия» [6]. Царевна Софья также повелевала конфисковать имущество и преследовать раскольников. Во времена Петровских реформ староверы как блюстители старорусских обрядов и обычаев продолжали придерживаться обычая носить бороды и русское платье, что добавило им проблем еще и политического характера. В 1718 г. для них был введен двойной податный оклад. Гонения продолжаются до 1762 г., когда Екатериной II создаются условия для возвращения старообрядцев из-за границы и с окраинных земель, а из казны на эти цели выделяется 70000 десятин земли [7].

Ограничения со стороны государства обусловили склонность старообрядцев к предпринимательской деятельности. Это позволяло, во-первых, находить дополнительные источники дохода за счет энергичности и талантливости старообрядцев, а во-вторых, находиться во взаимодействии с внешним миром на законных и не противоречащих ничьей вере основаниях.

Мировоззрение старообрядцев со временем подстраивалось под экономические реалии. Так, «в XVIII—начале XIX в. в ходе превращения староверческой конфессиональной общины в конфессионально-экономическую сформировалась старообрядческая концепция “Дела” — подвига во имя спасения души и веры» [8]. Отмена крепостного права и постепенный переход экономики на рыночную основу в конце XIX в. дали еще более мощный толчок для развития предпринимательства в среде старообрядцев.

Важно отметить своеобразную позицию старообрядцев в сфере иностранных нововведений. Как было сказано выше, сам раскол церкви изначально был обусловлен сопротивлением части общества введению зарубежных порядков и обычаев. Эта верность национальной самобытности сохранялась в старообрядцах на протяжении всей их истории. Однако на рубеже XIX и XX вв. в области предпринимательства и особенно промышленности немислимо было развитие без использования технологии из-за рубежа. Старообрядцы понимали это и в сфере хозяйственных интересов не только использовали иностранные «новинки», но и в числе первых обращались к технологиям более развитых стран, внедряли их использование в России, выступая, таким образом, в парадоксальной роли убежденных консерваторов и, вместе с тем, инноваторов.

Однако, очевидно, что нововведения эти использовались для наращивания мощи национальной экономики, что в их основе лежали сугубо патриотические мотивы. Эти же мотивы просматриваются и в меценатстве. Заработанные деньги старообрядческие предприниматели

ли вкладывали в развитие отечественной культуры, поддерживая российских художников, музыкантов, но это не мешало, как в случае с уже упоминавшимся Сергеем Щукиным, накапливать коллекции иностранных произведений искусства, по сей день составляющих культурное достояние нашей страны.

Таким образом, концепция «Дела» ставила своей целью не наращивание капитала как такового, не деньги ради денег, но экономическую деятельность и интенсивный труд как средство для достижения определенных духовных целей, выдвигавшихся религиозным учением старообрядцев. Здесь с очевидностью возникает аналогия с протестантской этикой и ее ролью в хозяйственной деятельности, исследованных М. Вебером в начале XX в. В своем труде «Протестантская этика и дух капитализма» он указывает, что капитализм в той или иной форме существовал задолго до начала своего расцвета, произошедшего после Реформации. Однако именно протестантизм стал тем необходимым условием, на фоне которого рассматриваемый экономический строй показал всю свою эффективность [9].

Вместе с тем, сравнивая опыт капиталистического хозяйствования в протестантской и старообрядческой среде, важно отметить, что ни то, ни другое религиозное течение не выделяло специфические догмы в отношении именно хозяйственной деятельности. Хозяйственная этика всех христианских конфессий имеет общую основу, к которой тем или иным течением добавляются или убираются некоторые детали и акценты, касающиеся чаще регламента хозяйственных операций. Основа же этой этики заключалась в том, что верховный обладатель всего на земле — Бог, и все, что имеет человек, он получает от Бога. Богатство не следует любить, в отличие от Бога и ближнего своего; его можно и должно употреблять как средство для достижения духовных целей, таких как добродетельная жизнь, оказание помощи и сохранение своей общины. Данные ценности справедливы как для старообрядцев, так и для протестантов и для православных христиан.

Однако именно протестанты и старообрядцы выделялись и выделяются на фоне общей массы предпринимателей удивительной успешностью своего хозяйствования, сплоченностью вокруг своих общин и аскетичностью повседневного быта. При этом важно отметить и многочисленные различия как в исторических условиях появления и развития, так и в теологических воззрениях этих течений.

С нашей точки зрения, решающим фактором, повлиявшим на развитие предпринимательства среди протестантов и старообрядцев, явилось их гонимое положение в тех социально-политических условиях, где появилась каждая из этих конфессий. Европа эпохи Реформации нуждалась в религиозном течении, которое бы противостояло злоупотре-

треблениям католической церкви, снижало бы значение Папы и зависимость от Рима. Этим течением стало лютеранство, положившее начало многочисленным направлениям протестантизма. Старообрядчество же, как упоминалось выше, стало выражением позиции ревнителей чистоты русской обрядности и через это — русской церкви и русской веры. Долгое время представители обоих этих течений терпели гонения, что сплотило их представителей на конфессиональной основе. Вместе с тем сохранение своей общины в условиях меняющегося внешнего враждебного мира требовало от представителей этих конфессий активных и в то же время постоянных и упорных действий по ведению хозяйства. Тяжелые условия внешней среды стимулировали также и к инновационной деятельности, т. е. к поиску и внедрению новых средств производства, продуктов и производственных процессов.

Сформировавшиеся в этих условиях ценности и нормы и составили хозяйственную этику старообрядцев, показывавшую свою эффективность в условиях капиталистического строя на протяжении нескольких десятилетий. Важно отметить, что, в отличие от протестантизма, старообрядчество, несмотря на свою раскольническую природу, является явлением исконно русским, более того, сугубо русским, а именно проявлением стремления части российского народа к сохранению своей самоидентификации. Проиллюстрированное сочетание староверческой морали с капиталистическим хозяйственным укладом, которое привело в начале прошлого века к активному развитию социально-ответственного предпринимательства в России, безусловно, представляет огромный интерес для современных исследователей этики бизнеса в контексте ее диагностики и развития в современных российских условиях.

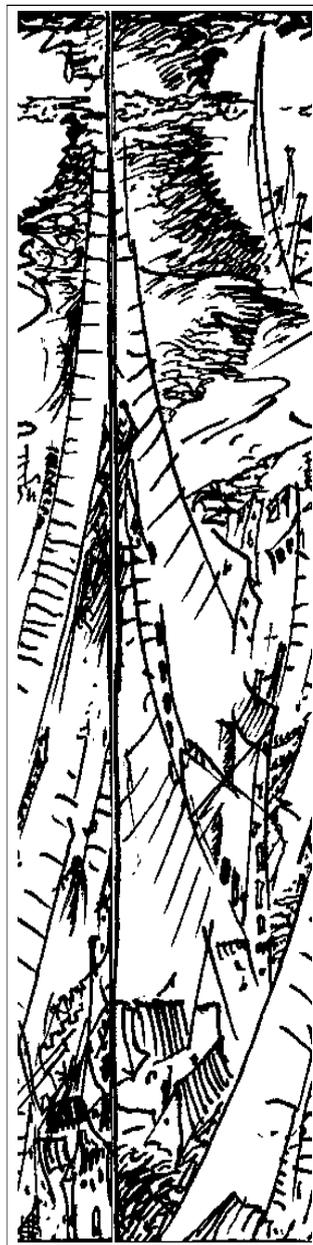
Литература

1. *Козлов В.Ф.* Московское старообрядничество первой трети XX века (храмы, молельни, общественные организации и учреждения) // Старообрядчество в России (XVII—XX вв.). М., 1999.
2. Язык, книга и традиционная культура позднего русского средневековья в жизни своего времени, в науке, музейной и библиотечной работе XXI в.: Труды II Международной научной конференции / Под ред. И.В. Поздеевой. М., 2011.
3. *Леванов Б.В., Орчакова Л.Г.* Российские меценаты и благотворители XIX—XX вв. М., 2010.
4. *Леванов Б.В., Санин И.И.* История российского предпринимательства. М., 2010.

5. *Козлов В.Ф.* Москва старообрядческая: История. Культура. Святости. М., 2011.
6. *Расков Д.Е.* Старообрядческое предпринимательство в экономике России в конце XVIII—XIX вв: неинституциональный подход. Дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2000.
7. *Вурфгарт С.Г., Ушаков И.А.* Старообрядчество. Лица, события, предметы, символы: опыт энциклопедического словаря // Церковь. М., 1996.
8. *Керов В.В.* К вопросу о конфессионально-этических факторах старообрядческого предпринимательства // Старообрядчество: история, культура, современность. 1996. № 5.
9. *Вебер М.* Избранное: протестантская этика и дух капитализма. М., 2006.

II

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ**

В.М. КУЛЬКОВ

Логика экономического противоречия

(к 200-летию выхода в свет «Науки логики» Гегеля)

Аннотация. В статье анализируются содержание и роль диалектического противоречия, проводится сопоставление подходов Гегеля и Маркса по данному вопросу, раскрывается реализация принципа противоречия в экономической системе, показываются эволюция диалектического метода, потенциал и значение «философии троичности» для понимания смешанной экономики и национальных экономических моделей.

Ключевые слова: диалектика, противоречие, структура противоречий, бытие и сущность, товар и капитал, «Наука логики» Гегеля, «Капитал» Маркса, «философия троичности» Булгакова, смешанная экономика.

Abstract. In the article author analysed substance and role of the dialectical contradiction, compared the Hegel's and Marx's visions of this question. Moreover, the author disclosed realisation of the contradiction principle in economic system and showed the evolution of dialectical method, potential and importance of the «philosophy of trinity» for understanding mixed economy and national economic models.

Keywords: dialectics, contradiction, structure of contradictions, being and essence, goods and capital, Hegel's «Science of Logic», Marx's «Capital», Bulgakov's «Philosophy of trinity», mixed economy.

В 1812—1816 гг. вышло в свет грандиозное по своему масштабу произведение великого представителя немецкой классической философии Г. Гегеля — «Наука логики» (или просто «Логика»). Как отмечал в свое время С.Н. Булгаков, «весь интерес, значительность, даже единственность и грандиозность философского эксперимента содержится именно в «Логике», только «Логика» делает Гегеля гегельянцем» [1, 465]. Именно здесь во всей полноте и глубине была раскрыта суть диалектического метода, дано всеобъемлющее изображение диалектических форм движения. Центральный пункт указанного метода — учение о противоречии. По Гегелю, «противоречие... есть корень всякого движения и жизненности; лишь поскольку нечто имеет в самом себе противоречие, оно движется, имеет побуждение и деятельность»; «противоречие не следует считать просто какой-то ненормально-

стью, встречающейся лишь кое-где: оно есть... принцип всякого самодвижения, состоящего не более как в изображении противоречия» [2, 65—66].

Диалектическое противоречие в «Науке логики» Гегеля и в «Капитале» Маркса

Указанный вывод нашел свое системное воплощение и в политической экономии (экономической теории), а именно, в его реализации К. Марксом — в исследовании структуры производственных отношений капитализма. Если теоретическая экономическая система А. Смита, реализованная в его «Богатстве народов», во многом базировалась на принципах философа-эмпирика Дж. Локка; научная система Д. Рикардо, воплощенная им в «Началах политической экономии», имела заметную связь с выводами философа-рационалиста Б. Спинозы; а современный экономикс (скажем об этом для полноты и актуальности картины) опирается на позитивистскую методологию, то экономическая система Маркса, представленная в его «Капитале», имела своей методологической основой именно учение философа-диалектика Гегеля. В «Капитале» масштабно показывается, что в основе развертывания системы рыночно-капиталистических отношений лежит система экономических противоречий способа производства. Беспрерывный процесс разрешения противоречий и рождения на этой основе новых противоречий, также требующих своего разрешения, т. е. последовательное развитие противоречий, субординирует производственные отношения капитализма в строго определенной генетической последовательности. Их диалектическим «зародышем» выступает противоречие товарного отношения (товара) — исходного производственного отношения системы рыночно-капиталистической экономики. «Восхождение» от этого противоречия к более сложным формам и есть диалектическая основа развития (развертывания) экономических отношений.

Вместе с тем «мистификация, которую претерпела диалектика в руках Гегеля» [3, т. 23, 22], не могла ни привести к существенным различиям в подходах Маркса и Гегеля к проблеме диалектического противоречия. Остановимся в этой связи на различиях, которые, как нам представляется, обнаруживаются в их взглядах по этому вопросу — и, прежде всего, о месте и роли исходного противоречия системы. Данный вопрос, несмотря на активные обсуждения в философии и политэкономии советского периода 1960—1980-х гг. [4], остался не до конца проясненным.

В системе Гегеля противоречие имеет всеобъемлющий характер и пронизывает все сферы системы, однако сферой, имманентной про-

творечию, оказывается лишь сфера сущности, а в исходной сфере (сфере бытия) господствуют категории качества и количества, закон перехода количества в качество и наоборот. Только сфера сущности, по Гегелю, есть «сфера положенного противоречия, которое в сфере бытия остается еще лишь в себе» [5, 269]. В этих сферах диалектический процесс осуществляется неодинаковым образом: в сфере бытия он есть переход одного в некое другое с исчезновением первого путем скачка; в сфере сущности он есть видимость в противоположном, есть отношение одного к его другому. Можно ли, отправляясь от заметного сходства структуры «Науки логики» и «Капитала», утверждать, что как в учении о бытии «Логике» Гегеля, так и в 1-м отделе I тома «Капитала» доминируют категории качества и количества и что последние есть лишь ретроспекция сферы сущности и присущего ей закона противоречия?

Рациональное содержание идеи Гегеля о развитии самого противоречия не отрицалось Марксом: именно развитие противоречия от его менее развитых, абстрактных форм к более развитым, конкретным формам лежит в основе выведения экономических категорий в «Капитале». В этом смысле отношение между частным и общественным трудом есть неразвитая, зародышевая форма основного противоречия капитализма. Но это вовсе не означает того, что в исходной сфере экономической системы капитализма — сфере товарных (простых товарных или рыночно-конкурентных) отношений — противоречие присутствует лишь в неявной форме и может быть обнаружено только путем ретроспекции со стороны появившегося позднее в сфере сущности, т. е. в сфере специфически капиталистических отношений, противоречия между наемным трудом и капиталом.

В сфере товарных отношений господствует вполне реальное и самостоятельное противоречие — между частным и общественным трудом (в более развернутом виде — между конкретным и абстрактным трудом, потребительной стоимостью и стоимостью, относительной и эквивалентной формами стоимости, товаром и деньгами) — со всеми присущими подлинно диалектическому противоречию характеристиками. Примечательно, что наиболее емкая, классическая характеристика диалектического противоречия, часто приводимая в литературе в связи с проблемой противоречия, дается именно в 1-м отделе I тома «Капитала», где отмечается, что «относительная форма стоимости и эквивалентная форма — это соотносительные, взаимно друг друга обуславливающие, нераздельные моменты, но в то же время друг друга исключают или противоположные крайности, т. е. полюсы одного и того же выражения стоимости» [3, т. 23, 57]. Там же говорится и о том, что противоречивость («двойственность») содержащегося в това-

рах труда является отправным пунктом, от которого зависит понимание политической экономии. Маркс не мог сказать так о противоречии, существующем якобы лишь в неявной форме и обнаруживаемом только посредством ретроспекции.

На наш взгляд, можно говорить о принижении в системе Гегеля самостоятельной роли и значения исходного противоречия (т. е. как оно проявляется в исходной сфере — сфере бытия): ведь у него противоречие в сфере бытия остается еще лишь в себе, не есть положенное противоречие. Это соотносится с гегелевским пониманием места и роли сферы бытия в системе: «бытие... есть наиболее скудное, наиболее абстрактное определение. Для мысли не может быть ничего более малозначащего по своему содержанию, чем бытие» [5, 175]. Следовательно, главное не останавливаться на этой пустой и неустойчивой форме, а находить скрытое под ней устойчивое, истинное значение, погружаться в сущность, в сферу положенного противоречия. Неправомерно, по Гегелю, рассматривать сферу бытия наряду со сферой сущности или вне ее, т. е. как также существующее и самостоятельное. Как нечто существенное категории бытия могут существовать только в качестве моментов в сфере сущности, в качестве собственной видимости ее. По Гегелю, сфера сущности вбирает в себя категории исходной сферы — сферы бытия и превращает их в свои моменты. Таким же образом противоречие сферы сущности («положительное — отрицательное») вбирает в себя и превращает в свой подчиненный момент его элементарные формы в исходной сфере. Гегель доказывает, что «в развитии сущности встречаются те же самые определения, что и в развитии бытия, но в рефлексированной форме. Таким образом, вместо бытия и ничто выступают теперь формы положительного и отрицательного. Положительное в качестве тождества соответствует лишенному противоположности бытию, а отрицательное развито (светится видимостью в самом себе) как различие» [5, 269]. В ходе своего развития сущность принимает форму явления, затем действительности, в которых получают развитие и снятие в качестве моментов сущности категории бытия. Все это происходит именно в сфере сущности.

В «Капитале» тоже можно проследить эту линию. В капитале как самовозрастающей стоимости товарная (рыночная) форма выступает в качестве необходимого момента специфически капиталистического отношения. Так, Маркс показывает, что основное отношение капитализма — отношение между трудом и капиталом — распадается на два процесса (акта): куплю-продажу рабочей силы и ее потребление (эксплуатацию) в процессе производства. «При обмене между капиталом и трудом первый акт представляет собой обмен, всецело относится к обыкновенному обращению; второй акт представляет собой процесс,

качественно отличный от обмена... Этот процесс прямо противостоит обмену» [3, т. 46, ч. 1, 225—226], т. е. здесь, в основном отношении, товарное отношение низведено до роли момента (стороны), оно существует здесь (в первом акте) как отношение между трудом и капиталом в сфере товарного обращения, на рынке труда. Гегель сказал бы: бытие (товарное отношение) не исчезло в сущности (сфере капитала), оно низведено лишь к отрицательному, к видимости (рыночному обмену между трудом и капиталом), но эта видимость не есть просто ничто, а есть бытие (товарное отношение) как снятое; в противоречии сущности «положительное — отрицательное» первому, «положительному» полюсу (противоречию между покупателем и продавцом товара рабочая сила) соответствует в сфере бытия противоречие простого товарного отношения.

Развитая же видимость есть явление. На этом уровне речь идет не просто о товарообмене между покупателем и продавцом рабочей силы (видимость в сущности как снятое бытие, по Гегелю), а об обращении капитала (это, по Гегелю, явление сущности). Этому уровню соответствуют в «Капитале» формы развития специфически капиталистического отношения, описанные во II томе. Единство двух первых уровней сферы сущности выражается в действительности (так, прибыль — категория III тома «Капитала» — есть единство производства прибавочной стоимости и обращения капитала).

Таким образом, гегелевская линия развития присутствует в «Капитале». Но все дело в том, что для Маркса она не является всеобъемлющей. Наряду со специфически капиталистическим отношением и товарными формами, сохраняющимися в нем лишь в снятом виде, в качестве момента, продолжает функционировать самостоятельное товарное (рыночное) отношение. Как бы сказали, используя свою терминологию в рамках исследуемого пространства, представители современной институциональной экономической теории, наряду с «имплицитным контрактом о найме» продолжают действовать и «классические контракты о продаже» [6, 238—239]. Товарное и специфически капиталистическое отношения сохраняют свою самостоятельность в рамках единой экономической системы, опираясь на собственные предпосылки (обособленность производителей в системе общественного разделения труда, с одной стороны, и поляризация факторов производства на стороне различных агентов производства — с другой) и выполняя отличные друг от друга функции (включение индивидуального труда производителей в совокупный общественный труд или координация экономической деятельности, с одной стороны, и соединение непосредственных производителей со средствами производства или реализация специфического социально-экономического присвое-

ния условий и результатов производства — с другой). Так же и исходное противоречие — противоречие между частным и общественным трудом — продолжает существовать наряду с противоречием между наемным трудом и капиталом, поскольку обязано своим существованием не последнему, а тому объективному факту, что хозяйствующие субъекты частным образом закреплены за различными звеньями системы общественного разделения труда. Точно так же, как «присвоение прибавочной стоимости... ничего не меняет ни в самой субстанции стоимости, ни в природе ее производства» [3, т. 24, 434], противоречие между наемным трудом и капиталом ничего не меняет в самом содержании противоречия между частным и общественным трудом.

Самостоятельность товарного отношения и его противоречия обнаруживаются и в конкретных экономических формах. Маркс показывает это во II и III томах «Капитала».

Рассмотрим, например, кругооборот капитала. Материал 1-го отдела II тома «Капитала» нередко использовался для доказательства того, что товарное отношение при капитализме низведено до роли момента капитала, до роли носителя прибавочной стоимости.

Действительно, в ходе кругооборота промышленного капитала товар и деньги принимают формы товарного и денежного капитала, выступают как носители прибавочной стоимости. Товар и деньги в этом случае существуют лишь как моменты промышленного капитала. На языке Гегеля это означает явление сущности: видимость, имевшаяся в сущности вначале (в «Капитале» — это купля-продажа рабочей силы, капитал как стоимость), развивается; развитая же видимость (в «Капитале» — это, в частности, формы движения промышленного капитала, его функциональные формы) есть явление, т. е. одна из ступеней сферы сущности (в «Капитале» — сферы капитала).

Для Маркса, однако, дело этим не ограничивается. Он показывает, что наряду со специфически капиталистическим отношением (промышленным капиталом) и товарной формой, содержащейся в нем в качестве момента, функционирует и товарное отношение как таковое с его собственным содержанием и собственными функциями: ведь «то, что было показано в отношении переплетения товарного метаморфоза... распространяется и на обращение капитала, поскольку капиталист функционирует в качестве покупателя и продавца товара, а потому его капитал функционирует или в качестве денег, противостоящих чужому товару, или в качестве товара, противостоящего чужим деньгам» [3, т. 24, 130]. Товарное отношение выступает здесь как самостоятельное отношение, реализуя необходимость сочленения общественно разделенных видов труда в форме сплетения товарных метаморфоз.

Целостное понимание процесса кругооборота основано, таким образом, на его двустороннем определении: во-первых, со стороны специфически капиталистического отношения, вобравшего в себя и товарную (рыночную) форму в качестве необходимого момента, и, во-вторых, со стороны самостоятельного товарного отношения. Таким же образом противоречия товарных метаморфоз (изображенные при исследовании товарного отношения в 1-м отделе I тома «Капитала») сохраняют свою самостоятельную роль (наряду с основным противоречием капитализма) в противоречивом движении промышленного капитала.

Таким образом, исходное экономическое противоречие капитализма не исчезает с возникновением основного экономического противоречия. Дело обстоит не так, что основное (специфически капиталистическое) противоречие одно определяет все другие противоречия капитализма. Это верно только по отношению к группе противоречий, производных непосредственно от основного противоречия (например, противоречия капиталистического накопления, анализируемые в I томе «Капитала»). Другие конкретные противоречия определяются и исходным, и основным противоречиями, их сосуществованием и взаимодействием.

Такая постановка вопроса Марксом в корне отлична от гегелевской. В логической системе Гегеля исходная сфера, в конечном счете, становится моментом сферы сущности и теряет свое самостоятельное значение. В экономической системе Маркса это лишь одна сторона взаимодействия исходного и основного отношений и их противоречий; другая сторона состоит в признании самостоятельности исходного отношения и исходного противоречия и существования этой самостоятельности во всей системе отношений способа производства.

Если применить термин «производные отношения», то следует сказать, что у Гегеля производные отношения — это отношения сущности, т. е. отношения, производные только от основного отношения, а от исходного отношения — лишь в той мере, в какой оно есть снятый момент основного отношения. У Маркса же производные отношения (категории II и III томов «Капитала») — это и отношения, производные от взаимодействия двух самостоятельных отношений (исходного — «товара» и основного — «капитала»), от взаимодействия двух самостоятельных противоречий (исходного и основного).

В марксистской философской и политэкономической литературе нередко предпринимались попытки изобразить структуру «Капитала» по схеме: «бытие — сущность — явление — действительность». А поскольку у Гегеля, как уже отмечалось, и явление, и действительность — это ступени сферы сущности, то получается, что категории II

и III томов «Капитала» («явление» и «действительность») — это проявление только специфически капиталистических отношений, в которых товарная форма есть лишь момент.

Однако, если взять только «Логик» Гегеля, и то окажется, что она шире этой структуры. Ведь в «Логике», как известно, три сферы: бытие, сущность, понятие; каждая из них необходима в свете триадической схемы — важнейшего принципа гегелевской философии. Не согласуются с позицией Гегеля попытки использовать при анализе структуры «Капитала» лишь две первые сферы «Логики»: бытие и сущность (ведь явление и действительность не есть их синтез, не есть третья, это формы развития сущности, т. е. второй сферы). Может быть, затруднение вызывается тем обстоятельством, что учение о понятии есть так называемая субъективная логика? Но, во-первых, Гегель сам призывал не придавать особого значения делению логики на объективную и субъективную, поскольку вся логика в его толковании имеет объективное значение. А во-вторых, Гегель в сфере понятия рассматривает и категории первых двух сфер, их взаимодействие. Он делает здесь интересный вывод: «понятие... есть истина бытия и сущности, которые, фиксированные в их изолированной самостоятельности, должны, следовательно, вместе с тем рассматриваться как неистинные» [5, 213]. То есть фактически Гегель говорит о том, что третья сфера есть взаимодействие категорий первых двух сфер, самостоятельность которых в этом взаимодействии снимается. Представляется, что Маркс, материалистически развив это положение, реализует его при анализе конкретных экономических отношений во II и III томах «Капитала», показывая, что эти отношения есть результат взаимодействия двух самостоятельных отношений — товарного и специфически капиталистического.

Правда, до полного сходства позиций Маркса и Гегеля в этом вопросе весьма далеко. Для Гегеля единство бытия и сущности в третьей сфере — понятии выражается следующим образом: развитие сферы сущности становится возвращением в первую сферу (сферу бытия) подобно тому, как развитие первой сферы есть переход во вторую; благодаря этому двойному движению каждая из этих сфер, рассмотренная сама по себе, завершается в тотальности (в сфере понятия) и в этой-то завершенной тотальности деятельно приводит себя к единству с отличной от нее сферой (см.: [5, 422—423]).

Маркса же интересует другой аспект взаимодействия исходной сферы (сферы простых товарных отношений) и основной сферы (сферы специфически капиталистических отношений) — этого аспекта нет в системе Гегеля. Если бы он строго копировал гегелевскую схему взаимодействия бытия и сущности в третьей сфере (сфере понятия), то

должен был бы завершить «Капитал» рассмотрением товара как продукта капитала, рассуждая при этом следующим образом: сначала мы имели товар (товарное отношение) как поверхность, видимость капитала; стремясь познать глубинный процесс, скрытый под этой поверхностью, мы углубились в сферу сущности капитала, теперь мы возвращаемся в первую сферу (к товару как поверхности), обогащая ее категориями сущности капитала, вследствие чего она как единство двух первых сфер и определяется в качестве товара как продукта капитала. Единство это получилось бы между тем весьма условным (как это, собственно говоря, и случилось у Гегеля): первая сфера выполняла бы в таком единстве лишь роль фона, на котором развертывают себя развитые сущностные отношения второй сферы; этим ее самостоятельность и ограничивалась бы.

Для Маркса же, по нашему мнению, важно другое. Товарное отношение взаимодействует со специфически капиталистическим отношением как вполне самостоятельное отношение с другим самостоятельным отношением. Каждое из них имеет собственное содержание и выполняет свои собственные функции. Конкретные экономические формы в системе производственных отношений капитализма есть результат взаимодействия этих двух самостоятельных отношений, они определяются и тем, и другим. Однако указанные экономические формы — вовсе не результат такого взаимодействия, которое означает возвращение из сферы специфически капиталистических в сферу простых товарных отношений, в результате чего последним отводится лишь роль фона для проявления *differentia specifica* капитализма и от их самостоятельности мало что остается. Не от капитала обратно к товару в поисках конкретных экономических форм (что, в конечном счете, делает последние формами, производными только от капитала), а от товара и капитала (от обоих вместе) к экономическим формам, производным и от того, и от другого — такова, на наш взгляд, логика «Капитала».

Вместе с тем нельзя игнорировать гегелевскую постановку вопроса о взаимодействии первых двух сфер «Логики» в третьей сфере. Во-первых, третья сфера — закономерное и необходимое звено его системы. Во-вторых, сама по себе постановка вопроса в третьей части «Логики» содержит рациональное зерно, которое было использовано автором «Капитала» в исследовании конкретных (производных) экономических форм как форм взаимодействия товарных и специфически капиталистических отношений, хотя он и делает вывод, по своему содержанию противоположный гегелевскому. Не замечать этого — значит не замечать очень важный момент единства и вместе с тем различия в позициях Маркса и Гегеля.

Диалектика двойственности и многомерная диалектика

Недостатки гегелевской логики, отмеченные выше (если их оценивать с позиции диалектического материализма), коренятся, в конечном счете, в следующем пункте. Для Гегеля-идеалиста единственной субстанцией, первоосновой системы является Абсолют (абсолютная идея), а это значит, что в этой системе не может быть никакого другого полюса, с которым бы он сочетался. А так как, по Марксу, «безличный разум не имеет вне себя ни почвы, на которую он мог бы поставить себя, ни объекта, которому он мог бы себя противопоставить, ни субъекта, с которым он мог бы сочетаться, то он поневоле должен куврыкаться, ставя самого себя, противоположая себя самому же себе и сочетаясь с самим собой» [3, т. 4, 130]. Он не вступает в отношение с каким-то другим полюсом системы: в идеалистической системе его просто не может быть. В результате нет раздвоенности предмета, его двухполюсности. А следовательно, предмет оказывается в этом смысле непротиворечивым.

Возьмем экономическую систему диалектика-материалиста Маркса. Для нее не характерно наличие одной-единственной субстанции — скажем, капитала: это лишь один полюс системы. Капитализм, по Марксу, есть способ производства, который, во-первых, основан на стоимости и который, далее, организован капиталистически [3, т. 25, ч. 2, 421]. То есть экономическая система капитализма опирается на два системообразующих отношения, на единство этих двух противоположностей. Именно внутреннее противоречие данной системы — противоречие между товарным и специфически капиталистическим отношениями (между «товаром» и «капиталом») как двумя самостоятельными отношениями способа производства — является системообразующим противоречием рыночно-капиталистической экономики; именно оно делает теоретическую систему этой экономики целостной, генетически и логически развивающейся.

На этом можно было бы и завершить сопоставление логики противоречия в научных системах Гегеля и Маркса. И тогда итоги анализа могли бы быть расценены как преимущество материализма над идеализмом в понимании противоречия. Но это лишь один, узкоэкономический взгляд на проблему. Однако есть и более широкий («высокий») взгляд, который, напротив, возвышает «духовного» Гегеля (имея в виду всеобъемлющую роль «абсолютного духа» в системе его «Логики») над «бездушным материализмом». Такой взгляд способен реализоваться в экономическом анализе в рамках цивилизационного подхода, который предполагает учет в хозяйственной жизни духовного

начала, социокультурных элементов, этики, системы ценностей. Современная экономическая наука, подвергшись за последний период сильному воздействию неоклассического «экономического империализма», все больше сталкивается с трудностями, проистекающими из односторонности ее координат и, в частности, из-за слабой включенности в ее сферу «надэкономического» (духовно-цивилизационного) фактора.

Но вместе с тем воздав должное духовной направленности учения Гегеля и вытекающим из нее следствиям, необходимо обратить внимание и на другое. Это то, что стало предметом скрупулезного философско-богословского анализа у ряда русских мыслителей XIX—XX вв. — в частности, у Булгакова. Боясь допустить некорректность в тонких теологических вопросах, выделим лишь наиболее выпуклые аспекты. Булгаков, раскрывая представление Гегеля об «абсолютном духе», отмечает, что «у него «дух», «понятие» есть некая безликая субстанция, в которой возникает саморазличение» [1, 487] и что «царство Духа, Третьей Ипостаси, вводится у него больше в угоду триадическому схематизму да лютеранской ортодоксии, нежели действительной логической необходимости. Настоящего места у Гегеля для Царства Духа нет и быть не может» [1, 485]. А что же получается в итоге? — А то, что «религиозная философия Гегеля есть пантеистическое человекобожие, ибо дух сознает себя и рождается в человеке, который и есть становящийся, т. е. сознающий себя постепенно бог. Здесь Гегель есть единомышленник не только вышедших из него Фейербаха, Б. Бауера и даже Маркса, но и О. Конта, несмотря на всю метафизическую пропасть, их разделяющую... Таким образом, неожиданно, не сговариваясь, с разных точек, на разных языках, разными подходами и системами, во всех отношениях по-разному философия времени говорит об одном и том же — о грядущем во имя свое сверхчеловека-самозванце, отовсюду звучит одна и та же музыка антихристовая» [1, 486]. Таков православно-философский взгляд на «духовность» Гегеля, а заодно и на материализм Маркса, которые оказались у Булгакова в одной когорте — причем, как видно, не только по части их приверженности диалектике.

Что же касается диалектического метода, в разработку или реализацию которого внесли решающий вклад оба мыслителя, то необходимо видеть и его «риффы», «ловушки», на которые ими не обращалось должного внимания. Чрезмерный акцент на двойственности выразился, в частности, в обострении «революционно-критического духа» диалектики, антагонизировавшим существующие противоположности и нацеливавшим на формирование и анализ социально-

рафинированных, а не смешанных систем; в приоритете генетического аспекта над функциональным и структурным; в сверхдетерминизме линейного процесса как неуклонного поступательного развития, не признающим ни обратной стороны «прогресса», ни его циклической формы; в схематизме и нормативизме развития; в онтологизации и идеологизации диалектических форм и принципов; в диктате рациональной «бездушной диалектики» в ущерб подлинно духовному пространству, живому содержанию общественных явлений и процессов. Потребовалась своеобразная чистка диалектического подхода, его дополнение и развитие. При этом нельзя принять «предостережение против идеологий» тех критиков диалектического метода (К. Поппер, Ф. Хайек и др.), кто связывает деидеологизацию науки и общества с переходом от диалектики к идее «спонтанного развития», с формами «открытого общества» и «расширенного человеческого порядка», за которыми по существу стоит призыв войти в пространство «непротиворечивой» западной либеральной цивилизации, ценности которой необходимо «отстаивать».

Перспективными являются те научные попытки, которые направлены на совершенствование и развитие диалектического подхода. В этом ряду следует особо выделить движение к «многомерной диалектике».

В XX в. в естествознании и общественной мысли получили распространение идеи многомерного мировосприятия. Это — «многомерный континуум» А. Эйнштейна, «теория дополнительности» Н. Бора, расширенное «поле социальной материи» Ж.-П. Сартра, попытки слома междисциплинарных перегородок и выхода во «внешнее измерение» теоретиков постструктурализма (Ж. Делез, Ж. Деррида и др.), разнообразные поиски «третьего пути» и др. Так, у Делеза (его А. Бадью называет «систематиком гегелевского уровня, мыслителем Единого и множественного») это выглядит так: «Присутствие Двоицы является целиком вводным» и необходимо дальнейшее «равноправное блуждание», которое «нейтрализует диалектическую оппозицию», «разворачивая мысль к нейтралитету, коим обладает то, что Делез называет сверхбытием» [7, 49—50]. В этом же направлении предпринимались и попытки экзистенциализации диалектики, выразившиеся в ее обогащении «человеческим началом» (французское неогегельянство, Р. Кронер с его «диалектикой жизни», тот же Сартр с его включением творческой деятельности человека в «социальное поле материи», теории «нового гуманизма» и др.). Общая их логика состояла в стремлении преодолеть узость ортодоксально-дуалистических координат, расширить пространство анализа, отразить более сложную, многоас-

пектную картину мира, а при их применении к экономической жизни — понять необходимость и отразить содержание и структуру смешанной экономической системы, смешанных форм координации экономической деятельности и способов социального присвоения.

Воспринимая современные идеи многомерности, нельзя забывать того, что отечественная мысль с давних времен ориентировалась в этом направлении. Еще с Преподобного Сергия Радонежского на базе русской ветви православия получил особое почитание культ Троицы, который в XIX—XX вв. оформился в «диалектику (философию) троичности» (Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, А.Ф. Лосев и др.). Можно сказать, что русская духовная традиция показала свою глубокую историческую проницательность и научную перспективность. Следует особо выделить «философию троичности» у Булгакова. В православной трактовке «Пресвятая Троица исходит из абсолютности триединства к множественности ипостасей, соединяющихся в Церкви... есть единица в троице и троица — во единстве» [1, 445, 439]. В научной проекции, критически корреспондируемой с «диалектикой двойственности» (а здесь мы вновь должны вспомнить Гегеля и Маркса), это принимает следующее выражение: «Связка соединяет субъект и объект, которые, взятые отдельно друг от друга, находятся в антиномической сопряженности. Между ними нет моста... Нужна особая, посредствующая сила, которая бы связывала субъект и объект в акте бытия... ему принадлежит определенно третье место в составе субстанциального, а затем и логически-грамматического суждения» [1, 404].

Применительно к научному экономическому анализу, троичность может быть реализована как влияние «надэкономического» полюса в экономической системе с учетом того, что данный полюс может принимать разные формы выражения: духовное, этическое, национально-государственное, цивилизационное, социокультурное, экологическое и т. п. В этот же ряд органично войдет и «значение холистически-антропоцентристского общественного идеала для организации социальной и общественной жизни в России» [8, 361]. В результате смешанная экономика как адекватная форма современной экономики размещается в трехмерной системе координат, где первым измерением выступает соотношение форм координации экономической деятельности (рынок—госрегулирование), вторым — соотношение типов присвоения («капитал»—«социальность»), а третьим — соотношение узкоэкономического и «надэкономического». Первые два соотношения представляют собой своего рода «горизонтальные противоречия», а последнее выступает как «вертикальное противоречие», в котором есть нижний полюс (со всеми его вышеуказанными частными эконо-

мическими полюсами) и верхний, «надэкономический» полюс. Получается тройственная структура, в которую «диалектика двойственности» входит составной частью, отражая дуализм каждого из ее полюсов.

Особо следует отметить значение «диалектики троичности» для отражения национальной специфики экономики, начальные импульсы чего идут от немецкой исторической школы, от «Национальной системы политической экономии» Ф. Листа. Именно она позволяет включить в анализ в качестве важной черты экономической системы «национальный полюс», соотнеся его с полюсами универсально-экономической стороны этой системы. Это позволяет лучше определить параметры национальной модели экономики [9, 96]. «Диалектика троичности» может и должна сыграть свою конструктивную роль в формировании адекватной для России национальной экономической модели.

Литература

1. Булгаков С.Н. Соч.: В 2 т. Т. 1: Философия хозяйства. Трагедия философии. М., 1993.
2. Гегель Г. Наука логики. Т. 2. М., 1971.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч.
4. Кульков В.М. Реализация К. Марксом принципа диалектического противоречия в исследовании экономической системы капитализма и ее методологическое значение // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. 1983. № 3.
5. Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Т. 1: Наука логики. М., 1974.
6. Олейник А.Н. Институциональная экономика. М., 2002.
7. Бадью А. Делез. Шум бытия. М., 2004.
8. Цвайнерт Й. История экономической мысли в России. 1805—1905. М., 2008.
9. Кульков В.М. Проблемы формирования российской экономической модели // Экономист. 2010. № 11.

Е.В. КРАСНИКОВА

Место политэкономии в экономических науках и вузовском учебном процессе: факторы отторжения советской политэкономии

Аннотация. Основная идея статьи — обосновать право на возрождение политэкономии в ее классическом виде в качестве самостоятельной экономической науки, имеющей только ей присущий предмет исследования, в наиболее развернутом виде сформулированный Марксом. Это право было утрачено советской политэкономией. Предлагается воссоздать политэкономии социализма в ее очищенном от идеологических наслоений виде.

Ключевые слова: политэкономия, наука, естественно-эволюционное развитие, экономическая система, собственность, рыночная экономика, плановая экономика, социально-экономические противоречия, экономическая потенция насилия.

Abstract. The main purpose of the article is to establish a claim for the renaissance of political economy in its classic form as an independent economic science which has its own inherent research subject that was formulated in the most developed form by Marx. This claim was lost by the soviet political economy. It is proposed to reconstruct the political economy of socialism in a form cleared from ideology.

Keywords: political economy, science, natural evolution, economic system, property, market economy, state-planned economy, socio-economic differences, economic potential of violence.

Советская политэкономия была мгновенно и повсеместно без всяких официальных объяснений изъята из вузовского учебного процесса в первые же постсоветские годы. Причин может быть множество, остановимся лишь на двух из них: либо политэкономия как таковая вовсе не наука, а самозванка, либо она имеет право на существование в качестве самостоятельной, но советская политэкономия как наука не состоялась.

Что касается первого аспекта проблемы, то ответ на поставленный вопрос кроется в наличии у политэкономии особого предмета исследования, отличного от прочих экономических наук. Представляется, что таковой у нее есть. В наиболее зрелом виде его определение дано Марксом — а именно марксизм явился высшей точкой в развитии классической политэкономии. Неслучайно Маркс был признан самым выдающимся ученым прошедшего тысячелетия по итогам опроса среди английских интеллектуалов, проведенного в Англии накануне но-

вого тысячелетия. Оно дано им в Предисловии к первому изданию «Капитала», а это произведение и поныне остается классическим образцом политэкономического исследования, в основе которого лежит единство предмета и метода: «Предметом моего исследования в настоящей работе является капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена» [1, т. 23, 6]. Здесь же Маркс определяет и конечную цель. Таковой в его трактовке «является открытие экономического закона движения современного общества» [1, т. 23, 10].

Но потребность в политэкономии как науки не исчерпывается капитализмом, коль скоро капиталистический способ производства является далеко не единственным в истории человечества, общественное воспроизводство составляет исходную и основную сферу деятельности человека на протяжении не только капитализма, но и всей его истории. А потому и предмет политэкономии имеет место в любой экономической системе при всем их историческом различии. Производственные отношения вечны в той же мере, в какой вечна экономическая деятельность человека, они претерпевают в процессе своего развития глубокие изменения в пределах любого способа производства и еще более глубокие — при смене одного способа производства другим.

В свою очередь материальной основой такой смены служат качественные изменения в развитии самих производительных сил, в соответствии с характером изменения которых экономической наукой выделено три крупных этапа в их историческом развитии: доиндустриальный, индустриальный, постиндустриальный. Еще ранее это сделал Маркс, в терминологии которого это естественные, общественные и всеобщие производительные силы. Каждому из них соответствует вполне определенная система экономических отношений: докапиталистических, капиталистических и посткапиталистических (по прогнозу Маркса — коммунистических). Иными словами, экономическая история предстает разными способами производства, разными экономическими системами и соответственно разными разделами политэкономии как науки при едином предмете исследования.

Исторически сложилось так, что первым разделом политэкономии как науки явилась политэкономия капитализма, разработанная наиболее полно. Но в равной мере имеет право на такую разработку политэкономия и рабства, и феодализма, и социализма¹. К тому же капи-

¹ В этом смысле прав оказался И.И. Степанов-Скворцов (см.: [2, 257—346]), по существу воспроизведший введенное Энгельсом понятие политической экономии в широком и узком смыслах слова, воспринятое советской политэкономией.

тализм в развитых странах претерпел к настоящему времени столь существенные изменения, что впору говорить о его преобразовании на протяжении XX в. в новый, более сложный способ производства.

Иными словами, политэкономия как наука правомочна — как сохраняющая свой особый предмет исследования на протяжении всей экономической истории.

Что же касается второго предположения — утраты статуса науки советской политэкономией — то, если принять его, потребуется особое обоснование причин такой утраты, равно как и конкретных форм проявления.

Представляется, что такие причины действительно были, что и обусловило ограниченность ее научной состоятельности. В их числе едва ли не основная — навязанная политэкономии как общественной науке правящей партией чрезмерная идеологизация экономических исследований, что придало ей четко выраженный апологетический характер. И тому были объективные причины. Прежде всего это нужно было для того, чтобы заручиться поддержкой международного рабочего движения, придать ему социалистическую направленность, что было необходимо в условиях столь трудного социалистического строительства, осуществляемого к тому же в условиях небезопасного для социализма противостояния с капитализмом.

Идеологизация научных исследований, свойственная всякой общественной науке, в любом случае выступает серьезным препятствием на пути адекватного отражения предмета исследования в его движении, так как несет в себе ограниченность взгляда на отражаемые процессы. Но идеологическая передозировка чревата полной утратой научной ценности исследований. Представляется, что в немалой степени именно это и произошло с советской политэкономией, основное назначение которой с первых и до последних лет свелось к апологии социализма как экономической системы, заведомо исключавшей адекватное теоретическое отражение реальных экономических процессов, тем более исключалось их критическое восприятие.

Вето накладывалось на отражение любых негативных явлений в социалистической экономике. Тем более не могли стать предметом научного исследования социально-экономические противоречия, свойственные всякому способу производства. Даже у Маркса речь шла об устранении социализмом противоречий не вообще, а накопленных капиталистических. Вне противоречий нет развития, противоречия свойственны любому экономическому (и не только) процессу, они составляют внутренний источник развития. Система погибает лишь по мере исчерпания его потенциала, а это потенциал доиндустриального, индустриального, постиндустриального этапов развития. Советские

экономисты, которые пытались дать адекватное отражение советской реальности, вскрыть ее противоречия — а они обнаружались в первые же годы — в лучшем случае могли говорить о них лишь эзоповым языком. Но при явном критическом настрое они подвергались беспощадным репрессиям. Неслучайно первое поколение выдающихся советских политэкономов было физически уничтожено едва ли не в полном составе еще в 1930-е гг., что явилось хорошо усвоенным уроком для последующих поколений ученых.

Тем более не было места анализу противоречий и в учебной литературе. Так, в наиболее обстоятельном из советских учебников по политэкономии, написанном под редакцией профессора Н.А. Цаголова [3], социализм подается как внутренне непротиворечивая экономическая система. И это при том, что она к этому периоду уже была насыщена ими сверх всякой меры, что чисто внешне проявлялось в глубоком и повсеместном дефиците. Что же касается глубинных противоречий, то, как представляется, основное состояло в несовместимости эффективного использования основных средств производства с их присвоением в масштабах общества, создававшим видимость полного отсутствия реального собственника. Не менее существенной была несовместимость непрерывного внедрения НТП с всеобщей, гарантированной государством занятостью при фактическом сведении вслед за Марксом реального сектора к сфере материального производства. Тем самым социализм лишался традиционного для всякой экономической системы механизма разрешения противоречия между производством и потреблением, предложением и спросом, что крайне ограничивало реализацию так называемого основного экономического закона социализма.

Были и другие противоречия, например, глубоко противоречивыми были отношения планомерности, что проявлялось в несовпадении интересов институтов планирования на макро- и микроуровнях. Так, на макроуровне заинтересованность была в максимизации планового задания при минимизации производственных ресурсов под его выполнение, на микроуровне — заинтересованность прямо противоположная, коль скоро вознаграждение граждан как работников осуществлялось по итогам выполнения плана. Внутренне противоречивым было и соотношение между накоплением и потреблением, неизменно разрешавшееся в пользу накопления. Не было анализа отношений общенародного присвоения, не выявлялись причины все более массового хищения объектов государственной собственности. Поверхностно трактовались общественные фонды потребления как распределение сверхвознаграждения за труд (разве они создавались не трудом получателей и почему привилегии номенклатуры количественно и качественно от-

личались от общественных благ, предоставлявшихся рядовым работникам?), не было анализа макроэкономической структуры, в которой в полной мере и весьма наглядно материализовались противоречия социализма. Вопросы бесконечные и безответные по каждому разделу и даже параграфу не только названного учебника.

Жестким контролем вездесущих репрессивных органов исключалось адекватное теоретическое отражение социально-экономической природы даже капитализма, а тем более социализма. Пройденный им путь никак нельзя было назвать светлым, но именно таковым требовалось его изображать. Дамоклов меч в облике этой функции, довлевший над политэкономией на протяжении всех советских лет, подорвал ее статус как науки, что и предопределило ее полное изъятие из учебного процесса, чем молчаливо и повсеместно была признана ее несостоятельность.

Итак, драма, постигшая советскую политэкономию, явилась драмой не политэкономии как самостоятельной науки среди прочих экономических наук, но состояния ее научного потенциала на момент рыночных преобразований. За годы социализма она подверглась столь глубокой идеологизации, оказалась столь «плотно пропитанной идеологическими догмами своего времени» [4, 23], что ее статус как науки был весьма основательно подорван. При такой исходной ситуации возрождение политэкономии как науки предполагает создание в значительной мере заново политэкономии социализма (а именно так трактовалась советская экономическая система), не отбрасывая и того ценного, что сумели сделать советские ученые вопреки обстоятельствам.

Итак, предстоит заново осмыслить природу экономической системы, на протяжении всей ее недолгой истории именованной социализмом марксистского происхождения. В ходе таких исследований и будут преодолены сложившиеся в российском научном экономическом сообществе глубокие разногласия в определении природы советской экономической системы, выявившиеся в постсоветский период. В советские годы такой возможности не было, социалистическая природа, марксистская по происхождению, открытому сомнению не подвергалась, о чем свидетельствует само название работ наиболее известных советских экономистов [5—11] (во всех названиях присутствует термин «социализм», а о противоречиях — при этом «вообще», но не социализма — говорится только в работе А.Я. Кронрода). Насколько глубоко они верили в подлинность социализма, выяснилось лишь в постсоветский период.

Для глубокого осмысления социализма необходим исчерпывающий, свободный от идеологических пристрастий политико-экономический анализ советского прошлого. Исходным пунктом

должно явиться осознание постигшей Россию трагедии, обусловленной насильственным сломом естественно-эволюционного характера ее развития во имя реализации социалистического прогноза Маркса и Энгельса, усугубленной еще и его вненаучным характером. Насильственным, так как развитие капитализма в России было прервано задолго до исчерпания им своего мощного экономического потенциала, хотя классики отнюдь не отрицали исторического права капитализма на существование. Пришествие социализма обосновывалось необходимостью разрешения противоречий именно капитализма.

Между тем накопленные к началу XX в. российской экономикой противоречия были обусловлены исчерпанием экономического потенциала совсем другой экономической системы — феодализма. Эти противоречия призван был устранить капитализм самим фактом своего становления, что и происходило в истории развитых стран (см., напр.: [12]). Таково его назначение с точки зрения закономерностей естественно-эволюционного хода экономической истории. Однако в России этот процесс был насильственно прерван, а сформировавшемуся под воздействием накопленных в стране к началу XX в. противоречий мощному демократическому движению, носившему четко выраженный антифеодальный характер, революционерами во главе с Лениным удалось придать чуждый ему антикапиталистический характер, направив его в русло борьбы за социализм. Прерван был путь в целях преждевременной реализации на практике социалистического прогноза Маркса и Энгельса. Именно поэтому становление непосредственно общественной формы собственности оказалось лишенным материальной основы, что и потребовало ускоренной индустриализации, хотя и она не решала проблемы, так как на протяжении всей истории социализма была подчинена милитаризации экономики. Неслучайно даже на исходе социализма половина работников, занятых в народном хозяйстве, выполняла функции ручного труда.

Драма России усугублялась еще и тем, что социалистический прогноз оказался «вненаучным пророчеством»², что было доказано исто-

² То обстоятельство, что социалистический прогноз Маркса оказался «вненаучным пророчеством» (И. Шумпетер), нисколько не снижает глубины теоретического наследия Маркса. Им действительно дан исчерпывающий политэкономический анализ капитализма как экономической системы, вполне сложившейся к середине XIX в. Более того, «Капитал» явился уникальным в мировой экономической науке произведением, предстающим единством предмета и метода. Абсолютно верен и вывод о неизбежности смены капитализма иной экономической системой, первые признаки становления которой обозначены Марксом в третьем томе «Капитала» превращением капиталистического способа производства не в социализм, но в

рией развитых стран. На смену капитализму действительно явился посткапитализм, но, вопреки социалистическому прогнозу Маркса, в облике не социализма, но постиндустриального, информационного общества, по всем параметрам глубоко отличного от капитализма. И даже сохранение в нем рыночной экономики не должно вводить в заблуждение. Подобного рода аналог уже был в экономической истории человечества: как известно, натуральное хозяйство было представлено разными экономическими системами — рабство и феодализм никогда и никто не отождествлял. Материальной основой его долголетия явился длительный во времени доиндустриальный этап в развитии производительных сил.

Посткапитализм действительно разрешил противоречия капитализма, но не заменой частной собственности непосредственно общественной, а эволюцией индивидуальной частной собственности в статусе господствующей в формы совместной, ассоциированной, в сфере крупного бизнеса и сохранением разных форм собственности индивидуальной в сфере малого и среднего бизнеса. Одновременно свободная рыночная экономика эволюционировала в смешанную, рыночный механизм регулирования был дополнен государственным.

Насилие над историей глубоко осложнило, но не исключило социалистическое строительство, осуществленное, как представляется, в полном соответствии с основными постулатами социалистического прогноза классиков, сведенными воедино в работе В.Н. Черковца [13, гл. 30]. Они и были без малейших отступлений реализованы на практике, что дает основания квалифицировать советскую экономическую систему как социализм в его марксистской трактовке — и в этом смысле подлинный. Но беда обнаружилась в другом: насилие над историей в начале XX в. обернулось для страны фарсом на его исходе. Спустя без малого век ей пришлось вновь вступить на капиталистический путь развития, но совсем в другой общественной среде, глубоко отравленной социалистическим менталитетом, тормозящим его становление.

В постсоветский период создались благоприятные условия и для возрождения политэкономии как науки, в том числе и политэкономии социализма в ее очищенном от идеологической окраски виде. Такое

«ассоциированный способ производства». Ассоциированный — ввиду неизбежного грядущего вытеснения индивидуальной частнокапиталистической формы собственности ассоциированными ее формами, в его определении это кооперативная и акционерная, что и произошло в развитых странах в течение XX в., хотя и индивидуальная не была уничтожена.

возрождение актуально как для адекватного восприятия нашего уникального и весьма поучительного советского прошлого, так и для более глубокого понимания настоящего, коль скоро формирующаяся модель капитализма несет на себе родовое клеймо своего особого, постсоциалистического происхождения.

Итогом такого исследования и явится преодоление разногласий в определении социально-экономической природы канувшей в Лету системы, трактовка которой ныне крайне неоднозначна. В лучшем случае она выдается за социализм, но глубоко деформированный вследствие отступления от марксистской теории в ходе социалистического строительства. Деформация усматривается в превращении марксистской модели социализма в социалистический социализм и в этом смысле — в псевдосоциализм. Такова позиция Я.А. Кронрода [14] (текст данного очерка публикуется по [15]). В трактовке А.П. Бутенко реальный социализм оказался квазисоциализмом [16], в определении А.В. Бугалина и А.И. Колганова — мутантным социализмом [17]. В худшем случае выдается за капитализм представление, например, М.И. Воейкова [18]. Примечательно еще и то, что Воейковым вслед за советскими учеными 1920—1930-х гг. не вполне убедительно признается политэкономия исключительно капитализма³, что связывается с наличием рыночной экономики, трактуемой к тому же неотъемлемым свойством исключительно капитализма. Но и это далеко не бесспорно. Выше уже отмечалось, что предмет данной науки существует в любой экономической системе — от рабства до современного постиндустриального общества⁴. Существует ввиду того, что производственная деятельность есть основа существования человеческого общества на протяжении всей его истории независимо от того, какой характер носят производственные отношения — рыночный или не рыночный. Да и рыночная эконо-

³ Тем более неясно, почему нет ссылки на Энгельса («Анти-Дюринг»), которым и было введено понятие политической экономии в широком и узком смысле слова, в соответствии с которым политэкономия капитализма он определил «политической экономией в узком смысле слова» [1, т. 20, 155].

⁴ Примечательно, что природа советской экономической системы трактовалась неоднозначно и в довоенный период, что вполне естественно для периода ее становления, но не для периода, когда история социализма завершилась. Б. Бруцкус называл три наиболее распространенных в тот период варианта: «В России нет социализма, и там не хорошо», «В России социализм, и там хорошо», «В России социализм, и там не хорошо». Сам он придерживался третьего варианта и дал вполне убедительное обоснование социалистической в ее марксистском толковании природы советской экономической системы (см.: [19, 205]). Этой же точки зрения безоговорочно придерживается и автор данной статьи.

мика не есть свойство исключительно капитализма, хотя и его генетический зародыш, вынашивавшийся в недрах натурального хозяйства. Как известно, она зародилась в облике мелкого (простого) товарного производства еще в рабовладельческом обществе. По мере исчерпания потенциала экономического развития на базе натурального хозяйства, что было достигнуто лишь в эпоху феодализма, она превратилась наконец в рыночную капиталистическую, где впервые в своей истории заняла все экономическое пространство страны. Но рыночная экономика сохранилась и в современном постиндустриальном обществе, претерпев при этом эволюцию в более сложную модель смешанной рыночной экономики и частично уступив экономическое пространство государственному сектору.

Не оказалось места рыночной экономике лишь в социалистическом обществе, где господствующим положением общенародной собственности заведомо исключалась экономическая обособленность хозяйствующих субъектов как частных собственников. А именно появление частной собственности, в трактовке Маркса и Энгельса, явилось непосредственной причиной возникновения рыночных отношений. Именно поэтому попытка весьма осторожного и непоследовательного внедрения в социалистическую практику чуждых господствующей форме собственности товарно-денежных отношений, предпринятая в 1960-х гг., не только не дала ожидаемого эффекта, но еще более и самым естественным образом ускорила разрушение отношений общенародного присвоения. Некое подобие рыночных отношений было представлено лишь личным подсобным хозяйством колхозников, которые часть выращенной на приусадебном участке продукции продавали на колхозном рынке. Но ее удельный вес в ВВП страны был ничтожно мал. Нелепость рыночной модели социализма особенно наглядно была доказана опытом СФРЮ (а по мнению Я. Корнаи, еще и Венгрии, ценой крови заплатившей за право относительно широкого внедрения рыночных отношений), столь же бесславно канувшим в Лету, как и его советская модель, но с еще большим разрушительным эффектом.

Преодоление столь глубоких расхождений в научной среде относительно определения природы так называемого реального социализма в процессе его всестороннего политэкономического исследования, ныне чрезвычайно облегченного завершением его истории, включившей в себя все этапы его жизненного пути от момента возникновения до гибели под бременем накопленных противоречий. При этом выявление социально-экономических противоречий должно стать сквозной проблемой. Без этого невозможно понять внутренний источник развития социализма, равно как и глубинные причины его гибели, что позволит не усматривать их в якобы отступлении от марксизма, равно как во

всякого рода ошибках и просчетах социалистических лидеров, фанатично преданных идее социализма. Их не следует преувеличивать, так как, хотя они действительно допускались, но отнюдь не носили анти-социалистического характера, будучи всего лишь либо весьма примитивными, как, например, эксперименты Н. Хрущева в аграрном секторе, направленными на повышение уровня социализации в нем в целях скорейшего возведения коммунизма, либо отчаянными от беспомощности в преодолении негативных явлений, в полной мере выявившихся к началу 1970-х гг., каковой была реформа А.Н. Косыгина 1965 г.

Относительно значимости просчетов примечательно замечание Маркса, который писал, что, если смотреть «на развитие экономической общественной формации как на естественноисторический процесс», то с такой точки зрения, «меньше, чем с какой бы то ни было другой, отдельное лицо можно считать ответственным за те условия, продуктом которых в социальном смысле оно остается, как бы ни вышлось оно над ними субъективно» [1, т. 23, 10]. Не следует все же преувеличивать роль личности в экономической истории, даже если эта личность облечена огромной властью, в эпоху социализма заведомо направленной на социалистическое строительство по лекалам классиков. Тем более недопустимы были даже малейшие отступления от марксизма как официальной идеологии, как неотвратимо и беспощадно наказуемые.

Более резонны поиски причин деформации социализма в том, что он возводился в отсталой феодальной России, а не в развитой капиталистической Англии, как предполагали классики. Однако это обстоятельство создало лишь особые трудности при его строительстве, но не воспрепятствовало ни уничтожению частной собственности во всех ее формах, ни замене ее общенародной, ни внедрению директивного народнохозяйственного планирования, ни введению всеобщей гарантированной занятости, ни созданию общественных фондов потребления, что по совокупности и составляет суть социализма в трактовке Маркса и Энгельса. Более того, обусловленные этим фактом трудности социалистического строительства преодолевались не только успешно, но и грамотно. Так, ускоренная индустриализация была признана устранить разрыв между уровнем развития производительных сил и «самыми прогрессивными производственными отношениями». Даже вынужденное формирование кооперативно-колхозной собственности в сельском хозяйстве не стало признаком существенного отступления от марксистской модели социализма, так как кооперативной она по существу так и не стала в условиях государственной собственности на основное в данной отрасли средство производства — землю.

Иными словами, практика социализма — полное подтверждение ориентации политических лидеров на его марксистскую трактовку. Ни малейших отступлений или искажений конституирующих социализм признаков марксистской модели не допускалось на протяжении всей истории социализма. Общественная собственность не только признавалась «священной и неприкосновенной, единой и неделимой» (каковой в Кодексе Наполеона мыслилась индивидуальная частная), но и неуклонно наращивалась в процессе индустриализации; было успешно, по данным официальной статистики, реализовано 12 пятилетних народнохозяйственных планов; не только обеспечивалась всеобщая занятость, но и предусматривалась уголовная ответственность за тунеядство. Ни с какой точки зрения оснований для отрицания марксистской природы реального социализма не было и нет. Такой же точки зрения придерживается и всемирно известный венгерский ученый Я. Корнай, по мнению которого «...социалистический режим воплотил план Маркса», и чуть ниже об этом в более развернутом виде: «...по моему убеждению, то, что сформировалось после 1917 года в коммунистической части мира и просуществовало до 1989 года, по сути стало воплощением социалистической системы, которая, по представлению Маркса, должна была возникнуть в противовес капитализму...» [20, 315—316]. Другое дело, что реальность оказалась много богаче прогноза. Так ведь еще Гете устами своего героя сказал: «Суха теория, мой друг, а древо жизни пышно расцветает». Прогноз классиков и расцвел пышным цветом, но отступлений от основных положений прогноза не было.

Весьма спорным в экономической науке оказался вопрос о социальной структуре общества и месте в ней правящей номенклатуры. Официально социальная структура была представлена двумя классами и прослойкой между ними — интеллигенцией. Внутри последней и оказался особый социальный слой, получивший название номенклатуры в соответствии с официальным документом о номенклатурных должностях. Особый в том смысле, что ею в системе общественного разделения труда выполнялись управленческие функции во всем их многообразии. Именно с деятельностью правящей номенклатуры многие ученые, а в их числе Н. Бердяев, Л. Троцкий, М. Джилас, Я. Кронрод, А. Бутенко и др., связывают деформацию социализма, искажение его природы, выдавая ее за «господствующий класс» (М. Восленский), и даже того более — за класс эксплуататорский.

Такая трактовка социального статуса номенклатуры не представляется бесспорной по ряду обстоятельств. Прежде всего важно то, что управленческий труд является объективно необходимым в системе общественного разделения труда тем в большей мере, чем выше уро-

вень обобществления производства, вследствие чего Маркс трактовал его производительным. С этих позиций и следует решать вопрос о социальном статусе номенклатуры. Она действительно занимала господствующее положение в обществе, но это соответствовало месту управленческого труда в системе общественного разделения. Но вследствие этого обстоятельства она не становилась собственником средств производства. Такую видимость создавал характер выполняемого ею труда — управленческого, но она была всего лишь его носителем, советским менеджером, обладающим в условиях тотально общенародной собственности общим для всех граждан социальным статусом сособственника. Примечательно, что именно она явилась инициатором рыночных преобразований, суливших ей обретение взамен и ею воспринимаемого мифическим статусом сособственника, на вполне ощутимый статус собственника и при этом далеко не худших объектов государственной собственности. Она не обманулась в своих ожиданиях. Но инициировала лишь тогда, когда осознала в качестве менеджера раньше других классов и слоев и в полной мере безысходность ситуации, в которой оказался социализм.

Ее особое положение в социальной структуре общества, обусловленное особым положением в системе общественного разделения труда, действительно ставило ее на грань превращения в менеджера-эксплуататора. Ведь отношения эксплуатации отнюдь не замыкаются отношениями капиталиста-собственника и наемного рабочего, в более широкой постановке — собственника и не собственника. Они совсем не обязательно носят именно такой характер, как утверждал Маркс. В более широком, всеобщем смысле суть эксплуатации, как представляется, состоит в вознаграждении за труд, превышающем трудовой вклад работника, будь он собственник, наемный менеджер, представитель советской номенклатуры. В такой трактовке эксплуатации для присвоения чужого труда вовсе не обязательно быть собственником. Им вполне может быть любой менеджер и даже рядовой работник, если уровень оплаты его труда в силу каких-то обстоятельств превышает его трудовой вклад, и не быть им собственнику, если трудовое вознаграждение последнего соответствует его трудовому вкладу в качестве управляющего объектом частного присвоения, организатора и руководителя процесса воспроизводства.

Советская номенклатура действительно имела более высокий жизненный уровень, чем работники, занятые исполнительским трудом. Но на то были объективные основания: управленческий труд есть разновидность умственного, сложного и ответственного, а потому и оплачиваемого выше. Было ли соответствие трудового вклада мере его вознаграждения — просто так ответить невозможно, на то и существуют

научные институты труда. Исходя из того, что номенклатура тщательно скрывала свои денежные и натуральные доходы, можно предположить, что такого соответствия не было тем более, что она сама определяла меру вознаграждения в том числе и собственного труда. А это открывало широкие возможности для злоупотребления служебным положением, исключать чего нельзя. Такая ситуация была вполне вероятной в условиях, когда юридическое оформление общенародной собственности государственной, да еще и в статусе господствующей, означало передачу обществом правящей номенклатуре всего пучка правомочий (пользование, владение, распоряжение и пр.), наделявшую их безграничной экономической (и не только) властью. В этом смысле социализм действительно приобретал характер социолитаризма, оставаясь, однако, марксистской моделью социализма. Иной модель не могла быть по определению, ее конституирующий признак — господствующее положение непосредственно общественной, общенародной собственности — породил и номенклатуру, и ее особый статус — статус управленческого слоя, обладавшего широкой возможностью злоупотреблять экономической властью в корыстных целях.

И все же самым шокирующим фактом в истории социализма явилось широкое использование насилия по отношению к собственному народу на всем ее протяжении. Попытаемся доказать, что вне насилия история социализма не состоялась бы и вовсе. Такой же точки зрения придерживается и Я. Корнай, хотя при ее обосновании он ссылается непосредственно на Маркса [20], хотя последний писал о необходимости жесткой диктатуры пролетариата лишь для переходного периода. Роль насилия была высока во всех сферах жизнедеятельности: экономической, политической, идеологической. Значимость насилия в области экономической заведомо была predetermined статусом господствующей общенародной формы собственности, абсолютно ей в силу ее природы противопоказанным. Именно таким статусом была predetermined экономическая несостоятельность марксистской модели социализма, именно поэтому она оказалась неспособной обеспечить более эффективное относительно капитализма функционирование национальной экономики.

Проблема в природе общенародной собственности как высшей формы совместного присвоения. Она казалась неспособной в силу того, что при таких масштабах совместного присвоения создавалась ложная видимость отсутствия собственника вообще. Статус сособственника, каковым наделялись все члены общества, не воспринимался в качестве реального, а потому не было экономической мотивации к эффективному использованию объектов совместного присвоения, хотя это составляет исходную и основную функцию всякого собственника.

Вместо такой мотивации была экономическая мотивация к выполнению плановых заданий, но сам план был заведомо не оптимальным. Видимая бесхозность объектов совместного присвоения питала к тому же клептоманию, принявшую к исходу социализма массовый характер. В хищение объектов государственной собственности к исходу социализма были вовлечены представители даже высшей партийной элиты (ведь собственниками представители номенклатуры не были).

Не менее важным было и то обстоятельство, что вытекавшая из природы господствующей формы собственности всеобщая гарантированная занятость экономически активного населения неизбежно вела к утрате экономической мотивации к эффективному использованию рабочего места, рабочего времени, что предвидел еще П. Прудон. Тем более такую ситуацию нетрудно было понять Ленину, отнюдь неслучайно предлагавшему «рассматривать нарушение трудовой дисциплины как уголовное преступление, наказуемое вплоть до тюремного заключения», что и делалось на практике на протяжении всего сталинского периода. Неслучайно и то, что безуспешной при всей ее актуальности оказалась и борьба Ю. Андропова за соблюдение трудовой дисциплины в условиях, когда нарушения приняли уже массовый характер.

Итак, господствующая форма собственности вкупе с вытекающей из нее всеобщей гарантированной государством занятостью лишала членов общества в качестве сособственников — экономической мотивации к эффективному использованию объектов совместного присвоения, в качестве работников — к эффективному использованию рабочего времени, рабочей силы. По совокупности экономической мотивации к эффективному использованию основных факторов производства была чрезвычайно слаба. В этом состоит самая глубокая основа дефицитного характера социалистической экономики.

Несостоятельность данной модели социализма состояла еще и в ее слабой восприимчивости к НТП. Доказательством тому служило преобладание экстенсивного типа воспроизводства на протяжении всей истории социализма, равно как и технологическая отсталость гражданского комплекса, в полной мере выявившаяся в процессе либерализации внешнеэкономической деятельности. Отторжение вполне объяснимое. Ведь еще Маркс при обосновании теории накопления капитала (седьмой отдел первого тома «Капитала») связывал НТП с неизбежностью массовой безработицы. И это действительно так при сведении реального сектора национальной экономики исключительно к сфере материального производства. Такое сведение было воспринято и советскими учеными. Но безработица при социализме не допустима, такова его природа.

В силу слабой восприимчивости к НТП⁵ социализм лишался механизма разрешения присущих ему противоречий, вследствие чего был обречен на постепенное накопление этих противоречий вплоть до критической точки. Это и явилось самой глубокой внутренней причиной его скоротечной по меркам истории гибели.

Но при чем тут насилие? Дело в том, что вакуум экономических стимулов самым естественным образом заполнялся его «экономической потенцией» (Маркс). Замена, заведомо не равноценная, так как даже жесткие насильственные методы никогда не обладали тем потенциалом, каким обладают экономические стимулы к эффективному использованию основных факторов производства. В отсутствии таких стимулов состоит исторически и логически исходная и самая глубокая причина хронически дефицитного характера социалистической экономики, неспособной функционировать эффективно. Неслучайно первая научная дискуссия о дефицитном характере советской экономики состоялась еще на заре социализма, в далеком 1926 г. И лишь в постсоветский период появилась монография венгерского ученого Я. Корнай с исчерпывающим названием «Дефицит», названием — приговором ушедшей системе.

Несостоятельность общенародной собственности в качестве господствующей имела еще один аспект. Юридически она может быть оформлена исключительно государственной, коль скоро государство есть единственный институт, по своей природе выступающий носителем общенациональных интересов. Но это вело к концентрации всего пучка полномочий в руках государственных служащих, правящей номенклатуры. В свою очередь это порождало коррупционные отношения тем в большей мере, чем больше масштабы огосударствления национальной экономики. А так как в советской экономике они были предельными, то механизм их преодоления был чрезвычайно слаб. К тому же масштабы коррупции были многократно приумножены хронически дефицитным характером советской экономики.

Насильственное насаждение неведомой миру системы, равно как и терпимость к насилию на протяжении всей истории социализма в незначительной мере объяснялось состоянием человеческого материала нака-

⁵ Так, на протяжении XX в. возникло множество революционных инноваций, но все они были открыты и воплотились на практике исключительно в капиталистических странах, что и обеспечило им вступление в полосу постиндустриального развития на протяжении всего XX в., о чем подробно, обстоятельно и весьма убедительно с широким использованием фактических данных пишет Я. Корнай в статье «Инновации и динамизм: взаимосвязь систем и технического прогресса» [21]. Более подробно о том же он пишет в уже названной выше монографии «Размышления о капитализме» (ч. 1) [20].

нуне Революции. Оно весьма убедительно характеризуется российскими учеными. Профессор Зубов утверждает, что «...победа большевистского заговора в 1917 году, победа, погубившая Россию и ввергнувшая в неисчислимые кровавые муки русский народ, была достигнута именно из-за дикости, необразованности подавляющего большинства русских людей и однобокого, неправильного, внерелигиозного и непатриотического воспитания множества из тех, кого привычно называют в России “интеллигенцией”» [22]. Еще ранее по существу то же самое отмечал Я. Кронрод. Цепь непрекращающихся расправ над народами страны в советский период, в его представлении, была подготовлена предшествующим развитием российского народа, а это «безысходная ограниченность, тупой шовинизм, антисемитизм, презрение к подлинной духовности и культуре, вера во всеислие кнута, палки, окрика, низкопоклонства, раболепие и одновременно хамство — эти неотъемлемые черты воспитанной веками психологии рабства, образовавшего его человеческий материал» [15]. Представители такого народа и заняли все управленческие должности, что позволило им беспощадно выметать из общества носителей интеллекта как потенциальных противников новой системы, чем последовательно обезглавливали общество.

Иными словами, предпосылки широкого использования жестоких методов классовой борьбы в переходный период и весьма жестких в целях формирования социально однородной структуры общества, ее экономического и интеллектуального усреднения в целях сохранения чистоты господствующей идеологии сформировались еще в дореволюционный период. И политические лидеры, создававшие репрессивные институты, и исполнители репрессивных приговоров, и их миллионные жертвы были типичными представителями народа: одни были готовы уничтожать собственный народ ради реализации сомнительной идеи, другие — беспрекословно исполнять приговоры всякого рода троек, третьи — молчаливо и покорно принимать всю эту жестокость. На таком общественном фоне и оказалось возможным, как писал первый советский министр юстиции И. Штейнберг, «волею революционной власти» создать «слой революционных убийц» [23]. Конечным следствием явилась та самая демографическая катастрофа, постигшая страну в годы социализма, о которой писал академик Ю. Пивоваров.

Исходя из особенностей происхождения социализма (вопреки экономическим закономерностям) и его природы как тотально огосударственной экономики, выдавать социализм за социализм, псевдо- или квазисоциализм нет оснований. И особая роль номенклатуры, и беспрецедентная в истории деятельность репрессивных органов — родовые признаки, четко просматриваемые в любой социалистической

стране, не только в СССР. За годы своего существования данная система в полной мере выявила свой экономический потенциал, ограниченный господствующим положением общенародной собственности.

Статуса господствующей в национальной экономике она не удостоилась даже в постиндустриальной экономике с ее высочайшим в условиях глобализации уровнем обобществления производства. Крупному бизнесу вполне адекватной оказалась действительно общественная, но не общенародная (государственная), а акционерная собственность, характеризующаяся более низким по сравнению с ней масштабом совместного, ассоциированного, в терминологии Маркса, присвоения⁶. В развитых странах, вопреки ожиданиям классиков, даже в обозримом будущем формирование марксистской модели социализма не просматривается, хотя государство все в большей мере становится государством всеобщего благосостояния. И уже сейчас в несопоставимо большей мере, нежели было таковым социалистическое государство в эпоху развитого социализма.

Несостоятельность социалистического прогноза, а ученые имеют право на прогноз, отнюдь не свидетельствует о несостоятельности экономической теории Маркса и Энгельса. Ошибка в прогнозах столь естественна, если пытаешься заглянуть за линию горизонта. Ведь, как утверждал выдающийся немецкий философ XX в. Гадамер, «завеса времени непроницаема». К тому же Маркс и Энгельс не несут ответственности за апробацию на практике их прогноза, они его никому не навязывали и даже революционные события Парижской коммуны не сочли нужным возглавить. Революционерами, а тем более «авантюристического» толка, как характеризовал Н. Бердяев российских революционеров, они не были. Иной точки зрения на этот счет придерживается Я. Корнай.

Примечательно и то, что помимо социалистического прогноза Маркс писал об уже происходящем преобразовании капиталистического способа производства в ассоциированный, связывая этот процесс с распространением ассоциированных форм собственности: «Капиталистические акционерные предприятия, как и кооперативные фабрики, следует рассматривать как переходные формы от капиталистического способа производства к ассоциированному...» [1, т. 25, ч. 1, 484]. Но это предвидение, явившееся по существу констатацией реального процесса, активно протекавшего в развитых странах с середины XIX в., почему-то осталось за пределами внимания даже со стороны ортодоксальных марксистов (неужели третий том невнимательно прочитали?).

⁶ Автором предпринята попытка дать классификацию форм индивидуального и совместного присвоения (см.: [23]).

А ведь именно в этом направлении и пошло развитие капитализма в сторону посткапитализма.

Скоротечность истории социализма объясняется не его деформацией, а тем более не отступлением от основных постулатов марксистской теории, не формальным характером общенародной собственности, но ложной видимостью отсутствия собственника, создаваемой масштабами совместного присвоения. И это вопреки четко и безотказно действовавшему механизму ее экономической реализации, включавшему совместное присвоение прибавочного продукта, всеобщую гарантированную занятость, распределение общественно значимых благ через механизм общественных фондов потребления. Однако в массовом общественном сознании все это не воспринималось порождением данной формы присвоения в статусе господствующей. Вследствие такого неосознания советский народ легко и безропотно расстался с данной формой собственности, не предполагая того, что такое расставание будет сопровождаться устранением и совместного присвоения прибавочного продукта, и государственной гарантии всеобщей занятости, и упразднением общественных фондов потребления.

При воссоздании политэкономии социализма как учебного курса в самой общей постановке представляется необходимым включить такие разделы, как:

- факторы, обеспечившие победу социалистической революции в России с неизменным использованием работ Н. Бердяева, С. Франка, В. Розанова, П. Сорокина, Й. Шумпетера и др.;
- историческая состоятельность социалистического прогноза Маркса и Энгельса, его основные постулаты как ориентир социалистического строительства на практике;
- переходный период от капитализма к социализму (в том числе с использованием книги Н. Бухарина «Экономика переходного периода», концепции «социалистического первоначального накопления» Е. Преображенского и др.): преобразование унаследованных форм собственности: способы, методы, темпы последовательность, социально-экономические последствия, роль насилия в нем и масштабы репрессий; государственный статус общенародной собственности и вытекающие из этого последствия; нэп как вынужденная пауза в социалистических преобразованиях; становление планового механизма хозяйствования (от ГОЭЛРО к первым пятилеткам); начало ускоренной индустриализации, направленной на преодоление разрыва между производительными силами и производственными отношениями; преобразование аграрных отношений: способы, методы, последовательность, темпы, последствия, роль насилия в нем и масштабы репрессий; коренное преобразование социальной структуры общества, роль насилия

в нем; номенклатура как особый управленческий слой в социальной структуре общества;

- социализм как материализация основных постулатов социалистического прогноза классиков: общенародная собственность в статусе господствующей, ее особенности как высшей формы совместного присвоения и вытекающая из них экономическая несостоятельность ее господствующего положения, формы проявления такой несостоятельности; специфика экономического механизма реализации господствующей формы собственности; противоречия общенародного присвоения, формы их проявления, механизм разрешения; государственный статус общенародной собственности и вытекающие из этого последствия (административно-командные методы государственного управления, коррупционные отношения и пр.); несостоятельность внедрения в социалистическую практику рыночных отношений (реформа 1965 г.); планирование, его масштабы и характер, институты планирования и их взаимодействие; противоречия отношений планомерности, формы их проявления и механизм разрешения; всеобщая гарантированная занятость, механизм и последствия ее внедрения, роль насилия в соблюдении трудовой дисциплины; критерии и механизм формирования макроэкономической структуры в ее отраслевом, технологическом, территориальном аспектах; макроэкономическая структура как материализация социально-экономических противоречий социализма; распределение по труду и через общественные фонды потребления в их единстве и различии, противоречия, присущие этим отношениям;

- кризис социализма как экономической системы: причины, масштабы, формы проявления;

- факторы безальтернативности смены социализма капитализмом.

Еще более актуальна разработка особого раздела в политэкономии капитализма. Речь идет о российской модели капитализма, с первых лет преобразований ставшей предметом политэкономического осмысления. Исследования российских ученых последних 20 лет посвящены выявлению особенностей этой модели, порожденных не только и даже не столько ее национальными особенностями, каковые присущи модели капитализма в любой стране и России в том числе, сколько ее особым постсоциалистическим, а не традиционно постфеодалным происхождением, как это было и в западноевропейских странах, и в самой, но дореволюционной, России. Важно и то, что она все еще находится в процессе становления. Так, по оценке академика А. Аганбегяна, рыночная экономика занимает ныне не более 20—30% экономического пространства страны.

Становление капитализма в России отягощено «проклятием» советского прошлого, воплощенного в социалистическом менталитете,

глубоко альтернативном рыночному. Ему присуще отторжение института частной собственности, частного предпринимательства, социального неравенства, гражданского общества с его демократическими институтами, гипертрофия роли государства, терпимость к авторитарному режиму (и еще к пожизненному для «авторитета»), к коррупционным отношениям и пр. С преодолением столь тяжелого наследия связаны основные трудности становления капитализма в любой постсоциалистической стране, в постсоветской с ее самой длительной историей социализма — в особенности.

Создание такого курса можно сделать в кратчайшие сроки на базе уже накопленных научных исследований в данной области. Следует учесть и вполне успешный опыт преподавания такого курса на протяжении двух десятилетий на экономическом факультете МГУ кафедрой политэкономии. Название курса менялось от исходного «Экономика переходного периода» до последнего, не самого лучшего его варианта — «Российская экономическая модель» (не лучшего в том смысле, что с самого начала неясно, о модели какой экономической системы идет речь: капитализма, посткапитализма, социализма в очищенном от былой деформации виде, о национальной модели рыночной экономики). Ею же еще на заре рыночных преобразований, в далеком 1995 г. был издан первый в стране учебник, в котором был дан соответственно профилю кафедры политэкономический анализ экономики переходного периода⁷. Данный курс весьма успешно читался вплоть до текущего времени, без особых к тому оснований снятый в 2012—2013 гг. Представляется, что одна из причин состояла в слабом отражении специфики именно политэкономического анализа. И все же логичнее было бы идти по пути не упразднения курса, а углубления политэкономического исследования российской модели капитализма. Без такого курса невозможно подготовить полноценного экономиста, способного успешно решать столь сложные проблемы современной российской экономики, если получено целостное представление о ней в годы обучения.

Такой курс в учебном процессе может быть представлен по крайней мере следующими разделами (это всего лишь предложения):

- постсоциалистическое происхождение российской модели капитализма как фактор торможения ее становления;
- 1990-е гг. — годы первоначального накопления капитала в российской экономике, общие для этого процесса черты и особенности;

⁷ Первый, но далеко не единственный. Преподавателями кафедры были подготовлены и другие учебники (см.: [24—27]).

- трансформационный спад как разновидность экономического кризиса, порожденная сменой экономических систем, его масштабы и пути преодоления; сравнительный анализ спада в странах ЦВЕ и Балтии и СНГ;
- базовые модели рыночного реформирования постсоциалистической экономики, факторы выбора, степень их соответствия характеру преобразований;
- преобразование отношений собственности — исходное и основное направление рыночной трансформации, способы и методы, последовательность и темпы преобразования, становление субъектов рыночной экономики, формирование конкурентной среды; специфика факторов многообразия форм собственности в российской экономике, эффективность их соотношения по рыночному критерию;
- становление институтов рыночной инфраструктуры и эффективность их функционирования; формирование рыночного механизма регулирования и его эффективность;
- проблемы воспроизводства на макроэкономическом уровне: необходимость и основные направления преобразования унаследованной макроэкономической структуры, воплотившей в себе противоречия ушедшей экономической системы; особенности современной структуры российской экономики в отраслевом, технологическом, территориальном аспектах, роль государственного и рыночного механизма регулирования процесса ее формирования; соотношение реального и финансового секторов, структура каждого из них, особенности их взаимодействия; проблемы становления циклической формы движения производственного процесса в российской экономике по мере ее реструктуризации и модернизации;
- макроструктура российской экономики как материализация противоречий, порожденных становлением и функционированием российской модели капитализма, механизм их положительного разрешения;
- особенности государственного механизма регулирования российской экономики, его эффективность, особенности взаимодействия с рыночным механизмом регулирования;
- проблемы воспроизводства на микроэкономическом уровне: особенности становления частнопредпринимательской деятельности, экономические ниши крупного, среднего и малого бизнеса, эффективность их соотношения и взаимодействия, роль каждого из них в развитии национальной экономики и в решении социальных проблем; факторы, формирующие инвестиционный климат в стране, его состояние в современной российской экономике, нетрадиционные формы эконо-

мического поведения российского бизнеса как адекватная реакция на неблагоприятный инвестиционный климат; основные направления, масштабы и эффективность государственной поддержки малого бизнеса; рыночный механизм как фактор повышения эффективности функционирования российского бизнеса;

- становление рыночных отношений в аграрном секторе, основные типы хозяйства, эффективность их функционирования; факторы, препятствующие реализации огромного потенциала российского аграрного сектора; государственная поддержка аграрного бизнеса: критерии предоставления, масштабы, основные направления, эффективность;

- социальная структура современного российского общества: его классы и социальные слои, основные аспекты их противоречивых взаимоотношений;

- российское государство как социальное: изменение социальной структуры общества, место среднего класса в ней, деятельность государства в обеспечении баланса экономических интересов субъектов рыночной экономики, в производстве и предоставлении общественных благ, в решении социальных проблем;

- российская экономика в условиях глобализации: ее место в системе международного разделения общественного труда, основные аспекты воздействия интеграционных процессов на развитие российской экономики.

В связи с возрождением политэкономии как науки не менее актуальными представляются систематизация и сведение воедино научных трактовок экономической системы развитых стран. На протяжении последнего века она претерпела столь существенные изменения, что видными западными учеными, а это Э. Тоффлер, Д. Белл, П. Дракер и др., трактуется экономической системой, отличной от классического капитализма. Отличной она выступает и с точки зрения марксистской теории. Основные аспекты этих отличий усматриваются в следующем:

- информационное общество имеет своей материальной основой качественно новый этап в развитии производительных сил — постиндустриальный, в терминологии Маркса, это всеобщие производительные силы, характеризующиеся превращением науки в непосредственную производительную силу;

- оно представлено иной системой экономических отношений, а это отношения различных форм собственности в их органическом единстве, порожденных технологическим плюрализмом постиндустриального этапа развития, каждая из которых занимает адекватные масштабам обобществления экономические ниши;

- ему присуща новая классовая структура с доминированием так называемого среднего класса, на место классовых отношений пришли отношения социального партнерства;

- данная система обладает новым механизмом хозяйствования, представляющим единство рыночного и государственного регулирования с четким разграничением функций;

- впервые в истории в этих странах сформировано государство всеобщего благосостояния, выступающее в различных национальных моделях (англосаксонская, скандинавская, континентальная, южноевропейская), в рамках каждой из которых по-разному, но в весьма последовательно и успешно решаются социальные проблемы.

Такое направление в экономической науке представляется весьма перспективным. Не исключено, что оно завершится появлением политэкономии посткапитализма, например, информационного способа производства.

Общий вывод таков: политэкономия должна быть восстановлена в качестве самостоятельной науки и в качестве учебного курса по крайней мере в двух ее разделах. Первый — политэкономия советской экономической системы (ее социально-экономическая природа требует уточнения), назначение которой дать адекватное теоретическое исследование экономической системы, просуществовавшей в России с 1917 до конца 1980-х гг. и однозначно трактованной социализмом марксистской модели; второй — политэкономический анализ российской модели капитализма, формирование которой протекает в стране с 1990-х гг. Введение этих курсов должно иметь в своей основе научные исследования, которые ведутся российскими учеными на протяжении последних десятилетий.

По мере воссоздания курса политэкономии возникает вопрос и о воссоздании кафедр политэкономии не только по названию, но и по существу, с широким привлечением к ее преподаванию ученых академических институтов, ведущих исследования и советской экономической системы, и российской модели капитализма, и современной западной экономической системы. В свою очередь, это позволит провести четкую грань между кафедрами политэкономии и конкретными кафедрами, устранить противоречия между кафедрами в их притязаниях на чтение одних и тех же курсов (экономикс, маржинализм, институционализм и т. п.). В свою очередь все это позволит упорядочить и повысить в российских вузах уровень подготовки экономических кадров высшей квалификации.

Литература

1. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.
2. Вестник Коммунистической академии. Кн. XI. 1925.
3. Курс политической экономии: В 2 т. Т. 2. Социализм / Под ред. Н.А. Цаголова. М., 1974.
4. *Воейков М.И.* Политическая экономия как самосознание буржуазного общества // Горизонты экономики. 2012. № 2.
5. *Кронрод А.Я.* Законы политической экономии социализма. М., 1966.
6. Система экономических законов социализма / Под ред. А.Д. Смирнова. М., 1978.
7. Основной экономической закон социализма / Под ред. В.Н. Черковца. М., 1978.
8. Оптимизация функционирования социалистической экономики / Под ред. С.С. Шаталина. М., 1980.
9. *Медведев В.А.* Социалистическое производство. Политико-экономическое исследование. М., 1981.
10. *Черковец В.Н.* Социализм как экономическая система. М., 1982.
11. *Микульский К.И.* Экономические законы социализма и социальная активность трудящихся. М., 1983.
12. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 3.
13. *Черковец В.Н.* Разработка К. Марксом и Ф. Энгельсом исходных представлений о категориях политической экономии социализма // Всемирная история экономической мысли. Т. 2. М., 1988.
14. *Кронрод А.Я.* Социализм как псевдосоциализм XX века. Обществознание большинства. Вып. 9. М., 2012.
15. *Кронрод А.Я.* Очерки социально-экономического развития XX века. М., 1992.
16. *Бутенко А.П.* Наука, политика и власть. М., 2000.
17. *Бузалин А., Колганов А.И.* 10 мифов об СССР. М., 2010.
18. *Воейков М.И.* Политическая экономия как самосознание буржуазного общества // Горизонты экономики. 2012. № 2.
19. *Бруцкус Б.Д.* Советская Россия и социализм. СПб., 1995.
20. *Корнаи Я.* Размышления о капитализме. М.; СПб., 2012.
21. *Корнаи Я.* Инновации и динамизм: взаимосвязь систем и технического прогресса // Вопросы экономики. 2012. № 4.
22. *Зубов А.* Граф «православие, самодержавие, народность» // Новая газета. 2012. 7 сент.
23. Аргументы недели. 2012. № 42 (334).

24. *Красникова Е.* От единообразия к многообразию форм собственности // *Мировая экономика и международные отношения.* 2007. № 8.
25. *Бузгалин А.В.* *Переходная экономика.* М., 1994.
26. *Трансформационная экономика России / Под ред. А.В. Бузгалина.* М., 2006.
27. *Красникова Е.В.* *Экономика переходного периода.* М., 2005; 2006; 2009.
28. *Кульков В.М.* *Российская экономическая модель.* М., 2009.

Н.М. ХАБАЛАШВИЛИ

**Современная капиталистическая экономика —
это уже не рыночная экономика**

Аннотация. Рыночная экономика с характерными для нее экономическими терминами и определениями, как, например, «свободная конкуренция», «свободный рынок», «рыночный механизм ценообразования» и т. п., — давно пройденный этап развития капиталистического способа производства. Поэтому использование неадекватной системы понятий в конце концов приведет, в лучшем случае, к стагнации экономики.

Ключевые слова: дорыночная экономика, рыночная экономика рыночного капитализма, совершенная свободная конкуренция, послерыночная экономика послерыночного капитализма, несовершенная несвободная конкуренция.

Abstract. The market economy with its characteristic economic terms and definitions as, for example, free competition, free market, market pricing mechanism, etc., — long past the stage of development of the capitalist mode of production. The continued use of an inadequate system of the concepts in the end leads, at best, to stagnation of the economy.

Keywords: pre-market economy, market economy of market capitalism, perfect free competition, post-market economy of post-market capitalism, imperfect non-free competition.

Возникновение экономических терминов и понятий, как и самой экономики, носит исторический характер и обусловлено объективными условиями развития общества, его производительных сил и производственных отношений. Историчность же экономических терминов и понятий заключается в том, что они, зарождааясь в недрах предыдущей

системы, развиваются по восходящей траектории в диалектическом единстве и противоборстве с неэкономическими и внеисторическими, «вечными» понятиями и категориями, достигают своего зрелого и господствующего положения на определенном этапе развития производительных сил и производственных отношений, после чего, продолжая «развитие», но уже по нисходящей траектории, постепенно, подчиняясь диалектическому закону «отрицания отрицания», уходят с исторической арены, уступая место внеисторическим, «вечным» категориям и отношениям на более высоком витке исторической восходящей спирали общественного развития.

Поэтому знание роли, места и содержания тех или иных экономических терминов, понятий и определений в тех или иных общественных системах и отношениях имеет не только научное, но и практическое значение, способствующее общественному прогрессу в целом. Тем более что «идеи экономистов и политических мыслителей, — как об этом говорил Джон Мейнард Кейнс, — и когда они правы, и когда ошибаются, — имеют гораздо большее значение, чем принято думать. Люди практики, которые считают себя совершенно неподверженными интеллектуальным влияниям, обычно являются рабами какого-нибудь экономиста прошлого <...> Для мировых лидеров теперь обычное дело получать от экономистов и просить у них советы и рекомендации по проблемам экономической политики» (цит. по: [1, 18, 19]).

К сожалению, в настоящее время имеет место вольное или невольное навязывание отживших свой век и потому неадекватных современному развитию экономических терминов и понятий и, следовательно, экономических отношений, пагубно влияющих на все сферы общественной жизни. Пример тому — навязывание российской экономике с ее высокоразвитыми, высокообобществленными по своему характеру и социально структурированными производительными силами когда-то существовавшей и прогрессивной для того времени рыночной экономики капитализма совершенной, свободной конкуренции, функционировавшей в основном в условиях домонополистического капитализма, что обеспечило, на наш взгляд, развал российской общественно-экономической жизни по всем направлениям и параметрам.

По нашему мнению, тот, кто говорит (в том числе и некоторые ученые), что нам, мол, надо пройти весь капиталистический путь развития, начиная от его истоков, ввергают страну в хаос и деградацию. В результате «наше общество, — отмечает известный ученый С.Г. Карамурза, — пережило тяжелую культурную травму и впало в *аномию* (букв. *беззаконие, безнормность*). Эту социальную болезнь Запад пережил в период становления буржуазного общества и распада системы

общинных связей при трансформации человека в свободного индивида. Теперь переживает Россия в более тяжелых условиях» [2, 39]. Но ведь одно дело — рождение и становление буржуазного общества естественным путем, по мере развития производительных сил и производственных отношений, а другое — искусственное привнесение и навязывание современному капитализму с его высокоразвитыми производительными силами, не говоря уже об обществе с социалистическим укладом жизни, форм и методов хозяйствования эпохи доминирующего капитализма.

Всемирно известный американский экономист, лауреат Нобелевской премии П. Самуэльсон, считая оптимальным путем *laissez faire* («пусть все идет как идет», т. е. пусть государство не вмешивается в экономику), имел в виду капитализм рыночной экономики совершенной, свободной конкуренции, т. е. доминирующий капитализм — целое столетие быстрого экономического развития Америки XIX в. Вместе с тем он категорично указывает, что «наше общество не может и не стало бы, если бы даже оно и могло, поворачивать колесо истории вспять, чтобы возвратиться к условиям XIX века, представленным в Гринфилд Вилледж Генри Форда (своеобразный музей, в котором собраны типичные американские дома, строения, коттеджи прошлого века)... Тем не менее, было бы ошибкой считать эти исторические процессы неизбежными» [3, 152]. Следовательно, в сегодняшних условиях восстановление рыночной экономики искусственно, во-первых, означает действие против объективной неизбежности укрупнения и обобществления производства и капитала на основе научно-технического прогресса; во-вторых, влечет за собой отрицательные последствия для всей экономики. В этой связи другой известный американский экономист Дж. Гэлбрейт отмечал, что если бы антitrustовские законы осуществляли надежды своих сторонников и тех, кому они служат, то это привело бы к еще более неравномерному развитию... Это было бы несчастьем.

Невозможно восстановление когда-то функционирующей классической конкурентной рыночной структуры искусственным путем — дроблением крупных предприятий и объединений и привнесением, таким образом, принципов рыночной экономики совершенной, свободной конкуренции. «Мелкие фирмы нельзя восстанавливать, сломив могущество более крупных, — говорил тот же Дж. Гэлбрейт. — Для этого понадобилось бы, скорее, отказаться от идей технического прогресса... Для этого надлежало бы довольствоваться примитивной продукцией, производимой с помощью примитивного оборудования и неспециализированного труда из имеющихся в наличии материалов,

отказаться от всякой мысли о сверхзвуковой авиации, об исследовании Луны, и даже от большей части автомобилей» [4, 69].

Сегодня на всех уровнях, к месту и не к месту, превозносят рыночную экономику и свободную конкуренцию, не ведая или умалчивая о том, что вегетационный период свободной конкуренции и, следовательно, рыночной экономики давно канул в Лету. При этом путают свободную конкуренцию со свободой конкуренции, свободный выбор — со свободой выбора, свободное предпринимательство — со свободой предпринимательства и т. д., ибо если первые характерны для рыночной экономики рыночного капитализма, то вторые — для смешанной послерыночной экономики послерыночного капитализма с его несовершенной, несвободной конкуренцией.

Характеризуя сложные экономические проблемы сегодняшнего мира, Фидель Кастро, выступая на закрытии международной конференции «За равноправие мира», задавался вопросами: «Кто объяснил массам, что такое экономические кризисы, их причины и последствия? Кто им сказал, что свободное предпринимательство и свободная конкуренция уже почти не существуют и что 500 крупнейших транснациональных корпораций контролируют 80% производства и торговли?».

Полвека тому назад, отмечал В.И. Ленин, когда Маркс писал свой «Капитал», свободная конкуренция казалась подавляющему большинству экономистов «законом природы». Казенная наука пыталась убить посредством заговора молчания сочинения Маркса, доказывающего теоретическим и историческим анализом капитализма, что свободная конкуренция порождает концентрацию производства, и эта концентрация на известной ступени своего развития ведет к монополии. Теперь монополия стала фактом. Картели договариваются об условиях продажи, сроках платежа и пр. Они делят между собой области сбыта, определяют количество производимых продуктов, устанавливают цены, распределяют между отдельными предприятиями прибыль и т. д. «Это уже совсем не то, что старая свободная конкуренция раздробленных и не знающих друг о друге хозяев, производящих для сбыта на известном рынке» [5, 22].

Для передовых промышленных стран Европы 1860-е и 1870-е гг. были высшей, предельной ступенью развития свободной конкуренции. Перед нами, отмечал В.И. Ленин, уже не конкурентная борьба мелких и крупных, технически отсталых и технически передовых предприятий, а удушение монополистами тех, кто не подчиняется монополии, ее гнету, ее произволу.

Для Европы можно устанавливать довольно точно время окончательной смены старого капитализма, капитализма свободной конкуренции, новым: это начало XX в. С В.И. Лениным солидарен

Дж. Гэлбрейт, иностранный член АН СССР (1988). К 1930-м гг., отмечал он, тезис о существовании конкуренции между многими фирмами, которые являются мелкими и выступают на каждом рынке, стал несостоятельным. С конца XIX столетия гигантские корпорации становятся характерной чертой делового мира. Существование и влияние этих корпораций признавались везде, кроме экономических учебников. Тем не менее даже несерьезные исследователи сталкивались с трудностями, пытаясь скрыть от себя тот факт, что рынки стали, автомобилей, резиновых изделий, химических товаров, сельскохозяйственных машин, большинства пищевых продуктов промышленного изготовления, мыла, табака, ядохимикатов и других важных изделий поделены не между множеством мелких производителей, каждый из которых не имеет власти над своими ценами, а между горсткой производителей, в значительной мере обладающих такой властью. Промежуточное положение между конкуренцией многих и монополией одной фирмы стала занимать *олигономия* нескольких фирм [6, 40].

Таким образом, свободная конкуренция и свободный рынок «были отринуты развитием самого капитализма, который не мог уже свободно существовать, он нуждался в иной организации, той, которая была способна сдерживать и переориентировать конкурентную борьбу, поставить конкуренции и рынку направляющие рамки, упорядочить товарообменные и оценочные отношения, не допускать слишком больших и устойчивых превышений предложения товаров над спросом на них» [7, 150].

О том, что свободная конкуренция — пройденный этап капиталистического способа производства, свидетельствует и сама практика хозяйствования развитых капиталистических стран, и признания западных ученых о том, что «западные страны, декларируя свою приверженность свободному рынку и свободной конкуренции, на деле строят свою экономику на сочетании олигополистической практики и широкого вмешательства государства в формирование и управление ею» [8, 175]. По этому поводу небезынтересно высказывание бывшего главы МВФ Доминика Стросс-Кана о том, что время рыночной экономики ушло. В своей знаменитой апрельской речи 2011 г. он заявил о том, что рыночная экономика доказала свою неэффективность, и предложил отказаться от принципов Вашингтонского консенсуса — принципов МВФ и ВТО — согласно которым тезис о том, что «невидимая рука» рынка работает, и поэтому государству не следует вмешиваться в экономику. Как только мистер Стросс-Кан высказал столь крамольные взгляды, фактически призвав к государственному капитализму, аналитики заявили, что жить ему осталось не больше месяца. А через месяц глава МВФ попал во всем известную скандальную ситуацию [9].

Современный реальный мир рассматривается как царство несовершенной конкуренции. В этом царстве несовершенной конкуренции даже сегодняшняя рыночная система, под которой подразумевается мир многочисленных мелких фирм и предприятий в различных отраслях народного хозяйства, в основном в розничной торговле и сфере услуг, перерабатывающей промышленности и сельское хозяйство, не может функционировать по принципам совершенной, свободной конкуренции. По своей морфологической структуре напоминая классическую конкурентную рыночную структуру, они в основном функционируют по принципам несовершенной, так называемой монополистической конкуренции, где обычно переплетаются элементы конкуренции и монополии, власть рынка и рыночная власть, ценовая и неценовая конкуренция.

Известный английский ученый Джоана Робинсон отмечала, что в отличие от модели идеального рынка, рынка совершенной, свободной конкуренции, экономическая теория должна признать тот факт, что покупателей на рынке интересуют не только цены. К факторам, влияющим на продажу, относятся качество товаров, транспортные издержки, местонахождение продавца, характер обслуживания, продажа в кредит и даже инертность и неведение. В зависимости от этих факторов покупатель определяет различие между продавцами товаров и осуществляет свой выбор. Вытекающий из этой рыночной ситуации вид конкуренции никак нельзя признать соответствующим идеальной модели. Возникает несовершенная конкуренция. Мыслящий потребитель является, по-видимому, «лучшим кормчим, прокладывающим путь между Сциллой конкурентной неэффективности и Харибдой монополистической эксплуатации». Таким образом, на рынке, где имеет место несовершенная монополистическая конкуренция, продавцы имеют больше свободы в назначении цены, чем при совершенной конкуренции. По этой причине Дж. Робинсон считала несовершенство конкуренции ахиллесовой пятой капиталистической системы ведения хозяйства. Действительно, в условиях несовершенной конкуренции фирмы продают товары по более высокой цене, чем при совершенной конкуренции, в результате чего получают большие прибыли. В итоге потребитель терпит убытки, что приводит к застойным явлениям в экономике, порождает спад производства и безработицу, так как не обеспечивается уровень производства и занятости, потенциально возможный при наличии свободной конкуренции.

Действительно, для многих отраслей характерно наличие чрезмерно большого числа предприятий. Большинство из этих предприятий, отметил П. Самуэльсон, производят лишь незначительную часть общего объема продукции данной отрасли, и они остаются в этой отрасли

до тех пор, пока не потеряют своих капиталов. Бакалейные лавки, небольшие гостиницы, рестораны, ночные клубы, бензоколонки — типичные примеры агентов из области розничной торговли. Но то же самое мы наблюдаем и в текстильной, и в швейной промышленности, и во многих других отраслях, в которых для создания предприятий не требуется большого первоначального капитала. Большинство действующих в таких отраслях фирм убыточны, но тем не менее в них возникают все новые фирмы. Единственное, что можно сказать про такие мелкие предприятия, — это то, что они создают новый спрос на рабочую силу. Но этот создаваемый ими спрос есть не что иное, как иллюзия, когда речь идет об оплате труда, и он представляет собой никому не нужное дело, вроде общественных работ, которые состоят в том, чтобы рыть ямы, а потом их засыпать. «Экономические последствия такой формы несовершенной конкуренции могут быть даже хуже, чем при полной монополии. Она вызывает не только чрезмерные цены, но и непроизводительную растрату энергии, ибо каждая фирма имеет слишком много бездействующего оборудования и незанятой рабочей силы. Эта ситуация втрое плоха: производители терпят убытки, ресурсы растрачиваются и цены слишком высоки для потребителя» [10, 534—535].

Исходя из вышеизложенного, создается впечатление, что принципы свободного рынка, свободной конкуренции, привнесенные и навязанные в современных условиях, являются своего рода приманкой для завлечения простаков (простаков ли?) от экономики и политики в дебри давно не работающей рыночной экономики с целью внедрения управляемого хаоса через хаос свободного рынка, таким образом, развала экономики страны — существующего или потенциального конкурента или в лучшем случае превращения его в сырьевой придаток, источник доходов для хиреющего капитализма.

Тем не менее использование понятий *рынок*, *рыночная экономика*, *рыночный капитализм*, *либеральный капитализм*, *свободная конкуренция*, *свободный рынок* и т. д. продолжается, при этом их считают вполне адекватными для всего капиталистического способа производства, включая и современный капитализм, капитализм смешанной экономики, так называемый послерыночный капитализм послерыночной экономики, т. е. капитализм, который наступает после рыночного капитализма рыночной экономики.

В связи с этим следует отметить, что рынки и, следовательно, рыночные отношения возникали на самых разных стадиях развития общества — с появлением товарного производства, действовали в разных типах общества и продолжают существовать, но без феномена рыночной экономики, ибо рыночная экономика является феноменом

сугубо капиталистического способа производства, причем не всего капиталистического способа производства, а в основном доминирующего капитализма с преобладающей атомизированной рыночной структурой, совершенной, свободной конкуренцией, свободным рынком.

Разумеется, при этом существование монополий тоже подразумевалось, но они все еще считались крайним исключением. Монополии в период высшей ступени развития свободной конкуренции являлись едва заметными зародышами, они еще не были прочны и носили переходный характер, поэтому не могли существенно влиять на общую рыночную ситуацию, согласно которой цены задаются свободным рынком, т. е. «денежными голосами» неизвестных и свободных, так называемых «суверенных» потребителей, а не производителями или государством, как это в действительности и преимущественно происходит в современных условиях, в условиях смешанной экономики, т. е. в условиях современной послерыночной экономики послерыночного капитализма. Отсюда и название — «рыночная экономика» — экономика, где цены задаются свободным рынком — совокупностью существующих и потенциальных безадресных и неизвестных покупателей товаров и услуг.

Поэтому, когда речь идет о рынках и рыночных отношениях, следует различать рынки и рыночные отношения дорыночной экономики, включая предрыночную экономику предрыночного капитализма; рынки и рыночные отношения рыночной экономики рыночного капитализма; рынки и рыночные отношения послерыночной (смешанной) экономики послерыночного капитализма, в том числе рынки и рыночные отношения социалистической экономики. Различия между этими рыночными состояниями заключаются в том, что они несут различные смысловые нагрузки в зависимости от производственных отношений, которые, в свою очередь, зависят от отношений собственности.

Между этими рыночными состояниями существуют переходные периоды: от дорыночной экономики на рыночную экономику рыночного капитализма; от нее на послерыночную экономику послерыночного капитализма. На этих переходных состояниях наступает паритетное или почти паритетное состояние между уходящими, регрессивными системами и отношениями и наступающими, прогрессивными системами и отношениями.

Существующие для всех этих рыночных состояний экономические понятия и определения, категории и отношения, зародившиеся с зарождением товарного производства, носят исторический характер с определенным содержанием, ролью и местом в производственных отношениях той или иной системы. Они развивались и развиваются в

динамичном и диалектическом единстве и борьбе с противоположностями, так называемыми внеисторическими, «вечными» категориями и отношениями, определяя тем самым весь дальнейший ход хозяйственно-экономической деятельности человека и общества в целом. В этом диалектическом единстве и борьбе противоположностей на начальных стадиях становления и развития товарного производства доминирующее и, следовательно, господствующее положение в производственных отношениях занимали внеисторические категории и отношения: в продукте труда нетоварное содержание преобладало над товарным содержанием; потребительная ценность — над стоимостью; трудовая теория потребительной ценности — над трудовой теорией стоимости; хозяйственная деятельность — над экономической деятельностью; проблема «для кого производить» над проблемой «что производить» и т. д.

Поэтому, когда речь идет о стоимости, стоимостных отношениях, о рынках и рыночных отношениях, то следует иметь в виду не абсолютную стоимость, не абсолютный рынок и абсолютные рыночные отношения, «где бы сии не обитали», а стоимость, рынок и рыночные отношения, имеющие место и силу при определенных формах общества. Иначе говоря, следует различать стоимостные отношения, рынки и рыночные отношения дорыночной экономики со своей несовершенной, несвободной конкуренцией и преимущественным производством для известного и несвободного рынка (потребителя); рыночной экономики рыночного капитализма с характерной для нее совершенной, свободной конкуренцией и преимущественным производством для неизвестного и свободного рынка; послерыночной (смешанной) экономики послерыночного капитализма со своей, опять-таки, несовершенной, несвободной конкуренцией и преимущественным производством для известного и несвободного рынка (потребителя).

И поскольку рыночная экономика рыночного капитализма совершенной, свободной конкуренции уже давно пройденный этап капиталистического способа производства, то нельзя оставаться и пребывать, особенно на современном этапе общественного развития, в ее плену и, следовательно, в плену закона стоимости, трудовой теории стоимости, ибо в сегодняшних производственных отношениях на передний план начал выступать закон потребительной ценности и, следовательно, трудовая теория потребительной ценности в качестве характерных особенностей послерыночной экономики послерыночного капитализма.

Литература

1. Макконнелл К., Брю С. Экономикс. Т. 1. М., 1995.
2. Философия хозяйства. 2011. № 1.
3. Самуэльсон П. Экономика. Т. 1. М., 1992.
4. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М., 1969.
5. Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия развития капитализма. М., 1967.
6. Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества. М., 1979.
7. Осипов Ю.М. Теория хозяйства: В 3 т. Т. 1. М., 1998.
8. Шансы российской экономики / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М., 1997.
9. Комсомольская правда. 2011. 15 дек.
10. Самуэльсон П. Экономика. М., 1961.

Ю. ЕВДОКИМОВ, М. МОЛЧАНОВ

Классический капитализм и системный подход: уроки последнего кризиса

Аннотация. Статья посвящена вопросам, связанным с регулирующей ролью государства в экономике с точки зрения системного подхода. Представлены различные определения капитализма и рыночной экономики, а также приводится критика идеи государственного капитализма как неизбежной следующей ступени исторической эволюции классического капитализма и показываются пути эффективного регулирования рыночной экономики на базе системного подхода.

Ключевые слова: классический капитализм, кризис, интервенции государства, невмешательство государства, системный подход, финансовые сети, эволюция.

Abstract. This study is dedicated to the problem of state regulation of a capitalist economy based on the systems approach. First, the existing definitions of capitalism and market economy are presented. Then the idea of state capitalism as the next step in the evolution of capitalism is criticized and efficient state regulation of market economy on the basis of the system approach is discussed.

Keywords: capitalism, crisis, state intervention, laissez faire, systems approach, financial networks, evolution.

Введение

Финансовый и экономический кризис 2008—2009 гг., распространившийся в Европу и далее из США, поразил не просто финансы и экономику различных стран, он стал первым по-настоящему полномасштабным кризисом капитализма в современной эпохе. В результате общая структура международной торговли и финансов изменилась, общий объем рыночных транзакций сократился, уступая место практике ведения бизнеса государством. Согласно оценкам ВТО (2010), глобальный экономический кризис вызвал сокращение объемов мировой торговли на 12,2%, что является наибольшей потерей со времен Великой депрессии 1930-х гг.

Несмотря на то, что в настоящее время в некоторых странах видны определенные признаки экономического восстановления, тем не менее США, и особенно страны Европейского союза, находятся в состоянии рецессии. Все это выглядит как так называемый «зомби-капитализм» или, скорее, как потеря оптимизма и веры в чисто рыночный капитализм [1]. Беспрецедентно для рыночных экономик: разговоры о прибыли и льготах частных предпринимателей вдруг стали предметом политических дебатов и государственного регулирования. Удивительно то, что ни одно государство в мире не прибегнуло к неоклассическому подходу стабилизации экономики: от Европы до Японии и от России до Бразилии преобладал так называемый кейнсианский подход. Пакет государственного стимулирования в Китае составил 586 млрд дол. в течение первых двух лет кризиса; в Японии — 568 млрд. В США первоначальный государственный пакет администрации Буша в размере 170 млрд дол. был дополнен 814 млрд администрации Обамы. Во всех этих случаях стабилизатором выступало государство, а не рынки.

В этой связи возникают следующие вопросы: означает ли все это смерть неолиберализма как идеологии экономического развития? Является ли государственный капитализм лучшей альтернативой чисто рыночной экономике? Является ли то, что мы сейчас наблюдаем, последней фазой эволюции мировой капиталистической системы и ее трансформацией в «наиболее развитую форму социализации производства», предсказанную и описанию Марксом и Лениным?

Настоящие дебаты по поводу исторических уроков последнего кризиса поднимают вопрос о фундаментальных характеристиках капитализма и, как следствие, вопрос его научного определения. Была ли сама идея капитализма поставлена под сомнение этим кризисом? Или это просто результат неэффективной и неправильной реализации правильной концепции? Существуют ли другие, более устойчивые к си-

стемным шокам и «человеческим ошибкам» версии капитализма? Какова должна быть политика государства по предотвращению будущих кризисов и рецессий подобного рода?

Мы открываем нашу дискуссию анализом существующих определений капитализма. Наша цель — исследование сущности взаимоотношений между государством и рынком. Затем мы исследуем, как последний кризис обнажил неадекватность существующей модели капитализма реалиям дня. Здесь наш анализ связан с фундаментальной критикой концепции *рациональности индивидуального поведения* — основополагающего постулата классической философии капитализма. Критикуя эту философию, мы противопоставляем ей так называемый *системный подход* как оптимальную философию в настоящих условиях. В заключение мы иллюстрируем этот подход на примере системного регулирования финансового сектора с позиций его сетевой организации.

Определения капитализма

Что такое капитализм? Показал ли последний кризис, что «регулируемый» капитализм потерпел неудачу? Правомерно ли утверждать, что неолиберализм, характеризуемый идеями «полной» свободы предпринимательства, ведет к саморазрушению капитализма? Насколько предпочтительнее (и предпочтительнее ли) европейский неокорпоратизм, или так называемая «нордическая» (скандинавская) модель капитализма? Если брать англосаксонскую плюралистическую модель за основу, существуют ли иные модели капитализма, способные более эффективно предотвращать, сдерживать и преодолевать кризисные явления? Каковы сущностные характеристики этих иных форм капитализма?

Для того, чтобы ответить на поставленные вопросы, вначале необходимо сосредоточиться на рабочем определении самого понятия «капитализм». Как показывает обзор литературы, консенсуса по поводу этого определения в науке не существует. Более того, консенсуса по поводу использования понятия «капитализм» как аналитической категории также не существует. Экономисты, политэкономы, политологи и историки вкладывают разное понимание категории капитализма. Экономисты обычно подчеркивают факт невмешательства правительства в работу рынков и частную собственность [2; 3]. Большинство политэкономов и политологов подчеркивают важность опосредуемых властью отношений частной собственности, которые формируют рынок труда и поддерживают разделение общества на классы.

С одной стороны, современный капитализм — это экономика смешанного типа, «имеющая тенденцию к свободному рынку как крайно-

сти» [4, 15]. Колумбийская энциклопедия (2010) определяет капитализм «концепцией свободного предпринимательства, ограничения вмешательства правительства, где свободный рынок на базе спроса и предложения максимизирует всеобщее благосостояние». Последнее определение по существу полностью совпадает с понятием рыночной экономики.

С другой стороны, критики вышеприведенных определений утверждают, что «понятие капитализма не является тождественным понятию рыночной экономики, так как капитализм включает в себя также социальные взаимоотношения» [5, 2]. Карл Маркс описывал капитализм как систему производства и обмена, базирующуюся на номинально свободной продаже труда как товара. Поскольку рабочий при капитализме перманентно отчужден от средств производства, формально свободный обмен между рабочим и капиталистом на самом деле свободным не является, ибо структурно навязан рабочему. Капиталистическая экономика — это не просто отношения товарно-денежного обмена — последние свойственны и докапиталистическим экономикам, капитализм основан на отчуждении труда, который сам становится товаром, обменивается на рынке и институционализирует появление современного рынка труда.

Аналитическая непроясненность природы взаимоотношений между капитализмом и рынком выходит за пределы экономической науки и перерастает в дебаты вокруг проблемы «правильных» взаимоотношений между капитализмом и государством. Карл Маркс одним из первых занялся рассмотрением вопроса о роли государства в экономике. Его идеи на сей счет весьма широки: от понимания государства как комитета по управлению коллективными делами класса капиталистов до представления о государстве как инструменте эксплуатации и порабощения труда капиталистами и далее до полной независимости государства от предпочтений капиталистов.

Адам Смит, несмотря на приписываемую ему репутацию рыночного анархиста, в «Богатстве наций» постоянно писал об активной роли государства в экономике, предлагая «создание и поддержку тех общественных институтов и тех общественных работ, которые несмотря на свою высокую степень полезности для общества, тем не менее являются неприбыльными» (кн. V, гл. I, ч. III).

Мы, однако, не можем согласиться с идеей, что существует какой бы то ни было определенный порог, отграничивающий методы государственного регулирования, свойственные «классическому капитализму», от методов «некапиталистического государственного управления», «посткапитализма» и т. д. «Хотя реально существовавшие политико-экономические системы западных стран отличались малой долей

государственной собственности на средства производства, тем не менее эти государства опирались на административное регулирование в такой степени, которая была по сути не совместима с классическим определением капитализма» [6, 72].

Противоречивые определения капитализма, представленные здесь, конечно же, не проливают свет на проблему «приемлемых» уровней государственного регулирования экономики. Классический капитализм в этой связи становится как бы идеально-типичным построением в стиле М. Вебера: это нечто, существующее в теории, но не обязательно в реальности; нечто, относящееся к идеалу саморегулируемого рынка при сознательном уходе от вопроса о его институциональных и политических формах.

Капиталистический идеал в неоклассической или австрийской школах политической экономии — это система, которая объединяет спонтанный порядок рынка и частную собственность на средства производства. Единственными институтами, обязательными для этой интерпретации капитализма, являются институты собственности и контрактное право. Все формы государственного регулирования, которые выходят за рамки защиты прав собственности и правового принуждения к исполнению контрактов, австрийской школой отрицаются.

В действительности же реальный капитализм — совершенно иной. Ему приходится активно участвовать в разрешении множества проблем, которые спонтанный рынок решить не в состоянии. Системные сбои рынка и его несовершенство могут быть разрешены только вне самого рынка путем концентрированных усилий общества или представителей власти. Правительственные интервенции становятся неизбежными тогда, когда природа и масштаб проблем вырастают настолько, что индивидуальным участникам рынка их решить просто невозможно. Последний кризис является отличным примером такого рода проблем.

Неадекватность классического капитализма

Нобелевский лауреат экономист Пол Кругман отмечает, что настоящей причиной, скрывающейся за последними неудачами неоклассической школы экономики объяснить последний кризис, является неспособность этой школы принять во внимание нерациональность рынков. Если отбросить теоретическую заангажированность, эта критика особенно актуальна по отношению к финансовым рынкам. В экономике рациональность связана со следующими характеристиками:

- люди имеют доступ ко всей необходимой информации;
- люди постоянно максимизируют полезность товаров и услуг;

- люди могут мгновенно оценить и изменить полезность согласно условиям меняющейся рыночной среды;
- полезность во времени дисконтируется последовательно;
- все рынки присутствуют и функционируют правильно.

В финансовом секторе мы часто наблюдаем так называемое иррациональное поведение, которое проявляется через волны оптимизма и пессимизма, жадности и страха. И когда эти волны становятся чрезмерными, рационализм исчезает, уступая место «поведению толпы». В результате эйфорического поведения, связанного с чрезмерным оптимизмом, возникают всякого рода «пузыри». В свою очередь, когда рынки начинают посылать негативные сигналы, «толпа» приходит в панику, характеризуемую оттоком капитала с последующим возможным коллапсом самого рынка.

Последний кризис показал, что в своем большинстве люди не являются ни полностью рациональными, ни полностью несбалансированными. В каждый момент времени они реализуют свои «лучшие» догадки и используют метод проб и ошибок для поиска наилучшей стратегии. Если найденная стратегия терпит неудачу, они пробуют другую. Если найденная стратегия работает, они ее начинают постоянно применять. Подобное поведение логично, но не на 100% рационально. И все это почему? В финансовом секторе проблемы асимметричной информации, неполных рынков, временной непоследовательности и высокой неопределенности ярко выражены в любом данном временном отрезке. Это означает, что среда, в которой принимаются так называемые рациональные решения, меняется во времени, и люди совершают ошибки, приспосабливаясь к этим изменениям. Со временем прежние стратегии устаревают, а поиск новых только начинается. Это — динамический процесс принятия решений, который развивается и меняется вместе со временем. Так называемая «поведенческая экономика» пытается описывать подобные процессы как альтернативу идеальному рациональному поведению, заложенному в экономическом мейнстриме.

По нашему мнению, идеалистическое представление о рынке, как о месте пересечения независимых индивидуумов, ведомых «невидимой рукой», противоречит принципам *системного подхода*. С математической точки зрения необходимо различать локальный (индивидуальный) оптимум и системный оптимум. Парадигма «невидимой руки» рынка связана именно с локальным (индивидуальным) оптимумом, так как, согласно этой парадигме, независимые индивидуумы заботятся только о своем благополучии, максимизируя свою функцию полезности и свою прибыль. Индивидуальный оптимум, появляющийся в результате подобной оптимизации, является субоптимальным с точки

зрения системного подхода. Подобный результат не является большой проблемой в реальном секторе экономики, и во многих случаях локальная оптимизация ведет к эффективному равновесию рынка. Однако в финансовом секторе все работает по-другому.

Давайте проанализируем, как последний кризис изменил динамику системного риска в финансовом секторе. Во время кризиса менеджеры финансовых компаний были полностью уверены, что они контролируют риск. Однако для того, чтобы оценить *системный риск*, необходимо наблюдать общую картину: что каждый пользователь системы делает в конкретный промежуток времени. Когда модели, разработанные на принципах индивидуальной рациональности, начали подсказывать финансовым менеджерам, что пора продавать, они все как один начали продавать, тем самым ускоряя процесс падения цен.

В целом же последний экономический и финансовый кризис показал, что капитализму не хватает философии системного подхода. Классический капитализм работает только тогда, когда *все* рынки без исключения функционируют идеально. Однако в реальном мире это не так, и поэтому только системный подход может выявить отклонения от идеального поведения рынков с последующей их корректировкой. В данном случае прежде всего необходимо выявить области экономической системы, в которых системный подход является наиболее эффективным. Стабильность финансовых рынков несомненно является объектом системного подхода, так как финансовый сектор во многом определяет устойчивость самой капиталистической системы. Финансовые рынки не должны функционировать сами по себе, производя новые финансовые инструменты ради показной рыночной активности. Финансовый сектор должен обслуживать реальный сектор, поскольку именно реальный сектор определяет богатство нации. Ниже мы приводим пример использования принципов системного подхода в регулировании финансового сектора как сетевой отрасли.

Системный подход, сетевая организация финансовых рынков и эволюция капитализма

Одним из главных уроков последнего кризиса является следующий: концентрированные усилия для понимания системного риска и реформирования капиталистической системы, и в первую очередь ее финансовой составляющей, должны фокусироваться не только на участниках экономической системы, но и на том, как они объединены в систему, структурированы и обозримы. Структура финансовых сетей фактически определяет динамику капиталистической системы, и понимание этой структуры может помочь предотвратить кризисы в будущем [7].

Недавние усилия центральных банков в различных развитых капиталистических странах оценить системный риск в финансовом секторе привели к пониманию важности роли так называемых *сетевых эффектов* (например, [8]). Упомянутые исследования полагались на очень подробные, правда, статичные, данные сводных балансов для установления связи между банками в структуре локальных финансовых систем для определения финансовых потерь. Однако полезность подобного рода анализа ограничена игнорированием внешних шоков и отсутствием финансовой информации, которая не отражена в сводном балансе. Жесткие внутренние связи, традиционно определяемые сводным балансом, не позволяют анализировать стабильность всей финансовой системы в целом и ее сетевых эффектов в частности.

Целью настоящей дискуссии не является детальный анализ того, как финансовая система должна быть организована и структурирована. Мы, однако, утверждаем, что между центральными банками и финансовыми рынками должно существовать дополнительное звено, играющее роль, схожую с ролью системного администратора (сисадмина) в компьютерных сетях. Наш главный тезис: контроль финансовой системы в капиталистической экономике должен осуществляться так называемым сисадмином на принципах сетевой организации. По нашему мнению, подобная структура полностью отвечает принципам системного подхода и в итоге приводит к повышению эффективности всей капиталистической экономики. Необходимо сразу же подчеркнуть, что подобный подход отличается от командного централизованного контроля, наблюдаемого обычно в странах с государственным капитализмом.

Роль сисадмина уникальна. Сисадмин не является владельцем сети; он также не является разработчиком сети в целом или ее отдельных элементов. Сисадмин отвечает за штатное, предписанное функционирование сети существующей конфигурации. Он может подсказать необходимые изменения для улучшения работы сети, но в конце концов решения по изменению конфигурации сети принимает не он. Одними из основных функций сисадмина являются внедрение и мониторинг методов использования сети, разрабатываемых владельцами сети.

В сети каждый ее пользователь может видеть только ее определенный сегмент и соответственно может оценить риск, связанный только с этим сегментом. Пользователь не видит системный риск, связанный со всей сетью. В свою очередь, сисадмин этот риск видит, и его задача состоит в том, чтобы соотнести индивидуальный риск с системным. Могут возникнуть ситуации, когда пользователи, желая уменьшить индивидуальный риск, увеличивают системный риск. В подобных си-

туациях сисадмин должен вмешаться и предотвратить системный риск.

Возвращаясь к финансовому сектору, мы находим группу монетарных регуляторов (обычно это центральные банки), которые являются «владельцами» финансовых сетей, и группу пользователей — частные коммерческие банки. Сисадмин должен быть звеном между ними для того, чтобы наблюдать за функционированием всей сети. В связи с этим владельцы сети должны разработать сетевые критерии на базе оптимизации всей сети, а не ее отдельных элементов — фундаментальный принцип системного подхода. В свою очередь, сисадмин должен наблюдать за тем, как пользователи следуют этим критериям. Если он обнаружит отклонения от существующих критериев, он должен будет сразу же скорректировать работу пользователей, избегая увеличения системного риска.

Критерии должны опираться на определенные общие правила. Все развитые экономики в настоящее время функционируют согласно правилам — монетарным и фискальным. Однако существующие правила являются слишком широкими. Например, так называемое таргетирование инфляции определяет желаемый интервал инфляции в экономике. Это правило на практике реализуется разнообразными монетарными инструментами. В предложенном нами подходе для внедрения таргетирования инфляции необходимо будет создать набор конкретных, детальных критериев, ввести функцию сисадмина и предписать ему задачи мониторинга сети согласно разработанным критериям. Системный риск должен быть отражен в критериях как один из основных параметров. Подобный подход можно реализовать как в условиях одной экономики, так и на более высоком, международном, уровне.

Описанный процесс в корне отличается от существующего. Современная макроэкономическая теория определяет роль центрального банка в качестве регулятора и проводника монетарной политики. В свою очередь, монетарная политика базируется на денежной массе в экономике, процентной ставке и обменном курсе местной валюты. Эти индикаторы в теории называются агрегатными. В лучшем случае центральный банк определяет желаемые значения для этих «агрегатов» и использует открытые рыночные операции для их достижения. К сожалению, преодоление системного риска не является целью существующей монетарной политики, в то время как предлагаемая структура регулирования выдвигает риск на одно из первых мест в сетевом мониторинге. Роль центрального банка как регулятора финансового сектора в настоящее время ограничена. Введение сисадмина в структуру финансового сектора сможет усилить, а главное конкретизировать эту

роль. В результате вся капиталистическая система выиграет в плане экономической эффективности.

Следует также остановиться на следующем аспекте перспектив капитализма. Настоящие дискуссии по поводу будущего капитализма напрямую связаны с вопросами эволюции. Некоторые исследователи утверждают, что последний кризис показал несостоятельность капитализма в плане эволюции мировой экономики, и поэтому они выступают за коренные преобразования. Однако преобразования могут быть реализованы в одной из следующих двух форм: частичные изменения и структурные изменения. Частичные изменения связаны с настройкой уже существующей системы, в то время как структурные изменения связаны с коренной перестройкой всей системы.

Для того, чтобы лучше понять перспективы капитализма в эволюционном аспекте, полезно проанализировать эволюцию биологических организмов. Нобелевский лауреат Арбер (2011) утверждает по отношению к генетике бактерий: «... философским аспектом научных знаний о генетических разновидностях является неожиданный дуализм генома. Кроме существующих генов, отвечающих за индивидуальное существование организмов, геном также несет гены, позволяющие популяциям организмов эволюционировать. Это может быть интерпретировано как базис для расширения форм жизни, т.е. биологическое разнообразие».

Если предположить, что социальные системы развиваются по схожим с биологическими системами законам, то подобный дуализм означает необходимость сосуществования индивидуализма и социальности, индивида и социума, в котором этот индивид живет. Иными словами, для эволюции наличие чистого индивидуализма недостаточно. В этой связи классический капитализм, опирающийся на чистый индивидуализм, не имеет будущего. Эволюция капитализма возможна только в том случае, когда социальный аспект принят во внимание. С точки зрения анализа, приведенного здесь, это означает, что эволюция капитализма требует осознания, что индивидуум есть элемент системы, и что необходимо оптимизировать саму систему, не забывая, конечно, про важную роль индивидуального разнообразия.

Выводы

Наш анализ показал, что классический капитализм, характеризующий частной собственностью на средства производства, распределением и обменом товаров и услуг согласно личной прибыли и принципом обогащения в качестве основной мотивации, а также подчеркивающий решающую роль рынков как основного координатора экономической системы, не в состоянии решить существующие в посткризисный пе-

риод задачи. Подобный капитализм нуждается в структурных изменениях.

Эти изменения должны быть реализованы в духе системного подхода. Системный подход, учитывающий характерные для индивидуализма мотивации деятельности и принципы коллективного, согласованного и, в идеале, бесконфликтного социального поведения, поможет оптимизировать капиталистические экономики с точки зрения социального благополучия, с одной стороны, и обусловит дальнейшую эволюцию (а не деградацию) капитализма, с другой стороны.

Один из примеров реализации системного подхода к государственному управлению капиталистической экономикой приведен в настоящем исследовании. В отличие от настоящей модели анархо-капиталистического предпринимательства, игнорирующего интересы социума, останавливаемого только прямым вмешательством государства и корректируемого только усилиями таких структур как Центробанк либо госказначейство, мы предлагаем модель сетевой организации финансового сектора с привлечением различных слоев ответственности в качестве корегуляторов и со специальной ролью, отведенной так называемому системному администратору. Системный администратор, которого мы представляем в качестве оптимального регулятора в данном случае, не будет подменять собой либо дублировать работу имеющихся государственных органов, а скорее будет синтезировать интересы различных слоев общественности, профессиональных и бизнес-групп, совместно работающих по предотвращению риска в интересах всего общества.

Литература

1. *Hall I.* Varieties of Zombieism: Approaching Comparative Political Economy through 28 Days Later and Wild Zero // *International Studies Perspectives*. 2011. No. 12.
2. *Tucker I.B.* Macroeconomics for Today. Mason, OH, 1997.
3. *Case K.E.* Principles of Macroeconomics. Upper Saddle River. N. J., 2004.
4. *Craig Smith N.* Morality and the Market: Consumer Pressure for Corporate Accountability. L., 1990.
5. *Boyer R.* Capitalism Strikes Back: Why and What Consequences for Social Sciences? // *Revue de la régulation: Capitalisme, institutions, pouvoirs*. 2007. No. 1.
6. *Bradley Jr. R.L., Donway R.* Capitalism, Socialism, and «the Middle Way»: A Taxonomy // *Independent Review*. 2010. No. 15.

7. *Hammond R.A.* Systemic Risk in the Financial System: Insights from Network Science. Pew Financial Reform Project. 2009.

8. *Aikman D., Alessandri P., Eklund B., Gai P., Kapadia S., Martin E., Mora N., Sterne G., Willison M.* Funding Liquidity Risk in a Quantitative Model of Systemic Stability // Bank of England Working Paper. 2009. No. 372.

О.В. АНДРЕЕВА

Крупные корпорации как форма реализации неоконсервативной модели развития

Аннотация. В статье предпринята попытка осмысления корпоративного устройства как формы реализации неоконсервативной модели развития, ориентированной на возрождение наиболее устойчивых и эффективных механизмов управления экономическим развитием.

Ключевые слова: крупные корпорации, неоконсервативная концепция, государство, дисфункции экономики, экономическая стратегия, механизм управления.

Abstract. The article undertakes an attempt of judgment of the corporate structure as a form of realization of neo-Conservative model of development focused on revival of the steadiest and effective management mechanisms of economic development.

Keywords: large corporations, neo-conservative concept, state, economy dysfunctions, economic strategy, management mechanism.

Современный экономический рост не сопровождался структурными улучшениями системы, повышением эффективности функционирования российской промышленности, технологического уровня производительных сил и конкурентоспособности экономики. В связи с этим возникает вопрос, как правильно поставить задачу управления на макроэкономическом уровне системы, как выделить подзадачи менеджмента крупных корпораций?

На проблеме управления экономикой существуют две прямо противоположные точки зрения: неолиберальная (неоклассическая) и градуалистская, или дирижистская (институциональная). Первый подход говорит о том, что в социуме имеется конструкция, которая распределяет ресурсы эффективно, обеспечивая развитие в нужном для агентов направлении — это рынок. Второй подход утверждает, что управление само по себе централизует любую подсистему, будь то фирма или эко-

номика страны, что это неотъемлемый элемент функционирования социальной системы. Противопоставление этих двух подходов являлось отражением непонимания большинством теоретиков-экономистов задач и проблем, а часто и содержания самого управления, процессов организации хозяйства. Именно не учет фактора управления всегда являлся крупной методологической проблемой экономической науки.

Либеральная часть экономистов в России, например, считает, что годы реформ были относительно успешными, решившими основную задачу. Однако статистический материал этого не подтверждает и приводит градуалистов к выводу о том, что либералы прикрывают свои собственные действия, разрушившие производственную систему страны и внутренний рынок, резко снизившие управляемость экономикой.

Философия хозяйства предоставляет исследователям «возможность целостного видения, отражения и отображения трансцендентно обусловленного мира, его динамики и судьбы, с учетом и на основе и через призму действующего в нем творческого сознания» [1].

В экономической науке среди альтернативных путей развития принято различать экстенсивную и интенсивную модели роста бизнеса, на которую стремятся перейти инновационно ориентированные корпорации. Вместе с тем, стремление к инновационной модели развития крупных корпораций определяет, по мнению С. Зимана, необходимость поиска дополнительных ресурсов на разработку новых направлений и видов деятельности [2].

В качестве опорных институтов развития допустимо рассматривать такую институциональную структуру экономики, которая способна обеспечить решение актуальных задач социально-экономического развития страны с учетом представленных обстоятельств.

В условиях современного состояния глобальной хозяйственной системы, характеризующихся резким скачком неопределенности как доминирующей характеристикой функционального поля экономических агентов, наиболее острым становится вопрос об управлении уровнем риска как фактическом претворении уровня неопределенности. Хозяйственная система, находящаяся в условиях кризиса, стагнирует из-за эффекта кумуляции неопределенности (а значит, и риска), наблюдающегося во всех отраслях хозяйства.

Корни этой масштабной неопределенности кроются в новой природе системных деструкций хозяйственной системы. Рекомендации из антикризисных методик, разработанных в ходе прошлых экономических потрясений, не оказывают должного воздействия на хозяйственную систему, поскольку настоящие обстоятельства радикально отличаются от прошлых. Это объясняется не только тем, что деструкции являются порождением финансовой глобализации с присущими ей

финансовыми инновациями, но и тем, что глобальная экономика теперь требует не только противодействия источникам экономических возмущений, нивелирования негативных социально-экономических эффектов, но и противостояния системному спаду глобального хозяйства.

Для достижения целей экономической стратегии необходимо управлять ходом институциональной эволюции. В этой связи главными задачами оптимизации и управления развитием институциональной среды становятся четкая постановка целей, выработка средств достижения задач; минимизация затрачиваемых на их достижение средств и усилий; и как продолжение — безусловное отторжение системой институтов и лиц, доказывающих свою некомпетентность или бесполезность [3, 13].

Формирование нового хозяйственного порядка в рамках глобальной экономики подтверждается неоднородностью посткризисного развития, причем с явным переструктурированием иерархии стран-лидеров и появлением новых акторов на мировой арене. По мнению В.В. Вольчика, важнейшим моментом при исследовании хозяйственного порядка в тех или иных исторических координатах является вопрос о роли государства при его формировании. Фактически данная проблема является частью более широкой — об управленческой роли государства при формировании институциональной структуры экономики [4, 3].

В современных условиях государство как институциональный инноватор «конструирует» институты установленного порядка, которые, будучи политическими и экономическими институтами, начинают влиять на хозяйственно-политические процессы, принявшие форму естественно развившихся порядков жизни, взаимодействий и предположений о будущем.

В настоящее время Е.Г. Ясин, А.Н. Илларионов говорят о качественном повороте российской экономической политики в сторону интервенционизма. Дополнительным аргументом в пользу довода об объективном «самоисчерпании» потенциала рыночной экономики является широкое распространение новых институциональных форм частно-государственного партнерства. Специалисты по институциональному анализу отмечают увеличение распространения частно-государственных отношенческих контракций. Конкурирующие с ними гибридные сетевые формы можно рассматривать как особые структуры управления сделками, отличные и от рынка, и от иерархии [5, 144].

Но в массовом порядке в условиях возрастания неопределенности, спродуцированной кризисом, гибридные (сетевые) формы неустойчи-

вы. Они являются промежуточными, переходными либо от рыночных (горизонтальных) к плановым (вертикальным, редиистрибутивным) связям, либо наоборот. Современное же состояние экономики требует как горизонтальных, так и вертикальных форм нового институционального поведения.

Главная проблема, формирующая дисфункции в современном российском обществе в целом и в экономике в частности, очень точно сформулирована В. Дементьевым: «Отсутствие общественно необходимого порядка власти (термин Э. Тоффлера), что проявляется, с одной стороны, в наличии избытка частной экономической власти, с другой — в недостатке эффективной власти. Проблема ограничения эффективности в трансформационной посткризисной экономике состоит в высоких “издержках произвола”, возникающих вследствие отсутствия эффективного порядка власти» [6, 65].

Реализовать инновационный потенциал в условиях, когда индустриальная хозяйственная система максимально приблизилась к пределу своего развития, для России невероятно сложно, поскольку страна проигрывает и по уровню технологического развития, и по цене и качеству трудовых ресурсов. Россия в мировой иерархии производителей занимала средний уровень развития, тот самый, который объективно размывается рыночным механизмом. Рыночные инструменты и технологии способствовали в 1990-х гг. разрушению обрабатывающей промышленности и закрепили страну в качестве сырьевого придатка мировой экономики.

Крупные отраслевые корпорации, стремясь обеспечить устойчивость и конкурентоспособность развития, разрабатывают новые системы менеджмента, основанные на интеграции инструментов и технологий. Современный менеджмент основывается на применении процессного подхода, рассматриваемого как результат эволюции систем управления. Этот подход предполагает разделение бизнеса на отдельные элементы (ресурсы, подразделения), объединение их в определенные структуры (управленческую, производственную) и согласование функций в рамках рабочих процессов (совместной деятельности людей и подразделений).

Необходимость ведения экономики государством обусловлена свойствами совокупного общественного производительного труда. Этот труд общественно разделен (специализирован), что означает, что он должен быть и общественно соединен (кооперирован). В современных условиях это общественное разделение и соединение производящего в широком смысле труда не могут осуществляться в режиме свободного самоналаживания, они требуют, по нашему мнению, специ-

ального ведения (управления, регулирования), что и осуществляет такой общественный институт, как государство.

Как отмечает профессор М.Г. Делягин, крупные корпорации с государственным участием являются «государством в государстве» [7], оперативно контролируемым топ-менеджментом, реализующим, наравне с собственными, и государственные интересы. Для такой формы взаимодействия характерно наличие крупных корпораций с выделением управляющей компании и делегированием активов дочерней организации.

Управление совмещением интересов бизнеса и государства позволяет устранить нецелевое расходование средств и сокращает долю провальных проектов. Кроме того, именно такие крупные структуры несут на себе высокую социальную нагрузку, поскольку являются работодателями для значительной части трудовых ресурсов страны.

Управление возрождением институциональных форм взаимодействия корпоративного и государственного секторов продуцирует схему реализации государственной социально-экономической стратегии, базирующуюся на функции государства как институционального инноватора, а корпораций — как саморегулируемых организаций, функционирующих в контуре неоконсервативной стратегии, корпоративная стратегия которых базируется не только на принципах экономической эффективности, но и учитывает интересы общества с прогнозируемым социальным эффектом. Неоконсервативный путь, согласно выводам профессора Ю.М. Осипова, предполагает не возврат к чему-то ранее бывшему, а лишь восстановление роли идейно-духовного начала, восходящего к трансцендентности мироздания, разумеется, вкуче с научно-технической составляющей [8].

В результате такой интеграции должны быть спроектированы эффективная организационная структура управления (функциональные области) и порядок взаимодействия в рамках ее структурных подразделений (бизнес-процессы). Объектом управления должна стать единая система взаимосвязанных бизнес-процессов, создающих ценность для потребителя, и функциональных областей, объединяющих сходные функции в рамках различных бизнес-процессов.

Новая интегрированная модель управления будет отличаться от традиционной функциональной иерархии, поскольку внедрение процессного подхода требует большей децентрализации исполнительской власти, объединения части операций для сокращения времени выполнения процессов в целом.

Литература

1. *Осинов Ю.М.* Определение философии хозяйства // Философия хозяйства. 2008. № 5.
2. *Зиман С.* Креветки или успех: бессмысленные инновации или осмысленное обновление. М., 2006.
3. *Вассерман А.* Дал нам пример Бонапарт // Бизнес-журнал. 2009. № 3.
4. *Иноземцев В.* Призыв к порядку. О модернизации России и возможном экономическом прорыве // Российская газета. 2008. № 4762.
5. *Олейник А.Н.* Модель сетевого капитализма // Вопросы экономики. 2003. № 8.
6. *Дементьев В.* Экономическая власть и институциональная теория // Вопросы экономики. 2004. № 3.
7. *Деягин М.Г.* Государственные корпорации как фактор модернизации России // <http://www.deliagin.ru/articles/2177.html>.
8. *Осинов Ю.М.* Новейшие тенденции мировой современности: философско-хозяйственное осмысление // Философия хозяйства. 2010. № 2.

А.А. ЗАЛЕТНЫЙ

Альтруизм в управлении

Аннотация. Предмет статьи — сформулировать теоретические и практические основы новой модели поведения управленца в трансформационной экономике современной России.

Ключевые слова: активы и авуары, альтруизм, альтруистический менеджер, долговая репутация, транспарентность.

Abstract: The subject of the present article is to formulate the theoretical, practical bases of the new model of a manager's behavior in the transformational economy of modern Russia.

Keywords: assets and «avoirs», altruism, an altruistic manager, debt reputation, transparency.

Поговорка: «поднявший камень себе же отшибет ноги» <...> изобличает поступки некоторых глупцов. Такими глупцами и являются реакционеры <...>. Козни, поражение, вновь козни, вновь по-

ражение и так вплоть до самой гибели — такова логика <...> реакционеров при подходе к народному делу, и они никогда не действуют вопреки этой логике.

Мао Цзэдун

В условиях продолжающегося господства «фиктивного» капитала в российской трансформационной экономике ряд организаций, согласно своей *декларируемой* миссии ориентированных на привлечение (в частности, в виде кредитов) денежных средств на заявляемые социально-полезные цели (например, на строительство объектов коммерческой недвижимости), в действительности же имеют *недекларируемую* задачу «второго плана» — задачу вывода привлеченных от банков и иных лиц денежных средств в «безопасные гавани» (по-английски — «safe harbors») с последующим превращением самой организации в банкрота со всеми вытекающими последствиями для ее кредиторов. Являясь единицей «фиктивного капитала», такие организации периодически пытаются размещать свои акции на мировых фондовых биржах, однако вызывая весьма малый интерес со стороны западноевропейских и американских инвесторов. Задачи таких организаций далеки от *подлинно инвестиционных* (если руководствоваться концепцией К.А. Хубиева и других авторов⁸) задач.

По нашим наблюдениям (а мы имели возможность наблюдать ситуацию в таких организациях изнутри в течение не одного года), к менеджерам, осознающим деструктивный характер задач «второго плана» для *подлинно инвестиционных* целей, а тем более реально блокирующим сделки, нанесшие бы при их совершении ущерб декларируемой бизнес-миссии компании, но вместе с тем которые бы обогатили лично группу владельцев той компании, проявляется недоверие со стороны владельцев организации. Такие менеджеры даже оказываются отстраненными от внутрикорпоративных информационных потоков, и информацию о действительно происходящем в компании они вынуждены получать с нарушением (порой открытым) корпоративных норм и правил. Сами же корпоративные нормы и правила используются в этом случае не только для вывода имущества в «безопасные гавани»,

⁸ Имеется в виду позиция К.А. Хубиева, Л. Гитмана и М. Джонка, в соответствии с которой главным критерием, позволяющим характеризовать предпринимательскую деятельность как инвестиционную, является *ориентация* такой деятельности на *экономический рост* и *повышение конкурентоспособности* как на уровне фирм, так и на уровне национальной экономики.

но и для избавления от «неудобных» сотрудников, так как «свидетели» из числа «инсайдеров» (сотрудников, владеющих внутрикорпоративной информацией, не относящейся к общедоступной) нужны владельцам компаний лишь такие, которые будут полностью подконтрольны владельцам компаний, в частности, в силу своего личного участия в подготовке и реализации процесса деструкции компании. Сама процедура отставки «неудобного» сотрудника, устанавливаемая (чаще всего неформально) владельцами организаций, нередко включает в себя признание покидающим компанию сотрудником «вины» в нарушении корпоративных норм и правил (читай — неформальных институциональных правил, заключавшихся в том, что сотрудник должен был содействовать выводу привлеченных в компанию средств в «безопасные гавани»), а также принесение покаяния (к тому моменту еще) коллегам и собственникам компании за нарушение тех самых правил.

По нашему наблюдению, значительная часть увольняемых сотрудников именно так и поступает. Но есть и «меньшинство», которое мы будем рассматривать здесь и далее в качестве своего рода «эталона» прозрачного, транспарентного, альтруистического поведения. Эти сотрудники факт нарушения (свою «вину») в нарушении «неформальных институциональных правил» порой и признают, но покаяния не приносят либо даже демонстративно отказываются приносить. Последствия этих действий лично для них бывают далеко не всегда нейтральными: их диапазон — от сокращения или лишения полагавшихся им лично премиальных выплат до создания им лично препятствий в увольнении по «не порочащим» основаниям. Но несмотря на названные последствия и в ряде случаев игнорируя их (при полном их осознании), таким поведением эти сотрудники транслируют вовне понимание того, что неформальные правила те были нацелены не на создание общественного богатства (в данном случае — силами и на уровне компании), а на обман экономических агентов, будь то обычные физические лица, приобретшие акции компании при ее публичном размещении, или же «институциональные инвесторы». Этим они говорят: нарушение институциональных правил, нацеленных на разрушение институциональных структур, есть экономически созидательное поведение, за которое покаяние может быть только «нулевым» (по аналогии с «нулевой толерантностью» по отношению к социально неправомерному в той или иной «парадигме» поведению).

Введем ключевое понятие, необходимое для характеристики экономического (да и в целом личностного) поведения экономического агента — менеджера, который призван реально выполнять свои задачи в экономике — *zero repentance* (в переводе с английского — *нулевое покаяние*). К размыванию нравственных норм оно не имеет никакого

отношения, а напротив, служит их укреплению, так как имеет в виду своим содержанием *недопустимость соблюдения и иного применения институциональных норм (будь то формальных или неформальных), направленных на разрушение структуры экономического агента и/или экономических отношений в (1) индивидуальном, (2) корпоративном, (3) отраслевом, (4) национальном, (5) региональном (имея в виду как географический регион государства, так и географический регион мира в целом) аспекте.*

И каковы же те самые «неформальные институциональные правила», которые именно *не должны* соблюдаться в интересах экономического роста, и за несоблюдение или открытое нарушение которых покаяние должно быть нулевым?

По мнению собственников ряда компаний, для соблюдения внешних форм статуса членам руководства банка следовало становиться на путь, выражаясь терминологией Т. Веблена, «демонстративного потребления», что, в частности, должно было выражаться в выборе «статусного» уровня жилья, одежды и иных предметов потребления — даже автомобиля. В ответ на констатацию того, что и технические, и «пользовательские» характеристики автомобиля «среднего» класса удовлетворяют руководителя организации в полной мере и он не имел никаких планов его заменять на автомобиль более «высокого уровня», этому руководителю собственники организации предлагают... взять кредит в банке, принадлежащем им же — тем же собственникам, что и та организация, где он работал, с целью приобретения того самого «статусного» автомобиля. Со стороны руководителя, которому предлагалось это, нередко (пусть и не слишком часто, по наблюдениям автора) следует отказ с формулировкой, что в кредите он не нуждается. Не так мало случаев, когда относительно скоро после подобного диалога такой руководитель, отказывающийся брать на себя финансовые обязательства перед своим работодателем с целью повышения уровня своего «статусного» потребления, отправляется в отставку.

Наличие прямых финансовых обязательств, зависимости от своего работодателя является для последнего гарантией «лояльности» работника, причем лояльности всесторонней, в том числе готовности совершить транзакции, заведомо деструктивные для организации как экономического агента (но направленные на извлечение выгоды акционерами, владельцами капитала, в целом бенефициарами — физическими лицами этого экономического агента-организации). Напротив, «независимость» экономического агента-работника, отсутствие у него финансовых обязательств уже «по факту» создают риск нелояльности работника по отношению к потенциально деструктивным относительно работодателя-организации транзакциям. Работник-должник, зави-

симый работник оказывается лучшим работником для работодателя. Доходит до того, что отсутствие регистрации работника в «социальных сетях» Интернета рассматривается как почти уже «девиантное» поведение [1] — потому что на основании информации из этих сетей, в том числе информации о долговых обязательствах человека, им можно манипулировать и добиваться принятия им тех решений, которые выгодны акционерам работодателя при их деструктивности для самой организации.

Отсюда можно сформулировать такое понятие, как *долговая репутация*, которое может едва ли не *исчерпывающе* характеризовать желаемую для работодателя деловую репутацию работника. Под *долговой репутацией* в современной российской переходной экономике мы можем понимать совокупность формальных и неформальных механизмов, обеспечивающих взаимозависимость экономических агентов с целью согласованного выполнения ими задачи по выводу активов, в том числе капитала, из российской экономики вовне.

Для полного смыслового позиционирования данного определения принципиальны два момента.

Во-первых, в нем употреблен именно термин «механизмы», а не «правила» и тем более не «институты», так как выполнение работником-должником задач, поставленных перед ним кредитором-работодателем, оказывается возможным благодаря не самим по себе долговым отношениям (в частности, правилам о необходимости возврата долга) и «первообразным» по отношению к ним псевдорепутационным нормам (необходимости вебленовского «демонстративного потребления» работниками, принадлежащими к числу высших руководителей), а благодаря *возможности принуждения работника к выполнению задач посредством вышеназванных обоих типов отношений* (за невыполнением экономически деструктивной задачи следует не только отставка, но и принуждение к возврату долга с использованием как формальных, так и неформальных правил, каковое было бы невозможно в случае отсутствия этого самого долга. Вместе с тем грань между формальными и неформальными институтами, даже между обязывающими и необязывающими (рекомендательными) правилами в российской переходной экономике наших дней до неразличимости стерта.

Во-вторых, речь идет именно о взаимозависимости работодателя-«кредитора» и работника-«должника», так как не только последний зависит от первого по причине наличия задолженности перед ним, но и первый предпочитает работников именно из числа потенциальных должников — лиц, склонных к сверхпотреблению, неустойчивых к пропаганде такового (о чем говорить, если в РФ ряд крупнейших «де-

ловых» периодических изданиях вынуждены устанавливать ограничения возрастного состава своей целевой аудитории [2!]), придающих большее значение внешним формам своего поведения, чем фактическому характеру такового (репрезентативные примеры см.: [1; 3; 4]), а равно уже имеющих финансовые обязательства перед другими кредиторами и испытывающих не только экономическую, но и психологическую (а в ряде случаев и психическую) нестабильность перед перспективой затруднения «обслуживания» таких обязательств.

Экономические же агенты — физические лица, склонные к прозрачности (транспарентности), содержательному объективному осмыслению, планированию своего поведения по отношению как к себе, так и к обществу в целом, оказываются для работодателя нежелательными лицами, *persona non grata*. Именно тут может лежать и лежит «невидимая» часть айсберга — истинные, не декларируемые критерии «дискриминации» при выборе «рабочей силы» с «рынка труда» (см., напр.: [5; 6]). Это порождает, на первый взгляд, латентные, но вполне потенциально взрывоопасные формы социальной напряженности (см., напр.: [7; 8]). Пока в США не утихают споры, по существу, о необходимости адресности поступлений от налогообложения и невозможности политических сил ее обеспечить [9—11], о недопустимости ситуации (самой по себе не новой в истории), когда налоговое бремя обрушивается в первую очередь на беднейшие слои населения (особенно репрезентативна статья П. Кругмана в «Нью-Йорк Таймс» от 26 августа 2012 г. [12], по сути специально посвященная данной теме), пока некоторыми политическими силами высказывается, как минимум, спорное мнение о крайней желательности предпринимательского опыта для управления экономикой в масштабах всего государства [13], во Франции уже вводятся (хотя и временно, на двухлетний срок) меры по 75 %-ному налогообложению доходов, превышающих 1 млн евро [14] (заметим, по современному российскому «переходным» меркам далеко не всегда являющихся сверхдоходами), каковую меру президента Франции Ф. Олланда следовало бы принять во внимание руководителям многих других стран. «Сверхпотребленцы» же (или «гедонисты») рано или поздно все равно оказываются не в состоянии «обслуживать» свой «статус», навязанный им «социальным мейнстримом», и кризис усугубляется еще и кризисом «перепроизводства» объектов недвижимости (о каковом наглядно писал тот же П. Кругман в статье в «Нью-Йорк Таймс» от 6 сентября 2012 г. [15]), да и в некоторых случаях... предметов роскоши (к категории которых порой эти самые объекты и относятся). Можно привести следующий пример. При рассмотрении вопроса о приобретении компанией одного из зданий было принято отрицательное решение, одной из причин которого

было то обстоятельство, что учреждение питания в этом здании являлось рабочей столовой и «*поэтому* (именно так! — А.З.) *не соответствовало уровню компании* (именно так! — А.З.)». Возникают вопросы: а чьими силами создавалось то здание? Чьими силами оно эксплуатировалось? Чьими силами обеспечивалось бесперебойное функционирование систем его жизнеобеспечения? Здесь можно вспомнить лишь эпиграф Н.А. Некрасова к его произведению «Железная дорога» в связи со всем последующим содержанием названного произведения.

Итак, подогреваемое работодателями «демонстративное потребление» и вытекающая из этого маргинализация человеческого потенциала, не принадлежащего к «социальному мейнстриму» — это опять же лишь одна сторона зависимости работодателя от работника. Работник-должник стремится компенсировать свои личные транзакционные и иные издержки, связанные с наличием у него долговых обязательств, за счет своего работодателя. Подобные механизмы оппортунистического поведения особенно наглядны в банковской сфере, когда сотрудник организует процесс кредитования, лишь руководствуясь возможностью получения неформального вознаграждения («отката») от заемщика с целью возможного возврата долга работодателю-банку, оставляя за скобками большинство значимых показателей, а то и самую суть хозяйственной деятельности заемщика. Доходит до того, что сотрудник планирует свою *каденцию*⁹, приходя на работу в организацию, именно исходя из возможности построения сделки (порой единственной, назовем ее «целевой сделкой») с получением крупного неформального вознаграждения. Поиск возможного клиента-заемщика и предварительные переговоры с банком-будущим работодателем-кредитором о возможности, в нашем случае, кредитования этого клиента ведутся нередко еще до начала каденции. Сама же каденция сводится к созданию «команды» (или, по меткому выражению М.Ю. Павлова, «террариума единомышленников» [16]), организующей все этапы сделки по кредитованию и далее получения неформального вознаграждения и распределения его между членами «террариума» в зависимости от степени личного участия и (куда в большей степени) личной преданности — именно на последней в основном основана реальная система распределения дополнительных форм оплаты труда (бону-

⁹ *Kadencja* (польск.) — здесь: срок полномочий должностного лица или органа; наиболее адекватный английский эквивалент этого термина — *term in office*. Использование слова «каденция» в данном контексте, распространенное ныне в данном контексте в Польше и на Украине, представляется значительно более правильным, чем использование навязываемого с конца 1980 — начала 1990-х гг. и по наши дни слова «карьера».

сов и др.) в организациях, — а в качестве заключительного этапа — проведение «отходных маневров» с целью избежания подозрений в нетранспарентности — непрозрачности (таким маневром может явиться даже и проведение вполне честной кредитной сделки, но на суммы многократно меньшие, чем «основная» — «целевая» — сделка) и поэтапный роспуск «террариума» путем добровольных отставок его «членов», а затем и организатора — строго в последнюю очередь. Отставки крайне редко непосредственно следуют за совершением «целевой сделки» (типичное исключение — внезапное выявление неплатежеспособности заемщика непосредственно после кредитования). Напротив, в случае наличия предпосылок для еще одной подобной «целевой сделки» в рамках той же каденции сотрудник в сговоре с заемщиком может угрожать банку прекращением выплат по кредиту в обмен на отказ банка от досрочного прекращения его каденции (проще говоря, от увольнения по инициативе работодателя). В то же время интервал между каденциями в случае «успешного» проведения целевой сделки может быть многомесячным и даже многолетним, так как размер «отката» может на порядки превышать и без того высокую официальную зарплату сотрудника [17], которая на практике и частично могла не покрывать «статусные» расходы на «демонстративное потребление».

Приведенная схема «онтогенеза» каденции сотрудника показывает имманентно заложенную в ней конфликтность, выходящую далеко за рамки извечного противоречия труда и капитала. Да, каждая из сторон (как владельцы банка, так и сотрудники из числа наемных, независимо от уровня занимаемых ими должностей) на том или ином этапе своей каденции провоцирует конфликт вокруг себя своими действиями (или бездействиями), даже и неосознанно. Но интерес экономических агентов — собственников организаций и экономических агентов — наемных работников по сути един: вывод активов. У первых — за пределы национальной экономики, у вторых — за пределы организации.

Для успешного исполнения текущей «операционной» деятельности остающегося, несмотря на кризис, одним из ключевых в экономике сектора фиктивного капитала, перераспределения капитала и других активов из реальных секторов в секторы спекулятивных операций, где прибыль бывает на порядки выше, оказываются наиболее нужными такие качества, как гибкость, эластичность и беспрекословие и/или непоколебимость как в принятии решений, так и в проведении операций (транзакций) во исполнение принятого решения. Попытка пресечь подобные совершаемые операции, особенно вследствие понимания их сущности, превращает сотрудника банка, финансовой компании в *per-*

sona non grata в этом секторе *независимо от принадлежности* к той или иной социальной, возрастной, гендерной [18] и иной страте, и чаще всего — в *persona non grata* бессрочно. В реальной «посттрансформационной», созидательной экономике будущего, к построению которой мы стремимся, не должно быть ни *абсолютных* достоинств, ни *абсолютных* недостатков; черты одной стороны *будут органично взаимно дополняться* чертами другой стороны. И так будет достигнуто равенство возможностей (опций) *в полной сбалансированности*. В условиях же, несколько перефразируя слова Л.Д. Троцкого, «деформированного олигархического государства» ценность человека, измеряясь его ценностью как экономического агента, определяется его способностью выполнять функцию вывода активов, в том числе капитала, из национальной экономики в иные экономические юрисдикции, обеспечивающие сохранность и доходность выведенных средств с использованием спекулятивных финансовых инструментов. Дальнейшая судьба выведенных средств выходит за пределы нашего исследования, здесь же отметим, что она оказывается нередко весьма незавидной для их «титულных владельцев».

Последствием сказанного, в том числе и завершающего его положения — *единства оппортунистических интересов экономических агентов в трансформационной экономике современной России вне зависимости от их места и роли в отношениях собственности* — оказывается парадоксальная, на первый взгляд, но драматическая в своей репрезентативности вещь. *Истинным мериллом деловой репутации экономического агента в российской переходной экономике оказывается долговая репутация, т. е.* (дадим еще один вариант определения этого понятия) *количественный и качественный уровень долговых обязательств экономического агента, позволяющий детерминировать основной характер его деятельности*. С учетом вышесказанного применительно к российской трансформационной экономике это приводит к тому, что *деловая репутация в традиционном смысле* (а не в том реальном смысле, который вкладывается в это понятие в российской трансформационной экономике наших дней) *оказывается обратнo пропорциональной долговой репутации*. Трансформационно-российская же «деловая репутация» экономического агента, по сути эквивалентная репутации «долговой», оказывается нередко *полярна* деловой репутации этого же экономического агента в «традиционном» смысле. Если же мы попытаемся посмотреть на понятие «долговой репутации» в «традиционном», «западном», смысле, то ее мериллом может стать не что иное, как методика расчета вероятности банкротства Э. Альтмана, а идя далее, мы не смогли бы остановиться перед разработкой вариантов институционализации механизмов банкротства

суверенных государств — но это, согласимся, тема отдельного исследования! Сейчас лишь обратимся к словам руководства внешнеполитического ведомства Германии о том, что одно из главнейших последствий происходящего в Европе в этом ракурсе — это *кризис доверия* [19]). Разрушительные для человеческого потенциала, подлинно гуманистической мотивации [20], да и для человека в целом [21] последствия этого мы наблюдаем в наши дни воочию.

Незамеченное (и, прямо скажем, невиданное) доселе искажение и подмена смысла и значения понятия деловой репутации — «протаскивание» в современной российской трансформационной экономике *долговой* репутации *под видом деловой* репутации — имеет следующего «предтечу», как мы увидим, *весьма индикативного в свете господства фиктивного капитала*. В настоящее время для характеристики *имущества*, в том числе (но не исключительно) недвижимости, денег, прав требования (как с наступившим, так и с ненаступившим сроком предъявления) — в целом всего фиксируемого в «левой» колонке традиционного бухгалтерского баланса (скажем с большой, но приемлемой в нашем контексте долей условности, так: «имущество в широком смысле слова») — используется термин «*активы*» (восходящее — через английский — к латинскому «*actīvus*» и далее «*agreee*» — «действовать»). В то же время примерно до конца третьей четверти прошлого века (а в отдельных случаях — до конца 1980-х гг. и — значительно реже — в наше время) практически то же самое содержание в логическом смысле («имущество в широком смысле слова») имел термин «*авуары*» (происходящий от французского «*avoir*» — «иметь»). Как видим, генезис термина «авуары», в отличие от термина «активы», указывает на «*наличный*», *реально существующий* характер обозначаемой им экономической сущности (на что, кстати говоря, указывает и родство русского слова «имущество» с глаголом «иметь»), что затрудняет (хотя формально это было возможно и в XX в., но в то время сорная трава «фиктивного капитала» не достигала еще своего «расцвета») применение термина «авуары» к финансовым «пузырям» вроде заведомо невозвратной дебиторской задолженности банкам предприятий-банкротов и заведомо не подлежащих санации должников по ипотечным кредитам. (Росту «пузырей» как питательная среда способствует и негласное придание ряду крупнейших мировых банков статуса «неприкосновенных» [22], какие бы операции не просто из разряда «теневых», но лежащих за рамками даже и правового поля они бы ни совершали [23] — и это «за пределами» огромных объемов государственной помощи ряду из них на пике кризиса, а равно на фоне углубляющегося падения *реального* производства в Европе [24]!) Возвращение в активный экономический оборот термина «авуары» (не вместо, а

наряду с более широким по объему, но менее богатым по содержанию понятием «активы»), можем полагать, станет подлинной инвентаризацией действительного, а не фиктивного, национального богатства, в части, сохранившейся после «экспериментов» прошедших двух с половиной десятилетий, без какой инвентаризации и думать невозможно о каком бы то ни было подлинном экономическом росте. Новейший опыт диверсификации бизнеса компании ИКЕА (ИКЕА), осваивающей строительство гостиниц экономического класса в Европе [25] помимо ведения своего основного хорошо известного бизнеса, можно считать позитивным репрезентативным примером действительного и деятельного понимания — безотносительно терминологии — того, что смута фиктивного финансового капитала начинает постепенно развеиваться через созидание действительного общественного богатства.

Итак, каким же должен быть человек, который будет осуществлять управление экономическими агентами на посттрансформационном этапе? Как мы можем его охарактеризовать? В двух словах (буквально) — «альтруистичный менеджер» или «менеджер-борец». Что это значит? Что должен делать управленец (менеджер), чтобы соответствовать характеристикам «альтруистичный менеджер», «менеджер-борец»?

1. Руководствоваться в своей деятельности исключительно интересами не только сохранения, но и приумножения богатства (авуаров) вверенной ему экономической единицы (от небольшого предприятия до национальной экономики) в интересах настоящего и будущих поколений.

2. Быть независимым от стереотипов «уровня» поведения и потребления, навязываемого ему официальной пропагандой. Проще говоря — не будучи Диогеном, ставить интересы своей деятельности по управлению вверенной ему экономической единицей выше личного обогащения даже институционально формализованными (юридически законными) путями, что, внешне представляясь банальностью, в условиях современной России нуждается в дополнительном постулировании, которое мы и совершили в настоящем пункте.

3. Не иметь таких долговых обязательств, которые влияли бы на его действия по управлению вверенной ему экономической единицей, вызывая опасения на случай отставки. Вообще не иметь долговых обязательств перед своим работодателем, т. е. перед вверенной ему экономической единицей. Проще говоря — вообще не иметь долговой репутации в том смысле, в котором это понятие введено в настоящей статье.

4. Не опасаться диффамации, любых действий других лиц, которые бы поставили под сомнение его деловую репутацию в подлинном

смысле этого слова. Осознавать иллюзорность и неверность представления о невозможности деловой репутации (в подлинном же смысле) в случае ее снижения либо утраты [26]. Для этой цели сводить к действительному минимуму объем сведений, составляющих «коммерческую тайну», обеспечивая максимально возможный уровень транспарентности (прозрачности) деятельности вверенной ему экономической единицы (обязательно должен существовать интернет-сайт соответствующей экономической единицы, и не номинально, а с регулярно обновляемым содержанием (контентом)).

5. Осуществлять тотальный и непрерывный (а не общий) контроль за всеми аспектами и уровнями деятельности вверенной ему экономической единицы, при необходимости считать допустимым точечное «вторжение» в профессиональные компетенции как ниже-, так и вышестоящих по должностному уровню коллег.

6. Подавать в отставку и добиваться ее принятия в случае попытки принудить его к действиям, наносящим имущественный (например, вывод активов и иных активов) и репутационный (например, сокрытие информации о действительно негативном положении организации при наличии такового) ущерб вверенной ему экономической единицы.

7. Независимо от следующих за отставкой действий в его отношении (к примеру, информационное давление, но и более жесткие действия — не исключение), при условии предшествующего соблюдения им вышеприведенных п.п. 1 — 6, не приносить извинений, покаяний и т. п. своим руководителям (акционерам, владельцам капитала, даже и публичным институциям и т. п.), а равно подчиненным (обратимся вновь к заглавию статьи!), обосновывая верность своих действий в период каденции, а в тех своих действиях, которые он сам считает ошибочными, находить и положительные стороны исходя из достигнутого управленческого результата.

Понятно, что едва ли не все сказанное в вышеприведенных семи пунктах многие современные читатели поспешат объявить «идеализмом», неприменимым к современным российским трансформационным реалиям. Но, поскольку это неоднократно показывал опыт российской и общемировой истории, мы можем полагать, что только такие «идеалисты» и способны обеспечить «прорыв» из трансформационной стадии, на которой российская экономика «застряла» в последние более чем два десятка лет, в «посттрансформационную», т. е. подлинно созидательную. «Заигрывания» же с «тактикой и искусством деловых переговоров», интригами и хитростью с целью получения максимальной прибыли при минимальных трансакционных издержках, «эффективном использовании ограниченных ресурсов» коротко и емко охарактеризовал великий китайский и мировой мыслитель, политик,

управленец, слова которого, сказанные почти полвека назад, вынесены в эпиграф настоящей статьи. Многие «успешные» лица, блистающие на обложках российских глянцевого журналов, несут на себе печать «реакционера», смыть бесследно которую они смогут только с началом подлинной деятельности в интересах приумножения национального богатства во имя поколения настоящего (включая и их самих) и поколений будущих. Не просто «активов», а «авуаров». Не «фиктивного капитала», а подлинного Капитала. Не «покаяние», а Созидание!

Если пока еще не примером такого менеджера уже наших дней, то Предтечей (с заглавной буквы) — точно, является уже всемирно известный Грег Смит (Greg Smith), добровольно покинувший весьма высокую должность в банке «Голдман Сакс» в марте 2012 г. с одновременной публикацией статьи в «Нью-Йорк Таймс» от 14 марта 2012 г. с объяснением причин своей отставки — в частности, царящей в этом банке жадности его владельцев, отношению к его кредиторам-клиентам как исключительно к средству для достижения скорейшей прибыли любой ценой, неприятию любого человеческого подхода к клиентам, на которых собственно и зиждется благополучие банка. Грег Смит написал книгу, содержащую более подробный анализ ситуации в «Голдман Сакс» (безусловно, репрезентативной для банка такого уровня), вышедшую в свет 22 октября 2012 г. [27]. Лично у меня, прошедшего внутри банковской системы не один и не два года и испытавшего многое из того, что испытал Грег Смит, оснований не доверять ему нет. Но анализ деталей его работы — предмет отдельного рассмотрения.

Литература

1. Toy Story: Office Playthings Come of Age // <http://cnmobile.com/primary/fullarticle?topic=newsarticle&category=intlbusiness&articleId=urn:newsml:CNN.com:20120904:global-office-executive-desk-toy-madness:1#page2>, дата обращения 04.09.2012.
2. Twickel N. von. Vedomosti Rates Its Web Content as 16+ // The Moscow Times. 2012. Sept. 4.
3. Ex-Apple Boss Tackles Poverty in India with Mobile Technology // <http://cnmobile.com/primary/fullarticle?topic=newsarticle&category=intlbusiness&articleId=urn:newsml:CNN.com:20120911:mobile-india-mpowering:1#page2>, дата обращения 11.09.2012.
4. 9 on Trial in China over Teenager's Sale of Kidney for iPad and iPhone // <http://cnmobile.com/primary/fullarticle?topic=newsarticle&category=intlasia&articleId=urn:newsml:CNN.com:20120810:china-kidney-ipad-trial:1#page>, дата обращения 10.08.2012.

5. «No Indians, Asians» Job ad Sparks Anger // <http://cnnmobile.com/primary/fullarticle?topic=newsarticle&category=intlbusiness&articleId=urn:newsml:CNN.com:20120829:australia-supermarket-ad-discrimination:1#page2>, дата обращения 29.08.2012.
6. *Shanley M.* Syrians Fleeing War Start to Trickle into Europe // <http://mobile.reuters.com/article/topNews/idUSBRE8820NR20120904>, дата обращения 04.09.2012.
7. *Medina J.* Long-Term Jobless Regroup to Fight the Odds // The New York Times. 2012. Aug. 16.
8. *Ramesh R.* Tories Failing to Build Social Homes for Poorest People, Labour says // The Guardian. 2012. Aug. 28.
9. *Krugman P.* Rosie Ruiz Republicans // The New York Times. 2012. Sept. 2.
10. *Krugman P.* An Unserious Man // The New York Times. 2012. Aug. 19.
11. *Porter E.* America's Aversion to Taxes // The New York Times. 2012. Aug. 14.
12. *Krugman P.* The Comeback Skid // The New York Times. 2012. Aug. 26.
13. *Nominee Romney Seeks Working-Class Connection* // <http://cnnmobile.com/primary/fullarticle?topic=newsarticle&category=intl&articleId=urn:newsml:CNN.com:20120829:gop-convention-wrap:1#page2>, дата обращения 29.08.2012.
14. *Hollande Acts over Wealth Tax Crisis* // <http://cnnmobile.com/primary/fullarticle?topic=newsarticle&category=intl&articleId=urn:newsml:CNN.com:20120910:france-wealth-tax:1#page2>, дата обращения 10.09.2012.
15. *Krugman P.* Cleaning Up the Economy // The New York Times. 2012. Sept. 6.
16. *Pavlov M.* Rise Of The USA As A Superpower: Can Kin Estates Be The Next Stage? М., 2012.
17. *Byrnes N.* Some Companies Pay More to CEOs than to Uncle Sam: Study // <http://www.reuters.com/article/2012/08/16/us-tax-ceo-idUSBRE87F04O20120816>, дата обращения 16.08.2012.
18. *Brooks D.* Why Men Fail // The New York Times. 2012. Sept. 11.
19. *Euro Crisis Down to Confidence, not Currency, Says German Foreign Minister* // <http://cnnmobile.com/primary/fullarticle?topic=newsarticle&category=intlbusiness&articleId=urn:newsml:CNN.com:20120831:germany-eurzone-westerwelle:1#page2>, дата обращения 31.08.2012.
20. *Why «Follow Your Passion» is Bad Advice* // <http://cnnmobile.com/primary/fullarticle?topic=newsarticle&category=intlb>

usiness&articleId=urn:newsml:CNN.com:20120829:passion-career-cal-
newport:1#page2, дата обращения 29.08.2012.

21. Death and Taxes in //
<http://cnnmobile.com/primary/fullarticle?topic=newsarticle&category=intlbusiness&articleId=urn:newsml:CNN.com:20120910:italy-economy-suicide:1#page2>, дата обращения 10.09.2012.

22. Are Some Banks too Big to Prosecute? //
<http://cnnmobile.com/primary/fullarticle?topic=newsarticle&category=intlbusiness&articleId=urn:newsml:CNN.com:20120817:banks-too-big-to-prosecute:1#page2>, дата обращения 16.08.2012.

23. *Goldstein M., Ablan J.* Exclusive: Former Barclays Trader «Has Cooperated» with Libor Probe //
<http://mobile.reuters.com/article/topNews/idUSBRE87911T20120811>, дата обращения 11.08.2012.

24. Eurozone Manufacturing Revised Down //
<http://cnnmobile.com/primary/fullarticle?topic=newsarticle&category=intlbusiness&articleId=urn:newsml:CNN.com:20120903:eurozone-manufacturing-down:1#page2>, дата обращения 03.09.2012.

25. Ikea to Build Budget Hotels Across Europe //
<http://cnnmobile.com/primary/fullarticle?articleId=urn:newsml:CNN.com:20120815:ikea-budget-hotels:1&pagesize=10&category=intleurope&pageSize=10>, дата обращения 15.08.2012.

26. Документы, ставшие причиной отставки главы ЦБ Швейцарии, оказались поддельными //
<http://palm.newsru.com/finance/19jan2012/suisse.html>, дата обращения 19.01.2012.

27. *Smith G.* Why I Left Goldman Sachs: A Wall Street Story. N. Y.; Boston, 2012.

П.А. КРАСНОКУТСКИЙ

Формирование паркетно-кластерной модели региональной инновационной системы Ростовской области

Аннотация. В работе на основе новой системной парадигмы в сочетании с кластерным подходом рассмотрен процесс формирования модели региональной инновационной системы Ростовской области.

Ключевые слова: региональная инновационная система, кластер, новая системная парадигма.

Abstract. In abstract on the basis of a new system paradigm in a combination with the cluster approach is considered process of formation of regional innovation system model of the Rostov region.

Keywords: regional innovation system, cluster, a new system paradigm.

В условиях глобализации все большее значение для России приобретает объективная необходимость отказа от экспортно-сырьевой модели экономического развития, базирующейся на форсированном наращивании топливного и сырьевого экспорта. Об исчерпании потенциала экспортно-сырьевой модели экономического развития свидетельствуют, в частности, следующие данные: «... в предкризисный период 2005 — 2007 годов среднегодовые темпы роста ВВП составляли 7,5 процента. Из них на прирост запасов приходилось 0,3 процентного пункта. По итогам 2011 года ВВП вырос, по оценке, на 4,2 — 4,5 процента. И из них примерно три пункта роста пришлось на восполнение запасов. Таким образом, если элиминировать конъюнктурный фактор накопления запасов, прирост ВВП составил не более 1, 5 процента...» [1, 28].

В этой связи одной из доминант экономического развития страны становится поиск механизмов повышения конкурентоспособности производимой продукции, что невозможно без активного внедрения инновационных технологий. В свою очередь, эффективное практическое воплощение стратегии инновационного развития не может быть реализовано без наличия системы институтов, не только способствующих появлению новых разработок в приоритетных областях, но и обеспечивающих весь цикл их внедрения.

Концепция национальных инновационных систем получила свое развитие в 1980-е гг. В настоящее время акцент исследований в данном направлении во многом смещается с уровня национальной экономики на уровень региона, что особенно актуально в российских реалиях, характеризующихся существенными диспропорциями территориального развития. Рассматривая особенности инновационной системы России, известный исследователь данной проблемы академик В.М. Полтерович отмечает, в частности, что в настоящий момент она представляет собой «... беспорядочное нагромождение различных институтов, созданных путем прямолинейного копирования институтов западных систем...» [2, 1]. Таким образом, по существу, наблюдается любопытный парадокс «наличия системы при отсутствии системности».

Проблема формирования унифицированных моделей инновационных систем неоднократно рассматривалась в работах многих российских ученых. Однако применяемый при этом подход зачастую сводится к определению перечня базовых институтов, система взаимосвязей между которыми описывается с той или иной степенью детализации.

Существенным недостатком подобного подхода, на наш взгляд, является малая степень адаптивности подобных моделей к условиям конкретного региона, проявляющаяся, в частности, в невозможности переноса системы взаимосвязей, индивидуализированной для каждого отдельного случая. Кроме того, дифференцирован и сам «набор» институтов, сформированных в каждом регионе.

Поэтому более целесообразным представляется разделение всех имеющихся институтов по признаку их функциональной роли в обеспечении системных свойств региональной инновационной системы (целостности, внутреннего многообразия, устойчивости в пространственно-временном континууме, способности к самовоспроизводству и т. д.). Основной задачей исследования, таким образом, является формирование на примере конкретного субъекта Российской Федерации модели региональной инновационной системы, которая отвечала бы указанным выше критериям.

Достижение указанной исследовательской задачи возможно посредством применения основных положений системной парадигмы, развиваемой в трудах Г.Б. Клейнера на основе работ Я. Корнаи.

В своих исследованиях Клейнер указывает на возможность выделения четырех основных типов систем: объекта, среды, проекта, процесса. В основу подобного деления положен принцип рассмотрения систем с позиций их пространственной и временной ограниченности (неограниченности) [3]. Все четыре типа систем взаимодействуют между собой, образуя экономическую тетраду, в рамках которой осуществляется обмен ресурсами пространства, времени, активности и интенсивности, посредством чего достигается устойчивость функционирования тетрады во времени и пространстве. В свою очередь, тетрады взаимодействуют между собой, образуя паркетную структуру организации экономики [4].

На наш взгляд, при формировании модели региональной инновационной системы следует данную систему рассматривать как паркетную структуру, состоящую из совокупности тетрад, в качестве которых выступают отдельные кластеры [5, 105].

При формировании паркетно-кластерной модели региональной инновационной системы конкретного региона следует, в первую очередь, выделить состав имеющихся и потенциальных региональных кластеров.

Рассмотрим основные аспекты формирования подобной региональной модели на примере Ростовской области. В рамках «Стратегии социально-экономического развития Ростовской области до 2020 года», утвержденной постановлением Законодательного собрания региона 30 октября 2007 г., к числу наиболее приоритетных кластеров были отнесены: агропромышленный кластер, кластер сельхозмашиностроения, кластер легкой промышленности и кластер производства строитель-

ных материалов. Авторские исследования, основанные на расчете коэффициентов локализации, в целом показали обоснованность выделения в рамках «Стратегии» указанных кластеров.

В рамках редакции вышеуказанного документа от 24 ноября 2011 г. были выделены также следующие кластеры, развитие которых представляется руководству региона наиболее перспективным: финансовые, деловые и образовательные услуги, услуги в сфере НИОКР, медицинский кластер, промышленно-транспортный кластер, транспортно-складской и логистический кластер, спортивный кластер [6]. Вместе с тем следует отметить, что подавляющее большинство кластеров, выделенных в данной редакции, по существу могут рассматриваться не как отдельные кластеры, но как элементы кластеров (например, инфраструктурные). Здесь в рамках модели региональной инновационной системы Ростовской области мы будем рассматривать только следующие виды кластеров: агропромышленный кластер, кластер сельхозмашиностроения, кластер легкой промышленности, туристический кластер.

Рассмотрим основные системы, входящие в выделенные кластеры.

Агропромышленный кластер.

- Системы типа «*объект*»: предприятия, производящие сельхозпродукцию (зерно, подсолнечник, плоды, ягоды, овощи и т. д.); предприятия пищевой промышленности (производство растительного масла, плодоовощных и рыбных консервов, муки и т. д.).

- Системы типа «*среда*»: институты, готовящие специалистов (агрономы, технологи, менеджеры, экономисты) и активно занимающиеся научными разработками по профилю кластера (указанная работа наиболее активно осуществляется в Азово-Черноморской государственной агроинженерной академии, Донском государственном аграрном университете, Новочеркасской государственной мелиоративной академии и др.); научно-исследовательские институты, осуществляющие фундаментальные и прикладные разработки для кластера (селекция и выведение сортов растений, племенное скотоводство/птицеводство, севооборот, обработка почвы, удобрения и методика их внесения в почву, технологии хранения и переработки) (указанная работа наиболее активно осуществляется в НИИ, входящих в структуру РАСХН — Азовский НИИ рыбного хозяйства, Всероссийский НИИ карантина растений, НИИ мясной промышленности им. В.М. Горбатова, РосрыбНИИпроект и др.); нормативно-правовая база (нормативы санитарного, фитосанитарного и ветеринарного контроля, система российских ГОСТов, требования к системе качества, таможенный режим, налоговое законодательство, земельный кодекс, трудовое законодательство и др.); оптовая (в том числе ориентированная на экспорт) и розничная (торговые сети).

- Системы типа «*проект*»: поставщики сельхозтехники (поскольку закупки и, соответственно, поставки сельхозтехники носят периодический, а не регулярный характер, поставщики сельхозтехники относятся к проектным, а не процессным системам); поставщики оборудования; строительство; поставщики транспортных средств; поставщики племенного скота; финансовые проекты.

- Системы типа «*процесс*»: склады; поставщики ГСМ; поставщики кормов; поставщики семян; производители упаковки; поставщики электроэнергии, водоснабжения, тепла и газа; энергосистема; дорожное хозяйство.

Таблица 1

Уровень развития основных типов систем агропромышленного кластера Ростовской области

Агропромышленный кластер			
Тип системы	Уровень развития		
	высокий	средний	низкий
<i>Объект</i>			
предприятия, производящие сельхозпродукцию	+		+
предприятия пищевой промышленности	+		+
<i>Среда</i>			
институты, готовящие специалистов		+	
научно-исследовательские институты		+	
нормативно-правовая база		+	
оптовая и розничная торговые сети		+	
<i>Проект</i>			
поставщики сельхозтехники		+	
поставщики оборудования		+	
<i>Строительство</i>			
поставщики транспортных средств		+	
поставщики племенного скота		+	
финансовые проекты			+
<i>Процесс</i>			
<i>Склады</i>			
поставщики ГСМ		+	
поставщики кормов		+	
поставщики семян		+	
производители упаковки		+	
поставщики электроэнергии, водоснабжения, тепла и газа			+
<i>Энергосистема</i>			
дорожное хозяйство			+

В таблице 1 представлен уровень развития основных типов систем агропромышленного кластера Ростовской области.

Как следует из анализа данных табл. 1, наиболее слабым уровнем развития отличаются процессные и проектные системы. Кроме того, серьезной проблемой, снижающей эффективность функционирования данного кластера, является существенный дисбаланс в развитии животноводства и растениеводства в сторону доминирования последнего.

Модель агропромышленного кластера Ростовской области, изображенная в виде экономической тетрады, представлена на рис. 1.

Условные обозначения, характеризующие процессы обмена ресурсами между системами разных типов [3]:

- ▶ активность;
- - - - -▶ интенсивность;
- ▶ пространство;
- - - - -▶ время.

Рис. 1. Тетрадная форма модели агропромышленного кластера Ростовской области

Кластер сельхозмашиностроения.

• Системы типа «объект»: предприятия, производящие сельхозтехнику (комбайны, культиваторы, жатки, сеялки, косилки и т. д.).

- Системы типа «*среда*»: институты, готовящие специалистов (инженеры, менеджеры, экономисты) и активно занимающиеся научными разработками по профилю кластера (указанная работа наиболее активно осуществляется в Донском государственном техническом университете, Южно-российском государственном техническом университете, Южном федеральном университете, Ростовском государственном экономическом университете и др.); научно-исследовательские институты, осуществляющие фундаментальные и прикладные разработки для кластера (технология и методы металлообработки, инженерные и технические решения в области сельхозмашиностроения, материаловедение, технологии проектирования и управления бизнесом и производством) (указанная работа наиболее продуктивно осуществляется в ВИМ РАН, ВНИПТИМЭСХ, КубНИИ-ТиМ); нормативно-правовая база (система сертификации сельхозтехники, федеральный техреестр средств производства, хранения и переработки сельскохозяйственной продукции, система российских ГОС-Тов, требования к системе качества ISO 9000, таможенный режим; система телекоммуникаций; дилерская сеть.

- Системы типа «*проект*»: финансирующие организации (банки); поставщики металлообрабатывающего оборудования; консалтинговые и аудиторские фирмы.

- Системы типа «*процесс*»: энергосистема; сеть автодорог; поставщики сырья и комплектующих; поставщики электроэнергии.

Таблица 2

**Уровень развития основных типов систем кластера
сельхозмашиностроения Ростовской области**

Кластер сельхозмашиностроения			
Тип системы	Уровень развития		
	высокий	средний	низкий
<i>Объект</i>			
предприятия, производящие сельхозтехнику	+	+	
<i>Среда</i>			
институты, готовящие специалистов		+	
научно-исследовательские институты		+	
нормативно-правовая база		+	
система телекоммуникаций		+	
дилерская сеть	+		
<i>Проект</i>			
финансирующие организации			+
поставщики металлообрабатывающего оборудования			+
консалтинговые и аудиторские фирмы			+
<i>Процесс</i>			
энергосистема		+	
сеть автодорог		+	
поставщики сырья и комплектующих			+
поставщики электроэнергии		+	

В таблице 2 представлен уровень развития основных типов систем кластера сельхозмашиностроения Ростовской области.

Как следует из анализа данных, приведенных в табл. 2, наименее развитыми в рамках кластера сельхозмашиностроения являются системы проектного и процессного типов.

Модель кластера сельхозмашиностроения Ростовской области, изображенная в виде экономической тетрады, представлена на рис. 2.

Кластер легкой промышленности.

Данный кластер в Ростовской области относится к числу формирующихся и обладает существенным потенциалом развития, прежде всего, благодаря наличию в регионе крупных конкурентоспособных на отечественном и мировом рынке компаний-производителей (Gloria Jeans, DM, Elis и др.).

Вместе с тем в настоящий момент в недостаточной степени развиты средовые и процессные системы, фрагментарно развиты проектные, что не позволяет на данном этапе сформировать тетрадную модель кластера легкой промышленности.

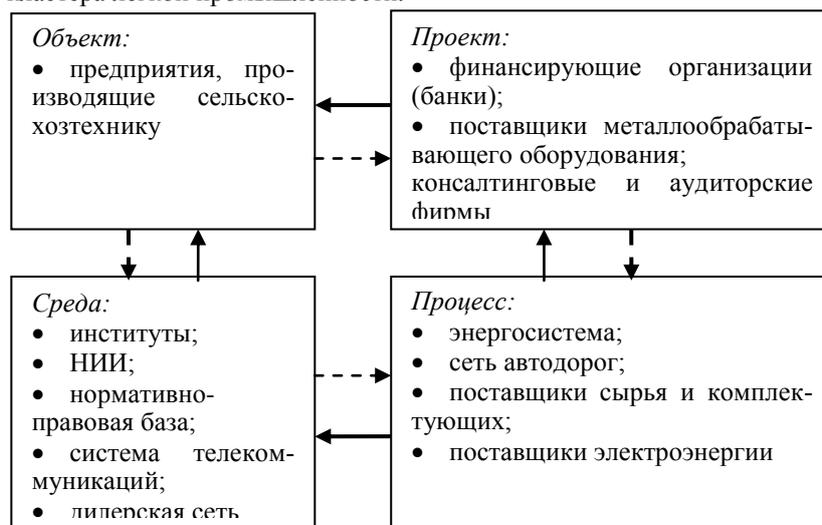

Рис. 2. Тетрадная форма модели кластера сельхозмашиностроения Ростовской области

Туристический кластер.

Специфической особенностью туристического кластера как такового является то, что туристические кластеры могут формироваться

практически на любой территории, что делает их достаточно универсальными инструментами комплексного развития экономики региона.

Являясь традиционно агропромышленным регионом, Ростовская область обладает существенным потенциалом в развитии экологического, сельского, этнографического видов туризма. Кроме того, будучи административным центром ЮФО, регион обладает преимуществами в развитии делового и событийного туризма. Имеются также широкие возможности для развития культурно-исторического (познавательного), пляжного, водного и спортивного туризма [6].

В целом, наиболее логичным представляется формирование региональной инновационной системы Ростовской области первоначально на основе развития четырех кластеров: агропромышленного, кластера сельхозмашиностроения, кластера легкой промышленности и туристического кластера.

Выбор данных кластеров в качестве базовых обусловлен, во-первых, их взаимосвязанностью и, во-вторых, реалиями современного этапа развития региона. Паркетно-кластерная форма модели региональной инновационной системы Ростовской области представлена на рис. 3.

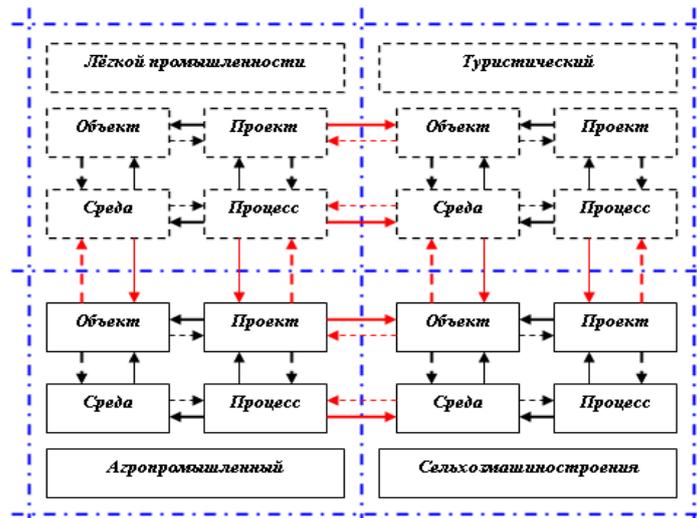

Рис. 3. Паркетно-кластерная форма модели региональной инновационной системы Ростовской области

На рис. 3 кластер легкой промышленности и туристический кластер изображены пунктирными линиями, что отражает процесс формирования указанных кластеров.

Подводя итог, следует отметить, что предлагаемая в данной работе паркетно-кластерная форма модели региональной инновационной системы Ростовской области позволяет рассматривать подобную систему не просто как набор институтов, но как четко структурированный по признаку выполняемых функций механизм. В сочетании с анализом и ранжированием типов систем по уровню их развития подобный подход позволяет более четко выделить «болевые точки региона», а в конечном счете — понять, почему тот или иной кластер не функционирует или же функционирует недостаточно эффективно.

Литература

1. *Ивантер А.* Модернизационный маневр // Эксперт. 2012. № 2.
2. *Полтерович В.М.* Нужен инновационный подход для создания нестандартных институтов // Инновационные тренды. 2011. № 1.
3. *Клейнер Г.Б., Качалов Р.М., Нагрудная Н.Б.* Синтез стратегии кластера на основе системно-интеграционной теории // <http://www.kleiner.ru/arpab/klaster.html>.
4. *Клейнер Г.Б.* Теория ресурсной базы экономических систем // <http://www.kleiner.ru/arpab/teorresbaz.html>.
5. *Краснокутский П.А.* Моделирование региональных инновационных систем на основе кластерного подхода // Вестник ИНЖЭКОНа. 2012. № 3(54).
6. Стратегия социально-экономического развития Ростовской области на период до 2020 года (в редакции постановления Законодательного Собрания Ростовской области от 24.11.2011 № 1752) // <http://www.donland.ru/Default.aspx?pageid=85416>.

Е.В. РАДКОВСКАЯ

Дисфункции в региональном развитии

Аннотация. Рассматривается методика функционального подхода к исследованию условий реального перехода регионов к устойчивому развитию. Вводится понятие дисфункции, рассматриваемой как препятствие для стабильного развития социально-экономической системы. Анализируются дисфункциональность региональных территорий и

возможности корректирующего управления для устранения дисфункций.

Ключевые слова: устойчивое развитие, социально-экономическая система региона, дисфункция, дисфункциональная территория, корректирующее управление.

Abstract. The article focuses on the application of the method of the functional approach to the study of conditions for a real transition to sustainable regional development. Is introduced the concept of dysfunction, which is seen as an obstacle to sustainable development of the socio-economic system. Are analyzed the dysfunctional region's territories and are seen possibilities of corrective management to eliminate dysfunctions.

Keywords: sustainable development, socio-economic system of the region, dysfunction, dysfunctional area, corrective management.

Создание условий для движения по пути устойчивого развития стало в XXI в. основным целеполагающим императивом для большинства государств мира. Главы правительств более чем 150 стран согласились с необходимостью изменения ясно обозначившейся ко второй половине прошлого столетия ситуации, в которой удовлетворение растущих потребностей человечества — в особенности той его части, которая проживает в развитых странах — не согласовывается с возможностями и потребностями окружающей среды. Сложившаяся тенденция подрывает не только природные возможности самовосстановления и поддержания природного баланса, но и возможности последующих поколений человечества реализовывать свой жизненный потенциал в достойных условиях. Поэтому основным принципом, утвержденным Декларацией по окружающей среде и развитию на прошедшей в 1992 г. в Рио-де-Жанейро Конференции ООН, стал следующий: «Устойчивое развитие подразумевает удовлетворение потребностей современного поколения, не угрожая возможности будущих поколений удовлетворять собственные потребности» [1]. Этот принцип, как отмечалось на получившей историческое название «Earth Summit» конференции, «должен стать центральным руководящим принципом ООН, всех правительств и министерств, частных компаний, организаций и предприятий».

Обозначенные цели и перспективы нового пути развития человечества стали предметом широкого обсуждения мировой общественности. Различные подходы к анализу принципов и условий реализации устойчивого развития вызвали бурные дискуссии в научных и политических кругах. Многие страны мира, в том числе и Россия, начали разрабатывать свои программы перехода к устойчивому развитию [2].

К сожалению, реальное воплощение в жизнь одобренных всеми принципов устойчивого развития оказалось не столь простым, и участники состоявшегося в Йоханнесбурге (ЮАР) Всемирного саммита по устойчивому развитию («Rio+10») были вынуждены констатировать, что дальше принятия рекомендаций дело практически не пошло и большинство экологических, экономических, социальных и политических проблем продолжают усугубляться. Тем не менее участники саммита подтвердили свою приверженность Повестке дня на XXI в., что дало новый импульс для анализа существующих и разработки новых подходов к обеспечению условий устойчивого развития. Накопленный за прошедшие годы опыт позволил скорректировать некоторые позиции, приближая теоретические изыскания к практическим реалиям.

К настоящему времени сложилось понимание, в основном поддерживаемое большинством исследователей, что в практическом плане устойчивое развитие страны базируется на консолидации трех основных концептуальных целей: экоэффективности, экосправедливости и экоцелостности. Достижение этих целей возможно лишь в условиях согласованных, комплексных действий во всех взаимосвязанных сферах деятельности: экономической, социальной и экологической. При этом многие исследователи сходятся во мнении, что экономический аспект проблемы является наиболее значимым, поскольку в широком смысле именно он определяет условия развития и производственно-технологического, и социального секторов, которые оказывают наибольшее влияние на окружающую человека среду [3].

Исследование устойчивости развития, на наш взгляд, особенно важно и актуально проводить в отношении сформировавшихся к настоящему времени социально-экономических систем регионов, поскольку именно устойчиво развивающаяся региональная система является основой формирования экономики государства. Как замечает О.В. Демьянова [4], с середины XX столетия как в теории, так и на практике все более пристальное внимание начинает уделяться именно региональному аспекту оценки, планирования и повышения социально-экономической эффективности. Мы считаем, что устойчивость развития (в экономическом плане — в идеале — устойчивый рост) является необходимым условием для рационального, не депрессивного развития регионов. Формируемый и поддерживаемый на постоянной основе устойчивый экономический рост регионов является фактически гарантом устойчивого социально-экономического развития страны.

Поскольку, вообще говоря, рост не тождествен развитию, являясь лишь одним из возможных состояний развития как процесса, стоит отметить, что, говоря именно об экономическом росте, мы имеем в виду общую положительную направленность вектора развития регио-

на, признавая, что даже при позитивной долговременной тенденции существуют моменты и очень малого, и нулевого, и даже отрицательного роста — т. е. фактически падения. Другими словами, мы рассматриваем краткосрочные колебания роста вокруг тренда как составляющие долгосрочной тенденции развития. Естественно, для того, чтобы говорить об успешном развитии социально-экономической системы, ее тренд должен быть, как минимум, не убывающим, а лучше — растущим. С таких позиций можно утверждать, что экономический рост (или хотя бы стабильность) — необходимое, хотя и не достаточное условие устойчивого развития.

В этом свете задача определения степени устойчивости развития территориальных экономических систем является одной из важнейших в ряду задач обеспечения целостного, безопасного, позитивно-направленного развития страны. Решение поставленной задачи неизбежно влечет за собой необходимость принятия ряда мер по повышению устойчивости экономического развития, в первую очередь на тех территориях, чьи параметры развития по результатам анализа оказываются ниже среднего — или некоторого минимально допустимого — уровня. Такие территории по факту можно рассматривать как не выполняющие — или непродуктивно выполняющие — свои функции элементы общей экономической системы региона, т. е. фактически *дисфункциональные* элементы.

Любая экономическая система, в том числе региональная, состоит из множества структурно связанных между собой элементов. Оптимизация функционирования экономической системы, подчиняясь общей цели обеспечения ее устойчивого развития, подразумевает не только структурную организацию сложного взаимодействия всех ее элементов, но и максимально отлаженную работу каждого из них. При этом одной из функций управления является контроль деятельности каждого блока организационно-хозяйственного механизма системы.

Специфика экономической системы региона определяется природой ее элементов. Поскольку региональное развитие мыслится в первую очередь как развитие территориальное, то в качестве элементов экономической системы региона рассматриваются экономические системы территорий региона, а их развитие осмысливается в двух плоскостях: как самоценное развитие самой (каждой) территории и как вклад в развитие общей экономической системы региона. Поэтому функция контроля и обеспечения приемлемого уровня развития — а при необходимости и поддержки — территорий становится на региональном уровне одной из самых важных. При этом отличительной особенностью региональной экономической системы является практи-

ческая невозможность устранения или замены любого не штатно функционирующего элемента системы.

Исходя из приоритетного намерения обеспечить оптимальную работу системы в целом, необходимо, в первую очередь, определить «узкие места» системы — блоки, где ситуация складывается наиболее неблагоприятным образом. В региональной экономической системе в качестве составляющих структурных блоков выступают территории, входящие в состав региона. Вторым возможным вариантом в этом подходе может являться изучение в качестве блоков (элементов) отдельных сфер (направлений) экономической деятельности. Наиболее полный эффект, на наш взгляд, может дать совмещение обоих вариантов — т. е. анализ каждой территории региона в разрезе всех основных видов ее экономической деятельности. Кроме того, необходимо обратить внимание на структурные связи между элементами региональной системы, поскольку сбой в их работе — *дисфункция* — также может являться предпосылкой нарушения стабильного функционирования экономической системы в целом.

Термин «дисфункция», употребляемый, в основном, в биологии, означает нарушение, расстройство функций, преимущественно качественного характера [5, 222]. Понятие дисфункции в отношении экономической системы и ее элементов мы предлагаем ввести как показатель нарушений в процессе оптимального — или, по крайней мере, нормального функционирования системы.

Применительно к элементу экономической системы дисфункция является индикатором несоответствия результирующих параметров данного элемента общим требованиям оптимального функционирования системы. Дисфункция экономической системы, порождаемая дисфункцией одного или нескольких элементов системы, — серьезное препятствие и реальный тормоз на пути ее устойчивого развития.

Можно ввести следующее определение. *Дисфункция элемента экономической системы — это отклонение анализируемого параметра элемента от оптимального критериального значения рассматриваемого показателя, выходящее за пределы допустимых для нормальной работы элемента значений.*

Исходя из этого, дисфункциональный элемент экономической системы — это элемент, деятельность (или результат действий) которого нарушена дисфункцией, т. е. фактически не укладывается в рамки, установленные для нормально протекающего процесса. Воздействие одного — или тем более нескольких — дисфункциональных элементов на общую функциональность системы является, безусловно, негативным и тем большим, чем значительнее величина дисфункции.

В региональной экономике дисфункцию можно определить как существенное нарушение стабильности процесса развития, оказывающее негативное влияние на социально-экономическую систему региона.

В региональной теории и практике дисфункцию целесообразнее всего определять для территориальных компонентов региональной системы, т. е. для территорий региона. Тогда можно ввести следующее определение. Дисфункциональная территория — это территория, на которой наблюдается дисфункция в какой-либо наблюдаемой сфере жизнедеятельности, т. е. это территория, характеризующаяся серьезными отклонениями ключевых параметров социально-экономического развития от показателей, оптимальных (или допустимых) для данного региона.

При этом, рассматривая регион как территориальную структуру, можно констатировать, что дисфункциональность региона является следствием либо дисфункциональности одной или нескольких территорий, входящих в состав региона, либо дисфункции структурных связей в региональной социально-экономической системе.

Для практического использования показателя дисфункции в экономических исследованиях ее величина должна иметь возможность выражения не только в качественном, но и в количественном измерении. В этом случае значение дисфункции для различных территорий региона будет дифференцированно отражать степень нестабильности развития каждой из территорий. Безусловно, имеет смысл рассчитывать данный показатель не только для всех территорий исследуемого ареала, но и, по всей вероятности, для целого ряда ключевых параметров социально-экономического развития, что не исключает и его расчета по интегрированному критерию.

Помимо этого, для получения не только статической, но и динамической картины развития региона целесообразно проводить исследования дисфункциональности не только в текущий момент, но и за некоторый значимый период времени. Построение тренда регионального развития, сложившегося с учетом территориальных особенностей в анализируемый период, позволяет лучше учесть специфику ареала и соответственно более гибко реагировать на проявления дисфункции конкретных территорий.

Значение дисфункции, на наш взгляд, должно отражать величину отклонения исследуемого социально-экономического параметра территории от рассчитанного для данного ареала критерия. Это обуславливается тем, что устойчивость развития, в первую очередь, определяется его стабильностью. Для территорий региона тренд развития, в идеале, должен отражать устойчивый — т. е. стабильный рост. При этом резкие отклонения от тренда хоть в одну, хоть в другую сторону,

по сути, являются признаками неустойчивости и должны являться объектами особого анализа. Естественно, в первую очередь, обращают на себя внимание негативные, в особенности нарастающие со временем, отклонения. Очевидно, что для преодоления большего уровня негативности, индикатором которого и служит отклонение параметра в сторону ухудшения, требуются большие усилия и большие вложения, в том числе и финансовые. Поэтому фиксирование проявлений дисфункции территории на ранних стадиях выполняет, как очевидно, очень важную роль в корректировке ситуации.

В рамках предлагаемого подхода одним из самых важных является вопрос о границах, устанавливаемых для нормально протекающего процесса.

Точкой, точнее, линией — уровнем — отсчета в процессе определения дисфункциональности территорий региона целесообразно, на наш взгляд, выбрать величину математического ожидания некоторого (возможно, интегрального) критерия K , позволяющего численно охарактеризовать уровень развития экономики региона. В математическом смысле этот критерий может рассматриваться как случайная величина, распределенная, подобно большинству экономических процессов, по нормальному закону. В этом случае, опираясь на достаточную предсказуемость поведения плотности вероятности случайной величины критерия, можно ввести градацию регионов относительно математического ожидания K . При этом территории, соответствующие показателям которых лежат выше линии $\mu(K)$, т. е. состояние которых в исследуемом периоде лучше среднего, можно определить как условно-благополучные, а территории с состоянием (по соответствующему показателю) хуже среднего, т. е. с трендом, располагающимся ниже линии $\mu(K)$ — как условно-дисфункциональные.

Поскольку значение под интегралом функции плотности вероятности K равно единице, а плотность вероятности уменьшается при удалении от линии математического ожидания μ тем значительнее, чем больше разброс (σ), дальнейшее выделение уровней состояния (уровней дисфункциональности) логично вводить, опираясь на расчеты по правилу «трех сигм». В качестве пороговых значений, определяющих границы уровней состояния, мы выбрали значения $\mu \pm t \cdot \sigma$ (где $t = 1, 2, 3$), введя, таким образом, по три уровня в зоне условно-благополучных и условно-дисфункциональных территорий. Попадание рассчитанного для каждой территории j показателя K_j в зону, ограниченную пороговыми значениями, определяющими линии состояния, относит территорию к одному из выделенных уровней состояния (подробнее см.: [6]).

Предлагаемый подход к градации территорий, таким образом, охватывает $\approx 99,73\%$ от совокупности исследуемых объектов, а вероятность итоговой не классифицированности объекта составляет $\approx 0,27\%$. При этом проведенная градация позволяет не только выявить дисфункциональные элементы (в данном случае, территории региона), препятствующие устойчивому развитию экономической системы региона, но и градировать их по степени дисфункциональности.

Величина дисфункции, рассчитываемая, естественно, как функция с параметрами, включающими величины критериально оцениваемых показателей, фактически является тем отклонением от выбранного критерия, которое позволяет судить о степени благополучия или, напротив, дисфункциональности (являясь в практическом смысле индикатором проблемности) территории среди прочих территорий ареала. Одним из важнейших свойств дисфункции мы считаем возможность абсолютно четкой дифференциации положения территорий исследуемого ареала в зависимости от их действительного положения с учетом динамики. Основаниями для выводов о характере структурных нарушений в деятельности экономической системы региона являются реальные статистические данные, что обуславливает достоверность полученных результатов. Стандартизация же рассчитываемых величин позволит проводить корректное сравнение различных территорий в удобном масштабе.

Полученная функция может, в принципе, позиционироваться как функция корректировки состояния проблемных территорий, поскольку позволяет определить относительные, а в случае заданности общего объема выделяемых на цели регионального выравнивания средств — и абсолютные, значения объемов содействия проблемным территориям, с учетом их реального состояния на момент анализа — или за интересующий нас период времени (подробнее см.: [7]).

Таким образом, расчет дисфункции позволяет на основе имеющихся статистических данных за некоторый период охарактеризовать как состояние, так и в целом процесс устойчивости развития на территориях исследуемого ареала. В общем смысле дисфункция отражает баланс между благополучными и проблемными (дисфункциональными) территориями исследуемого ареала. Как для проблемных, так и для относительно благополучных территорий расчет дисфункции оказывается весьма полезным в плане четкой оценки состояния и прогнозирования возможного развития.

При том что универсальный характер дисфункции позволяет использовать этот показатель для мониторинга любого параметра социально-экономического развития, анализ дисфункций регионального развития и принятие соответствующих корректировочных мер на его

основе особенно важны, как нам кажется, в социальной сфере. В таких областях, как здравоохранение, образование, охрана окружающей среды, поддержка нуждающихся слоев населения и т. п., которые не могут функционировать на основе самообеспечения и являются — или должны являться — дотируемыми из государственного бюджета, особенно ярко проявляется истинный характер социального неравенства. Дисфункциональность отдельных территорий по перечисленным показателям является индикатором необеспеченности равных социальных прав и возможностей для всех граждан страны, вне зависимости от места их проживания. Подобное неравенство порождает депрессивные настроения на дисфункциональных территориях, провоцирует социальную, экономическую и политическую нестабильность. В этом плане социальное равновесие является одной из важнейших составляющих устойчивого развития страны.

Немедленное реагирование на возникающие угрозы — фактически ликвидация дисфункции — является залогом успешного, стабильного развития. Предлагаемый нами функциональный подход обеспечивает возможность перманентного анализа параметров социально-экономического положения территорий региона и обосновывает количественные оценки для адекватной корректировки отслеживаемых дисфункциональных состояний. Мы надеемся, что использование модели корректирующего управления на основе анализа дисфункций поможет внести свой вклад в создание условий для стабильного, устойчивого развития экономики регионов и страны в целом.

Литература

1. Наше общее будущее: Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) / Под ред. С.А. Евтева, Р.А. Перелета. М., 1989.
2. О государственной стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития. Указ Президента РФ № 236 от 4. 02. 1994 г. // <http://giod.consultant.ru/page.aspx?1165466>.
3. Устойчивое экономическое развитие в условиях глобализации и экономики знаний: концептуальные основы теории и практики управления / Под ред. В.В. Попкова. М., 2007.
4. Демьянова О.В. Эволюция подходов к оценке эффективности региональных экономических систем // Проблемы современной экономики. 2010. № 2 (34).
5. Словарь иностранных слов / Под ред. И.В. Лехина, С.М. Локшиной, Ф.Н. Петрова (гл. ред.), Л.С. Шаумяна. М., 1964.

6. Радковская Е.В. Корректирующий анализ социально-экономического развития территорий // Экономист. 2011. № 8.

7. Радковская Е.В. Социально-экономический аспект анализа устойчивости регионального развития // Мировая и отечественная экономика / Под ред. О.И. Кирикова. Кн. 1. Воронеж, 2008.

Л.И. КОЧУРОВА, Е.А. ФИЛИМОНОВА, Е.И. ХАРЛАМПЕНКОВ

Государственное управление рыночной прибылью — гарантия экономической безопасности России

Аннотация. В статье представлены новое видение внутреннего содержания рыночной прибыли и механизм государственного управления ею. Сегодня государство не видит, сколько прибыли предприятия имеют от хозяйственной деятельности. Это позволяет частным корпорациям успешно присваивать и выдавать за свою прибыль основную часть ренты и конъюнктурные доходы. Собственная прибыль предприятий та, что получена от повышения производительности труда — производительная прибыль.

Ключевые слова: рыночная прибыль, государственный подход к управлению, инновационная часть рыночной прибыли, конъюнктурно-рентная часть рыночной прибыли, производительная прибыль.

Abstract. In article new vision of the internal maintenance of market profit and the mechanism of public administration is presented by it. Today the state doesn't see, how many profits of the enterprise have from economic activity. It allows private corporations to appropriate and give out successfully for the profit the main part of a rent and the tactical income. Own profit of the enterprises that that is got from labor productivity increase — productive profit.

Keywords: market profit, the state approach to management, an innovative part of market profit, a tactical and rent part of market profit, productive profit.

Чтобы увидеть мир таким, каков он есть в действительности, нужно заменить существующую ныне сегментацию отраслей знаний научным подходом. Человечество еще не дошло до понимания общественных процессов в экономике. Сегодня никому неизвестно, сколько прибыли предприятия получают за счет собственной хозяйственной деятельности — повышения производительности труда — и как правильно измерить производительность.

В настоящее время финансовый результат предприятий просматривается через рыночную прибыль. Но она не дает представления о подлинном состоянии дел, искажает реальную ситуацию. Не случайно объемы продаж уводятся в теневую экономику, вместе с ними уходит в тень и прибыль. Прибыль — экономическая категория, наукой неразгаданная. Какое предприятие действительно убыточное, а какое лишь кажется таковым — сегодня тайна. Может статься, что многие фирмы, считающиеся убыточными, в результате научного подхода к оценке их финансового результата избавятся от этого обвинения. Но возможна и другая ситуация — прибыльные фирмы окажутся убыточными, если их лишит нетрудовых конъюнктурно-рентных доходов, не имеющих никакого отношения к хозяйственной деятельности предприятий.

Источники, состав и структура прибыли — самые сложные вопросы. Они волновали бухгалтеров еще во времена средневековья [1, 25]. Дискуссии двух англо-американских школ (между Э. Купером и Т. Вельтоном — экс-президентами института дипломированных бухгалтеров Англии — и американским ученым А.Ч. Литтлтоном) привели к попытке разделить прибыль на две части: часть I — прибыль от результатов хозяйственной деятельности, часть II — прибыль от конъюнктуры рынка [1, 27]. В середине XIX в. снова появилась потребность в видении внутреннего содержания прибыли. Ближе всех к научному решению проблемы подошла Федерация европейских бухгалтеров (FEE) в XX в. Она предложила освободить от налогообложения [2, 74] часть прибыли, предназначенную для технического обновления. Практически FEE подступила к структуре прибыли. Но бизнес-рынок и глобализация остановили научный путь.

В эпоху советской экономики относительно прибыли предприятия была полная неясность. Цены назначались работниками ценоутверждающих органов. А коль цена складывалась не под воздействием производительности, то ни цена, ни прибыль не могли отражать истинную картину хозяйственной деятельности. Строительство социализма в СССР обернулось трагедией именно потому, что производственные отношения не были согласованы с законами рынка. Но в этом виноват не социализм, а неграмотность руководителей КПСС. По их вине экономика Советского Союза зашла в тупик. Страна пришла к отсталому производству, низкой производительности и диспропорциям в народном хозяйстве: перепроизводству ненужных товаров, с одной стороны, и невиданному миром дефициту — с другой.

В современной экономике принцип формирования прибыли не изменился, но дебаты вокруг прибыли приобрели особую остроту [1, 25—28; 2, 74]. По формированию себестоимости у научного сообщества нет принципиальных разногласий, за исключением отдельных

статей затрат. А прибыль так и осталась предметом многочисленных и глубоких дискуссий в ученом мире. Но уже утвердилось мнение, что та часть прибыли, которую предприятия получают от благоприятной конъюнктуры рынка и рентных условий труда, должна подвергаться прогрессивному налогообложению и быть статьей формирования национальных бюджетов. Проблема в том, как ее увидеть.

Авторы пришли к единому мнению, и предлагают хозяйственной практике свое видение структуры рыночной прибыли. Научный поиск позволил выделить три составляющие рыночной прибыли: *конъюнктурно-рентную, инновационную и производительную* (рис. 1).

Рис. 1. Экономические составляющие рыночной прибыли предприятия

Доля каждой составляющей зависит от следующих обстоятельств: если предприятие сырьевое, то в прибыли преобладает рентная доля, если предприятие ориентируется на конъюнктуру рынка — конъюнктурная доля, тогда как производительная прибыль зависит от собственной деятельности предприятия — от производительности труда.

Конъюнктурно-рентная доля рыночной прибыли не является результатом хозяйственной деятельности предприятия. Человечество научилось извлекать ее еще на заре развития рыночных отношений. Она нетрудовая, и бизнес очень чувствителен к ней. Поэтому с внедрением американско-европейской инфраструктуры рынка российские предприятия сосредоточили свою деятельность не на производительности труда, а на доходах от конъюнктуры и ренты, по сути, запустив руки в карман государства.

Конъюнктурная и рентная доли рыночной прибыли взаимосвязаны, их разделить невозможно. Конъюнктурные колебания на рынке ведут к изменению рентных доходов. Малейшее изменение ренты влияет на конъюнктуру рынка. Поэтому авторами *конъюнктурно-рентная доля представлена как одна из составляющих рыночной прибыли предприятий*. Но у каждой из них своя природа. Конъюнктурная часть рыночной прибыли — результат диспропорций из-за ошибок государства в

регулировании торгово-производственной сферы. Что касается рента части рыночной прибыли, то это национальное достояние.

Конъюнктурная часть рыночной прибыли предприятия представляет собой ту долю, которая извлекается бизнесом в результате удачно выбранной ниши рынка. Ее размер зависит от конъюнктуры рынка, которая складывается под влиянием неправильного макрорегулирования или его отсутствия. Для бизнеса — это благоприятная ситуация, его питательная среда. Для государства конъюнктурная часть рыночной прибыли непостижима, потому что оно не располагает механизмом определения ее размеров. Бизнесу никакой механизм не нужен, ему нужна только ниша рынка, именно поэтому конъюнктурная часть рыночной прибыли является достоянием бизнеса. Но по сути это национальная прибыль. Она должна поступать в бюджет государства и быть объектом макроэкономических методов управления. Конъюнктурой нужно проверять ошибки в управлении пропорциями национального хозяйства. Эффективным государственным регулированием внутреннего рынка конъюнктурная часть рыночной прибыли будет сведена к минимуму.

Рентная часть рыночной прибыли предприятий вообще не имеет никакого отношения к хозяйственной деятельности. Рента — государственная собственность, но государство не может изъять ее в бюджет страны посредством налогообложения, поскольку нет механизма определения фактического объема рентных доходов. В условиях частной собственности он и не появится. Увидеть ренту в рыночной прибыли компаний с частной собственностью никогда не удастся. Ее можно вычислить только методом сравнения с работой государственных корпораций, рентные доходы которых выделяются и направляются в государственный бюджет, а таких сегодня нет. Узаконенный государством и отраженный в Налоговом кодексе РФ рентный налог — НДСП — платят как частные, так и государственные корпорации. Он определен произвольно, не обоснован и далек от реальной величины природной ренты. Поэтому на рентных доходах жируют все, кто может, но больше всего крупные частные корпорации сырьевых отраслей, у которых рента имеет баснословные размеры. Получается, что государство, не зная реальных размеров рентных доходов, посредством приватизации полностью отдает их в частную собственность, а затем «с протянутой рукой» обращается к олигархам за помощью для осуществления определенных государственных расходов и реализации отдельных социальных программ. Свою же собственность государство просит у частного корпоративного сектора и олигархов. Вместо того чтобы распоряжаться собственными деньгами, государство делает ставку на благотворительные марафоны со стороны крупного частного

бизнеса. Из-за отсутствия науки в управлении рыночной прибылью Россия стала золотой жилой и для иностранных инвесторов. Самые большие доходы частному бизнесу приносит природная рента. За ней идет трудовая рента, ее источниками являются эксплуатация трудовых мигрантов и недоплачиваемый труд российских граждан. Большие доходы приносят: рента по местоположению, транспортная рента, земельная рента, финансовая рента, монопольная рента и др. В видении рентной части рыночной прибыли бизнес не заинтересован, здесь интересы олигархов расходятся с интересами государства.

Выделение из рыночной прибыли конъюнктурно-рентной части — проблема крайне актуальная. Ее неразрешенность ведет к неэквивалентному обмену, расслоению населения на очень богатых и очень бедных, к стратегическим ошибкам, терроризму и другим нежелательным социально-экономическим последствиям. Реформы 1990-х гг. привели к тому, что предприятия стали гоняться за доходами от ренты и рыночной конъюнктуры. Это гораздо легче, нежели зарабатывать прибыль производительностью. Идет погоня за рыночной прибылью любой ценой, в то время как предприятия должны располагать только прибылью от собственной хозяйственной деятельности — от роста производительности труда.

Производительная часть рыночной прибыли (производительная прибыль) связана с ростом совокупной производительности труда предприятий (СПТП). Это прибыль от собственной деятельности предприятий, поэтому она предлагается авторами в качестве их финансового результата. Не в рыночной прибыли нужно видеть финансовый результат предприятий, а в производительной прибыли. Однако ни государство, ни хозяйственная практика не имеют возможности ориентироваться на производительную прибыль по той причине, что сама производительность определяется неправильно — валовым оборотом, а он содержит нетрудовые конъюнктурно-рентные доходы и огромный повторный счет. Поэтому судьбоносная категория рынка — производительность труда — ушла на задний план.

Развитой рынок предполагает обмен товаров по стоимости, а «стоимость товаров есть специфически-историческая форма, в которой осуществляется определяющее действие производительной силы труда, в конечном счете, господствующей над всеми экономическими явлениями» [3, т. 25, ч. II, 468]. Все определяет производительность труда! Именно производительный труд обладает притягательной силой по отношению к товару и является предпосылкой снижения цен. Теоретический вывод К. Маркса: «уменьшение общего количества труда, входящего в товар, должно служить существенным признаком повышения производительной силы труда при любых общественных усло-

виях производства» [3, т. 25, ч. I, 287] — лег в основу концептуального подхода к производительности труда как к категории, на основе которой определяются экономический результат предприятий и производительная прибыль. Трудовые коллективы будут озадачены прибылью от роста производительности труда, а не от конъюнктурно-рентных доходов, как в настоящее время. Производительная прибыль будет способствовать проведению научно обоснованной экономической политики по отношению к государственным корпорациям, послужит инструментом видения высокотехнологичных, экономически выгодных производств, на которых можно будет размещать заказы.

Инновационная часть рыночной прибыли. Ее предназначение — служить инновационной экономике. Потребность хозяйственной практики в обновлении технологий привела к необходимости трансформации части прибыли в инновационные издержки. Первый шаг в научном подходе к этой проблеме сделал К. Маркс («Экономические рукописи 1857—1859 гг.»). Источник средств на технологическое применение науки в производстве он увидел в прибыли, а размер финансовых ресурсов на обновление основных фондов — в амортизационных отчислениях. На основе амортизации он пытался определить «прибыль у производства», которую причислял к издержкам производства. Второй шаг сделали европейские ученые в XX в. Источником финансовых ресурсов для технологического обновления они тоже признали прибыль, а размер средств на инновации определили на основе амортизации и предложили освободить часть прибыли в размере начисленной амортизации от налогообложения: «Принятая в Европе налоговая концепция методологии бухгалтерского учета определяет амортизацию как часть прибыли, свободную от налогов» [2, 74]. Таким образом, они подтвердили гипотезу Маркса об амортизации как о фундаментальной основе обновления основных фондов.

Истоки инновационной экономики — в амортизации. Из-за отставания науки в этом вопросе практика вынуждена идти эмпирическим путем, который нашел отражение в законодательстве США и Европы. В США «износ основных средств» назвали «аккумулированной (накопленной) амортизацией» [4, 37]. Федерация европейских бухгалтеров (ФЕЕ) освобождает прибыль в размере амортизации от налогообложения. И те и другие пытаются сформировать средства для обновления основных фондов на основе амортизации. Авторы данной статьи предлагают научный метод — начисление амортизации сопровождать созданием в прибыли специального фонда денежных средств на инновационное развитие. Такой фонд формируется в рыночной прибыли предприятия — *фонд инновационных издержек (ФИИ)*. Он равен реально начисленной амортизации и встроен в модель инновационно-

воспроизводственных издержек предприятия (ИВИП). ФИИ — инновационная составляющая прибыли предприятия и элемент модели ИВИП. Миссия ФИИ — быть адекватным рынку «мотором» инновационной активности, индивидуальным и в то же время неотделимым от экономики предприятия. За счет необлагаемого налогом ФИИ предприятия получают возможность обновлять основные фонды.

Модель инновационно-воспроизводственных издержек предприятия (ИВИП) включает два элемента: себестоимость и фонд инновационных издержек (ФИИ). На ее основе авторы предлагают формировать инновационный механизм и определять совокупную производительность труда предприятий (СПТП). На предприятии создается стоимость, а «общий закон товарного производства таков: производительность труда находится в обратном отношении к создаваемой стоимости» [3, т. 24, 170]. С ростом производительности труда стоимость снижается — это аксиома. Поэтому рост СПТП будет сопровождаться снижением ИВИП, что, в конечном счете, приведет к снижению розничных цен. Посредством ИВИП мы, наконец, увидим реальный экономический результат предприятий — производительность и производительную прибыль.

Метод определения производительной прибыли прост. Она исчисляется вычитанием из плановых ИВИП отчетных. Плановые ИВИП рассчитываются исходя из проектного объема выпуска продукции. Разница между плановыми ИВИП и отчетными ИВИП покажет производительную прибыль предприятия.

ИВИП — фундаментальная конструкция. В ее формировании авторы взяли за основу положение К. Маркса, в котором издержкам производства дается расширенная трактовка: «Издержки производства выше себестоимости производства» [3, т. 46, ч. I, 269]. К издержкам производства К. Маркс относил себестоимость и затраты, связанные с обновлением основного капитала. *Строить экономику предприятий нужно на основе модели ИВИП. Другого метода наука не предложит, ибо он просто невозможен.* Использование ИВИП в качестве модели экономики предприятия позволит не только измерить производительность, которую до настоящего времени государство реально не видит, но и адекватно рынку управлять производством, торговлей и товарными потоками — логистика будет соответствовать требованиям рынка, а значит, постепенно будут исключены диспропорции в национальном хозяйстве. Не нужно будет привлекать Федеральную антимонопольную службу и исполнительницу законов рынка — конкуренцию. Экономические законы будут исполняться государственным управлением. Правительству удастся *выделить из рыночной прибыли предприятий нетрудовую конъюнктурно-рендную часть, обложить налогом, за-*

тем вывести ее на макроуровень, чтобы включить в бюджет страны и направить на решение государственных задач.

Выделение конъюнктурно-рентной части производится до начала процесса производства, когда формируются плановые ИВИП и производительной прибыли еще нет, вычитанием из рыночной прибыли инновационной доли — ФИИ (рис. 2).

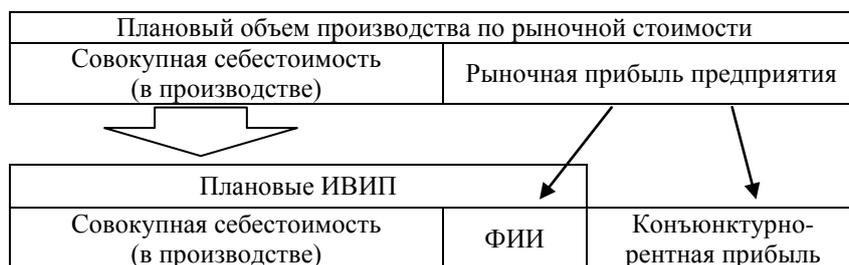

Рис. 2. Выделение конъюнктурно-рентной прибыли из рыночной прибыли предприятия

Производительная прибыль формируется после того, как из рыночной прибыли выделена конъюнктурно-рентная прибыль (рис. 3).

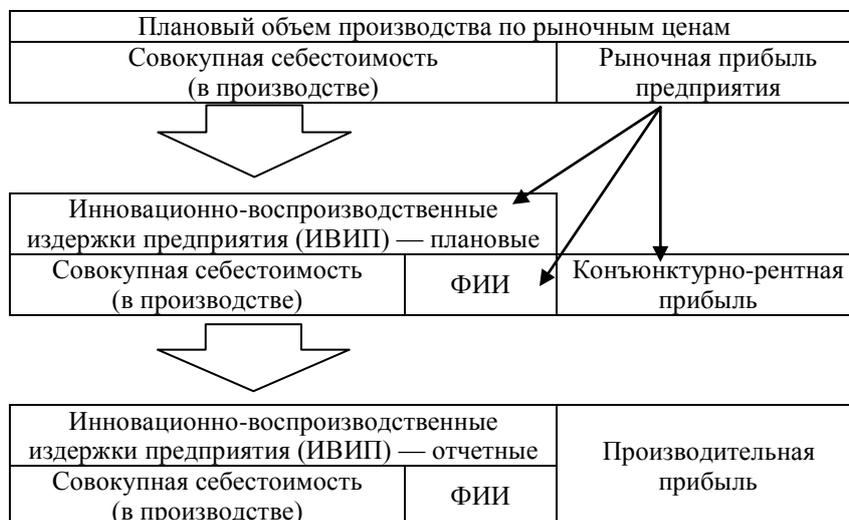

Рис. 3. Выделение конъюнктурно-рентной прибыли из рыночной прибыли и образование производительной прибыли предприятия

Под влиянием роста совокупной производительности труда (СПТ) экономика страны обретет тенденцию к снижению цен. С помощью мониторинга государство сможет с максимальной точностью заложить в доходную часть бюджета сумму налога на прибыль, на которую реально можно рассчитывать. Нужен ясный и понятный налог на прибыль. Правильная система налогообложения — залог процветания государства.

Сегодня брешь в бюджете заполняется приватизацией Сбербанка, на очереди — Роснефть, 50% бюджета составляют нефтегазовые доходы, тогда как значительную часть бюджета страны должны формировать выделенные из рыночной прибыли предприятий конъюнктурно-рентные доходы. Не приватизацией государственных корпораций нужно увеличивать доходную часть бюджета, а организацией деятельности государственных корпораций адекватно рынку. Это заблуждение, что рынок нужно строить на основе частной собственности. *Настоящий — развитой — рынок возможен только на основе государственной собственности, потому что есть возможность изначально согласовать работу государственных предприятий с экономическими законами.* Современный бизнес-рынок работает от конъюнктуры. Движение идет от конъюнктуры к производству, а должно быть наоборот — от производства к конъюнктуре, и по конъюнктурным колебаниям устранять недостатки производства и управления. Конъюнктура рынка — следствие, она образуется после того, как экономические законы уже высветили диспропорции, сложившиеся на внутреннем рынке страны.

Мысль, что рынок — это, прежде всего, частная собственность, принадлежит не российским ученым. Она пришла в Россию с Запада. Рынок и частная собственность — не синонимы. Частная собственность — явление определенного исторического отрезка времени. История отвела частной собственности роль своеобразного экономического инструмента в развитии производительности труда. Владение средствами производства и продуктами труда позволяло собственникам принуждать людей к труду с целью повышения его производительности, потому как другого способа не существовало. Люди не были вооружены технически, не имели представления об экономических законах, чтобы использовать их в организации совместной деятельности.

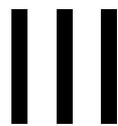
Современная экономическая наука исходит из факта частной собственности, она нам ее не объясняет. Впервые эту категорию подверг анализу К. Маркс. Он обнаружил, что частная собственность представляет собой форму отчуждения труда. Она превратилась в социальную силу, но по своей сути — это отчужденная от человека часть

производительных сил, точнее — «совокупность отчужденных общественных производительных сил, принявших форму господствующих над индивидами производственных отношений» [5, 23].

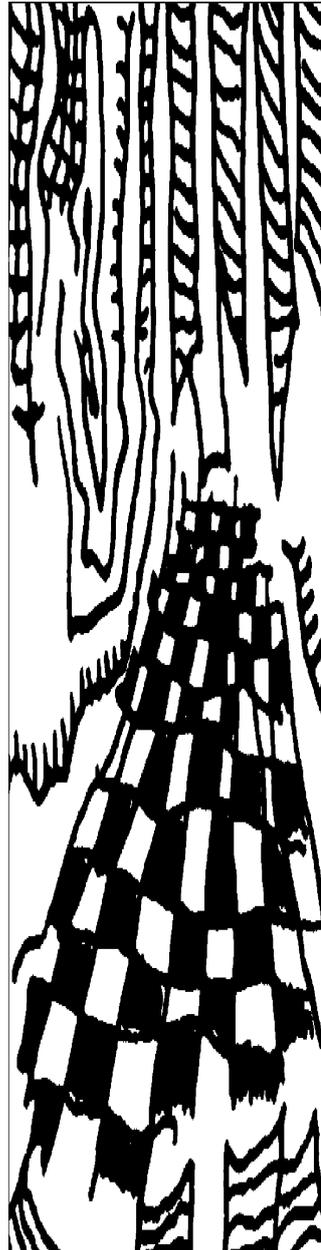
На более высокой ступени развития производительных сил, когда технический прогресс и достойные человека формы организации труда поднимут его культуру настолько, что элементарное принуждение перестанет иметь экономический смысл, частная собственность постепенно трансформируется в общественную собственность. *Низкий уровень сознания и знаний привел человечество к частной собственности, высокий уровень сознания и знаний ее снимет, но не путем отъема или деления, а посредством регулирования процессов обобществления.* Пока наука не найдет равноценного развитому рынку механизма управления общественным развитием, перед человечеством всегда будет дилемма — быть частной собственностью или нет. *Общество будет прибегать к услугам частной собственности до тех пор, пока она не выполнит свою историческую миссию в развитии производительных сил.* Над человечеством довлеет пласт отчужденных производственных отношений, которыми ему предстоит овладеть, и частная собственность постепенно утратит значение, сама уйдет из жизни. Но прежде чем это произойдет в России, страна может пережить много катаклизмов, а может и миновать их. Все зависит от науки, точнее — от того, когда будет создан соответствующий развитому рынку механизм управления крупной собственностью и национальным хозяйством.

Литература

1. Кузнецова Ю.Н. Эволюция концепции прибыли: от прошлого к настоящему // Бухгалтерский учет. 1992. № 12.
2. Гоголев А.К. Проблемы амортизации в условиях инфляции // Бухгалтерский учет. 1996. № 10.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч.
4. Новодворский В.Д., Хорин А.Н. О новых подходах к методам амортизации основных средств // Бухгалтерский учет. 1996. № 7.
5. Платонов С. После коммунизма: Книга, не предназначенная для печати. Второе пришествие: Беседы. М., 1991.

**АКТУАЛЬНАЯ
ФИЛОСОФИЯ**

Ф.И. ГИРЕНОК

Жиль Делез. Человек-симулякр

Аннотация. В статье анализируется теория симулякра Делеза и делается вывод о том, что для Делеза симуляция начинается там, где нельзя отличить истину и ложь, сущность и явление. Критикуя теорию симулякра Делеза, автор утверждает, что человек это не образ без подобия, а самоактуализирующийся феномен.

Ключевые слова: симулякр, истина, человек, образ, различие, тождество, подобие.

Abstract. In article the theory of a simulacrum of Delez is analyzed and the conclusion that for Delez simulation begins there where it is impossible to distinguish true and lie, essence and the phenomenon becomes. Criticizing the theory of a simulacrum of Delez, the author asserts that the person is not an image without similarity, but a self-staticized phenomenon.

Keywords: a simulacrum, true, the person, an image, distinction, identity, similarity.

Делез пишет: *«Бог создал человека по своему образу и подобию. Согрешив, человек утратил подобие, но сохранил образ. Мы превратились в симулякр. Мы отказались от нравственного существования в пользу существования эстетического»* [1, 335].

Человек, — говорит Делез, — это образ без подобия. Симулякр. Демонический характер этого симулякра состоит в том, что он создает эффект подобия, заставляя неподобное быть подобным.

В диалоге Платона «Софист», на который опирается Делез, рассказывается о том, что софиста можно поймать, загнав его в пространство знания, в то место, где истина отличается от лжи. Но софист привык работать там, где невозможно знание, где нельзя провести различие между истиной и ложью, бытием и небытием. Это пространство творения, в котором создается то, чего ранее не было. И что, следовательно, не имеет своего образца, своей идеи. Но в таком случае софистом уже оказывается не софист, а Бог, ибо он творит без образца, без истины и лжи. Платон не обсуждает вопрос о Боге. Кто он? Софист ли он?

Он утверждает, что софист не Бог, а корыстный человек. Вот этот ход Платона Делез не рассматривает в своей теории симулякра.

Платон предлагает софистом называть только человека, у которого нет знаний. *«Наша задача, — говорит Платон, — не выпустить зверя»* [2, 381], не обсуждая то третье, которое предпослано истине и лжи.

Это третье Платон будет разбирать в мифе о человеке-кукле, где уже царит «созидающий хаос», в котором нет ни копий, ни моделей, ни идей. *«Нет никакой привилегированной точки зрения, нет никакой иерархии, нет ни второго, ни третьего...»* [1, 342]. Здесь есть только галлюцинации, самоактуализирующиеся грезы и тела. По словам Фуко, *«мы приблизились к тому пункту, где две версии — события и фантазмы — вступают в резонанс...»* [1, 452]. Утверждение Делеза о том, что в «Софисте» Платон избегает построения мифа, позволяющего отделить ложного претендента от истинного, ошибочно, ибо этот миф Платон создаст позднее уже в «Законах» как миф о человеке-кукле.

Современный миф рассказывает Ж. Делез [1]. В «Словах и вещах» Фуко объявил о смерти человека. Гуманисты стали его обвинять в том, что он посягает на права человека. Что он фашист. А Фуко не фашист, а философ.

Философские тексты нужно уметь читать. Сами собой они не понятны. Как их читать? По диагонали. От одного смыслового окна к другому. Не обращая внимания на последовательность слов и фраз. Одна фраза не является ответом на другую. Не продолжает ее. Слова дискретны. Любая фраза отрицает другую фразу уже одним тем, что она сказана. Слова толпятся. Мешают друг другу. Противоречат. В результате получается, что каждая фраза говорит то, что в ней не сказано. А то, что в ней сказано, она не говорит. И чтобы это высказанное увидеть, нужны смысловые окна. Нужна делезовская диагональ.

1

В каждой философской фразе есть сверхсказанное. И недосказанное. Поэтому все философы делятся на две части. На тех, кто досказывает. Договаривает. И на тех, кто высказывает. Проговаривает. Первые интерпретируют, вторые пророчествуют. Любое философское движение мысли уклоняется от середины. Оно либо выше, либо ниже того, что сказано. И только дилетанты двигаются посередине. По записи того, что сказано. Поэтому переводят философские тексты несведущие люди. А сведущие создают новые тексты.

Устанавливая логическую структуру сказанного, ты пропускаешь то, что сверху. И не ухватываешь то, что снизу. Верх и низ сообщены в смысловом окне. В очевидном. В видимости сказанного.

2

Сверхсказанное и недосказанное принадлежат иному порядку, нежели порядок записи сказанного. Этот порядок можно изменить, изменив фразу, тебя заинтересовавшую. На ее место можно поставить

другую фразу, к которой она неявно отсылала. В результате мы удваиваем написанное. И этим удвоением понимаем порядок записи. Но лучше всего не удваивать тексты, а искать слова для непосредственно-го, для того, что ты понял.

3

Внутри самой фразы ничего нет, кроме порядка записи. Поэтому не нужно ломать ее, как дети ломают игрушки, чтобы увидеть, что там у нее внутри. У фразы нет тайного смысла. У нее есть пустоты. Лакуны, куда ты можешь проникнуть. И что ты можешь заполнить. Если бы в философской фразе не было пустот, ее нельзя было бы понять. Интерпретировать.

4

Делез француз. Картезианец. И поэтому он думает, что есть видимое и невидимое. Видимое недискурсивно. Невидимое дискурсивно. Оно высказывается. Видимое протяженно. Непротяженное проговариваемо. Если бы высказывание было невидимо, то умозрение в красках было бы невозможно. И бестелесное не имело бы образа. И мысль не отрывалась бы от слова. И в бессловесности мысли не возникала бы потребность в очевидности. Высказывание видимо непосредственно в окне смысла. Оно и видимо, и сокрыто. Сокрыто в слове. Видимо в образе.

5

Философские идеи — как мыльная пена. Они пузырятся. В них есть пустые места. И эти места могут занять разные люди. Только эти люди будут отсчитываться не от Я, а от беспорядочного жужжания дискурса. Идеи одни. Имена философов разные. На первом плане оказывается бессубъектное бормотание. Некое анонимное «говорят». Болтовня. Одной из возможных позиций безымянной болтовни является и позиция автора. Субъекта.

6

Мысль, растворившая слова, рассеяна в видимом. В пространстве вещей. В силу этой ее рассеянности вещи могут говорить. Если бы вещи не говорили, то мы бы их не слушали. И философия не становилась бы поэзией. *«Философия обязательно становится поэзией, поэзией того, что говорится, поэзией бессмыслицы, и самого глубокого смысла»* [1, 42]. А это значит, что мир говорит. Вещи бормочут некий смысл, который язык мыслимого только подхватывает.

7

Знание — это не наука. И даже не познание. Это поэзия. Фуко с Делезом всю жизнь писали художественные тексты. Их усилиями удалось избавиться от субъекта. Но почему-то они субъекту приписывают какое-то внутреннее измерение? У субъекта нет внутреннего. Поэтому, избавляясь от субъекта, нужно оставить в покое внутреннее. И Фуко, и Делез выбросили внутреннее, и у них осталось обращение только к другому. Мне кажется, что нужно разделаться с другим, чтобы осталось внутреннее.

8

Фуко атеист. И его друг Делез тоже безбожник. Они не говорят, что Бога нет. Они говорят: *«всякая форма есть соотношение сил»* [1, 160]. Сама по себе форма ничего не значит. Каковы силы, таковы и формы. А поскольку соотношение сил меняется произвольно, постольку и смена форм происходит случайно.

Из принципа Фуко, сформулированного Делезом, следуют два вывода. Во-первых, форма не предшествует материи. Во-вторых, Бог не создавал мир. Напротив, это он создан миром. Случайным соотношением его сил. Постулируя силовую природу мира, Делез освободил себя от необходимости выяснить происхождение силы. Она как бы уже заранее принесена. Осталось только ее применить. Тем самым мир мыслится как автомат случайных очередей.

В словах «силы человека» человек является не формой, а камерой хранения, сундуком, в который складываются силы. Силы человека не предполагают существования человека. Они указывают не на принадлежность, а на нахождение. Не на субъект, а на место. В человеке могут находиться и животные силы, субъектом которых он также не является.

Если силы даны, то они могут вступить во взаимное действие только с другими силами. Между силами и формой, т. е. духами, никакое действие не возможно. И если они сообщены между собой, то помимо взаимодействия. Предусмотрено. Как у Лейбница.

9

Вот внешний мир. Если в нем есть силы, вступая во взаимное действие с которыми, силы человека образуют Бога, то это будет мир бесконечной репрезентации. А силы мира можно тогда назвать силами возвышения до бесконечности. *«Силы человеческие вступают во взаимоотношения с силами возвышения до бесконечности»* [1, 161]. Например, Делез не говорит, что есть понимание. Он говорит о том, что есть сила понимания. А откуда она взялась, что дает пониманию силу, он не объясняет. Ведь чтобы объяснить все это, нужно что-то

сказать о том, кто понимает. О понимающем. Но вот его-то как раз и нет. Оно-то и распалось. Чтобы понимание не зависело от понимающего, Делез наделяет его силой. Автономным двигателем, устройство которого никому не известно.

Так вот, силу понимания можно возвысить до бесконечности. В результате получается абсолютное понимание. Божественное, т. е. нечеловеческое. В горизонте этой перспективы становится возможным человеческое понимание. Только теперь уже мы должны его мыслить как ограничение силы бесконечного понимания. Либо нет человеческого понимания, либо оно есть как ограничение божественного. *«Что такое Бог, как не всеобщее объяснение, как не наиболее яркий пример развертывания? Развертка, разворачивание складки предстаёт здесь как основополагающее понятие»* [1, 163]. А это значит, что если есть Бог, то человека нет. Он теряется в складках Бога, в сгибах его божественного понимания. так следует читать фразу Фуко: *«человек существовал не всегда и не всегда будет существовать»* [1, 160].

10

Все православные знают, что если есть теозис, то есть и кенозис. И силы возвышения имеют смысл в сопряжении с силами нисхождения. В мире есть не только Бог, но еще и дьявол. Следовательно, должен быть какой-то симметричный мир по отношению к миру бесконечной репрезентации. Ведь если есть непонимание, то силы непонимания могут быть развернуты, разглажены до бесконечного непонимания. И тогда человеческое непонимание можно помыслить как позитивное ограничение бесконечного. Как искривление прямой линии непонимания. Как то, что самой этой линией не предусмотрено.

Следовательно, мир бесконечной репрезентации Делеза неполон. Наполовину пуст. И Бог как всеобщее объяснение работает только на одной половине. На другой половине работает дьявол. Тем самым никакого развертывания складок не происходит. Чтобы оно произошло, Делезу нужно было показать, как сгибается непонимание, и как на сгибах получается понимание. И наоборот. А для этого нужно однородными и непрерывными преобразованиями охватить весь путь от абсолютного непонимания до абсолютного понимания. Я знаю только один способ, который позволяет это сделать. Нужно складки не разглаживать, а вырезать. Образующиеся дыры можно стянуть. Заштопать.

11

Делез и Фуко вырезали бесконечность Бога вместе с дьяволом, с силами возвышения и с силами нисхождения. Как говорит Делез: «произошла мутация». Они выкинули бесконечное. Но осталось ко-

нечное. И конечное уже не затеряется в складках бесконечного. Бога нет. А смерть есть. И есть зло. Зато на этом фоне человека стало видно. Он обнаружился. Силы в человеке вступили в отношения с конечными силами внешнего мира. И теперь если ты что-то понял, то это ты понял. И нет сил возвысить твое корявое понимание до божественного. Чем богаты, тем и рады.

Человек начинается после смерти Бога. За пределами божественной жизни, божественного языка и божественного труда. Ну а если нет Бога, то каждый уже сам по себе подлежит изолированному развитию. Никто никого не поставит в бесконечный ряд, ведущий к Богу. Вещи, слова, люди замкнулись и ограничились силами конечности. Силы человека, как гармошка, встречаясь с силами возвышения, растягиваются до бесконечности. Встречаясь с силами конечного, они складываются в одну случайную складку. Но значит ли это, что после смерти человека вновь появится Бог? Что человек — это сложенная форма Бога, а Бог — это разглаженная форма человека? Случайная игра сил человека показывает то орла, то решку. То Бога, то человека. И в эту игру Фуко с Делезом попытались встроить еще и случай со сверхчеловеком. Эту попытку следует признать неудачной. И вот почему.

Всякая форма случайна. Не это ли имеет в виду Фуко, когда говорит, что по смерти человека не о чем плакать. А что имеет в виду Делез, спрашивая, была ли эта форма хороша? Словно у природы есть какие-то плохие и хорошие формы. Случайных форм бесконечное множество. Человек всего лишь одна из них. Он является случайным местом приложения сил, а не местом их обогащения. Силы конечного, как их ни называть, это силы смерти. И поэтому смешно наблюдать, как Делез требует защитить конечных людей от смерти. Будто он поклонник Николая Федорова.

Силы возвышения и силы конечного, складываясь и разглаживаясь, образуют то Бога, то человека. И никакого сверхчеловека они образовать не могут. И как бы ни раскладывалась случайность соотношения сил, она дает то одно, то другое. Не в этом ли состоит идея вечного возвращения Ницше? Или круговорота форм стоимости Маркса, у которого обмениваются деньги и товар. Для того чтобы появился сверхтовар, Маркс находит рабочую силу. Делез ничего подобного не находит среди конечных сил. Чтобы получить форму, которая не будет ни Богом, ни человеком, ему нужно отказаться от онтологической гармошки, от процедуры складывания и разглаживания складок. Поэтому его постановка проблемы, которую Ницше называл «сверхчеловеком», неправильная. И Делез это чувствует, иначе зачем он заговорил о возможности опуститься до уровня комика при обсуждении этой проблемы. Дело не в том, что человек заключил жизнь в темницу. Для этого

нужно, чтобы форма не была соотношением сил. А была чем-то большим, чем жизнь. И, следовательно, сверхчеловек — это не то, что освобождает жизнь в самом человеке. Это стремящаяся к нулю форма соотношения конечных сил.

К сожалению, Делез не знал Циолковского, который, как и Делез, полагал, что человек может быть реализован не только на основе углеродистых соединений, но и на основе кремния. Что он возможен в форме лучистой энергии. Циолковский обесмысливал стандартные представления о жизни, труде и языке. Ибо в том, и в другом, и в третьем нуждается углерод, а не кремний. И не лучистая энергия!

12

Делез интерпретирует смерть человека так. Рассуждая о смерти человека, рассуждают не о человеке. Речь идет о силах человека и о тех силах, с которыми они могут сочетаться.

Вот, например, мысль. У нее нет сил. А без силы она ничего не может сделать. Значит, есть что-то, что дает мысли силу. И это что-то может быть разным. Из того факта, что сегодня эту силу дают чувства, не следует, что завтра ее будут давать идеи. Это уже как придется. Нужда мысли в силе показывает, что мысль нуждается в чем-то, что мыслью не является. В чем-то немыслимом. И это немыслимое не снаружи мысли, а внутри нее. Не внешнее, а внутреннее.

Так и человек. В самом по себе человеке нет никакой силы. А без силы он не может быть. То есть его бытие нуждается в силе. Откуда ее взять. Не от другого же человека. И вот здесь-то и начинаются приключения. Делез говорит, что в классическую эпоху все силы человека соотносились с силой репрезентации, которая извлекала из человека все, что в нем есть позитивного, и возвышала до бесконечности. В результате возвышения получался Бог, а не человек. То есть силы человеку давал Бог. А поскольку человек не давал их себе сам, постольку его не было. Эти силы может дать и не Бог, а например, труд. И вот в момент, когда силы человеку дают труд, жизнь и язык, возникает человек. А как только их будет давать что-нибудь другое, человек исчезнет. И будет что-нибудь третье. И не человек, и не Бог, а нечто сверхчеловеческое. Вот, например, силы информации. Вступив во взаимодействие с ними, человек становится «человеко-машиной». И так до бесконечности. Хотя никто не сказал, что же в силах информации есть такого, что отличает их от сил труда.

Рассуждения Делеза не убедительны по следующим причинам. Во-первых, христиане знают как силу катафатики, так и силу апофатики. Первое практиковалось в романо-германской культуре. Второе — в византийской. Апофатика вообще накладывает запрет на репрезента-

цию позитивностей. Сила Добра, бесконечно возвышаемая, не дает силу Бога. То есть Бог дает силу человеку, но по благодати, которая необъяснимо даруется. И так же необъяснимо человек лишается дара.

Во-вторых, идея благодати делает невозможным сцепление сил труда и сил человека. Вернее, в европейской культуре вполне мыслима автономность человека. То есть допускается мысль о том, что человек себя создает сам в труде, жизни и языке. Но в русской культуре не привился титанизм европейского человека. И поэтому соединение с силами труда, жизни и языка еще ничего не дает. Не детерминирует появление человека. Не труд создал человека. И не язык, а Бог. Если человека нет, то из труда он не возникнет. В-третьих, существуют еще и силы репрезентации, возводимые к бесконечности дьявола. В-четвертых, доминирование слова над видимостью локально, а не универсально. Делез предпочитает доказывать, и это в традициях Эриугены, а мне больше нравятся те, кто показывает. А это в традициях Григория Синаита. Доминирование образа над словом, мрака — над светом ближе соборному человеку, а не автономному. Молчание возвышеннее болтовни.

Делез не вычитал идею соборности у Гоголя. И поэтому у него возникли трудности с пониманием внутреннего. Ведь если нет Бога, то нет и следов Бога в человеке. Нет внутреннего. А есть одни силы. То есть внешнее.

Сила мыслима только в отношении к другой силе. Как нечто множественное, а не единое. Откуда же у множественного, у внешнего берется внутреннее, единое. Фуко с Делезом полагают, что оно получается сгибанием внешнего. И что впервые внешнее согнули греки. Они его согнули и получили феномен подкладки — удвоения. Правда, непонятно, что считать подкладкой? С какой стороны. Ведь со всех сторон мы будем иметь только внешнее. По-русски говоря, есть лицевая сторона, и еще есть изнанка. И для того, чтобы одно отличить от другого, нужно ввести третье. Лицо. Ну а если ввести лицо, то не надо сгибать внешнее. Ведь как бы ты его ни согнул, лицевой стороны ты не получишь. То есть подкладка будет означать невидимое со стороны лица. И в этом смысле подкладка (изнанка, внутреннее) будет относиться к терминам видимого, а не мыслимого. Делез ее пытается помыслить. И поэтому он не может себе представить существование видимости невидимого.

Силовое сгибание внешнего удваивает другое, а не раздваивает единое. Повторяет отличное, а не воспроизводит тождественное. Но происходит ли из силового отношения к другому отношение к себе? Дискурс Делеза строится в предположении, что происходит. И что логос греков связывает силу, знание и рефлексию.

Конечно, господство над другим требует господства над собой. Ведь как ты можешь управлять другим, если ты не можешь управлять собой. Сила должна быть соотнесена с собой. Поэтому европейская мысль искала пространства соотнесения с собой. Обращение к себе рефлексивно. Но эта рефлексия развертывается в волевое отношение к другому. На другого воздействуют в пространстве. На себя — во времени. Поэтому время является основой субъективности для западного философа, представая то как надежда, то как забвение, то как память.

Поскольку есть забвение, постольку невозможно вернуться назад. Невозможен возврат. И есть необратимость. А поскольку есть память, постольку все можно начинать сначала. Во второй первый раз. Если забвение равнообъемно памяти, то возникает длительность.

Но если тебе не нужно управлять другим, то управление самим собой приходит в негодность. Лишается непрерывно возобновляемого источника заботы о себе. Рефлексия минимизируется. Человек становится неуправляемым. Он сам не знает, что он сделает. И часто делает не то, что нужно, а то, что хочется. И тогда отношения к другому выстраиваются не в пространстве логоса, а в пространстве софии. То есть софийный человек формирует свое отношение к другому в терминах чувства, а не в терминах власти. Это хорошо показано в «Котловане» А. Платонова.

13

Всякое знание состоит из видимого и высказываемого. В погоне за знанием ты движешься от толщи безымянного бормотания к высказываниям философов. От них к умозрению в красках. К подслушиванию того, что говорят вещи. К очевидности видимого.

Видимое недискурсивно. Невидимое выговаривается. Делез отдает преимущество высказыванию. Дискурсу. Хотя и настаивает на несводимости видимого к высказываемому. Глаза — к голосу.

Если знание состоит из видимого и мыслимого, то дело не в первобытном опыте, который предшествует знанию. А в конфигурации видимого и мыслимого. Мыслимому противостоит не видимое, а немислимое. А видимому — невидимое. Неочевидное. Видимое дополняет мыслимое. Но так же как мыслимое — это не слова, так и видимое — это не вещи. Чтобы извлечь из слов мысль, их нужно рассечь. Чтобы извлечь видимости из вещей, их также нужно разбить. Рассечь. У каждого времени свои очевидности и свое мыслимое. Свой способ рассечения. А раз свой, то ему ничто не предшествует. Так Делез отводит претензии конституирующей пра-монады.

То, о чем говорят, не видят. А не говорят о том, что видят. В феноменологии говорят о том, что видят. В ней зримое образует ос-

нову для высказываемого. Фуко не феноменолог. Поэтому то, что видят у него, никогда не размещается в том, о чем говорят. Картинки-описания, развертки видимого могут быть словесными, и тем не менее они будут отличаться от высказываний. Видеть означает мыслить. Значит мышление происходит в пространстве между видением и говорением.

Двойной отвод феноменологии со стороны Фуко и Делеза оправдан. Ибо мыслимое не интенционально, а видимости не отсылают к изначальному опыту и первобытному миру. Мыслимое не отражает видимое, а видимости не являются копиями высказываемого.

Литература

1. Делез Ж. Логика смысла. М. Фуко. *Teatrum philosophicum*. М., 1998.
2. Платон. Соч.: В 3 т. Т. 2. М., 1970.

В.В. ВАРАВА

Андрей Платонов и «русская религиозная философия»

Аннотация. В статье рассматриваются перспективы русской философии, связанные с ее религиозной ветвью и с литературоцентричной традицией. Показано, что это разные направления. Литературоцентризм связан не столько с художественной литературой, сколько с особым стилем письма. В этом контексте анализируется творчество Андрея Платонова, в котором, с точки зрения автора, проявились наиболее сильные метафизические позиции русской философии. Проблематизируется вопрос о языке философии, который в «языке Платонова» находит наиболее полное воплощение.

Ключевые слова: русская философия, религиозная философия, этика, философия и литература, язык философии, Андрей Платонов.

Abstract. The article discusses the prospects of Russian philosophy, associated with the religious branch and with the tradition of «literaturotsentrizm». It is shown that two different directions. «Literaturotsentrizm» is not so much fiction, but a particular style of writing. In this context, analyzes the work of Andrei Platonov, in which, from the point of view of the author, appeared strongest metaphysical position of Russian philosophy. The article problematizes the language of philosophy, which in the «language of Platonov» finds the most complete embodiment.

Keywords: Russian philosophy, religious philosophy, ethics, philosophy and literature, language of philosophy, Andrei Platonov.

С кем или с чем связана перспектива русской философии? Если у нее есть перспектива, в чем нет сомнений, то она должна быть, пускай опосредованно, связана с какими-то крупными философскими явлениями и событиями.

Оглядывая прошлое русской мысли, можно увидеть два огромных материка, на которых расположилась и обосновалась русская философия, проявив свой самобытный лик наиболее существенно. Это *русская религиозная философия* и *русская нравственная философия*. Если первая очевидным образом связана с духовными исканиями христианства и озабочена, прежде всего, судьбами христианства в России и мире, то вторая в большей мере фокусируется на *человеке как таковом* вне его конфессиональной и национальной детерминации и стремится самовыразиться преимущественно в *литературной* форме.

Если согласиться с утверждением о том, что философия не имеет своего собственного *философского языка*, то один из ключевых вопросов сегодня должен звучать так: как выражает себя русская философия, на каком *языке* происходит озвучка ее наиболее сокровенных и потаенных глубин? Есть ли какой-то *приоритетный язык русской философии* или же она выражает себя посредством всех языков, которыми располагает культура? Более заостренная формулировка этого вопроса сводится к выявлению того, что более органично для русской философии — *язык религии* или *язык литературы*? Несмотря на некоторую общность религиозного и литературного дискурсов в контексте русской философии, это довольно разные явления. И чтобы более четко выявить самобытный образ русской философии, необходимо уловить границу между *религиозной апологетикой* русской философии и ее *нравственными исканиями*.

Современная фаза авторефлексии над русской философией значительно расширяет диапазон своих исследований, включая в свой контекст ранее немислимые имена и концепции и предлагая новые модели интерпретации русской философии. Сегодня мы имеем полное право назвать имя Андрея Платонова в качестве одного из наиболее радикальных представителей *русского философского литературоцентризма*. Есть «линия Платонова» и «линия русской религиозной философии». Это несхожие линии. Здесь напрашиваются вопросы о том, что значит Платонов для русской философии в плане ее перспективы и каковы перспективы русской философии, связанные с ее религиозной ветвью?

Речь в данном случае не идет о «сравнительном анализе» Платонова и русской религиозной философии. Нужно лишь сопоставить эти два пласта отечественной философской культуры, просто поставить их рядом, чтобы выявилась возможная перспектива русской философии.

В конце концов, можно поставить вопрос и так: как получилось, что одна культура породила столь разные и несопоставимые явления?

* * *

Сегодня можно уже говорить о том, что при всем разноречивом отношении выявлен и концептуализирован феномен «русской религиозной философии». Несмотря на противоположные взгляды на природу и сущность этого феномена, сформирован некий *канонический образ*, включающий набор имен, тем, хронологические рамки, что дает возможность говорить о русской религиозной философии как о целостном компоненте отечественной философской культуры.

Проблема, однако, в том, что с присущей отечественной ментальности склонностью к абсолютизации (возможно, и по другим причинам) произошла определенная канонизация русской религиозной философии, проявившаяся в том, что она часто оценивается в категориях высшего и единственного проявления самобытности отечественной философии. Достаточно ознакомиться с российскими публикациями последних лет. Можно усмотреть эту тенденцию у различных авторитетных авторов — философов, богословов, историков русской религиозной философии. Например, о. Александр Мень в 1989 г. в своих лекциях говорил об оригинальной и неповторимой русской религиозной философии XX в., которая до сих пор продолжает удивлять мир [1, 8, 10].

Весьма показательными являются идеи, высказанные видным представителем эмигрантской мысли Н.П. Полторацким. В своей известной статье «Русская религиозная философия», которая была опубликована в журнале «Вопросы философии» в 1992 г., даны хронологические, персоналогические, характерологические черты русской религиозной философии, которые позволяют автору обозначить ее как «особую школу философской мысли», являющуюся «совершенно оригинальным явлением в истории человеческой мысли» [2, 128, 131]. Сам автор склонен оценивать религиозное течение русской мысли по высшей шкале, полагая, что ему «принадлежит большинство лучших — наиболее глубоких и оригинальных — русских умов», и что оно «доминирует над всеми остальными философскими течениями».

Что же делает русскую религиозную философию исключительным явлением и способствует, как выражается Н.П. Полторацкий, выходу ее на «мировую сцену»?

Исследователь, вслед за Н.А. Бердяевым, считает, что русские религиозные мыслители рецептировали Шеллинга и Гегеля наподобие тому, как это уже было сделано греческими учителями церкви по отношению к Платону и Аристотелю. Тем самым, достигалось взаимопроникновение христианства и философской мысли, что имеет, однако, явно *апологетические* цели. По словам Н.П. Полторацкого, значение русской религиозной философии не ограничивается лишь национальными измерениями, но выходит на вселенский уровень. Это значение сугубо религиозное, оно заключается в убежденности, что на основе православия может быть найден «новый подход к основным вопросам культуры и жизни, построено новое мировоззрение» [2, 128].

Именно построение новой мировой культуры, культуры, преобразованной христианством, является искомым русской религиозной философии, которая выходит уже за рамки философии, становясь интегральным духовно-культурным делом. Такова *вселенская миссия* русской религиозной философии, многое количество раз озвученная сторонниками такого ее понимания. Хотелось бы привести мнение еще одного крупного деятеля русской эмиграции, автора известного труда «Русское религиозное возрождение XX века» Н. Зернова. Он считает, что русское религиозное возрождение началось слишком поздно, чтобы вовремя «обновить интеллигенцию». Однако оно помогло вывести русское православие из изоляции, что способствовало распространению его «благотворного влияния по всему миру» и обогатило тем самым мировую культуру.

Заключительные слова весьма точно передают главные идеи его труда: «Подводя итоги русского возрождения XX века, можно сказать, что его представители дали убедительное изложение традиционного православного вероучения на языке и в понятиях современной культуры и сохранили для России историческую преемственность в то время, когда она систематически уничтожалась на их родине. Они познакомили Запад с сокровищами русской религиозной мысли и искусства...» [3, 329]. При этом необходимо отметить, что влияние русского религиозного возрождения ограничилось лишь рамками экуменического движения и не оказало серьезного воздействия на Западный мир, который продолжил свое развитие не только вне рамок русского православия, но и вообще вне существенного христианского влияния.

Современный уровень исследований также подтверждает идею об органической связанности русской религиозной философии с христианской проблематикой. В статье «Религиозность русской философии как проблема» И.И. Евлампиев раскрывает общую духовную настроенность русских религиозных философов, которые не были удовлетворены историческим церковным христианством, что заставило их при-

бегнуть к философии, прежде всего, к немецкой философии. Сама философия была для них «формой возврата к утраченному содержанию христианства», с которым связывались все перспективы человеческого бытия и культуры. Исследователь пишет: «...именно в этой неудовлетворенности церковной интерпретацией христианства, его “средневековым” обликом, и в стремлении вернуть в жизнь людей подлинное религиозное чувство заключается непреходящее значение русской религиозной философии, это есть ее главное измерение» [4, 127].

На этом основании И.И. Евлампиев предлагает «неканоническое» определение «русской религиозной философии», фиксирующее всеобщую характеристику этой мысли, заключающуюся в ощущении подлинной духовной сути христианства и стремлении к обновлению религиозного чувства. Это позволяет включить в контекст «неканонической» религиозной философии Герцена и Белинского, поскольку они в большей степени выражают дух этой религиозности, нежели те, которые стремятся согласовать свои взгляды с догматическим учением официальной церкви.

Итак, в основе русской религиозной философии — «христианский подход к процессам новой и новейшей истории и культуры». Такова ее суть, таковы миссия и соответственно вклад в отечественную духовную культуру, который нельзя ни приуменьшать, ни преувеличивать. При этом важно понять, что сама «духовная культура» не ограничивается только лишь христианским горизонтом. Нужно учитывать очевидный факт реальной утраты христианством многих своих жизненно важных позиций, так что «христианский подход» к основным вопросам культуры и жизни сейчас уже не имеет той безусловной ценности, какую он мог иметь некоторое время назад. «Агония христианства», увы, перестала быть высокой метафорой «борьбы за христианство» в смысле Унамуно и стала лишь констатацией факта в самом буквальном смысле. Не занимаясь в данной работе вопросам о *судьбах христианства*, о его вкладе в реальную жизнь, культуру, можно все же сказать, что христианство давно находится под вопросом, снять который не значит просто декларировать и пропагандировать христианские принципы.

В любом случае, как бы велико и значимо ни было христианство в судьбе европейской, в том числе и русской культуры, неверно философию жестко привязывать к христианским идеям и принципам. Философия и в своем происхождении, и в своем содержании — до- и внехристианское явление, весьма опосредованно связанное с религиозной тематикой. Духовный универсализм философии не равен духовному универсализму христианства; в одном случае мы имеем дело с принципиальной открытостью человека *в мире*, в другом — с духовной за-

крытостью человеком *в религиозном мире*. Мир как мир есть бытийная судьба человека, в котором религия не исключена, но включена в качестве бытийного эпизода, в то время как религиозный мир как раз исключает «мир», принципиальную открытость философского вопрошания.

Можно было бы с известной долей упрощения сказать, что философская истина — «динамичная» истина, в то время как религиозная — «статичная». Безусловно, сторонники религиозного мировидения с этим не согласятся, однако философский поиск — это путь исканий, страданий, мучительных борений без надежды на какой-либо гарантированный позитивный исход в виде «спасения», «преображения» и «воскрешения». Очень показательным сказал как раз Н. Зернов о духовной эволюции интеллигенции в России, прошедшей путь от «марксизма к идеализму»: «Возврат к православию означал конец скитаниям в поисках истины». Это очень важное и ценное признание человека, находящегося в контексте религиозной культуры. Речь идет об *истине обретенной*, т. е. статичной и закрытой, не предполагающей «скитаний», являющихся неперемнным атрибутом философского поиска.

Все основные темы, идеи и концепции русской религиозной философии естественным образом вращаются вокруг религиозной тематики. Этос русской религиозной философии концентрируется вокруг таких идей и понятий, как всеединство, соборность, богочеловечество, софийность, фесис, теургия, имяславие, исихазм и т. д. Все эти идеи глубоко укорены в христианском мировидении и представляют неотъемлемую часть христианской духовности, предполагающую глубокую вовлеченность в нее (воцерковленность). Однако это значительно сужает диапазон влияния этих идей по той простой причине, что огромное количество людей никогда не были и не будут причастны христианской духовности. Как раз в этом контексте, если речь идет о *целостности* русской культуры, мы не имеем права выписывать из нее такие выдающиеся нехристианские и нерелигиозные, а то и противорелигиозные явления, как, например, Андрей Платонов.

Если принять тезис о *базовом литературоцентризме русской философии*, понимаемом, однако, не однобоко в смысле того, что художественная литература как таковая и есть философия, то возникает остаточная жесткая оппозиция между *религиозной философией*, которая так или иначе тяготеет лишь к религиозной апологетике, что существенно ограничивает ее стилистические и идейно-теоретические возможности, и *нравственной философией*, которая рассматривает бытие человека по существу вне его национально-конфессиональных и даже культурных детерминаций. Понятно, что в таких текстах речь идет преимущественно о русском человеке, о русской душе и русской идее,

но религиозный компонент как таковой здесь существенно ослаблен за счет включения в «антропологическую орбиту» совершенно немислимых для религиозного благочестия тем, идей, образов. Еще можно эту философию, на манер Л. Шестова, назвать «экзистенциальной философией».

Говоря о литературоцентризме, нужно сказать, что здесь важен сам принцип *литературоцентричности*, а не науко- и религиозноцентричности, который выражается в том, что форма литературоцентричного дискурса не ограничена никаким каноном внешнего авторитета и традиции. Это вольный философский дискурс, попросту дух, который преследует лишь одну цель — служение истине, а не авторитету; истине, а не традиции, в которой есть свои авторитетно-традиционные образы истины. Существует традиционный набор признаков такого русского вольного философствования, включающий несистемность, нетрактатность, сверхрациональность, гипернарративность и т. д. Но главное здесь все же *устремленность к нравственной истине* прежде всего — какими бы средствами она ни достигалась. Очевидно, что такой несистемный дискурс нравственности достигаем более всего в пространстве литературного текста, который приобретает философские метрики. Поэтому более уместно в данном случае говорить о философской, а не о художественной литературе.

С этих позиций русская религиозная философия не попадает в ряд литературоцентричных форм вольной философии, поскольку ориентируется на традицию духовно-академического богословия, т. е. на научную традицию. В этом смысле русская религиозная философия системна, трактатна, рациональна; ее методология — это методология схоластического дискурса, несмотря на православный контекст. Интересно то, что именно русская религиозная философия идет под титулом «философская школа», о чем говорил Н.П. Полторацкий, и в таком качестве — в качестве школы — она реципирована рациональной философской традицией.

Проблемы возникают тогда, когда речь идет о *кодификации литературоцентричной философии*. Проблем с кодификацией религиозной философии нет: она строго вписана в стандартную схему апологетической философии, пусть и со своими «вселенскими» миссиями и заданиями, но вписана во вполне рациональную схему. И В.С. Соловьев, и Н.О. Лосский, и С.Л. Франк, и И.А. Ильин, и С.Н. Булгаков, и А.Ф. Лосев, и многие представители религиозной философии являются вполне логичными, рациональными, системными и вполне соответствуют тому списку «родословной русской религиозной философии», который дает в своей статье Н.П. Полторацкий. Однако справедливо-сти ради нужно сказать, что наличие имен Достоевского и Толстого в

этом перечне не совсем уместно, вызывает также сомнение и пребывание Розанова и Шестова, и уж тем более Николай Федоров никак не вписывается в каноны религиозной философии, поскольку он попросту взорвал все привычные представления о том, что такое религия и наука. Если, конечно, не брать широкий критерий «религиозности», согласно которому все значительное и выдающееся в русской философии должно принадлежать ее религиозной ветви. Многое и многие не вписываются в этот канон. Не вписывается в него в данном случае и Андрей Платонов. С ним вообще казус. С одной стороны, как свидетельствует современное платоноведение, это один из наиболее глубоких выразителей русского национального самосознания («смотритель изначальной русской души», по словам Валентина Распутина), русский национальный гений, в творчестве которого наиболее сильно произошло *слияние литературы и философии*. С другой стороны, что общего между Платоновым и, скажем, С. Булгаковым, Платоновым и Флоренским, Платоновым и Ильиным и т. д.? Что общего между Афинами и Иерусалимом?

Современный философский процесс в России подошел к тому рубежу, за которым нельзя уже не сравнить Платонова с религиозной философией в плане их *реального влияния* на судьбы отечественной философской культуры.

Необходимо, прежде всего, отметить особую значимость фигуры Платонова в современном литературно-философском контексте и в культуре в целом. В принципе, «открытие» Платонова произошло не так давно. Сегодня Платонов буквально «взорвал» сознание наших современников, людей искушенных, знающих толк в герменевтике. И поэтому платоноведение уже бесконечно. Это не может ни радовать, поскольку благодаря этому Платонов стал настолько масштабной фигурой, что проигнорировать его влияние на духовный строй русской культуры отныне уже невозможно. Но герменевтика здесь засада: с ее «помощью» можно уйти «в язык», не соприкоснувшись «с мыслью». И поэтому важно преодолеть герменевтику, особенно при столкновении с таким автором, как Платонов, который каждым изгибом своей речи выводит в пространство бесконечных трактовок и интерпретаций.

Важно отметить то, что сегодняшнее платоноведение все более тяготеет к тому, чтобы *интерпретировать Платонова в философском ключе*. Это не отменяет несколько филологического метода, однако тенденция налицо. К Платонову применима методология анализа, схожая с философским анализом текстов Достоевского. Здесь параллель напрашивается сама собой: Достоевский как философ — тема почти что закрытая; закрытая, конечно, в том смысле, что уже и доказано и показано, что Достоевский есть национальный философ миро-

вого уровня, — но открытая в плане неисчерпаемости философских тем и идей, которыми проникнут художественный мир Достоевского. Ситуация с Платоновым складывается аналогичным образом: все большее количество исследователей склонно видеть в нем одного из главных представителей отечественного литературоцентризма в философии, который вывел национальную традицию на мировой уровень.

Философская трактовка Платонова не сводится, однако, к филологическому анализу «философской прозы», что было актуальным на заре платоноведения. Сейчас нужно понять, что дело не в том, что у Платонова есть философская проза как элемент его художественного мира. Необходимо философски понять, *как возможен Платонов*, понять не для *изучения Платонова*, а для *видения Платоновым*. Платонов как таковой появляется в нашей культуре и фактом своего бытия свидетельствует об иных, ранее неведомых и неразведанных перспективах для русской философии. С одной стороны, он находится в жесткой сцепке с предшествующей литературно-философской линией (Достоевский, Федоров), а с другой — самым решительным образом разрывает с ней, выводя бытийный горизонт философии в иные измерения. Можно даже вообще не исследовать Платонова: для философии важен *живой Платонов*, который расширяет метафизическое пространство бытия, делая возможным дальнейшее философствование в России. Не за Платоновым нужно идти, но, осознав масштаб и оригинальность его фигуры *как философа*, продолжать самостоятельное творческое философское дело.

В этом, кстати, также и «исследовательская» задача современной философии — вписать неформатного Платонова в существующий философский процесс. Вписать не для того, чтобы «мумифицировать», но чтобы еще раз осознать метафизическую необъятность русской философии, которая в лице Платонова проявила себя вот таким — совершенно неожиданным и чудесным образом. Суть в том, что у Платонова не «философская проза» и не «философский роман», а *философское дело*, более того, «философское бешенство» (И. Бродский), которое просто сводит на нет всяческие попытки «гуманизировать» Платонова, т. е. приручить его, дав единственно верный «метод» его понимания.

Понять Платонова невозможно, и это то, что нужно понять. У него погибают язык, мир и человек. Это самое невозможное дело, подобрать ключи к которому нельзя. Но понять именно такую *инаковость* Платонова не только по отношению к русской религиозной философии, но и по отношению к предшествующей литературно-философской традиции, значит увидеть новый горизонт мысли; это значит вывести нынешнее немного застывшее философское состояние России в живые пространства бытия.

Все это, естественно, никоим образом не отменяет и даже не ставит под сомнение необходимость дальнейшего исследования Платонова, исследования его художественного и философского мира, которое, пожалуй, вошло уже в бесконечную фазу. Весьма примечательно то, что системное изучение творчества Андрея Платонова, проходящее в Институте мировой литературы под руководством Н.В. Корниенко, воплощается в серийных выпусках под общим названием ««Страна философов» Андрея Платонова». Несмотря на изначальный филологический задел, философский вектор здесь всегда присутствует, и, смею сказать, он наиболее весом.

Этот интереснейший проект, действительно отражающий современный уровень постижения творческого наследия Платонова, собирает самых различных авторов, среди которых литературоведы, лингвисты, филологи, философы, критики, писатели, географы, историки, богословы, психологи, музыковеды, переводчики и прочие неравнодушные к Платонову люди. В итоге складывается весьма впечатляющая, если не сказать грандиозная, панорама исследовательских ракурсов, в которых отчетливо предстает *масштаб Платонова*. И главное здесь не то, как авторы трактуют Платонова, но то, что такое огромное количество исследователей буквально загипнотизированы Платоновым. Это уже знаково и показательно. Скоро наступит время системного исследования системных исследований Платонова.

Очевидный интерес представляют для нас воззрения некоторых авторов «Страны философов», которые создают прецедент восприятия Платонова как большого философского события нашей жизни и культуры. Леонид Карасев вписывает Платонова в «большую русскую литературу», ставя его в один ряд с Гоголем, Достоевским, Толстым. При всем различии авторских стратегий их объединяет общее «отношение к миру и к человеку как к тайне». Это в некотором смысле вообще родовой атрибут писательской деятельности, но в данном случае, это радикальный признак отечественного философского литературоцентризма, поскольку *тайна* здесь присутствует не на *уровне сюжета*, а на *уровне бытия*. К тому же, таинственная ипостась мироздания акцентируется введением *темы смерти*, которая у Гоголя, Достоевского, Толстого и особенно Платонова далеко выходит за рамки художественных задач и напрягает сознание на фундаментальную нравственную рефлексию. В этом отечественный литературоцентризм приобретает специфический *этикоцентризм*, связанный с прояснением бытийной ситуации человека.

Интересна также *философская оптика* художественного мировидения Платонова, отмеченная исследователем. Л. Карасев пишет, что «он жил и писал с чувством искреннего удивления перед тем, что мир

вообще существует, что он до сих пор не сорвался в бездну, и что все в нем обстоит именно таким образом, каким действительно обстоит. Наличествование мира, его пространственно-вещественная определенность, увиденные как загадка, подлежащая разрешению» [5, 218]. Это исключительно философские черты, которые, естественно, присутствуют у каждого, особенно у писателя, но у Платонова это стало и мировидением, и «творческим методом», посредством которого он создал мир как великую философскую загадку.

Писательское чутье Олега Павлова позволяет увидеть в Платонове *большое философское содержание*, которое превосходит традиционные для литературы эстетические задачи автора. Павлов говорит, что в центре внимания Платонова *простой человек*, чье бытие и предстает в виде главной загадки, загадки существования, которую может разрешить (или, вернее, поставить) только философия. Он пишет: «Он не создал духовного учения, но взгляд его на человека и на мир как ценность содержит в себе ценнейший нравственный и духовный опыт — *философию существования*» [6, 15].

Это и есть своего рода литературное философствование, *философствование посредством литературы*, где литература с ее традиционными атрибутами всего лишь фон, а не самоцель. Это не умаляет художественных достоинств платоновского текста, но заставляет сознание совершить философскую работу при встрече с этими текстами.

В схожей тональности мыслит и Алексей Варламов, когда говорит об особой самостоятельности платоновского слова, которое «заряжено не литературными заботами, а изначальными вопросами» [7, 376]. «Изначальные вопросы» — это и есть философские вопросы, касающиеся бытийных аспектов существования. Это исключительно философская прерогатива, поскольку лишь философия «видит» бытие.

Много аналогичных мыслей можно найти у различных авторов. Важно «вытащить» Платонова из «литературы», сохранив его язык. Сохранив от слишком назойливого «исследования» языка Платонова, в котором исчезает первоначальный философский смысл.

Как вообще свершается письмо Платонова? От языка к мысли или от мысли к языку? В любом случае, совершенно очевидна глубочайшая *спаянность языка и мысли*, перелив языка в мысль и мысли в язык, что несомненно выводит текст Платонова из изоляции художественной литературы в открытость философского вопрошания. Это исключительно философская речь, в метафизические просторы которой попадает *человеческое бытие* во всей глубине его страданий, исканий и надежд.

О *философских измерениях языка* Платонова также говорят многие авторы «Страны философов», в чем без труда можно убедиться при

самостоятельном чтении. Можно сказать, что общей является идея о том, что Платонов создает новый язык и новый способ мыслить. Здесь мысль намертво связана с языком, без которого она не существует.

Платонов тем самым задает новый горизонт для философии, горизонт, который не был уловлен русской религиозной философией в силу ее «служебного отношения» к языку как средству передачи религиозных смыслов. Ни о каком самосущем языке, *языке бытия*, здесь не могло быть и речи. Язык как «Божественный Логос», как транслятор христианских идей — вот горизонт религиозной философии, которая посредством языка углублялась в смыслы религиозного бытия. У Платонова же само бытие, перводанное бытие, до и вне всяких духовных, в том числе и христианских опосредований, что-то сообщающее человеку — бытийно значимое. Это не «атеизм» и даже не «язычество», это просто философия, чей чистый голос, голос самого бытия выбрал для себя особую художественную форму выражения. И нужно сказать, что это высший и непревзойденный философский опыт, по крайней мере, в контексте русской философской культуры.

Вот почему важен язык Платонова, но не как *лингвистический*, а как *бытийный* феномен.

Интересно углубление в философский подтекст художественных текстов Платонова через обращение к понятию «человек-философ» А. Пятигорского, главная черта которого — *акulturность*, т. е. желание и способность мыслить вещи сами по себе вне всякого «культурного контекста» (см.: [8, 215]). Это взгляд с *точки зрения бытия и вечности*, который и отличает мировидение Платонова. Такая вроде бы «отстраненная» от жизни позиция на самом деле является наиболее жизненной в плане экзистенциального углубления в сами «первоосновы жизни», поскольку здесь происходит не извлечение «готовой истины», но открывается «возможность ее обретения в процессе поиска».

Для выявления философской значимости Платонова важно, конечно, сопоставление его с Достоевским. То, что Платонов, как и Достоевский, *больше* литературы, считают многие, пишущие о нем. Их роднит не просто общая тема о человеке (кто ж не пишет о человеке!), но *нестерпимый катастрофизм существования*. У них речь, по сути дела, идет о невозможности человеческого бытия, которое, однако, есть, вопреки всему.

Важны личные признания современных авторов относительно воздействия на их мировоззрение этих крупных представителей русской мысли. Так, С. Рузиевская говорит о своем открытии Платонова следующее: «По внутреннему потрясению встреча оказалась равносильна встрече с Достоевским, в обоих случаях в глубине души было сказано: “это — мое” (видение мира, понимание жизни, сама жизнь)» [9, 392].

Автор говорит о том, что и для Достоевского, и для Платонова общим является «страдание жизни», для которых «страшна» не столько смерть, сколько ее «серьезность и сложность».

Это, нужно сказать, исконный *этикоцентризм в литературе*, который стал заметен сразу, как только произведения Платонова оказались доступны. Здесь важно отметить, что этот этикоцентризм, в основе которого тяжелейшие *нравственные страдания* человека, который отнюдь не обязан прийти к религиозной вере, а очень часто, наоборот — к отчаянию, тупику, безумию и смерти, совершенно не похож на тот благодушный образ традиционной моралистичности русской философии, которая часто выделяется в качестве ее типологической черты.

Снова обратимся к о. Александру Меню, поскольку его воззрения очень *популярно* раскрывают тезис о моралистичности русской философии. Он говорит, что после «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона «русская религиозная мысль выражалась преимущественно в нравственном русле, через блестящие проповеди» [1, 11]. Древнерусские книжники «боролись за осуществление нравственных принципов», которые есть религиозные заповеди. Это само по себе достойное дело нельзя в полной мере причислить к тому, что называется нравственной философией. Есть, безусловно, большая этическая проблема, связанная с тем, что заповеди сами по себе представляют собой нравственный идеал более высокого порядка, нежели ценности обыденной жизни, и соответственно здесь должна быть моральная аргументация, связанная с выявлением состояний «должного» и «сущего». Но это уже теоретическая этика, которая была чужда древнерусской христианской культуре.

Поэтому в контексте религиозной традиции можно обнаружить либо *жизненно-практическое* соблюдение христианских заповедей, которое есть, безусловно, нравственный подвиг, без всяких теоретических рассуждений, либо *книжное* дидактико-морализаторское внедрение этих заповедей в сознание. Подлинная же нравственная философия не занимается агитацией за добро, но смотрит реально на драматизм человеческой ситуации, пытаясь понять ее и, если возможно, помочь. Достаточно привести хотя бы несколько сентенций из Льва Шестова, чтобы увидеть, насколько реально сложнее и драматичнее человеческая ситуация, нежели она видится в контексте религиозной этики. Показывая, что Кьеркегор бесконечно далек от умозрительной философии, которая и является главным рациональным обоснованием религиозной этики, Шестов делает такие утверждения: «Киргегард подвел нас к тому, что первородный грех совершен не человеком, а Богом. Киргегард подвел нас? Или он сам был подведен к этому?» [10, 224].

Итак, очевидно, что *этикоцентризм*, основанный на разрушении всяческих, в том и числе и морально-религиозных, норм в прорыве к последней глубине человека и *моралецентризм*, озабоченный борьбой за выполнение христианских заповедей, вещи далеко не похожие. И связывать русскую философскую традицию, традицию, которая и славится тем, что постигает человека в его предстоянии «бездне», а значит, наиболее подлинно и честно постигает, только лишь с традицией христианского благочестия, значит сужать и понижать ее реальные возможности.

Это, конечно, ставит под сомнение и тезис Н.О. Лосского о религиозности русского человека и соответственно религиозности русской философии. Здесь априорная религиозность является как бы основой нравственности. Но это далеко не так, и сегодня вопрос *о взаимоотношении религиозности и нравственности* должен быть поставлен со всей ответственностью и честностью. Поможет это сделать как раз Андрей Платонов как человек, который фактом своего бытия показал, что можно быть абсолютно нравственным человеком, абсолютно не будучи «верующим». Верующим в строго религиозно-конфессиональном, православно-христианском смысле, а не в метафорическом смысле эсхатологической религиозности или в смысле гуманистической «веры» в добро, истину, красоту. Этот, по слову Ренаты Гальцевой, «религиозный безбожник», уже произвел скандал в русской культуре, явив коренную антиномию русского ума, для которого не годятся не только отдельно взятые «вера» или «неверие», не только всяческое гармоническое примирение между «верой» и «разумом», но неутолимая сердечная боль и мука, выразившаяся в высказывании, даже в каком-то предельном метафизическом стенании Платонова: «некуда жить».

Это никоим образом не подрывает «основ веры», но расширяет и углубляет диапазон философских исканий. Парадокс русской религиозной философии в том, что она слишком вольна (еретична) по отношению к догме (богословию) и слишком догматична (религиозна) по отношению к философии. Эта зажатость религиозной философии между «чистой» философией и богословием значительно сужает сферу ее свободного творчества, ограничивая ее духовной поиск судьбой «духовного христианства». Это, конечно, большая и важная задача миссионерского характера, но в том лишь случае, если мы судьбу современного человека и культуры связываем исключительно с христианством, пускай подлинным (неказарменным, нецерковным, недогматическим, неисторическим), но с христианством, т. е. с религиозной трактовкой всех онтологических, гносеологических и аксиологических

измерений бытия. Насколько это оправдано, еще предстоит решить, но решить как раз-таки философски.

Конечно, было бы неправильно сказать, что русская религиозная философия выполнила свою историческую роль защитника христианского вероучения и представляет собой лишь «исторический факт» русской философской культуры. Однако в современных условиях, в которых во многом сняты традиционные бинарные оппозиции — религия—атеизм, вера—неверие, сакральное—мирское, а духовный мир человека стал намного сложнее и драматичнее, христианская мысль, чтобы сохранять свои позиции, не может не реагировать на эту ситуацию.

Думается, что проблема здесь не в том, чтобы как-то философски обновить христианство, выявив его подлинную вечную духовную основу, тем самым приблизить к современности и сделать адекватным для решения ее ключевых болезненных вопросов, а в том, чтобы самым серьезным образом вновь обратиться к вопросу о бытийном различии между философией и религией.

В этом смысле перспектива, связанная с Платоновым, представляется достаточно живой и актуальной, поскольку в своем лице Платонов уже в значительной мере решил «христианскую проблему», показав более глубокий уровень исканий и вопрошаний.

И как сам Платонов, согласно И. Бродскому, извлек из языка его «безжалостную, неумолимую абсурдность», что сделало эту философию убедительной и «совершенно нестерпимой по своему масштабу», так и сегодня нужно *извлечь философию из языка Платонова*, оставив сам язык для филологических штудий и эстетического гурманства. Если Платонов выявил «саморазрушительный, эсхатологический элемент внутри самого языка», то нам нужно выявить в «языке Платонова» позитивную стратегию для современной философии, заключающуюся в расширении метафизического диапазона восприятия реальности. Это самое ценное для философской эвристики, что может дать Платонов.

Еще раз подчеркнем, что это не анализ философской прозы Платонова, а именно извлечение философии из языка Платонова. На самом деле, это очень сложная задача, поскольку *спаянность мысли и языка* в платоновской речи, как мы уже отмечали, достигает максимальной степени. Избавиться от «диктата языка» может только философия, поскольку она делает видимым *бытие мысли в стихии языка*. Только философия может выделить субстанцию мысли, преодолев языковой детерминизм.

Этикоцентризм русской философии, находящийся по ту сторону всех канонических ограничений как со стороны религии, так и со сто-

роны науки, может быть услышанным человеком, пережившим двойную смерть — смерть Бога и самого себя. Это самая обнадеживающая перспектива для русской философии.

Литература

1. *Мень А., прот.* Русская религиозная философия. М., 2008.
2. *Полторацкий Н.П.* Русская религиозная философия // Вопросы философии. 1992. № 2.
3. *Зернов Н.* Русское религиозное возрождение XX века. Paris, 1991.
4. *Евлатиев И.И.* Религиозность русской философии как проблема // Вопросы философии. 2012. № 1.
5. *Карасев Л.* Платонов и будущее // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 6. М., 2005.
6. *Павлов О.* После Платонова // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 4. Юбилейный. М., 2000.
7. *Варламов А.* Читательский Платонов // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 3. М., 1999.
8. «Страна философов» Андрея Платонова: Проблема творчества. Вып. 4. Юбилейный. 2004.
9. *Рудзиевская С.* Встреча // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 3. М., 1999.
10. *Шестов Л.* Киргегард и экзистенциальная философия. М., 1992.

В.Н. ПРОНЧАТОВ

Предметы труда для универсальной картины мира

Предмет труда, т. е. все то, что подвергается в процессе производства обработке, на что направлена трудовая деятельность людей.

*Марксистско-ленинская философия.
Исторический материализм (1972)*

Аннотация. Статья написана в соответствии с материалистическим пониманием истории. Автор анализирует роль предмета труда в системе производительных сил и его превращения в символы сменяющих друг друга механистической, диалектической, электромагнитной, релятивистской и квантовой картин мира.

Ключевые слова: производительные силы, производственные отношения, предмет труда, универсальная картина мира.

Abstract. The article is written according to with the materialist conception of history. The author analyzes the role of the subject of labor in the system of productive forces and its transformation into symbols, which replaced each other in mechanistic, dialectical, electromagnetic, relativistic and quantum pictures of the world.

Keywords: productive forces, relations of production, subject of labor, universal picture of the world.

Постановка проблемы. Согласно материалистическому пониманию истории, изменения в способе производства приводят к трансформациям всей совокупности общественных отношений. Идеалистическое отрицание этой связи объявляется отступничеством от марксизма, а попытка установить прямую зависимость общественного сознания от общественного бытия классифицируется как вульгарный материализм. Эта странная ситуация, где возможные решения отвергаются в качестве абсолютно неприемлемых, а верное доказательство не приводится, отдаленно напоминает теорему Ферма, где один человек объявляет о найденном им решении, а все остальные безуспешно пытаются его отыскать. Решение этого парадокса в рамках классической марксистской философии представляет собой любопытную теоретическую задачу с возможным практическим применением.

Предлагаемое решение проблемы. Компоненты господствующего способа производства взаимодействуют со всей совокупностью общественных отношений посредством универсальных способов мышления в различных сферах предметно-практической деятельности. Доминирующий в системе производственных отношений предмет труда предполагает определенную технологию его обработки. Этот способ действия может использоваться в разных видах деятельности, совокупность которых сделает возможным новый способ производства с характерными для нее предметами труда и алгоритмами мышления. Говоря театральным языком, в этой собранной из отдельных элементов целостности способ производства играет роль своеобразного антрепренера, который подбирает актеров в свою труппу, чтобы с ее помощью создать новую универсальную картину мира. Каждый из приглашенных артистов формировался самостоятельно, но собранные в единый ансамбль они составили труппу.

Содержание категории «предмет труда». Предметом труда Маркс называл вещество природы, вырванное из естественной среды обитания и включенное в производственный процесс непосредственно или в качестве прошедшего предварительную обработку *сырого мате-*

риала [1, т. 23, 189—190]. В качестве элемента производительных сил мертвая предметность оживает и начинает корректировать поведение субъектов производственных отношений. Для изготовления сюртука требуется холст, а он, в свою очередь, предполагает определенную технологию, лекала и средства труда. Чтобы изменить вещь или ее цену, надо подобрать другой материал или использовать новую технологию.

В XVII в. Голландия монополизировала морскую торговлю благодаря новому способу постройки кораблей. Задолго до Генри Форда голландцы поставили сборку своих судов на поток. Балтийский лес поступал на их верфи уже распиленным под точные размеры, и квалифицированные работники за высокую плату каждые два месяца собирали новый флейт [2, 15]. Вещество природы (корабельный лес) и новый способ обработки превратили дерево в сырой материал, и в этом новом для себя качестве предмет труда стал условием конкурентной способности страны на международных торговых путях и в сфере познания.

В 1920-х гг. неомарксизм (А. Грамши, Г. Лукач, а затем Т. Адорно, М. Хоркхаймер и Г. Маркузе) начали утверждать, что изменения в способе производства определяются культурой, ведущим элементом которой следует считать *потребности тела*. Именно они заставляют человека привносить идеальные мыслительные схемы в уже существующие предметы труда, которые вынуждают корректировать действия посредством подбора подходящих для этой цели материалов и технологий. Эта точка зрения несколько не противоречит теории Маркса и не выходит за рамки классического варианта его учения. Зависимость предмета труда от культуры и способа мышления заставляет человека искать наиболее простые технологии, но только в том случае, если предмет труда существует хотя бы в качестве сырого материала.

В любую эпоху ассортимент потенциальных предметов труда остается практически неизменным. Во все времена люди используют камень, дерево, металл (дамасская сталь), шерсть и пластмассу (изделия из кости), но только один из них становится элементом господствующей картины мира и в качестве образа-метафоры воздействует на всю совокупность существующих в обществе отношений.

Предмет труда в механической картине мира. В классической механике различные объекты перемещаются в пространстве под действием одних и тех же законов, поэтому их предметность не имеет принципиального значения. Сила, действующая на погруженное в жидкость тело, определяется его объемом, поэтому всякое плавучее средство может быть рассчитано (и построено) из любого материала.

В 1859 г. во Франции был построен броненосный фрегат «La Gloire» («Ла Глоре»), деревянный корпус которого защищали навешанные на борта железные кованые плиты. Англичане решили повторить французскую конструкцию, но ограниченное количество заготовленного канадского леса заставило строителей первого английского броненосца (1860) заменить импортное дерево отечественным железом, благо его было достаточно [3, 113].

Механическая картина мира допускала взаимозаменяемость и одновременное применение различных материалов, но отвергала саму возможность их превращения друг в друга. Строители Успенского собора во Владимире (1158—1161) и храма Василия Блаженного (1555—1660) в Москве использовали железные затяжки сводов, но предметность дерева и железа оставалась неизменной.

На уровне предмета труда отрицанием механической картины мира внутри нее самой становятся *духи* как противоречивое единство парфюмерии и медицины. По мнению медиков XVII в., запахи впитывают силу других ингредиентов и переносят их внутрь охваченного недугом организма. В 1655 г. первый медик Людовика XIV изготовил для короля мазь, используя для этой цели перуанский бальзам, муравьиную эссенцию, раковый спирт и мясо гадюки как надежное средство противоядия [4, 300].

По методу мышления и способу действия парфюмерия оказалась созвучной регулярному движению по каналам, музыке Моцарта, математическим методам расчета случайности Блеза Паскаля и Пьера Ферма и отдельным диалектическим моментам механистической философии Ф. Бэкона и Спинозы. Несвязанные друг с другом, они тем не менее создавали возможность принципиально новой диалектической картины мира и способа мышления.

Если парфюмерия отрицала механистическую картину миру своей устремленностью в будущее, то ювелиры, камнерезы и скрипичных дел мастера (Н. Амати, А. Страдивари, Дж. Гварнери, К. Бергонци, Ж. Вильом) своим творчеством утверждали незыблемость предмета труда, индивидуальности мастера и преемственность традиционного способа производства.

Предмет труда в диалектической картине мира. Отличительной особенностью диалектики считается способность рассматривать любое явление через связь внутренних для него противоположностей. Основное для предмета противоречие заставляет его превращаться в свою противоположность и через систему отрицаний восходить к цели, которая реализуется как единство прошлого и будущего в настоящем. Условным началом диалектической картины мира Ф. Энгельс считал работу Э. Канта «Всеобщая естественная история и теория неба (1755),

где впервые было поколеблено механическое представление о неизменности природы во времени [1, т. 20, 56].

В сфере производства диалектический способ мышления обретает свою предметность в различных сортах *стали* и способах ее производства. Любой сорт стали представляет собой *сплав* различных химических элементов, атомы которых ориентируются по кристаллической решетке железа. При изменении температуры она меняет свое строение, но не превращается во что-то принципиально иное. Изменение содержания углерода и увеличение примесей сопровождаются превращением углеродистой стали в чугуны, феррит, цементит (карбид железа), перлит и эвтектоид. Сочетание легирования и термической обработки (природнолегированная сталь) позволяет получать сорта стали с широким диапазоном свойств.

Свойства стали похожи на структуру диалектического противоречия, где единое основание, оставаясь неизменным, распадается на две взаимоисключающие друг друга противоположности с последующим превращением их друг в друга.

В отличие от других предметов труда, которые человек получает от природы и видоизменяет за счет способа производства, сталь и диалектический способ мышления следует признать произведением истории и культуры. Древний Восток и Античность знали стихийную диалектику, тигельную плавку металлов в горшках (тиглях) из огнеупорных материалов и кузнечную сварку многочисленных, сплетенных в жгут (канат) тонких стальных полос или проволоки с разным содержанием углерода (дамасская сталь). Внешним признаком сварочного Дамаска был муарово-волнистый узор. Мастера старались варьировать узор, разнообразя по длине клинка силу и направление ударов при ковке.

Начало промышленного производства стали традиционно связывают с конвертерным способом передела чугуна, предложенным английским изобретателем-самоучкой Генри Бессемером (патент 1856 г.). До появления бессемеровской стали металлические изделия существовали в виде отдельных конструкций (стальной каркас купола Казанского собора в Петербурге, 1810—1811 гг.; витые стальные канаты В. Альберта, 1827 г.). Промышленное производство сделало возможным широкое применение стали во всей совокупности общественных отношений и межличностных связей.

В советской архитектуре стальные конструкции впервые использовались для оформления станции метро «Маяковская» (1938 г., архитектор А.Н. Душкин). В работе над проектом художник использовал образы итальянского гения Тьеполо, стальной ритм поэзии Маяковского, а также наполненную энергией и оптимизмом Седьмую симфо-

нию Сергея Рахманинова. Дух эпохи, уже явленный в поэзии и музыке, прозвучал в архитектурном сооружении и принял форму устойчивого фразеологизма. Народный поэт Дагестана Сулейман Гасанбеков (1869—1937) пишет под псевдонимом Стальский и сравнивает себя с «зарытым в землю клинком, которому партия и Советская власть вернули блеск и остроту» [5, т. 40, 458].

Элементами принципиально новой электромагнитной картины мира в структуре диалектического мировосприятия можно считать многочисленные попытки создания принципиально нового материала посредством механического соединения различных сортов стали. Композиционные материалы на основе сочетания различных сортов железа и стали (путиловский рельс, колпачок из мягкой стали для бронебойных снарядов) отрицали диалектическую картину мира своей устремленностью в будущее, а механистическое по своей сути стремление противопоставить сплаву однородность предмета труда становилось противопоставлением прошлого настоящему. В 1864 г. мебельных дел мастер из Тироля Питер Миттенхофер изготовил деревянную пишущую машинку, где металлические литеры букв были заменены короткими иголочками, печатающими по принципу современных вычислительных машин. Попытка краснодеревщика утвердить дерево в качестве альтернативы стальным конструкциям отдаленно напоминало созданную в том же году философскую систему Евгения Дюринга, который утверждал наличие диалектического противоречий посредством его отрицания [1, т. 20].

Предмет труда в электромагнитной картине мира. Любая картина возникает в результате взаимодействия образов, рожденных всей совокупностью общественных отношений и межличностных связей повседневной жизни. Отдельные элементы этой целостности возникают в разное время, поэтому хронологические рамки оказываются размытыми. Научные предпосылки *электромагнитной теории* связаны с уравнениями Максвелла (1873), *электротехника* начинается с кислотно-свинцовых аккумуляторов (француз Планте, 1860 г.) и электродвигателя с вращающимся кольцевым якорем (итальянец Починотти, 1860 г. и француз Грамм, 1869 г.) [6, 74]. Опрокидывая настоящее в прошлое, некоторые исследователи всерьез утверждают, что пирамиды фараонов на самом деле следует считать первыми электростанциями (Кристофер Данн), поэтому установить начало практического применения электроэнергии не представляется возможным.

В отличие от механики и диалектики, где тождественные себе явления перемещаются в пространстве или разворачиваются во времени свое основное противоречие, электродинамика работает с комбинированными объектами. Здесь магнитное поле существует вместе с элект-

трическим, сила тока становится напряжением, а двигатель и генератор образуют единое целое. Комплекс взаимодействий, где целое рождается взаимодействием частей, но не сводится к их простой сумме, в качестве своего обязательного условия предполагает способность воспринимать все явления как целостность, не сводимую к простой сумме своих частей.

Новая по сравнению с механикой и диалектикой *электромагнитная картина* мира превращает предметы в устойчивое *движением систем*. В сфере предметов труда подобное мышление предполагает композиционные материалы, первые варианты которых создает кулинария. В XVII в. французы изобретают фруктовый и овощной масседуан из плодов, собранных за один сезон, а граф Сандвич в 1762 г. впервые заказывает буфетчику «спаренные бутерброды» с маслом и сыром между двумя кусочками хлеба. В 1890 г. принцип «сэндвича» американский инженер Х. Гарвей использует для создания никелевой брони, а датский философ С. Кьеркегор и русский писатель М. Лермонтов кладут в основание человеческого существования [7, 178].

Предмет труда в релятивистской картине мира. В 1904 г. А. Эйнштейн публикует статью «К электродинамике движущихся тел», которая стала заключительным аккордом механической картины мира. Согласовав механику с электродинамикой, пространство и время, энергию и массу, специальная теория относительности провозгласила основные принципы релятивистской картины мира, с характерным для нее соединением несоединимого. Привнесенное в различные виды деятельности, подобное стремление рождает многочисленные аналоги специальной теории относительности. Первый Лорд Адмиралтейства Джон Фишер соединяет скорость и массу в конструкции Дредноута, кутюрье Коко Шанель с помощью маленького черного платья и синтетических духов создает образ вульгарной аристократичности, а массовые автомобили не скрывают своего родства с велосипедами и самобеглыми колясками.

Для изготовления новых вещей требовались материалы с взаимоисключающими свойствами. Именно они становились сырым материалом релятивистской картины мира.

При создании массового автомобиля Генри Форд использовал новейшую ванадиевую сталь. Изготовленная из него рама обеспечила машине прочность и долговечность при весе всего в 550 кг. Разогнать такую легкую машинку до вполне приличной по тем временам скорости в 70 км/ч. мог даже 20-сильный двигатель объемом чуть меньше трех литров. И при этом Форд-Т имел целых пять мест! [8, 32].

В своих научно-фантастических произведениях основоположник космонавтики К.Э. Циолковский предполагает, что наружная оболочка

космических ракет будет состоять из трех слоев. Внутренний слой — прочный металлический с окнами из кварца, прикрытыми слоем обычного стекла и герметически закрывающимися дверями. Второй — тугоплавкий, а наружный третий слой, будет сделан из очень тугоплавкой, но довольно тонкой металлической оболочки. Во время движения ракеты в атмосфере наружная оболочка накалится добела, но теплота эта будет излучаться в пространство, не проникая через другие оболочки внутрь. Этому мешает холодный газ, непрерывно циркулирующий между двумя крайними оболочками, проникая рыхлую, малотеплопроводную среднюю прокладку [9, 139].

В 1908 г. Ф. Цандер (1887—1933) конструирует космический ракетоплан с парусами из тончайших листов полированного алюминия, жесткость которым придают центробежные силы вращения. Выйдя в открытый космос на ракетном двигателе, корабль развернет намотанные на бобины сверкающие ленты алюминиевых парусов и будет двигаться под давлением солнечного света (см.: [10]).

Отрицанием релятивистской картины мира в сфере предметов труда становилось возвращение к прошлому, когда производство использовало только однородные материалы (деревянный истребитель ЯК-3) и движение в сторону квантового мира, где господствующим предметом труда станет пластмасса.

Предмет труда в квантовой картине мира. В зависимости от поставленной задачи началом квантовой картины мира можно считать атомистические воззрения античных философов, формулу М. Планка (1900) или уравнение М. Шредингера для расчета волновой функции (1926). Квантовое мышление возникло как своеобразная альтернатива специальной теории относительности, но в 1928 г. уравнение Дирака согласовало движение частиц со спином с требованиями специальной теории относительности. Эту дату можно считать условным началом новой картины мира.

Квантовое мышление предполагает способность человека воспринимать предмет в единстве волны и частицы и рассматривать объекты познания в единстве с субъектом. Отдельные элементы подобного варианта предметно-практической деятельности существовали во все времена в самых разных отраслях материальной и духовной культуры. Предшественниками современных квантовых гипертекстов культового сербского писателя Милорада Павича литературные критики называют Лоренса Стерна (1713—1768), Джеймса Джойса (1882—1941), Реймона Кено (1903—1976), и Итало Кальвино (1923—1985) [11]. Роман «Хазарский словарь» (1991) Милорад Павич написал без помощи компьютера и Интернета, но именно они показали читателям, что романы могут развиваться сразу в нескольких направлениях» [12].

В квантовом мире, где объекты существуют в единстве волны и частицы, предметом труда становится компьютерная программа. С помощью компьютера заданная программистом совокупность сверхчувственных математических формул становится многообразием чувственно воспринимаемых предметов.

До появления электронно-вычислительных машин предметной средой нарождающегося квантового мира долгое время оставались *синтетические высокомолекулярные вещества (полимеры)*. В отличие от традиционных предметов труда и высокомолекулярных веществ природного происхождения (натуральный каучук, крахмал, клетчатка, белки), синтетические соединения (полиэтилен, полихлорвинил, дивиниловый каучук) возникают в результате химических реакций полимеризации или поликонденсации, т. е. создаются искусственно. Сырьем для их производства становятся продукты переработки нефти и коксования каменного угля. Если низкомолекулярные соединения характеризуются постоянной точкой плавления или кипения, то полимеры линейной структуры или совсем не плавятся, или этот процесс происходит в некотором интервале температур.

В качестве структурного элемента производительных сил синтетические высокомолекулярные вещества (полимеры) представляют собой единство сырого материала и способа действия, который может перемещаться на другие объекты. В концепции верхнего нижнего белья модельер Шантала Томас предлагает модели платьев, где классический женский пиджак надевается прямо на бюстгальтер. По типу использованных материалов экстравагантная коллекция английского модельера остается традиционной, но по способу мышления претендует на роль квантовой или постмодернистской.

В ювелирном деле квантовое мышление создает украшения в стиле авангард с характерным для него отказом от традиций, неожиданным сочетанием материалов и способов обработки, гибкостью и подвижностью всей конструкции. Своеобразным отрицанием квантового мира становятся украшения, выполненные в фольклорном или классическом стиле. Они выполняются только из золота, а декоративные эффекты достигаются за счет многоцветности самого металла (см.: [13, 76]).

Основные выводы. Итак, в системе производительных сил и производственных отношений предмет труда и способ действия с ним становится своеобразным камертоном, по которому настраиваются вся совокупность идеологических общественных отношений и межличностных связей повседневной жизни. Единый алгоритм мыслительной и предметно-практической деятельности создает пространство научных теорий, благодаря которому они становятся популярными. Можно ничего не знать о специальной теории относительности или квантовом

принципе неопределенности, но жить в системе отношений, где пространство искривляется, а предметы существуют в единстве волны и частицы и потому воспринимать научную теорию как элемент привычной картины мира.

В научной и особенно популярной литературе многие авторы устанавливают аналогии естествознания с миром духовной культуры и не упоминают сферу производства с ее станками, технологиями, транспортом и предметами труда, которые продолжают формировать человеческое мышление в процессе предметной трудовой деятельности.

Литература

1. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.
2. *Дерлугьян Г.* Модерн и модернизаторы // Эксперт. Лучшие материалы. 2010. № 8.
3. *Шершов А.П.* История военного кораблестроения. С древнейших времен и до наших дней. СПб., 1994.
4. *Ле Герер А.* Ароматы Версаля в XVII—XVIII веках: эпистемологический подход // Ароматы и запахи в культуре. Кн. 1. М., 2003.
5. Большая советская энциклопедия. Т. 40 / Под ред. Б.А. Введенского. М., 1957.
6. *Бережных О.А.* Рождение судов с «магнитными машинами». Из истории развития мировой науки и техники // Судостроение. 1988. № 9.
7. *Мильдон В.* Лермонтов и Киркегор // Октябрь. 2002. № 4.
8. *Петров В., Прохоров А.* Жестянка Лизи // Автопилот. 1996. № 6 (27).
9. *Циолковский К.Э.* Путь к звездам: Сборник научно-фантастических произведений. М., 1961.
10. *Салахутдинов Г.М.* Фридрих Артурович Цандер (К 100-летию со дня рождения). Новое в жизни, науке, технике. Космонавтика, астрономия. Вып. 3. М., 1987.
11. *Михайлович Я.* Павич и гипербеллетристика // Павич М. Ящик для письменных принадлежностей. СПб., 2000.
12. «Архипелаг Павич». Беседа с Милорадом Павичем и Ясиной Михайлович // Иностранная литература. 2002. № 2.
13. *Новиков В.П., Павлов В.С.* Ручное изготовление ювелирных украшений. Производственное пособие. СПб., 1991.

А.Н. ФОМЕНКО

**Современное осмысление «радикального гуманизма»
Э. Фромма**

Аннотация. В статье анализируются гуманистические интенции философской концепции Э. Фромма о механизмах формирования личности и становлении «здорового общества» в контексте современности.

Ключевые слова: личность, гуманизм, «здоровое общество», бессознательные мотивы, гуманистический психоанализ, биоцентризм.

Abstract. The article analyzes the humanistic trends of E. Fromm's philosophy concerning personality formation mechanisms and creation of «healthy society» in terms of modern life.

Keywords: personality, humanism, «healthy society», unconscious motivation, existential contradictions, humanistic psychological analysis, biocentrism.

Человек, благодаря развитию своего разума, научился активно вмешиваться в процессы эволюции *природы*, открыв возможность создавать искусственные биогеохимические циклы, научившись выводить новые породы животных и растений. Человек почувствовал себя активным творцом новой «третьей природы», уверовал в свои могущество и вечность, однако забыл о том, что сам остался непознанным для себя как части природы. Сегодня, в век ядерной энергии, во власти человека как уничтожить все живое на планете, так и найти путь к спасению цивилизации. Поэтому ясное понимание потенциальных возможностей активной деятельности человека, а также опасностей, которые она в себе таит в результате бездумного покорения природы, когда эта активность не контролируется разумом, интеллектом человека, становится одним из важнейших составных миропонимания, а значит, и системы образования.

Так как человечество в облике ноосферы приобрело всепланетарный статус, то вновь возникающие проблемы часто имеют глобальный характер. Абсолютное большинство футурологов, заглядывая в будущее человеческой цивилизации, обеспокоены тем, что в странах Запада культурно-этическая составляющая жизни личности подавляется технической и экономической. В этой связи ставится задача перехода от техногенной, в том числе информационной, цивилизации, к антропогенной, где основной ценностью был бы Человек, а не техника. В то же время достаточно энергично обсуждаются ценностные составляющие грядущих цивилизаций. Какие именно ценности станут в них до-

минирующими: удовольствие, свобода, справедливость, нравственность, мир, счастье? В поисках ответа на этот вопрос реконструкция философского опыта наиболее ярких представителей «гуманистического психоанализа» представляется на современном этапе актуальной и значимой для всего человечества.

Огромный вклад в науку о природе человека, становлении его «социального характера» в процессе взаимодействия биологических и социальных факторов внес известный философ XX столетия Эрих Фромм. Особая заслуга ученого состоит в исследовании бессознательного психического и его роли в процессе самореализации личности. Знание психологических механизмов человеческого поведения особо актуально в современных условиях обострения экономических, политических и религиозных отношений между отдельными государствами в условиях господства ядерного, химического и биологического оружия.

Исследователя глубин человеческой психики волновал, прежде всего, вопрос: как в условиях общества личность может реализовать свои потенциальные способности, и каковы способы и условия, способствующие такой самореализации? В результате осмысления бессознательных мотивов человека Э. Фромм пришел к выводу о том, что «наиболее мощные силы, определяющие поведение человека, берут начало в условиях его существования, в самом положении человека» [1, 296].

В силу того, что наука не может исчерпывающе определить, что такое человек, Э. Фромм ставит вопрос иначе: что представляет собой сущность человека, исходя из условий его существования? Отвечая на этот сложный вопрос, философ приходит к выводу о том, «человеческая жизнь не может “проживаться” по образцу, заданному родом: человек должен жить сам. Человек — единственное животное, для которого собственное существование составляет проблему...» [2, 46]. Проблема заключается в том, что человек не может вернуться к «дочеловеческому» состоянию гармонии с природой, он должен постоянно развивать свой разум, чтобы совершенствовать тот мир, в котором живет, и совершенствовать себя. Однако каждая стадия, достигнутая человеком, оставляет его неудовлетворенным и озадаченным, и сама эта озадаченность вынуждает его к новым решениям. «У человека нет врожденного “стремления к прогрессу”; противоречивость его существования — вот что заставляет человека продолжать путь, на который он вступил» [2, 46].

Основная экзистенциальная дихотомия, согласно Э. Фромму, — это дихотомия жизни и смерти человека. «Обладая самосознанием, он сознает свое собственное бессилие и ограниченность своего существо-

вания. Он предвидит собственный конец — смерть» [1, 292]. Осознание человеком того, что ему предстоит умереть, делает его несчастным, и он стремится различными способами отрицать эту дихотомию. В результате действия такого защитного психологического механизма рождаются различного рода идеологии, такие, например, как рождение христианской концепции бессмертия человеческой души. Но, даже веря в это бессмертие души, человек стремится к жизни, так как обладает телом, которое заставляет его хотеть жить.

Осознание человеком своей смертности приводит и к другой дихотомии: противоречию между потребностью реализации всех своих потенциальных способностей и возможностью их реализации. «Человеческая жизнь, начинаясь и заканчиваясь некоей случайной точкой в процессе эволюции рода, вступает в трагический конфликт с индивидуальным требованием реализации всех возможностей. Человек имеет, мягко говоря, смутное представление о противоречии между тем, что он мог бы реализовать, и тем, что он действительно реализует» [2, 48]. На фоне этого фундаментального противоречия так же возникают различного рода защитные механизмы и способы самореализации.

Иную природу имеют противоречия, которые Э. Фромм называет «историческими». К ним он относит дихотомии, не являющиеся необходимой частью человеческого существования, а созданные человеком в процессе его жизнедеятельности. Так, например, в современном обществе наблюдается противоречие между достижениями технического прогресса и неспособностью использовать их на благо свободного и мирного развития человеческой цивилизации. Согласно точке зрения философа, исторические противоречия, в отличие от экзистенциальных дихотомий разрешимы. «Человек может реагировать на исторические противоречия, устраняя их своей собственной деятельностью, но он не может устранить экзистенциальные противоречия...» [2, 50]. Правда, философ подчеркивает, что человек может реагировать на экзистенциальные противоречия различными способами. Во многом эти способы разрешения «дихотомий» зависят от политических и экономических систем общества, но и личностный фактор играет здесь немаловажную роль. Если человек «осознает уникальность своей ситуации, дихотомии, присущие его существованию, и свою способность раскрыть свои силы», то он сможет решить задачу «быть самим собой и для себя», он сможет достичь счастья «путем полной реализации дара, составляющего его особенность, — дара разума, любви и плодотворного труда» [2, 50].

Концепция Э. Фромма о человеческом бытии и тех противоречиях, которые свойственны индивиду, в значительной мере близка философии экзистенциализма. Так же, как А. Камю, М. Хайдеггер, Ж.-П.

Сартр, он фиксирует противоречивость человеческого существования, а в связи с этим и противоречивость сущности самого человека. Философ акцентирует внимание на том факте, что человек не имеет сущности в смысле чего-то данного, фиксированного и неизменного, но в то же время, как индивидуальность, он должен обладать какой-то специфической сущностью. Вместе с тем, в отличие от экзистенциалистов, которые определяют эту сущность как «ничто», Э. Фромм считает, что именно противоречия, внутренне присущие человеческому бытию, определяют сущность личности. Они связаны, прежде всего, с ценностными аспектами бытия человека: с поисками ответов на вопрос о месте человека в этом мире и смысле его жизнедеятельности.

Разрабатывая гуманистически ориентированный психоанализ, Э. Фромм попытался найти пути разрешения внутренних человеческих противоречий, показать способы самореализации личности. В этой связи заслуживает внимание его учение об экзистенциальных потребностях личности.

К «экзистенциальным потребностям» философ относит потребность человека в приобщении к людям, преодолении ограниченности своего существования, потребность в роде, корнях, в ощущении тождественности, а так же в системе ориентации и поклонения. «Великие человеческие страсти: жажда власти, тщеславие, поиски истины, жажда любви и братства, жажда разрушать, равно, как и созидать, — каждое сильное желание, движущее поступками человека, берет начало в этом специфически человеческом источнике...» [1, 328].

Осмысление проблемы бытия личности в философии Э. Фромма основывается на анализе различных способов удовлетворения экзистенциальных потребностей. Эти способы довольно разнообразны, а разница между ними, согласно точке зрения философа, «равносильна разнице между различными степенями душевного здоровья» [1, 329]. Если трудности, возникающие при удовлетворении естественных потребностей человека, связаны исключительно с экономическими или социальными условиями, то удовлетворение специфически человеческих потребностей зависит, прежде всего, от способа организации общества и человеческих отношений внутри этого общества. С точки зрения философа, перед современным человечеством стоит болезненная дилемма: невиданная свобода от жестких социальных, политических, экономических и религиозных ограничений потребовала компенсации в виде чувства безопасности и чувства принадлежности к обществу. По мнению Э. Фромма, пропасть между свободой и безопасностью стала причиной беспримерных трудностей в человеческом существовании. Люди борются за свободу и автономию, но сама эта борьба вызывает чувство отчуждения от природы и общества. Люди

нуждаются в том, чтобы обладать властью над своей жизнью и иметь право выбора, но им также необходимо чувствовать себя объединенными и связанными с другими людьми.

Философ глубоко убежден, что «физиологические потребности — это не единственно необходимо присущая, императивная часть природы человека. Есть еще одна, столь же непреодолимая; она не коренится в физиологических процессах, но составляет самую сущность человеческого бытия — это потребность связи с окружающим миром, потребность избежать одиночества» [3, 195]. Духовная связь с миром может принимать различные формы, носить возвышенный или тривиальный характер, но она необходима личности, чтобы спастись от моральной изоляции.

Философ совершенно справедливо утверждает, что человеческая жизнь отличается от жизни животных тем, что у нее есть цель; она состоит в разрывании сил, потенциально заложенных в природе человеческого рода. По мнению Э. Фромма, человеческая природа тем и отличается от природы животного, что она не в состоянии приспособиться к любым условиям, она обладает особыми свойствами к адаптации, которые заставляют ее вечно искать условия, соответствующие ее внутренним потребностям. Потребности, свойственные человеку эволюционировали в ходе истории человечества, а различные социальные системы, в свою очередь, оказывали влияние на выражение этих потребностей.

Следовательно, современный человек — это не просто сумма биологических побуждений и не «слепок с матрицы социальных условий»; это продукт исторической эволюции в синтезе с определенными врожденными механизмами и законами» [2, 197].

Конечно же, Э. Фромм не отрицает общих для всех людей потребностей, обусловленных животной природой: голод, жажда, секс; но существуют, согласно его точке зрения, стремления, которые приводят к различию человеческих характеров и которые являются продуктом социального процесса. «Самые прекрасные, как и самые уродливые, склонности человека не вытекают из фиксированной, биологически обусловленной человеческой природы, а возникают в результате социального процесса формирования личности. Иными словами, общество осуществляет не только функцию подавления, хотя и эту тоже, но и функцию созидания личности. Человеческая натура — страсти человека и тревоги его — это продукт культуры; по сути дела, сам человек — это самое важное достижение тех непрерывных человеческих усилий, запись которых мы называем историей» [3, 190].

Э. Фромм совершенно справедливо подчеркивает, что недостаточно просто признавать психологический фактор в процессе познания

личности, сводя его до уровня простого отражения определенных стандартов человеческого поведения в обществе. Человеческий фактор необходимо исследовать и понимать в динамике развития биологической природы, которая включает в себя определенные законы и механизмы. Различая статическую адаптацию человека и динамическую, он обращает внимание на то, что только в процессе динамической адаптации человека в обществе в нем «развивается ряд мощных стимулов, мотивирующих его чувства действия. Эти стимулы могут осознаваться индивидом, а могут и не осознаваться, но в обоих случаях они являются сильными факторами его психики, и однажды возникнув, требуют удовлетворения. Стремление к удовлетворению этих новых потребностей побуждает людей к определенным поступкам и таким образом в свою очередь становится активной силой, воздействующей на процесс общественного развития» [3, 198].

Таким образом, Э. Фромм видит главную задачу «гуманистического психоанализа» в том, чтобы понять процесс влияния конкретного исторического общества и его культуры на формирование личности, а также влияние самого человека на ход и развитие истории. Согласно его мнению, социальная психология «должна показать не только, как новые страсти, стремления и заботы возникают в результате социальных процессов, но и как человеческая энергия, в этих специфических формах ее проявления, в свою очередь становится активной силой, формирующей эти социальные процессы» [3, 191].

Следует подчеркнуть, что, разрабатывая философско-антропологический подход к проблеме человеческого бытия, Э. Фромм стремится к созданию новой философской системы, а именно, к системе «диалектического гуманизма» [2, 15]. Согласно такой цели, философ призывает вернуться к великой традиции гуманистической этики, «рассматривавшей человека в его телесно-духовной целостности, веря, что цель человека — быть самим собой, а условие достижение этой цели — быть человеком для себя» [2, 15].

Опираясь на идеи Аристотеля, Спинозы и других мыслителей классического гуманизма, Э. Фромм совершенно справедливо подчеркивает, что в самой человеческой природе содержится некий потенциал, который может и должен быть реализован личностью в процессе ее культурного развития. Но чтобы реализовать себя, человеку необходимо познать свою внутреннюю бессознательную природу и овладеть «искусством жизни». При постановке такой важной задачи философ акцентирует внимание на использовании достижений психоаналитической теории бессознательной мотивации. Он считает, что именно понимание бессознательного открывает новое измерение исследования человека. Что же касается содержания самого бессознательного, то

философ убежден: «человеку любой культуры присущи всевозможные потенции, он — и архаический человек, и хищный зверь, и каннибал, и идолопоклонник, и в то же время — существо со способностью к разуму, любви и справедливости» [4, 41].

Бессознательное, по мнению философа, олицетворяет универсального человека, человека в целом, укорененного в Космосе; оно олицетворяет растение в нем; оно олицетворяет его прошлое, уходящее к истокам человеческого существования, и оно олицетворяет его будущее» [4, 41]. Вот почему изучению бессознательных психических процессов придается столь большое значение в «гуманистическом психоанализе».

Как известно, подход к рассмотрению проблемы самореализации личности во многом определяется той позицией, которую исследователь занимает в отношении такого сложного философского вопроса: что изначально заложено в природе человека: добро или зло?

Впервые позиция Э. Фромма при ответе на этот вопрос была отражена в работе «Бегство от свободы» (1941). Он писал в ней о колоссальном уровне обнаруживаемых повсюду разрушительных тенденций. «По большей части, — подчеркивал философ, — они не осознаются как таковые, а рационализируются в различных формах. Пожалуй, нет ничего на свете, что не использовалось бы как рационализация разрушительности. Любовь, долг, совесть, патриотизм — их использовали и используют для маскировки разрушения себя самого и других людей» [3, 322].

Рассуждая о человеческой агрессии, Э. Фромм обращает внимание на тот факт, что есть два вида разрушительных тенденций: рациональная агрессивность, т. е. реакция на нападение, угрожающее жизни или целостности личности, и иррациональная разрушительность. Иррациональную разрушительность философ рассматривает как проявление агрессивной страсти, корнящейся в характере человека, а не в инстинктах, как считал в свое время основатель психоанализа З. Фрейд. Теория «инстинкта смерти», по мнению Э. Фромма, ограничена в силу того, что она не может удовлетворительно объяснить данные этнографических исследований о том, что уровень разрушительности различен у разных индивидов и разных социальных групп. Согласно точке зрения философа, любая попытка понять корни разрушительности должна начинаться с исследования социальных условий существования индивида. Более того, важно не только осознать роль разрушительности в динамике социального процесса, но и понять, какие именно факторы способствуют ее усилению.

Предпринятый анализ экономического, социального и культурного состояния жизни людей, начиная с конца XV в. и вплоть до современ-

ного ему капиталистического общества, приводит философа к гипотезе о том, что «уровень разрушительности в индивидуе пропорционален той степени, до какой ограничена его экспансивность» [3, 325]. При этом Э. Фромм подчеркивает, что он имеет в виду не отдельные фрустрации того или иного инстинктивного влечения, а общую скованность, препятствующую спонтанному развитию человека и проявлению всех его внутренних природных возможностей: эмоциональных и интеллектуальных. Он пишет: «У жизни своя собственная динамика: человек должен расти, должен проявить себя, должен прожить свою жизнь. По-видимому, если эта тенденция подавляется, энергия, направленная к жизни, подвергается распаду и превращается в энергию, направленную к разрушению» [3, 325].

Таким образом, Э. Фромм приходит к выводу о том, что чем полнее жизнь личности реализуется, тем слабее в ней проявляются разрушительные тенденции, и наоборот, чем больше влечение к жизни подавляется, тем сильнее тяга к разрушению. «Разрушительность — это результат непрожитой жизни» [3, 326]. Эта же мысль философа развивается в его последующих трудах. В частности, в работе «Человек для себя», он пытается показать, что деструктивность как вторичная потенциальность свойственна всем человеческим существам, однако этот потенциальный источник зла не всегда проявляется; он актуализируется, если условия жизни человека противоположны его экзистенциальным потребностям. «Зло не обладает независимым существованием само по себе. Оно есть отсутствие добра, результат неудачи в реализации жизни» [2, 209].

В работе «Анатомия человеческой деструктивности» позиция Э. Фромма относительно человеческой деструктивности формулируется предельно четко и окончательно. «Мы заменяем фрейдовский физиологический принцип объяснения человеческих страстей, — подчеркивает он, — на эволюционный социобиологический принцип историзма» [5, 24]. Согласно данному принципу, человек ни в коей мере не является разрушителем по своей природе. Таковым его делает история. Деструктивность личности, по Фромму, приобретенное свойство, истоки которого следует искать в человеческой свободе. Однако не сама свобода порождает разрушительность, как предполагалось мыслителями прошлого, а именно воздержание от собственной воли, неготовность пользоваться плодами человеческой субъективности, парадоксальным образом приводит к проявлению иррациональной агрессии. Задуманная внутренняя свобода и рождает, как справедливо подчеркивает философ, синдром насилия.

Следовательно, Э. Фромм не оставляет человеку возможности переложить вину за собственную агрессию на нейропсихологические

механизмы. Любовь, нежность, свобода, садизм, мазохизм, жажда собственности и власти — все это ответ на экзистенциальные потребности, которые являются специфически человеческими. Хотя экзистенциальные потребности одинаковы для всех людей, индивиды и группы отличаются друг от друга с точки зрения преобладающих страстей. «А что возьмет верх в человеке — любовь или жажда разрушения, — в значительной мере зависит от социальных условий; эти условия влияют на биологически заданную экзистенциальную ситуацию и возникающие в связи с этим потребности...» [5, 24].

Злокачественные формы агрессии, по его мнению, можно в значительной мере снизить, если изменить обстоятельства жизни людей. Необходимо создать условия, способствующие полному развитию истинных способностей и потребностей человека; необходимо, чтобы развитие собственно человеческой активности и творчества стало самоцелью.

Таким образом, в более позднем периоде своего творчества Э. Фромм, формулируя философско-этическую идею изначальной благодати человеческой природы, видит рождение разрушительности, прежде всего, в предумышленном отказе человека от самого себя, от собственной уникальности и свободы. Он считает, что стремление к разрушению неизбежно возникает в тех случаях, когда не удовлетворяется стремление к созиданию. Только созидание, согласно Э. Фромму, ведет к счастью, разрушительность же приводит человека к страданию. «В акте творчества человек выходит за пределы, предназначенные ему как твари, поднимается над пассивностью своего существования, вступает в царство целеустремленности и свободы» [6, 304].

Стремление к созиданию помогает человеку преодолеть собственную ограниченность и является одним из источников «любви, равно как и искусства, религии, материального производства» [1, 304]. Творческая деятельность помогает людям достичь чувства свободы и собственной значимости. Человек всегда находится перед решающим выбором между созиданием и разрушением, любовью и ненавистью.

В философии Э. Фромма фундаментальные потребности личности выступают не только в качестве движущих сил человеческой истории, но и в качестве ее цели, суть которой состоит в установлении в далеком будущем новой гармонии человека с природой, другим человеком и самим собой на основе развития и реализации человеческой сущности, ее внутреннего потенциала. Человеческое существование — это своеобразно заданная тотальность внутренних потенций. При определенных исторических условиях одна часть этих потенций реализуется, другая же остается спящей. Вся история, с точки зрения философа, — это мучительная драма рождения Человека, рассматриваемая им как

непрерывная цепь постепенного раскрытия потенций, заложенных в самой человеческой природе. Реализация всех этих потенций составляет, по его мнению, смысл каждой отдельной человеческой жизни и всей человеческой истории. Удовлетворение же основных психических потребностей зависит от многих факторов. Одним из важнейших «является способ организации общества, в котором живет человек, и то, как эта организация определяет человеческие отношения внутри общества» [1, 329].

Единственной ценностью, благодаря которой человек и человечество может выжить, согласно концепции Э. Фромма, есть любовь. Единственно верное, разумное и полное решение проблемы, считает философ, — в достижении единства, в слиянии с другим человеком, в любви и развитии на основе этой любви «продуктивного» характера личности. Именно сила любви объединяет людей в общество и позволяет человеческой цивилизации выживать в мире глобальных проблем.

Понимание природы человека как некоей системы фундаментальных потребностей, подчеркивающее нечто неизменное в человеке, независимое от исторической ситуации, заслуживает сегодня пристального внимания. Плодотворной является и мысль Э. Фромма о том, что человеческая природа как совокупность универсальных потребностей в своем историческом развитии реализуется разными способами в зависимости от конкретных социальных условий, т. е. сохраняется и в то же время постоянно модифицируется под влиянием социума.

Таким образом, наследие Э. Фромма содержит в себе не только философско-антропологические прозрения и открытия, оно заставляет с предельным вниманием отнестись и к более актуальной проблеме — проблеме «биоцентризма», т. е. сохранения жизни на земле, которая сегодня как никогда должна быть философски осмыслена. Жизнь человеческого рода может быть чревата глубинными бессознательными деструктивными мотивами, если социальные условия будут способствовать их развитию. Эти мотивы пагубны не только для самого человека, его природы, что само по себе является глобальной проблемой, но и чреваты гибелью человеческой цивилизации.

Литература

1. *Фромм Э.* Здоровое общество // Психоанализ и культура: Избр. труды Карен Хорни и Эриха Фромма. М., 1995.
2. *Фромм Э.* Человек для себя. Минск, 1992.
3. *Фромм Э.* Бегство от свободы. М., 1998.
4. Что такое дзен? Сборник: Львов, 1994.
5. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994.
6. *Фромм Э.* Иметь или быть? М., 1990.

IV

РЕЦЕНЗИИ И ОТКЛИКИ

Ю.М. ОСИПОВ

Юбилей как повод к самоутверждению*

Аннотация. Философия хозяйства отмечает 100летний юбилей, что является добрым поводом для утверждения оригинального течения гуманитарной и общественной мысли.

Ключевые слова: философия хозяйства, философия, общество, экономика, история, история мысли.

Abstract. Philosophy of economy celebrates 100th anniversary, which is a good reason for the establishment of the original school of humanitarian and social thought.

Keywords: philosophy of economy, philosophy, society, economics, history, history of thought.

В 1912 г., сто лет назад, вышла в свет монографическая работа С.Н. Булгакова «Философия хозяйства», защищенная затем автором в качестве докторской диссертации в Императорском Московском университете. В то время просто неординарное, хотя бы в силу бескомпромиссной критики Булгаковым процветавших тогда материализма, сциентизма и экономизма, указанное книжно-диссертационное событие по прошествии ста лет, вобравших в себя две горячие и одну холодную мировые войны, русскую революцию с последующим за нею грандиозным социальным экспериментом, называемым обычно социалистическим, Великую депрессию мировой экономики, фашистский режим в Европе, распад колониальных империй, а затем беспрецедентное хозяйственное развитие и небывалый рост экономики во второй половине XX в., резкий подъем научно-технического прогресса, вырыв человечества в космос, мировозвеличивание США и СССР, международное объединение Европы от «общего рынка» до Европейского союза, мировой экономический кризис 1970-х, подъем Китая и Азии, нарастание и последующий триумф глобализма во главе с США, распад СССР и великий постсоветский кризис России, переход от Модерна, впавшего в прошедшее столетие в долговременный кризис, к уже существенно перманентно кризисному Постмодерну, стало смотреться не как

* К выходу в свет: София. Сто лет русской философии хозяйства / Под ред. Ю.М. Осипова, А.И. Агеева, Е.С. Зотовой. — М.: ТЕИС, 2012. — 367 с.

просто неординарное интеллектуально-инновационное происшествие, а как великий, вполне и революционного характера, мировоззренческий прорыв — через пелену человеческого и только человеческого мудрствования к отвергнутой заносчивым человеком-творцом, однако из мира тварного вовсе не исчезнувшей Премудрости Божией, называемой в христианстве еще и Софией.

Хозяйство, — утверждал сто лет назад Булгаков, — сама жизнь человека, ее целостное отправление — трудовое, творческое, созидательное, реальное и воображительное, материальное и идеальное, строительное, в общем — жизнеутверждающее, но при этом и разрушительное, погибельное, смертоносное. Жить значит хозяйствовать, а хозяйствовать — жить! И в хозяйствовании своем человек не может игнорировать, хотя и нарочито к этому немало стремится, не им созданной и ему милостиво данной Природы, как не может игнорировать и исходного Творца — что этой самой Природы, что самого человека. Человек-творец не может исходить лишь из своих собственных материально-психических побуждений, ища для себя своих собственных и тем более эгоистически распределенных по индивидуумам выгод и пользы, а должен руководствоваться внешней относительно себя самого полезностью критериальностью — окружающей, контекстной, окаемной, то бишь — природной, общественной, большей и высшей относительно себя самого — что отдельного человека, коллектива, общества, что всего человечества в целом, следственно космогенной, сакральной, божественной.

И здесь человеку-человечеству как раз по пути с Софией Премудростью Божией, а для краткости — Софией. И философия хозяйства Булгакова оказалась не только призывной к Софии, но и... призванной Софией, а потому и отмечаемое ныне столетней давности событие есть во всех отношениях *софийное событие*: к Софии, ради Софии, от Софии!

Да, нелегко понять, что есть София и идущая от нее истина, тем более, что эту последнюю не только не положить на экспериментальный стол, не только не вскрыть скальпелем, разложив по частям, взвесить и измерить, одним словом — исследовать, но и сформулировать-то почти или совсем невозможно, ибо слово изреченное есть ложь, пусть и не только ложь, но ведь и не только же истина. Софийную истину можно лишь почувствовать, представить, вообразить, — как нечто и дословное, даже и досмысловое, а потом и перевести — сначала в какую-то приемлемую смысловость, а затем в споспешествующее смысловедению слово. Божественная мудрость не говорит, она лишь дает о себе знать — в молчании и через молчание, посредством осознания в нее проникновения через внезапное

откровение. Так что философия хозяйства — не столько свод готовых знаний, с которыми лишь подлежит не без некоторого подозрения ознакомиться, да и сдать потом очередной в образовательной жизни экзамен, сколько *возможность* знания, его неперенного обретения, но не через читку и «слушку», даже не посредством ремесленно-профессионального его производства, а путем его ухватывания, улавливания, непреднамеренного обнаружения на основе, с помощью и в пределах... возбужденного на этот счет лично-коллективного сознания, разумеется, соответствующим образом подготовленного, но заметим особо, без всякого при этом магизма.

Философия хозяйства — не так знание о знании, как знание о возможности знания; это не столько собственно знание, сколько *ключ* к знанию; однако и собственно знание, но более всего добываемое проникательно-размыслительно, во многом и вообразительно-откровенчески, но никак не прямо исследовательски, хотя и не без вспомогательных исследований; это живое знание, постоянно рождающееся, и хотя вовсе не всегда обязательно умирающее, всегда уступающее место другому знанию, более отвечающему не так даже привычному для научного подхода познанию, как трансцендентальному *постижению*.

Философия хозяйства — более руководство к знанию, чем мемориальный знаниевый комплекс. Вот почему философия хозяйства — *возможность целостного видения, отражения и отображения трансцендентно обусловленного мира, его динамики и судьбы, с учетом, на основе и через призму действующего в нем творческого субъекта*. Не так нужно знать философию хозяйства, как быть в ней, причем не одним только умом, а всем работающим в ее направлении сознанием, включая подсознание и сверхсознание, а для этого не так познавать философию хозяйства надо, как осознавать ее, чтобы войти в нее, принять, да не как-нибудь, а необычайным усилием своего собственного осознания нутра.

София непременно присутствует в человеке, но... вовсе не вся и не... так сказать... главная, то ли не до конца почерпнутая когда-то человеком, то ли всего лишь частично ему свыше дозволенная. Так или иначе, но есть *софия человеческая*, а есть *София Божественная*, — и человеку ничего не остается, как сочетать свою убогую и ограниченную Софию с высокой и беспредельной Софией Божественной, пытаясь свою земную софию обогатить Софией Небесной. Вот тут-то и проблема — ПРОБЛЕМА! И каким бы проблемным ни было это сочетание, всякая его попытка во славу человека и Бога, хотя тут со стороны человека и ошибки, и искажения,

и недопонимания, и уклонения, и всякого рода коллизии, ибо с Софией нельзя ни заигрывать, ни шутить, а можно лишь ответственно, деликатно и даже со всей возможной осторожностью... общаться... если на то бывает воля самой Софии и Самого Господа.

Без Софии, вне ее, как и без сыновне-дочернего обращения к Софии, нет и не может быть никакой философии хозяйства. Философия хозяйства — часть, следствие и орудие *софиасофии*, которая не есть ни наука, ни философия, ни идеология, ни даже религия, в общем — никакое не знание о Софии, а лишь смыслоизъявительный атрибут Софии, в лучшем случае человеку не более чем представленный, но в то же время и закрытый от человека — как некое нечто, оно же и ничто, которое за пределами не то что непомерного познания, но даже и ненамеренного откровения. Есть она — *софиасфера*, которая присутствует и в тварном мире, в той же хомосфере, но которая и вне тварного мира, в полной трансцендентности, в Абсолюте. Не отделить философию хозяйства от Софии, софиасофии, софиасферы, что означает, что философия хозяйства, не пренебрегая миром видимым и узнаваемым, имеет дело более всего с миром невидимым и изначально непостижимым, хотя для воображения человеческого, сдобриваемого софиологией, и не непроницаемого.

Человек софиен, софийно и его хозяйство, что не значит вовсе, что хозяйство это хорошо, правильно и всюю красиво, но что значит, что хозяйство человеческое, то бишь осознание хозяйство, во-первых, возможно, а во-вторых, сплошь метафизично, мало того, еще и трансцендентно. Человек знает, что он имеет возможность творить и неограниченно творит, но он не знает, что же он на самом деле в итоге творит, куда и зачем идет, чего упорно — и весьма трансцендентно! — добивается. Много знает человек, да не все, — и что особенно важно — он не знает *главного*! Так из нечто существующего рождается по воле человеческой что-то ранее не бывшее, но ставшее вдруг возможным, а потому вышедшее через человека и из какого-то... ничто! И как тут обойтись без трансценденции, без Софии и софиологии, без высших смыслов, но и без обращенной ко всему этому высшему хозяйства?

Никак!

Дело ведь не в том, чтобы отвергнуть науку, позитивистскую философию или тот же религиозный магизм, хотя необходимо хорошо сознавать и осознавать ограниченность, надуманность, фальсифицированность, имитационность, ложность и даже лживость многого из того, что безапелляционно выдает себя за науку,

философию или религию. Дело тут в том, чтобы устроить познающее, размышляющее и воображающее сознание таким образом, чтобы оно максимально было ориентировано в своей непрерывной, по преимуществу изнурительной, а временами и сладостной работе на текущую, проходящую, уходящую и приходящую реальность во всем ее разнообразии: материальном, вещественном, предметном, физическом, но при этом и духовном, идеальном, эфирном, метафизическом — как имманентном, результатном, осадочном, так и трансцендентном, потенциальном, предначальном, как действительном, исполненном, достигнутом, так и возможном, промыслительном, проективном, мало того, потребно еще и то, чтобы само сознание было соответствующим образом осознано в угоду жизни и сопутствующей ей смерти (жизненной, а не смертельной смерти!), чтобы деяния человеческие соответствовали не так желаниям, стремлениям и страстям человеческим, как *мере*, задаваемой не столько человеком, сколько выходящей за пределы человеческого масштаба контекстной критериальности, вполне при этом и безмерной. И для всего этого потребно особое знание-размышление, оно же и переживание, способное не только сообщить человеческому хозяйствованию необходимую реалистическую ценность, но и утвердить в нем не одну физическую, но и метафизическую меру, что как раз и может даваться мыслителю и деятелю лишь на софийном пути.

Философия хозяйства не предназначена для конкретно-деятельских заключений, советов и рекомендаций, для разработки деловых, функциональных, операционных программ, она лишь дает познавательно-отобразительно-понимательный фон для субъекта, принимающего любые стратегические и тактические конкретные решения, формируя, обогащая и изменяя его сознание. Философия хозяйства работает более всего с сознанием, на сознание и через сознание, виртуально погружая хозяйствующего субъекта в сложный, противоречивый и коллизионный мир — *мир всеобщего хозяйства* — человеческого, природного, космического, божественного, мирозданческого, предлагая субъекту опираться не только на ближайшие потребности и близкие смыслы, а и на отдаленные от конкретного человека и даже всего конкретного человечества *мета*-потребности и бытующие где-то вдали *мета*-смыслы. Отсюда и неразрывная связь философии хозяйства не только с человеческой мудростью, но и с высшей относительно человека мудростью — Софией Премудростью Божией.

Нет, философия хозяйства вовсе не чья-то, или чему-то принадлежащая отрасль — науки ли, философии ли, религии ли, как и не синтез, и уж не симбиоз, этих последних, что из-за принципиально разных аксиоматических полаганий и результатных разрешений попросту невозможно, а потому это вполне самостоятельное течение мысли, учитывающее, безусловно, науку, философию и религию, что-то для себя от них творчески берущее, но содержательно более всего обогащающееся все-таки за счет *реальности*, правда, во взаимодействии со скрытой в реальности и над ней парящей Божественной Софии.

В столетний юбилей философии хозяйства вполне уместно было провести большой заинтересованный разговор (именно разговор, а не диспут!) о Софии, софийности и софиологии, что и было сделано Академией философии хозяйства и Философско-экономическим ученым собранием на международной научной конференции «Философско-хозяйственная мысль: София, софийность и софиология», проведенной в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова 12—14 июня 2012 г. по инициативе Центра общественных наук при МГУ на базе и при участии экономического факультета МГУ.

Разговор на конференции состоялся не просто заинтересованный, но воистину живой, как и вполне напряженный, концептуально сложный, в меру и коллизионный. Тема затронула не одни умы участников, но и их души, сердца, все их сознание. Острые суждения, глубокие идеи, попытки продуктивных разрешений. София явно была в тот момент где-то рядом, прямо над воодушевленным конференциальным сообществом, может, в иной момент и хмурясь, и даже негодуя, но в целом, наверное, оставаясь лояльной и немало к «софианцам» благосклонной. Кто знает? Остается надеяться, верить и... не очень уж сильно во всем сомневаться!

Определенное представление о важном размыслительном событии можно составить по нижеследующей книге, в которой вовсе не сплошной «мнениенный» унисон, есть в ней и немалое разногласие, однако, можно надеяться, что предлагаемое философско-хозяйственное мыслеизъявление по преимуществу резонансно предмету разговора, вибрируя в целом на нужной — софийной! — волне, и способно эффективно послужить восприятию человеком думающим сложнейшей софийной проблематики и восходящей к ней философии хозяйства.

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ

Политическая экономия — блудная дочь в чертогах философии хозяйства*

Аннотация. Грядет ренессанс политической экономии, если она благоразумно войдет в состав парадигмы философии хозяйства. Грядет искусственный капитал, который положит конец финансам, процентам и долгам. Грядет неополитическая философия хозяйства, с которой начнется эпоха хозяйственной гегемонии жизни. Грядет софийная метафизика, с которой начнется смысловое преобразование диалога человека с Господом.

Ключевые слова: политическая экономия, философия хозяйства, софийная идея.

Abstract. Coming renaissance of political economy, if it is prudent to become a part of the paradigm of the philosophy of the economy. Coming artificial capital, which put an end to finance, interest and debts. Coming neo-political philosophy of economy with which to begin the era of economic hegemony life. Coming Sophian metaphysics, which will begin meaningful dialogue transformation of man with God.

Keywords: political economy, philosophy of economy, Sophian idea.

Есть в современном мире примечательная и непостижимая реалья, о которой еще Шекспир горевал: «Как трудно видеть то, что ясно вижу!». Постмодернизм обозначил четырехзначием «*n-o-c-m*» то ли некую реалью (субъективную или объективную), то ли некий сигнал, след, жест, нежителей, то ли вообще закрыл этими знаками способность человека хоть как-то обозначить что-то неведомое. И страх перед этой реальей полностью парализовал дух западных и русско-западных туалов. Но факт-то остается: есть нечто настолько необычное, что ни пером не описать, ни в словах не передать, ни ручкой Адама не показать. Ну, а если мы замолчим, то заговорит иное, и так заговорит...нет, лучше пока об этом не думать.

Слетала в эту черную дыру новомирья и Г.И. Мойсейчик, принеся оттуда свои мужественные тезы. Тезис-то один: политическая экономия спасется лишь в доме неополитической философии хозяйства, где она сможет сохранить важные и для хозяйства категории стоимости и денег.

* Отклик на: *Мойсейчик Г.И.* Неизбежный ренессанс политической экономии как субфилософии хозяйства. Политическая экономия как синтез позитивистской науки, идеологии и философии (тезисы к дискуссии) // *Философия хозяйства.* 2012. № 4.

Свой сравнительный и метафизически сакральный анализ экономизма и философии хозяйства Г.И. Мойсейчик ведет в контексте противоборства божественного и антибожественного проектов устройства мира, что придает ее микроисследованию вселенский масштаб, делает его софийной лупой для видения невидимого. При этом эмпирико-феноменальный, специально-научный анализ служит средством выявления детерминант современного мира, орудием спасения от наукообразного безумия самого понимающего понимания.

Г.И. Мойсейчик видит в политэкономии синтез позитивизма, идеологии и науки. Очень хорошо, но я добавил бы еще и щепотку демонизма. Синтез этот был обусловлен превращением государства в хозяйствующего субъекта, который превратил деньги, рынок, стоимость в системообразующие факторы общества, в основные определители человека.

Автор сокрушительно просто показывает, что это первое слияние экономизма и власти было вызвано антихристианским проектом, который судорожно искал замену всеясветному христианству. Политэкономия стала пробным антихристианским проектом, призванным вышибить из сознания и умов людей социально-политические и теократические интенции христианства. В кровавых столетних побоищах протестантизм отчасти выполнил эту задачу, сместив ценностный вектор людей с религии на золотого тельца, который и подчинил себе религиозную власть, ее институты. Также оказали посильную помощь искусство и наука, глубинная порочность человека, ищущая пути своей легализации.

Оглушительный успех экономизма вдохновил рыцарей первоначального антихристонскопления, и вскоре он перешел в режим финансизма, сделав главным фактором производства собственность на деньги. Новое слияние власти, государства, денег (банков) и демонизма в XX в. породило антихристианский империалистический проект, который стал с этого времени смысловой и целевой причиной жизни человеческой.

Но все антихристианские проекты страдают диалектической диареей — самораздвоением и самосуицидированием. Мрачной тенью за экономизмом и финансизмом идут кризисы, войны и непонятная, никому неподвластная инфляция, когда ценности, не желая ценностировать, сами уничтожают свою ценностность. Экономизм и финансизм оказались совершенно не готовыми к защите от самих себя.

Г.И. Мойсейчик экзистенциальными штрихами мастера намечает трансформации финансизма и экономизма, всех базовых их категорий, которые, подобно льду весеннему, разрушаются сами по себе уже без войн и эксцессов. Но созданные с такими затратами проекты просто так не сдаются: сбрасывая свои изъеденные гламурным сифилисом

кожи, они трансформируются в теневые экономизмы и финансизмы. Автор верно подмечает, что ничегошеньки наука не понимает в сути, функциях и в глобальной роли этих теней, превосходящих свои оригиналы. Да, некоторые функции агонизирующего экономизма и финансизма берут на себя обломки оставшихся социальных, национальных, политических институтов

Г.И. Мойсейчик убедительно живописует, как экономизм и финансизм полностью потеряли свою рефлексию, а потому все чаще прибегают к дубине как основному аргументу и методу понимания. И далее автор утверждает, что только в философии хозяйства, вскрывшей пустоту азов постмодернизма, неизбежен ренессанс политической экономики; но сама политэкономия полагает, что она и так находится в состоянии ренессанса, о чем свидетельствует нормальное «нобелепроизводство». Но ренессанс — это, прежде всего, восстановление пороков, нахождение форм их легализации, а не порождение нового проекта. Италия после своего Ренессанса на 250 лет исчезла как политически организованная нация; ее в разных комбинациях делили на части Франция, Испания и Австрия. Так что даже удачный ренессанс — это не такое уж великое благо, а скорее — превеликая беда. Возврат всегда есть изврат! Ну, а возрождение молодости на вечер или ночь оставим Воланду! Поэтому христианство говорит не о возрождении, а о *преображении*, о создании новой натуры даже для старого образа!

Кроме того, ренессанс политэкономии, хранящий в себе призраки рынка и коммунизма, несовместим с той разрухой, которую они учинили в жизни и в головах людей. Нет, ренессансу экономизма не бывать, но выбросить его на свалку философия хозяйства тоже не позволит.

Однако Г.И. Мойсейчик абсолютно права, говоря о том, что близится *эра хозяйственной гегемонии*, основательно фундируя этот взгляд. Современный мир незримо теряет свои экономизм и финансизм, становясь именно хозяйственным миром. И в мире этом идет тотальная война глобального экономизма и финансизма с экономической и финансовой властью государств. Механизмы, исход этой войны можно постигнуть только посредством философии хозяйства. И здесь умозрение и конкретная аналитика нашего автора поднимаются до высот софийной озаренности.

Традиционная философия хозяйства вскрыла античеловеческий корень экономизма, нацеленного на безумную эксплуатацию малой группой паразитов труда, земли, самого капитала, и даже денег, что неизбежно ведет их в недра техногенной смерти. Современная философия хозяйства доказала, что в рамках античеловеческого проекта экономизма и финансизма уже полным ходом идет

технологическая эксплуатация духовных сил человека — ума, сознания, языка и души; и силы эти покидают людей, уходя на свою вечную родину. И античеловеческий проект перешел в новую стадию своего развертывания — создания искусственного мира. Земля, растения, животные, многие виды сырья уже имеют искусственную замену. Шокирует и потрясает тезис автора о том, что и сам капитал, деньги и стоимость тоже становятся искусственными, вытесняются информационными, виртуальными, сетевыми технологиями. Техника лучше выполняет все те функции, которые казались до сих пор неотъемлемыми от капитала, денег, стоимости и финансов.

Вот здесь и роковая заминка. Искусственный мир требует искусственного человека, а он мятежный ищет парус Бога и Софии, чтобы уйти от всех богов, людей, и от себя на свой покой, на вечный, не чужой.

Прекрасные слова автора, вдохновленные самой правдой софийной. Философия хозяйства уже в миг рождения «поставила вопрос о главенстве божественной природы в человеке над его собственно человеческой, указав на необходимость осознанного самим человеком, свободного и добровольного поддержания этого единства и о работе над этим поддержанием как высшей цели любой деятельности человека, включая хозяйственную. Свободного подавления антибожественной власти в человеке и над человеком и недопущения перерастания ее в самодовлеющую силу» (С. 295). Философия хозяйства, выявив смертный проект экономизма и финансизма, выдвинула метафизическую альтернативу *преображения* человека, его ценностей. В этой связи важны суждения автора о роли Софии, ставящей высшей целью личности и общества божественные начала, чтобы вырвать экономизм и финансизм из лап антихристианского проекта, сделать их органами восхождения-понимания Бога и софийности мира.

Важны предостережения автора о том, что рост в новейшем экономизме и финансизме духовных начал усиливает не сакральность, а демонизацию общества; финансовый дух стремится подчинить себе дух человека, а через него — овладеть Духом Бога.

В заключительных строках своих паратезисов Г.И. Мойсейчик заключает современную политэкономия в одну смысломозаичную формулу, в которой водят бесовские хороры виртуальность, математезис, игра, суррогаты, сублимации, симулякры, эротика, гламур, квазиденьги, технобесие, глумливость, инфернальность, скрывая этими блудливыми хорородами зияющие смысловые раны ума, сознания и души людской.

Мы согласны с итоговым выводом Г.И. Мойсейчик, утверждающей, что будущее политическая экономия имеет только в

чертогах неофилософии хозяйства, которая сохранит все ее богатства, кроме одного — она будет изъята из антихристианского проекта, и на первых порах будет считать свои потери от дружбы с «черным». Ну, а в качестве субнауки она еще произнесет свое последнее слово или звук...

Автор родом из Белоруссии, страны, которая является центром Европы. А центр есть центр, собирая в себе все метафизические послания и софийные увещания мира. Центр требует особых людей, умеющих читать эти послания. Г.И. Мойсейчик — не только экономист-финансист, не только один из ведущих менеджеров белорусского центра Европы, не только ученая и наученная ученица Софии, не только член Академии философии хозяйства, но еще и поэтесса, не знаю, милостью ли Божьей, но милостью софийной уж точно. Сочетание в одном человеке поэтической, философской и софийной метафизики, нежной веры, смыслового прагматизма, размышляющего видения вопящих и жаждущих понимания фактов предопределило качество ее интегрального проекта-видения современного мира. Все обитатели философии хозяйства, АФХ, ЦОН искренне радуются и гордятся софийной удачей нашего товарища, друга, свободно несущего знамя нашей общей, единой и свободной мысли!

Т.Ю. ЯКОВЕЦ

Пересотворение Истории *

Аннотация. Рассматривается книга Ю.М. Осипова «Обретение» с позиций метафизики истории.

Ключевые слова: метафизика истории, промысел Божий, критика парапсихологии, сознание.

Abstract. Review of the article “Regain” by Yuri M. Osipov, from the viewpoint of metaphysics of history.

Keywords: metaphysics of history, divine providence, critics of parapsychology, conscience.

Перед нами открыта новая книга профессора Ю.М. Осипова «Обретение». Читаешь ее — и дух захватывает: от глубины мыслей, образности языка, непроходящей актуальности. Такая книга могла

* Отклик на кн.: *Осипов Ю.М.* Обретение. М.: ТЕИС, 2011. — 591 с.

быть написанной только в результате двадцатилетнего осмысления Истории в Центре общественных наук МГУ, как продолжение вышедшей за сто лет до этого «Философии хозяйства» С.Н. Булгакова.

Одной фразой: перед нами метафизика Истории, *истории* через призму *философии хозяйства*. Но метафизика не в смысле парапсихологическом, а в смысле Обоженном, с учетом иномирья сознания Человека. Человек в мире. Человек в России. Человек в прошлом, настоящем и будущем.

Материалистическое понимание Истории, даже как истории цивилизаций — результат заземления роли человека на планете Земля, отрицания Промысла Божьего. Книга Ю.М. Осипова «Обретение» — поиск смысла жизни, предназначения Человека.

Особое место в книге отводится Промыслу российской Истории, этого, по определению Юрия Михайловича, «ада» на земле. Российский «Третий Рим» — таинственный актер Истории со своим предназначением, очередной раз возрождающийся после очередной социальной катастрофы.

Автор книги пытается, весьма удачно, определить Сознание человека как порождение иномирья, сотворца Истории, и хозяйственную деятельность людей как демиургию человека, позволяющую реализовать воображаемые им проекты. Поэтому экономическое хозяйство, экономика, рассматривается только как функция стоимостного хозяйства, а экономический человек — не последняя ступень развития социума, а промежуточное звено. Эсхатология хозяйства Постмодерна — не абсолютизм, а преграда Запада на пути Традиции Востока. Как и Питирим Сорокин, Ю.М. Осипов считает, что будущее ждет нас на Востоке.

Книга Ю.М. Осипова — это пятикнижье-размышление о путях и смыслах Истории. Каждая из частей книги — законченное литературное произведение. Они дополняют друг друга, их можно перебирать, как бусины на четках. Автор ничего не навязывает читателю, а делится с ним наболевшим. Философско-размыслительная манера изложения позволяет использовать всю многогранность и искрометность осиповского литературного языка.

Метафизика истории Ю.М. Осипова — развитие и гегелевской исторической мысли, и булгаковской философии хозяйства. Ученый-философ видит в истории мистику мирового Духа, Абсолюта, Бога. Здесь и история религии, и история хозяйства, и история науки. Промысел Божий — двигатель и цель динамики человечества. Но Человек — не объект, а субъект истории, ее творец. История — как борьба добра и зла, человека и античеловека. Переход от физической картины мира к метафизической.

Такие книги, как «Обретение», — это первые шаги в сторону новой парадигмы общественных наук, признающей роль в истории Бога. Достижения науки XX в. окончательно заматериализовали и общественные науки. Но можно согласиться с автором, что Человековедение — это не только наука, потому что многое в человеке от иномирья, иррационального, трансцендентного. Под покровительством Софии Премудрости Божьей сто лет назад в МГУ была защищена работа С.Н. Булгакова, и возрождение философии хозяйства в том же МГУ в наше время — этот тоже Промысел Божий.

«Дематериализация» общественных наук — только начало научных открытий XXI в. Материализация метафизики породила такого «урода», как парапсихология. Святоотеческие труды «Дух, душа и тело» Святого Луки (Войно-Ясинецкого) и «Душа после смерти» Серафима Роуза, написанные в XX в., с традиционной православной позиции объясняют мистические явления в жизни человека, не прибегая к лукавой парапсихологии. Поиск парапсихологами «новой религии» — это подготовка к приходу антихриста с его концом Истории. Попытка объяснить нематериальный мир материальными методами — это не просто бред, но и, прежде всего, бесовщина. А у Ю.М. Осипова нематериальная история описывается в терминах иномирья. И сознание — не функция мозга, интеллекта, а просто бог знает что такое.

Пересотворение Истории Ю.М. Осиповым — закономерный этап исследований, проводимых под руководством Центра общественных наук МГУ. Проводимые Центром семинары и конференции собирают обществоведов из разных городов России и зарубежья и заставляют их задуматься над теми проблемами, которые объединяет емкий термин «философия хозяйства». Школа профессора Ю.М. Осипова объединила единомышленников, дополняющих друг друга. И хочется верить, что книга «Обретение» пополнит ряды учеников этой школы.

Н.Н. РОСТОВА

Асимметрия в рефлексии о сакральном*

Аннотация. Статья посвящена критике новой книги С. Зенкина «Небожественное сакральное», которая претендует на статус интеллектуальной истории сакрального. По мнению автора, проблема

* Рецензия на кн.: *Зенкин С. Небожественное сакральное. Теория и художественная практика.* — М.: РГГУ, 2012. — 537 с.

исследования заключается в его асимметрии. Работа Зенкина строится преимущественно на материале французской традиции в осмыслении феномена сакрального, в то время как наряду с европейской традицией существует ничем не уступающая русская традиция, которая целиком осталась вне поля зрения С. Зенкина.

Ключевые слова: сакральное, религия, мана, культ, божественное, жертва, дар, культура.

Abstract. Article is devoted S. Zenkin's new book «Not divine sacral» which applies for the status of intellectual history of the sacral. According to the author, the research problem consists in its asymmetry. Work of S. Zenkin is under construction mainly on a material of the French tradition in judgement of a phenomenon sacral. While along with the European tradition there is nothing a conceding Russian tradition which entirely remained out of sight of Zenkin.

Keywords: sacral, religion, mana, a cult, divine, a victim, gift, culture.

Что значит выражение «небожественное сакральное», вынесенное в заголовок новой книги С. Зенкина? Небожественное сакральное, согласно автору, это сакральное, помысленное вне, до и помимо религиозного (С. 13). Религиозное же связано с институтами и верой в божественное. Однако при ближайшем рассмотрении, казалось бы, провокационное словосочетание «небожественное сакральное» оказывается плеоназмом, ибо понятие «сакральное» закономерно вводится в научный оборот вслед за понятием «социальное» при попытке светского сознания осмыслить распад традиционных обществ, в рамках которой стало уже невозможно оперировать такими категориями, как «Бог», «дьявол», «благодать», «грех», «душа» и т. п. Сакральное в науке — это то, что уже лишено представления о божественном, то, что возникает, когда «Бог умер». В пользу такого понимания сакрального, отличного от божественного, делает замечание и сам С. Зенкин (С. 419).

Чему посвящена книга С. Зенкина? В основе исследования лежит стремление составить, по выражению автора, интеллектуальную историю сакрального, т. е. сравнить различные концепты сакрального, «составить их карту» и выделить ключевые проблемы (С. 8). Стоит отметить, что этот эксперимент, в силу непреднамеренной координации и случая, оказался не первым. Немного ранее, когда автор заканчивал работу над книгой, вышел в свет монументальный труд Камиля Таро «Символическое и сакральное», в котором также систематизируются и сопоставляются концепции сакрального, что, однако, нисколько не умаляет заслуг С. Зенкина, тем более книга Таро пока не переведена на русский язык.

В чем заключается достоинство книги? В книге использован серьезный массив литературы — от Шарля де Бросса до Дж. Агамбена в области теории и от писателей и мыслителей романтической эпохи до Ж.-П. Сартра в области художественного осмысления феномена сакрального. В исследовании приведены характерные и ключевые цитаты, введены в научный оборот мало знакомые русскому читателю имена. Например, прекрасно зная французский язык и французскую традицию, С. Зенкин знакомит читателя с теорией сакрального Анри Буйяра, дополняя пересказ переведенным фрагментом из первоисточника (С. 28).

В чем состоит неудача книги? Сознательно отказываясь отвечать на вопрос: «что такое сакральное» (С. 8) и позиционируя себя исключительно как историка и стенографа чужих концептов, все же С. Зенкин намеренно и ненамеренно позволяет себе участвовать в концептуализации сакрального. Например, под сакральным он все же понимает чувство, которое является неотъемлемым для человека: «на самом деле священное реально существует (т. е. переживается и функционирует в обществе как таковое)» (С. 8, 14, 257). Церковь же и другие институты только используют его. Или сакральное, согласно С. Зенкину, это категория и продукт человеческой культуры (С. 13, 14). Что, однако, не мешает автору в конце своей книги заявить о том, что сакральное — это «полуприродные «пережитки» не-культуры» (С. 414). Эта неопределенность своей позиции, отказ от теоретизирования лежат в основе рубрикации книги, лишая ее полноты, остроты в понимании проблемы, ибо понимание концептов возможно только за счет концепта, и делая ее отчасти нелогичной и тавтологичной. Например, последнее касается первых трех глав — «Сакральное о профанное», «Numen», «Мана и скверна», — в которых сквозным и общим вопросом является амбивалентность сакрального.

Теоретическая часть книги разделена на пять глав — названные три главы, а также главы «Дар» и «Жертва». В первой главе автор сосредоточивает свое внимание на соотношении «сакральное— профанное». Вторая и третья главы — «Numen», «Мана и скверна» — описывают два различных способа переживания сакрального, первая — пассивно-мистический, вторая — активно-магический. Однако оправданность такого деления вызывает сомнение. Ведь, например, обладание мана связано с жертвоприношениями, посвящениями и эпифанией, что ставит под вопрос «активность» субъекта¹. Главное же заключается в том, что мана и нуминозное — это два различных теоретических конструкта, имеющих целью объяснить один и тот же

¹ Например, см.: [1, 33—37].

феномен — религиозный опыт, сакральное, — а не два его аспекта². Автор не только не приводит аргументы в пользу приведенного деления, ограничившись лишь его констатацией (С. 66), но и не совершает теоретическую рефлексию различий, лежащих в основании деления. Например, в главе «Numen» не анализирует смысл пассивности опыта, но лишь перебирает намеченные Р. Отто аспекты нуминозного — возвышенное, жуткое, фасцинирующее. Последние главы посвящены ритуальным формам функционирования сакрального в обществе. При этом автор не поясняет, в чем заключается принципиальное отличие дара от жертвы, и лишь заключает, что «так как о каждом из них написано очень много, созданы очень глубокие и оригинальные концепции, то эти концепции будут... рассмотрены в двух отдельных главах» (С. 158). Таким образом, не понятно, какими намерениями продиктовано деление книги и как оно способствует раскрытию темы.

У темы сакрального действительно есть узловые точки, задающие структуру теории и тон в зависимости от умозрений теоретика. К ним стоило бы отнести следующие: 1) сакральное как специфика человека; 2) сакральное как условие целостности человека; 3) сакральное как посредник между человеком и миром; 4) амбивалентность сакрального и страх божий; 5) структура «сакральное-профанное» и символ; 6) социальное и сакральное; 7) сакральное и бессознательное; 8) сакральное и обряд; 9) сакральное и ритм; 10) соотношения «я» и «мы» в сакральном; 11) сакральное и жертва; 12) сакральное и кровь; 13) сакральное и язык; 14) сакральное и абсолют; 15) сакральное и аффект. Некоторые из этих тем поднимаются в исследовании С. Зенкина, например, тема крови, однако она рассматривается лишь в свете проблемы амбивалентности сакрального с ремаркой о том, что кровь является «метафорическим аналогом» сакральной «квазисубстанции» (С. 147), но эта «метафорическая» связь крови и сакрального, к сожалению, не подвергается философской рефлексии. Автор ничего не говорит о сущностной причастности мистики крови к обряду, о причине, по которой на смену кровавым религиозным жертвам приходят бескровные жертвы. Другие ключевые проблемы и вовсе не затрагиваются в исследовании. Например, соотношение сакрального и социального. С. Зенкин в принципе не рассматривает вариант, при котором сакральное может выступать как то, что учреждает

² Теоретическая ситуация несколько сложнее. Н. Зедерблом, например, выделяет три типа религиозного опыта, где наряду с верой в сверхъестественную силу (мана, оренда и т. п.), присутствуют анимизм и вера в Творца. Тогда как Р. Отто в целом желал описать религиозный опыт при помощи понятия нуминозного.

социальное. Говоря о языке, он рассматривает его исключительно как возможный «объект сакрализации», но не как то, что само может иметь сакральный исток (С. 283). Судя по приведенному фрагменту из книги «Символическое и сакральное» (С. 416), подобную претензию можно предъявить и к ее автору Камиллю Таро.

Более важной причиной неудачи работы «Небожественное сакральное» является «франкоцентризм», провозглашенный автором со ссылкой на объективное доминирование французской литературы по теме сакральное, а также на чисто человеческую неспособность знать абсолютно все, что происходит в интеллектуальном пространстве мира (С. 15). Несмотря на эти два действительно разумных довода, все же вряд ли мы можем заподозрить автора в том, что он удален от русской культуры и по этой причине «недостаточно знает» ее.

Наряду с европейской традицией в осмыслении сакрального существует ничем не уступающая, а по некоторым пунктам превосходящая ее силой концептуализации русская традиция. Она представлена, в первую очередь, такими именами, как П. Флоренский и А. Мейер, во вторую — С. Булгаковым, Г.П. Федотовым, И. Ильиным, С. Франком и др. русскими философами XIX—XX вв. Флоренский и Мейер поставлены в первую очередь, поскольку их работы напрямую посвящены теме сакрального. В данном случае имеются в виду работа Флоренского «Философия культа» и работы Мейера «Записки о смысле мистерии», «Религия и культура», «Слово-символ», а также другие произведения этих мыслителей. Интересно, что не зависимо друг от друга европейские и русские мыслители возвращаются в своих рефлексиях о сакральном вокруг аналогичных тем, однако раскрывают их по большей части прямо противоположным способом, делая при этом различные интеллектуальные ходы. Например, европейская традиция в целом склонна отводить социальному детерминирующую роль в отношении сакрального, русская же, напротив, культ кладет в основание культуры. Европейская традиция ориентирована на представление, согласно которому мир делится на сакральную и профанную области. Русская — исходит из целостного представления об освященном в культе мире. Европейская традиция психологизирует страх, заставляя его работать как отстраняющее, отвращающее начало. Русская же, напротив, рассматривает страх как то, что является условием «нуминозного» переживания, тем самым снимая проблему амбивалентности сакрального.

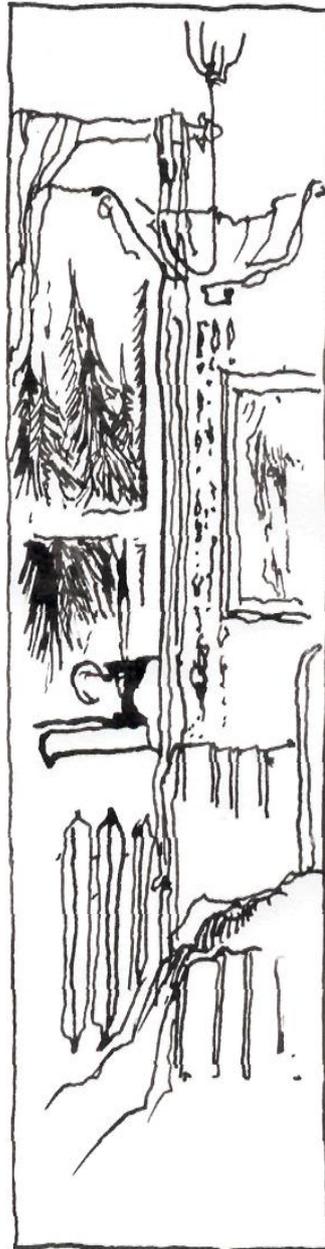
Автор, к сожалению, следует скверной отечественной традиции предавать забвению достижения русских мыслителей. Как, например, говоря о концепте «тела без органов», вспоминают не только Арто в

качестве предшественника теории, но и более косвенные фигуры, такие как Ницше и Бергсон. Однако не упоминают теорию функциональных органов А. Ухтомского, которая, во-первых, прямо связана с концептом «тела без органов», во-вторых, создана задолго до Делеза, и, в-третьих, может составить конкуренцию его воззрениям. Так же, рассуждая о «хаосмосе», вспоминают Джойса, художников-авангардистов, синергетику, однако не принимают в расчет теорию «хаокосмоса» С. Булгакова. Подобная асимметрия наблюдается и в исследованиях о сакральном (не только С. Зенкина). Если же вернуть истории концептов недостающую половину, картина станет более объемной и осмысленной, даже при отказе давать определение сакральному.

Литература

1. *Мирча Э.* Очерки сравнительного религиоведения. М., 1999.

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**

22 октября 2012 г. по решению президиума Философско-экономического ученого собрания за большой интеллектуальный и организационный вклад в движение отечественной гуманитарной и обществоведческой мысли, в актуальную социал-политическую прогностику директор Института экономических стратегий **Александр Иванович Агеев** награжден медалью С.Н. Булгакова «Свет Невечерний».

* * *

15 октября 2012 г. в г. Москве прошла XXX Междисциплинарная дискуссия по теме: «Закономерности и механизмы выхода из кризисов на основе инновационного и социально-политического партнерства», организованная Международным институтом Питирима Сорокина — Николая Кондратьева, Институтом экономических стратегий и Институтом Европы РАН совместно с Отделением исследования циклов и прогнозирования РАЕН, Международной академией исследования будущего, Ассоциацией «Прогнозы и циклы».

В дискуссии принял участие директор ЦОН при МГУ Ю.М. Осипов. Ниже публикуется материал его выступления.

Ю.М. ОСИПОВ

Кризис бродит по планете...

Аннотация. Современное человечество переживает глубокий, масштабный и долговременный кризис — кризис созданного человеком-творцом искусственного мира, а вместе с ним и кризис ему присущего человека. Отсюда актуальность апокалиптики и трансцендентного исхода из кризиса.

Ключевые слова: современность, мир, человек, кризис, апокалиптика, трансцендентность, наука, философия, философия хозяйства.

Abstract. Modern humanity is experiencing a deep, full-scale long-term crisis — crisis created by man-creator of the artificial world, and crisis of inherent to this world human. Hence come the relevance of apocalyptic and transcendent outcome of the crisis.

Keywords: modern age, world, human, crisis, apocalyptic, transcendent, science, philosophy, philosophy of economy.

Главным отличительным признаком современности является *кризис*, он же КРИЗИС, однако вовсе не только и не столько отягченный деньгами, финансами, капиталом и гонкой за виртуальными доходами кризис — экономический кризис, сколько кризис хозяйственный, если под хозяйством понимать все жизнеотправление человека, включая производственные, творческие, потребительские, культурные, цивилизационные, геополитические аспекты человеческого бытия, но опять же с тем непременным дополнением, что хозяйственный кризис, генерируемый передовой частью человечества — западной, евроатлантической, постренессансной, новомировской, модернопостмодерновой, затронул не только сферу многообразной деятельности человека, его хозяйствования, а и самого действеннохозяйствующего — творящего и пересотворяющего мир — человека, его сознание, психику, душу и даже тело, и самым ярким и наиболее ясным выражением, как и следствием, данного воистину глобального (как по горизонтали, так и по вертикали) кризиса является факт непреложного отрицания человека со стороны им же, т. е. человеком созданного ново-новейшего искусственного мира, всецело уже противостоящего природе (земной природе) и столь же всецело независимого от любых сакральных приоритетов.

Человек творящий и перестоворяющий, полагаясь на себя и только на себя, на свой всеохватный — экономико-хозяйственный и научно-технический — империализм, создал мир, в котором человеку в своем все-еще-человеческом, а не каком-нибудь киборгиальном виде, уже не находится места. Такому ультрачеловеческому, а потому и внечеловеческому, а кому-то кажется и сверхчеловеческому миру все-еще-человек просто не нужен (даже и как назойливый потребитель, поддерживающий давно уже избыточный относительно той же природы спрос).

На повестке конкретно-исторического времени (десятка, десятков, полусотни, сотни лет) стоит какая-то еще небывалая качественная мутация человека, надо полагать, в постчеловека, а потому нынешний глобальный затяжной кризис носит вполне апокалиптический характер, отличающийся тем фундаментальным свойством, что из него нет ни автоматического, ни субъектно программируемого выхода, а есть лишь трансцендентно-преображенческий самоисход, занимающий неопределенное время и отличающийся постоянной, сплошной и крайне болезненной полифуркацией.

Другим органичным достоянием указанного кризиса, вполне, кстати, постмодернового, оказывается непременно его постигающая парадигма цугцванга, когда любой деятельский ход по преодолению кризиса приводит лишь к его усугублению.

Вот почему в мире земном все более чувствуется угроза большой всеохватной войны — как раз той самой, которая приходит на помощь запутавшемуся человечеству в целостно-безысходных ситуациях: война расчищает все жизненно-смертное пространство, убирая все ненужное, включая и часть человечества, все прежнее безысходное, и создает как бы чистую площадку для созидания чего-то нового, уже свободного от безысходного наследия, и победившая в войне сторона имеет возможность все это новое навязать побежденной стороне.

Но тут опять же вмешивается злостное, цугцванговского пошиба начало: глобальная война сегодня — прямая угроза не просто всему человечеству, но и вообще всему на Земле живому. Отсюда на передний план выходит то, что можно было бы назвать разборкой — *большой всемирной разборкой*, не исключающей насовсем горячих локальных войн, но ведущейся по преимуществу посредством разного рода холодных сражений: управленческих, психологических, антропологических, антикультурных, антицивилизационных, политических, организационных, экономических, концептуальных, информационных, в основе своей, конечно же, конспиративных, имеющих целью подчинение мира и человечества одному узловому победителю и одновременно с этим переделку этого мира со всем его «человечеством» под потребности все того же конструкционного монопобедителя. Есть и явный претендент на место, роль и функцию глобального геостратегического властителя. Но... опять возникает эта гнусная цугцванговская заковья... есть на планете и не соглашающиеся с подобным моноисходом мировые игроки, а потому... э-эх... а потому самой реалистической и прозорливой книгой современности является Иоаннов «Апокалипсис», в которой содержится и кое-какой ответ на самоубийственный мировой вопрос, но вот какой же?!

Наука тут не дает и дать не может никакого утвердительного ответа: таковой, надо заметить, наукой вообще не предусмотрен. Науке куда как легче туманить проблему и уводить от ответа, а при случае и вовсе ускользнуть от нее в дебри пустого словоизвержения. Того же можно ожидать и от научной философии — одного блуждания в размыслительных потемках. И это понятно, ибо в нынешнем кризисе и судьбе мира человеческого господствует трансценденция, совершенно недоступная науке и вполне сокрытая для научной философии.

Да, наука с научной философией перевернули мир, выступив эффективным переделочным орудием в руках противника Бога Творца, — а противником этим стал как раз ренессансно-просвещенческий человек-европеец, он же и христианин-антихрист, он же и атеист-богоборец.

Дело сделано — и вот созданный человеком-творцом искусственный мир в глубоком, масштабном, долговременном кризисе, причем не просто внутренне конвульсивном, а в совершенно, знаете ли, антисистемном, указывающем на то, что мир, построенный человеком для самого себя, есть не что иное, как... сам себе... антимир. Вот-те на-а! И что же наука? Нет, она, как и сопровождающая ее научная философия, ничего такого не видит, а видит лишь временные проблемы, а потому, продолжая переделывать мир — уже и совершенно фантазийно, совсем от себя, свободно, — нацелилась непосредственно на человека, вынужденно и натужно приспособливая его к онаученному миру-антимиру, а значит, выделявая из человека тоже... антисистему, то бишь... и античеловека!

Что ж, науке ничего не остается, как надеяться на себя и только на себя, а потому научное пересотворение мира и человека непременно продолжится, как и продолжится, ежели вдруг не произойдет чего-то всему этому резко альтернативного, уже идущий апокалиптический кризис, знаменующий собою и впрямь последние времена, да вот не для устаревших-де культур и цивилизаций, а для всего *этого* мира и всего *этого* человека!

* * *

13 ноября 2012 г. состоялось очередное заседание теоретического семинара «Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли» на тему «Актуальное интервью: Н. Ленин (Вл. Ильин). Империализм, как новейший этап капитализма. Петроград, 1917. К 95-летию выхода в свет классического труда В.И. Ленина “Империализм, как высшая стадия капитализма”», на котором выступили доктор наук Ю.М. Осипов, Р.Т. Зяблюк, С.Г. Кара-Мурза, Г.Р. Наумова, П.А. Покрытан, А.А. Пороховский, И.Г. Шевченко, Т.Н. Юдина, кандидаты наук З.А. Гранберг, соискатель И.И. Рудяк.

* * *

29—30 ноября 2012 г. в г. Киеве на базе Киевского национального университета имени Т. Шевченко состоялась Международная научно-практическая конференция «Инновационная теория Йозефа Шумпетера: современное значение экономических и управленческих идей», в которой в качестве сопредседателя и докладчика принял участие директор ЦОН, президент АФХ Ю.М. Осипов.

* * *

5 декабря 2012 г. состоялось ежегодное собрание Академии философии хозяйства со следующей повесткой дня: 1. Итоги деятельности Академии в 2012 г. и перспективы на 2013 г. 2. О работе Академии в регионах. 3. Организационные вопросы.

С докладом о деятельности Академии выступил президент Академии Ю.М. Осипов. Были заслушаны сообщения руководителей региональных подразделений АФХ: А.Ю. Архипова, В.В. Ильина, В.А. Ушанкова и Е.В. Шелкопляса. В прениях выступили У.Ж. Алиев и А.А. Олейников.

Было образовано Украинское отделение академии с центром в г. Киеве (на базе Киевского национального университета имени Т. Шевченко) — вице-президентом и руководителем Украинского отделения избран д.ф.н., профессор В.В. Ильин, академиком-секретарем отделения избрана д.ф.н., профессор З.Э. Скрынник.

* * *

5—7 декабря 2012 г. в МГУ имени М.В. Ломоносова состоялась Международная научная конференция «Постреформизм на службе России: вырыв к развитию». На конференции выступили 64 докладчика — доктора наук Ю.М. Осипов, У.Ж. Алиев (Астана, Казахстан), М.Л. Альпидовская, Л.Ю. Андреева (Ростов н/Д), Т.А. Андреева (Донецк, Украина), А.Ю. Архипов (Ростов н/Д), С.В. Бирюков (Кемерово), В.Г. Бодров (Киев, Украина), И.Р. Бугаян (Ростов н/Д), Ф.И. Гиренок, В.А. Гордеев (Ярославль), Р.С. Гринберг, М.М. Гузев (Волжский), В.И. Корняков (Ярославль), Е.О. Миргородская (Ростов н/Д), С.С. Мишуров (Иваново), К.В. Молчанов, А.В. Мочалов, Г.Р. Наумова, А.З. Новак (Варшава, Польша), А.А. Олейников, С.П. Рамазанов (Волгоград), Л.И. Ростовцева (Тула), В.Т. Рязанов (СПб.), С.В. Сиянков (Киев, Украина), С.С. Слепаков (Пятигорск), Д.Е. Сорокин, Н.И. Усик (СПб.), А.С. Филипенко (Киев, Украина), И.Ю. Фомичев (Тюмень), В.В. Чекмарев (Кострома), Т.В. Чечелева, И.Г. Шевченко, В.Н. Шляпин, Н.Б. Шулевский, М.Р. Элоян (Азов), Т.Н. Юдина; кандидаты наук О.В. Андреева (Ростов н/Д), К.С. Бакулев, Т.Б. Бердникова, В.И. Гуров, О.В. Доброчеев, Г.Ю. Дубянская, В.В. Кашицын (Новороссийск), Е.Н. Кукина (Волгоград), В.В. Липов (Харьков, Украина), С.А. Марков, М.Ю. Павлов, В.К. Петров, М.А. Румянцев (СПб.), В.А. Супрун, В.А. Ушанков (СПб.), Г.В. Фадейчева (Владимир),

И.В. Фомичева (Тула), Е.В. Шелкопляс (Иваново), Т.Ю. Яковец; политический обозреватель М.В. Леонтьев, президент компании «Неокон» М.Л. Хазин; соискатель И.И. Рудяк, научный сотрудник И.В. Матюш (Минск, Белоруссия); ассистенты О.И. Гузенко (Ростов н/Д), В.Ю. Ланцева (Новороссийск); координатор проектов «Диалог цивилизаций» С.П. Шевчуков; старший преподаватель Г.П. Киселев.

Анонсы

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли»

на тему:

Сеть как неотъемлемый феномен современного бытия: социум, сознание, культура, экономика

Техно-социо-психоустроители современности с гордостью говорят о «сетях», охвативших собою почти уже все бытие человеческое. Теперь самое главное не в отношениях субъектов и их комплексах, не в явно выраженных социоиерархиях, да и не в обществе с общественным хозяйством, а в сетях, зачастую попросту невидимых, в которых заключаются, путаются и трепыхаются уже не субъекты и их комплексы, не общество как таковое, а всего лишь элементы сети, или сетевые пленники, их масса, и элементам этим редко бывает вдомек, что у всякой сети есть свой сетеукладчик-ловец, а сеть... все-таки... это сеть, а не анархо-демократический социопасьянс.

12 февраля 2013 г., в 15 часов

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ

Неувядаемое учение

***(к 500-летию создания пронцательным и мудрым
Никколо Макьявелли бесстрашного и бессмертного
произведения «Государь»)***

Кто из образованных и ироничных остроумцев не знает, что такое макьявеллизм, выстраданный замечательным итальянцем-возрожденцем Никколо Макьявелли и кратко, но анатомически сногшибательно изложенным им в чудесном своем творении «Государь» («Князь», «Правитель»).

Многие знают! Кто-то приветствует, кто-то негодует, кто-то загадочно улыбается, а кто-то и сладострастно ухмыляется. Да,

конечно, неустаревающее руководство для любого эффективного властителя, как правило, дурно все-таки понимаемое, но и нелицеприятное фокусное зеркало не одной лишь властной урядицы-усобицы, не только разноцветного ренессансного бытия, полного противоречий, страстей и преступлений, но и, быть может, человеческого мира вообще, социума, истории, как и самого по себе человека? Итак: прозорливо, точно, жестко, справедливо, заманчиво, волнительно, тревожно, гадко — и... э-эх... актуально, актуально... и еще раз актуально!

12 марта 2013 г., в 15 часов
МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

Ломоносовские чтения — 2013

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ**

17—19 апреля 2013

Секция лаборатории философии хозяйства
***Неоиндустриализация как проективно регулируемый
инновационный процесс***

России необходима неоиндустриализация, осуществляемая вполне проективно под водительством и при участии государственно-корпорационного неодирижизма. Дело тут не в идейных симпатиях, а в жесткой необходимости. А потому: обоснование, концепции, механизмы!

Просим учесть, что публикация статей осуществляется до конференции! Пожалуйста, следите за сайтом экономического факультета, где будут указаны сроки и условия предоставления публикаций.

18 апреля 2013 г.

Круглый стол
Российские университеты: что происходит?

19 апреля 2013 г.
МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

***Своеобразие отечественной хозяйственной мысли в
контексте мировой экономической науки и современный
поиск новых парадигмальных решений***

Считается, что самое большее, на что будто бы была способна и остается способной отечественная экономическая мысль — повторять и в лучшем случае приспособливать к российскому контексту внешнюю для России, в основном европейскую (западную), науку, идти в ее фарватере. Нельзя сказать, что таковой весьма незавидной данности в стране нет, но, содержание и значение российской мысли к столь не благовидной ситуации, конечно же, не сводится. Отечественная экономическая мысль всегда отличалась своеобразием, обусловленным исторической, культурно-цивилизационной, институциональной спецификой России, ее элитарного и общественного сознания, национального менталитета. Недаром в России был создан глубоко-мысленный «Домострой», имевший, кстати, западноевропейские аналоги, а также появились такие мыслители, как И. Посошков со своим поразительным учением о скудости и богатстве, о вещественном и невещественном богатствах, как и о многом другом жизненно важном, что содержалось в его комплексном труде «Книга о скудости и богатстве», на полвека опередившем известное смитовское сочинение «Исследование о природе и причинах богатства народов», в котором знаменитый шотландец уделил внимание лишь материальному богатству, как «второй Посошков — В. Кокорев», продолживший посошковское учение о правде, духовности и праведных законах, указывающий на феномен духоугашения как главную причину экономических провалов Российской империи, как личность-университет, мыслитель-энциклопедист М. Ломоносов, стоявший у истоков создания Императорского Вольного Экономического Общества, целью которого было «приращение земледелия и домостройства», как выдающиеся экономисты А. Шторх с его теорией цивилизации, а также Н. Мордвинов, А. Бутовский, видевшие и фиксировавшие особенности российской хозяйственной жизни и в силу своего лояльного отношения к российскому феодализму зачисленные советской и либерально-буржуазной историей науки, как, собственно, и гениальный Посошков, в разряд ретроградных крепостников, достойных лишь осужде-

ния и забвения, как замечательные хозяйственные практики А. Болотов, А. Фет (автор «Лирического хозяйства») и А. Энгельгард («Письма из деревни»). Бесспорный вклад в отечественную и мировую экономическую мысль внесли так называемые русские народники: А. Герцен, Н. Чернышевский, Н. Огарев, П. Лавров, Н. Михайловский, М. Бакунин, П. Ткачев, В. Воронцов, С. Южаков, Н. Даниельсон, С. Кривенко, а также опять же так называемые славянофилы: И. Киреевский, А. Хомяков, Ю. Самарин, К. Аксаков, идеи которых были прямо обусловлены самобытностью России, существенным отличием ее хозяйственной жизни от по-капиталистически развивавшейся Европы. Плодотворно трудились в России и своеобразно мыслили вполне общечеловеческие М. Туган-Барановский, А. Чупров, Д. Менделеев, Н. Кондратьев, А. Чаянов. В начале XX в. усилиями выдающегося мыслителя С. Булгакова в России возникла не имеющая аналогов в мире философия хозяйства — вполне самостоятельное и истинно новаторское учение — обязанная своим появлением кризису широко распространенным на Западе и в тогдашней России политической экономии, позитивистской философии и атеизма. Брошенная в забвение в советское время, тотально окрашенного марксизмом, отечественная философия хозяйства возродилась на рубеже XX — XXI вв. и имеет возможность ныне плодотворно развиваться. Не смогли обойти специфику России и не отразить в своих трудах и сторонники западных научно-практических школ — что смито-рикардианской, что той же марксистской — в частности В.И. Ленин и И.В. Сталин — уже как строители нового, социалистического по замыслу, хозяйства. Несомненным своеобразием отличилась и советская экономическая наука, создавшая целостную систему общественного — государственного и кооперативного — планового хозяйства. Настало время непредвзято и основательно «осмыслить мысль» — российскую экономическую мысль, и сделать это в контексте мировой экономической мысли, причем осмыслить как мысль своеобразную, принадлежащую российской цивилизации, отражающую отечественные реалии. Это было бы верно и справедливо как с патриотической, так и с международной, а лучше бы сказать — с мировой, точек зрения, и тем самым обогатить содержательно поиск новых парадигм экономической науки и хозяйственного развития.

20—21 июня 2013 г.

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

VII ФЕСТИВАЛЬ НАУКИ

Публичная коллективная лекция профессоров
Ю.М. Осипова, Л.А. Тутова и Н.Б. Шулевского

на тему:

Философия хозяйства как антикризисное мировоззренческое учение

Философия хозяйства родилась в начале XX в. в ответ на большой комплексный кризис европейской цивилизации, российской имперальности, гуманистического мировоззрения, рационально-материалистической и позитивистско-прагматической философии, физикалистической обществоведческой науки, а также христианской религиозности и набравшего силу атеизма. И возродилась философия хозяйства на рубеже XX—XXI вв. вследствие все того же кризиса, его новой волны, ознаменовавшей переход от кризиса Модерна к кризисному уже по своей сути Постмодерну. Предложение иного мировоззрения — историческая миссия философии хозяйства.

Октябрь 2013 г.

МГУ, экономический факультет

* * *

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

**«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой
и экономической мысли»**

на тему:

Кризис в угоду человечеству: потери, перемены, обретения

Кризис бывает, чтобы человеку убедиться, понять, осознать, изменить и измениться, как и потерять и обрести. Так по преимуществу и случается, что вовсе не значит, что в необходимой мере и в нужном направлении. Ныне даже не кризис, а кризисное состояние всего бытия, если не вообще кризисное бытие. Кризис общепланетарен, он не

во всем заметен, во многом скрыт, вялотекуч, хотя и неотвратимо упорен, раскатист, крайне затейлив, а потому особенно коварен, почти безысходен, всю апокалиптичен. Контекстные причины и внутренние пружины кризиса. Что говорит человечеству нынешний кризис, что можно от него ожидать и на что рассчитывать человечеству? Если не на выход, то на какие последствия? Антикризисная функция философии хозяйства.

19 ноября 2013 г., в 15 часов
МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

***Международное воспроизводственное обустройство
евразийского (постсоветского) пространства:
экономика и политика***

Современный планетарный мир — мир международного обустройства, региональной и мировой интеграции, тотальной глобализации. Всесторонне и плотно организованное хозяйственное пространство. Мир больших оргсистем. Мир-экономика, а наряду с ним и мир-политика. Евразия, постсоветское пространство, Россия и тяготеющие к взаимодействию евразийские и постсоветские субъекты-государства. Евразийская интеграционная концепция, ее отличие от европейской и любой имперской. Россия, Китай, Индия — основные устроительные игроки в Евразии, их возможное целостное взаимодействие. Не слияние и не союз, а договорный комплекс на основе и в рамках международной воспроизводственной солидарности. Проблемы, шансы, разрешения. Искомые плоды.

Секции:

1. Евразия как пространство интеграционных возможностей.
2. Экономика больших целостных пространств и Евразия.
3. Евразийская стратегия: замыслы и реальности.

4—6 декабря 2013 г.
МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

Заявки с указанием темы и заполненную анкету просим подавать (пересылать по электронной почте) до 20 ноября 2013 г.

Тексты статей до 0,33 печатного листа принимаются в электронном и печатном виде (eszotova@mail.ru) до 15 января 2014 г. (требования к оформлению статей смотрите на сайте: МГУ, экономический факультет, лаборатория философии хозяйства: <http://www.econ.msu.ru/cd/110/>).

Информация для иногородних: место в гостинице МГУ необходимо забронировать по e-mail: <eszotova@mail.ru> до 13 ноября 2013 г.

Контактный телефон: +7(495)9394183,

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

президент Академии философии хозяйства (АФХ), вице-президент Академии гуманитарных наук (АГН), действительный член Российской академии естественных наук (РАЕН), д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра общественных наук при МГУ, заведующий лабораторией философии хозяйства экономического факультета МГУ, председатель Философско-экономического ученого собрания; член Союза писателей России (*osipov.msu@mail.ru*).

БАЗИЛЕВИЧ ВИКТОР ДМИТРИЕВИЧ,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, декан, экономический факультет, Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко (*nauka@econot.univ.kiev.ua*).

ШУЛЕВСКИЙ НИКОЛАЙ БОРИСОВИЧ,

действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, кафедра философии гуманитарных факультетов, философский факультет МГУ, заместитель директора, Центр общественных наук МГУ (*shylevsk@mail.ru*).

ИЛЬИН ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ,

действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, кафедра экономической теории, Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко (*ilin_vv@ukr.net*).

ИППОЛИТОВ ЛЕОНИД МИХАЙЛОВИЧ,

к.э.н., доцент, кафедра экономических и финансовых дисциплин, Московский гуманитарный университет (*ur52@post.ru*).

АКИНИН АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ,

действительный член АФХ, к.э.н., доцент, кафедра экономической теории, Санкт-Петербургский государственный университет (*ad.antonin@yandex.ru*).

ШЕВЕЛЕВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ,

к.э.н., доцент, кафедра экономической теории, экономический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет (*ad.antonin@yandex.ru*).

КОСОВ ЕВГЕНИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,

действительный член АФХ, к.т.н., профессор, Международный университет (в Москве) (*ekosov38@mail.ru*).

ДОМБРОВСКИЙ АЛЕКСАНДР ГЕОРГИЕВИЧ,
к.э.н., заместитель директора, Институт мировой экономики и между-
народных отношений НАН Украины (г. Киев) (*ilin_vv@ukr.net*).

ИВАЩЕНКО ГЛЕБ ГЕННАДЬЕВИЧ,
аспирант, кафедра управления организацией, экономический факуль-
тет МГУ (*bons_@mail.ru*).

КУЛЬКОВ ВИКТОР МИХАЙЛОВИЧ,
д.э.н., профессор, экономический факультет МГУ (*viqma@migmail.ru*).

КРАСНИКОВА ЕВГЕНИЯ ВАСИЛЬЕВНА,
к.э.н., доцент, кафедра политической экономии, экономический фа-
культет МГУ (*krasnikova@econ.msu.ru*).

ХАБАЛАШВИЛИ НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ,
к.э.н., сотрудник МГУ (*veranikk@mail.ru*).

ЕВДОКИМОВ ЮРИЙ,
профессор экономики, Университет Нью-Брунсуик (Фредериктон, Ка-
нада) (*yuri@unb.ca*).

МОЛЧАНОВ МИХАИЛ,
профессор политологии, Университет Святого Томаса (Фредериктон,
Канада) (*yuri@unb.ca*).

АНДРЕЕВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА,
к.э.н., доцент, кафедра экономики и финансов, экономический факуль-
тет, Ростовский государственный университет путей сообщения (*an-
dreevalarica@mail.ru*).

ЗАЛЕТНЫЙ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ,
к.э.н., к.ф.н., старший научный сотрудник, лаборатория по изучению
рыночной экономики, экономический факультет МГУ
(*zaletny@hotmail.com*).

КРАСНОКУТСКИЙ ПАВЕЛ АНАТОЛЬЕВИЧ,
к.э.н., доцент, кафедра мировой экономики и международных эконо-
мических отношений, Донской государственный технический универ-
ситет (*apologet@mail.ru*).

РАДКОВСКАЯ ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА,
старший преподаватель, кафедра статистики, эконометрики и инфор-
матики, Уральский государственный экономический университет
(г. Екатеринбург) (*rev_urgeu@mail.ru*).

КОЧУРОВА ЛИДИЯ ИВАНОВНА,

к.э.н., профессор, Кемеровский институт Российского государственного торгово-экономического университета (*kochurova941@mail.ru*).

ФИЛИМОНОВА ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА,

к.э.н., профессор, Кемеровский институт Российского государственного торгово-экономического университета (*ef007@mail.ru*).

ХАРЛАМПЕНКОВ ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ,

к.э.н., доцент, Кемеровский институт Российского государственного торгово-экономического университета (*kotk123@yandex.ru*).

ГИРЕНКО ФЕДОР ИВАНОВИЧ,

действительный член АФХ, действительный член АГН, д.ф.н., профессор, кафедра философской антропологии и комплексного изучения человека, философский факультет МГУ (*girenok@list.ru*).

ВАРАВА ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ,

д.ф.н., профессор, факультет философии и психологии, Воронежский государственный университет (*vladimir_varava@list.ru*).

ПРОНЧАТОВ ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ,

к.ф.н., доцент, кафедра философской антропологии, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского (*vnpronchatov@yandex.ru*).

ФОМЕНКО АЛЛА НИКОЛАЕВНА,

к.ф.н., директор, Институт международных отношений Национального авиационного университета (г. Киев) (*allafomenka@gmail.com*).

ЯКОВЕЦ ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА,

действительный член АФХ, член-корреспондент РАЕН, к.э.н., ведущий научный сотрудник, Международный институт Питирима Сорокина — Николая Кондратьева (*tzag@mail.ru*).

РОСТОВА НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА,

к.ф.н., старший преподаватель, кафедра философской антропологии и проблем комплексного изучения человека, философский факультет МГУ (*girenok@list.ru*).

Содержание за 2012 г.

Столетний юбилей философии хозяйства	№ 1
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Постреформизм в угоду России: вырыв к развитию.....	№ 5
300-летие М.В. Ломоносова	
<i>В.П. Казарин</i>	
Пушкин и Крым на фоне Ломоносова	№ 1
<i>В.В. Кашицын</i>	
М.В. Ломоносов и современность	№ 1
<i>И.В. Коробова</i>	
Ломоносов — модернизатор	№ 1
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Михайло Ломоносов: человек, феномен, миф.....	№ 1
<i>В.К. Петров</i>	
Ломоносов и российская историософская мысль.....	№ 1
<i>В.В. Смагина</i>	
Ломоносов — лингвист, историк, социолог, экономист, философ хозяйства.....	№ 1
<i>И.А. Субботина</i>	
Ломоносов — великий русский мыслитель: «вся Россия» и «весь в Россию»	№ 1
<i>Ю.Н. Черемных</i>	
Общественно-экономические проблемы развития России в трудах М.В. Ломоносова	№ 1
<i>Н.Б. Шулевский</i>	
Ломоносов не молчит	№ 1
<i>Т.Н. Юдина</i>	
Явление Ломоносова российскому народу и миру	№ 1
Философия хозяйства	
<i>А.А. Акинин, А.А. Шевелев</i>	
К вопросу о природе государства и правящего класса в современной России: ответ «Эксперту».....	№ 6
<i>В.Д. Базилевич</i>	
Философия экономики в системе самосознания общества	№ 6
<i>С.В. Бирюков</i>	
Современные глобальные вызовы и проблемы формирования конструктивной «стратегии ответа» для России.....	№ 1
<i>С.В. Бирюков</i>	
Стоит ли российским «левым» участвовать в «перестройке—2»?	№ 3
<i>С.В. Бирюков</i>	
«Госкорпорация по развитию Сибири и Дальнего Востока» и перспективы развития сибирского региона	№ 4
<i>И.Р. Бугаян</i>	
Предпринимательство в России — физика и (или) метафизика?	№ 1
<i>А.Г. Домбровский</i>	
Экономический хронотоп в процессе становления креативного общества	№ 6

<i>О.Е. Егоров</i> Развитие геополитической идентичности в эпоху современной глобализации	№ 5
<i>П.М. Золин</i> Философия раннего отечественного предпринимательства.....	№ 4
<i>Г.Г. Иващенко</i> Этика хозяйствования старообрядцев и протестантская хозяйственная этика: сходства и различия условий формирования и функционирования	№ 6
<i>В.В. Ильин</i> Философско-экономическое мышление: модус долженствования.....	№ 6
<i>Л.М. Ипполитов</i> С.Н. Булгаков о соотношении экономической теории и философии хозяйства	№ 5
<i>Л.М. Ипполитов</i> Критика модели «экономического человека» в работах С.Н. Булгакова и П.Б. Струве	№ 6
<i>С.К. Казакова</i> К вопросу о критериях качества произведения современного искусства в контексте хозяйственной культуры.....	№ 4
<i>В.А. Кондаков, И.Ю. Фомичев</i> Этические основания хозяйства в работах С.Н. Булгакова	№ 2
<i>В.К. Королев</i> Философия хозяйства как метапарадигма современной экономической теории: проблемы методологии	№ 2
<i>Е.В. Косов</i> Глобализация: основы формирования глобально-локальных узлов цивилизации	№ 3
<i>Е.В. Косов</i> Политика — искусство невозможного!.....	№ 6
<i>И.В. Матюш</i> Духовный продукт в экономике, основанной на знаниях	№ 5
<i>С.И. Мишин</i> Философско-методологические основы принятия решения потребителями: от модерна к постмодерну, от позитивизма к интерпретивизму	№ 1
<i>Ю.М. Осипов</i> Магия политэкономии и магия политэкономов	№ 3
<i>Ю.М. Осипов</i> Неолиберализм плюс неолиберализм равняется экономика современной России	№ 2
<i>Ю.М. Осипов</i> С.Н. Булгаков: век одиночества (к столетию выхода в свет работы С.Н. Булгакова «Философия хозяйства» и защиты им в Московском университете одноименной докторской диссертации).....	№ 4
<i>Ю.М. Осипов</i> Перемены в мире и провидчески-державный курс России	№ 5
<i>Ю.М. Осипов</i> Русские из истории, в современности и для будущего	№ 6
<i>В.Н. Прончатов</i> Способ преобразования энергии как системообразующий фактор общественных отношений	№ 3

<i>В.В. Рышкус</i>	
О формирующем качестве жизни человеческих потребностях	№ 1
<i>С.З. Семерник</i>	
Экономический центр как деструктивный фактор развития общества	№ 3
<i>С.З. Семерник</i>	
Экономический центр как деструктивный фактор развития общества	№ 4
<i>В.С. Сизов</i>	
Библия как учебник управления	№ 4
<i>С.В. Синяков</i>	
Синтетический характер экономического знания	№ 1
<i>З.Э. Скрынник</i>	
Социокультурная эволюция денег: от «жизненного мира» к «системе»	№ 5
<i>С.С. Слепаков</i>	
Самоутверждение России: социально-экономический контекст	№ 1
<i>А.Э. Сидорова, В.А. Твердислов</i>	
Методология активных сред как основа обобщенных представлений об управлении в природно-антропогенных системах	№ 4
<i>С.Ю. Синельников</i>	
Решающие факторы обеспечения национальной безопасности России: планы и перспективы. Вызовы и угрозы для России в XXI веке	№ 2
<i>А.А. Соболевская</i>	
Софиология С.Н. Булгакова в контексте Февральской революции 1917 г.	№ 4
<i>Р.Е. Соколов</i>	
Современная каноническая философия хозяйства католицизма: о роли частной собственности и государства в экономике	№ 2
<i>Р.Е. Соколов</i>	
Современная каноническая философия хозяйства католицизма: о принципах субсидиарности и солидарности на уровне государства	№ 4
<i>А.И. Субетто</i>	
Ноосферная революция в системе научного мировоззрения на проблематику инновационного развития экономики в России и в мире	№ 4
<i>Н.И. Усик</i>	
Исследовательская значимость категории «хозяйство» в современном обществе	№ 4
<i>К.А. Хубиев</i>	
О количестве и качестве государственного участия в экономике в системе альтернатив дирижизма и либерализма	№ 2
<i>М.В. Шамба</i>	
Социально-экономические противоречия доминирующей модели хозяйственного развития	№ 1
<i>Н.Б. Шулевский</i>	
Мифы — софийные вести философии хозяйства	№ 6
<i>М.Р. Эляян</i>	
История философии хозяйства: религиозно-метафизические предпосылки хозяйственной жизни еврейского народа	№ 1
<i>М.Р. Эляян</i>	
История философии хозяйства: влияние географического фактора на хозяйственное развитие древнееврейского народа	№ 2
<i>М.Р. Эляян</i>	
История философии хозяйства: ветхозаветная кодификация философии хозяйства иудаизма	№ 3

<i>Т.Ю. Яковец</i> О движущих силах общественного развития	№ 4
Экономическая теория	
<i>Л.Ю. Андреева, В.Г. Шелепов</i> Особенности взаимодействия агентов рынка финансовых услуг в условиях неопределенности и трансцендентности внешней среды	№ 5
<i>О.В. Андреева</i> Крупные корпорации как форма реализации неконсервативной модели развития	№ 6
<i>А.Д. Антонов, В.Л. Улупова</i> Человеческий капитал в российских компаниях: на пути к постиндустриальной экономике	№ 3
<i>А.В. Бузгалин, А.И. Колганов</i> Рынок симулякров: взгляд сквозь призму классической политической экономии	№ 2
<i>А.В. Бузгалин, А.И. Колганов</i> Рынок симулякров: взгляд сквозь призму классической политической экономии	№ 3
<i>Ю.С. Беккер</i> Эффективность социально-этической составляющей при определении корпоративной миссии	№ 3
<i>Ю.С. Беккер</i> Интерпретация понятия «социальный капитал» в современной экономической теории и социологии	№ 4
<i>О.В. Брижак</i> Российские корпорации: акторы и их интересы	№ 4
<i>Л.И. Глухарев</i> Европейский союз в поисках новой модели социально-экономического развития. Куда идет Европейский союз?	№ 1
<i>Гулиев Турал Рагиб Оглы</i> Семейный бизнес в контексте формирования национального механизма устойчивого экономического развития (на примере Азербайджана)	№ 5
<i>Э.П. Дунаев</i> Условия преодоления невосприимчивости российского бизнеса к инновациям	№ 1
<i>С.А. Дятлов</i> Энтропийная экономика: теоретико-методологический аспект	№ 4
<i>Ю. Евдокимов, М. Молчанов</i> Классический капитализм и системный подход: уроки последнего кризиса	№ 6
<i>И.В. Ефимчук</i> Капитализация активов — поиск ресурсов развития	№ 5
<i>А.А. Залетный</i> Альтруизм в управлении	№ 6
<i>И.С. Золкин</i> Внешнеэкономическая безопасность России: содержание, угрозы и оценка состояния	№ 4
<i>В.И. Корняков</i> Экономика гипоксии	№ 5

<i>Л.И. Кочурова, Е.А. Филимонова, Е.И. Харлампенков</i> Государственное управление рыночной прибылью — гарантия экономической безопасности России	№ 6
<i>Е.В. Красникова</i> Место политэкономии в экономических науках и вузовском учебном процессе: факторы отторжения советской политэкономии	№ 6
<i>П.А. Краснокутский</i> Формирование паркетно-кластерной модели региональной инновационной системы Ростовской области	№ 6
<i>В.М. Кульков</i> Логика экономического противоречия (к 200-летию выхода в свет «Науки логики» Гегеля)	№ 6
<i>К.В. Маркарян</i> Рациональная экономика: институциональный аспект	№ 4
<i>Е.Ю. Мирошина</i> Поведение потребителя: заповеди М.В. Ломоносова в современной России	№ 4
<i>П.С. Лемещенко</i> Экономика рынков, антиэкономика и пределы инновационного развития	№ 2
<i>Р.М. Нижегородцев</i> Среднесрочный цикл в условиях инфляционного разрыва: задачи макроэкономической политики	№ 2
<i>А.З. Новак</i> Конец еврозоны?	№ 2
<i>Н.В. Половинкина</i> Социальные типы координации экономической деятельности	№ 3
<i>Н.В. Половинкина</i> Методологические основы исследования координации экономической деятельности	№ 4
<i>И.В. Пиеницын</i> Природа стоимости и прогресс капитализма	№ 1
<i>Е.В. Радковская</i> Дисфункции в региональном развитии	№ 6
<i>С.Ю. Румянцева</i> Пропорции либерализма и дирижизма при стимулировании инновационного развития с учетом карты экономической конъюнктуры	№ 4
<i>В.Т. Рязанов</i> Кризис глобализации и его системные последствия	№ 4
<i>С.С. Слепаков</i> Политико-экономические перемены — главный фактор инновационного обновления России	№ 4
<i>В.М. Сологубов</i> Вклад рейтинговых агентств в мировой финансовый кризис: в поисках виновных	№ 1
<i>С.А. Сысоев</i> Капитал и антикапитал: пролог	№ 5
<i>Ф.В. Устинов</i> Некоторые статистические противоречия отражения экономического развития Российской Федерации	№ 2

<i>Н.М. Хабалашвили</i> Неадекватность применения некоторых экономических терминов и понятий в современных условиях	№ 4
<i>Н.М. Хабалашвили</i> Современная капиталистическая экономика — это уже не рыночная экономика	№ 6
Актуальная философия	
<i>А.В. Андреев</i> Становление глобального информационного общества и модель резонансного управления	№ 2
<i>В.В. Варава</i> Андрей Платонов и «русская религиозная философия»	№ 6
<i>Ф.И. Гиренок</i> Монолог о смысле жизни	№ 2
<i>Ф.И. Гиренок</i> Человек между бредом и галлюцинациями	№ 3
<i>Ф.И. Гиренок</i> О софийности сказки	№ 5
<i>Ф.И. Гиренок</i> Жиль Делез. Человек-симулякр	№ 6
<i>А.Ю. Горбачев</i> Отчуждение (тезисы)	№ 4
<i>О.Е. Егоров</i> Гражданская идентичность и ее развитие в России	№ 3
<i>М.А. Зубанов</i> Постсовременность как новая стадия развития личного потребления	№ 4
<i>А.Б. Кротков</i> ИНТЕРнациональная идея, или Доктрина идеологической конверсии	№ 2
<i>А.С. Нилюгов</i> Проблема различения свободы мысли и свободы слова	№ 4
<i>В.П. Океанский</i> Метафизические аспекты будущей России	№ 5
<i>В.А. Олейник</i> Парменид и М. Хайдеггер о бытии	№ 3
<i>К.В. Патырбаева</i> Современное общество, труд и человек в постмодернизме Ж. Бодрийяра	№ 2
<i>К.В. Патырбаева</i> Социальная реальность и трудовые отношения в концепции индивидуализированного общества З. Баумана	№ 3
<i>К.В. Патырбаева</i> Макдональдизация и постиндустриализм: противоречия современности и философия Дж. Ритцера	№ 4
<i>К.В. Патырбаева</i> Теоретико-методологические особенности анализа субъекта истории в марксизме и проблема субъекта постиндустриального общества	№ 5
<i>В.Н. Прончатов</i> Предметы труда для универсальной картины мира	№ 6

<i>Н.Н. Ростова</i>	
Концепт антропологического хаоса в двух философских манифестах России XX века	№ 4
<i>Н.Н. Ростова</i>	
Не-личное дело религия	№ 5
<i>А.Н. Фоменко</i>	
Современное осмысление «радикального гуманизма» Э. Фромма	№ 6
<i>Н.А. Ястреб</i>	
Модели взаимодействия фундаментальных и прикладных исследований в научном познании.....	№ 5
Актуальная социология	
<i>А.А. Акинин, А.А. Шевелев</i>	
Проблемы социально-экономической и политической трансформации России в условиях кризиса глобализации	№ 5
<i>А.В. Трубицын</i>	
Анализ социально-психологической среды как существенный фактор исследования экономического поведения	№ 5
<i>Ю.В. Яковец</i>	
Научно-технологическая революция XXI века в ритме смены цивилизационных циклов.....	№ 5
Интеллект-революция	
<i>М.Л. Альпидовская</i>	
Об имитации интеллектообщества.....	№ 1
<i>О.В. Бойко-Бойчук</i>	
Концептуальные риски и перспективы интеллект-революции (Россия, Украина)	№ 2
<i>И.А. Горюнов</i>	
Постмодерновый мозг современной интеллект-революции	№ 2
<i>М.М. Гузев</i>	
Современная интеллект-контрреволюция в России и национальная безопасность	№ 1
<i>О.В. Доброчеев</i>	
Турбулентность, жизнь, разум.....	№ 2
<i>Д.Е. Жильцов</i>	
Социально-экономический прогресс, или Развитие общества	№ 2
<i>З.М. Закарьяева</i>	
Самоорганизационные процессы в системе образования: механизмы функционирования.....	№ 2
<i>В.В. Ильин</i>	
Интеллект как творчество: энергия самоутверждения	№ 2
<i>С.Г. Кара-Мурза</i>	
Революция интеллектуалов и судьба человека	№ 1
<i>В.И. Корняков</i>	
О главном звене интеллект-революции в экономике.....	№ 1
<i>В.А. Кутырев</i>	
Интеллектуальная революция как превращение сознания в мышление	№ 2
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Шествие интеллект-революций и нашествие интеллект-апокалиптики	№ 1

<i>А.А. Соболевская, А.К. Попов</i>	
Мировой кризис и «интеллект-революция»	№ 2
<i>А.И. Субетто</i>	
Интеллект-революция XXI в. как ноосферная человеческая революция в пространстве вернадскианского цикла эпохи Великого русского возрождения	№ 1
<i>Н.В. Фесенко</i>	
Интеллект как ключевой фактор прогресса человечества	№ 2
<i>А.С. Филипенко</i>	
О монизме научного дискурса	№ 1
София, софийность и софиология	
<i>(К 100-летию выхода в свет «Философии хозяйства» С.Н. Булгакова)</i>	
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
Что значит София для русской философии?	№ 5
<i>Г.В. Задорожный</i>	
София про-является в личности как творчество хозяйства	№ 3
<i>В.В. Ильин</i>	
И все-таки... останется ли место Софии в мире постчеловека?	№ 3
<i>В.А. Кутырёв</i>	
София, логос, матезис как этапы деэволюции духовности	№ 3
<i>И.В. Назаров</i>	
Софиология Сергея Булгакова: pro et contra	№ 3
<i>В.П. Океанский</i>	
София: культурно-историческая герменевтика и поэтико-символическая морфология	№ 3
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Столетие «Философии хозяйства» С.Н. Булгакова — сто лет философии хозяйства	№ 3
<i>А.А. Погребняк</i>	
София в супермаркете	№ 5
<i>М.А. Румянцев</i>	
София и Антисофия на грани миров	№ 3
<i>В.А. Ушанков</i>	
О смысле как об условии познания или получении нового знания	№ 3
<i>(К 100-летию выхода в свет «Философии хозяйства» С.Н. Булгакова)</i>	
<i>Н.Б. Шулевский</i>	
Софийный горизонт бытия	№ 5
Рецензии и отклики	
<i>Л.А. Асланов</i>	
Читая «Обретение»	№ 1
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
Антология параллельного мира	№ 1
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
Сюрреализм — это все-таки Дали	№ 1
<i>А.А. Гриценко</i>	
Постижение чувствующей мысли (отклик на метафизику бытия и мысли «Обретения» Юрия Михайловича Осипова)	№ 2

<i>Н.И. Злыгостева</i>	
«Нам не дано предугадать...» (отзыв на роман Юр. Михайлова «Реквием»).....	№ 3
<i>В.К. Королев</i>	
Философия софийного хозяйства как метафизика социально-экономической гуманистики в постмодернистской мифологии России	№ 3
<i>В.А. Кутырёв</i>	
Бытие или Ничто	№ 4
<i>Юр. Михайлов</i>	
Апокалипсическая реплика: русские идут!	№ 1
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Юбилей как повод к самоутверждению.....	№ 6
<i>Н.Н. Ростова</i>	
Асимметрия в рефлексии о сакральном.....	№ 6
<i>И.И. Рудяк</i>	
Бахтин и Осипов: «Я» как софийность и «другой» как Постмодерн и Средневековье — торжество зверя	№ 2
<i>В.С. Сизов</i>	
Введение в «Реквием»	№ 3
<i>З.Э. Скрынник</i>	
Прощай, София? Здравствуй, София? (заметки на полях «Обретения»)	№ 3
<i>И.Г. Шевченко</i>	
Невесомость гранита	№ 4
<i>Н.Б. Шулевский</i>	
Политическая экономия — блудная дочь в чертогах философии хозяйства...№ 6	
<i>Т.Ю. Яковец</i>	
Пересотворение Истории	№ 6
Научная жизнь	
<i>Р.С. Гринберг</i>	
Битва мировоззрений.....	№ 5
<i>М.М. Гузев</i>	
Россия: новый политико-экономический цикл — что ожидать?.....	№ 5
<i>О.В. Доброчеев</i>	
О циклах, которых в экономике нет, и турбулентности, которая будет	№ 5
<i>Г.И. Мойсейчик</i>	
Неизбежный ренессанс политической экономии как субфилософии хозяйства Политическая экономия как синтез позитивистской науки, идеологии и философии (тезисы к дискуссии).....	№ 3
<i>В.П. Океанский</i>	
Будущее России в новом культурно-цивилизационном цикле	№ 5
Время кризиса — время перемен (<i>Ю.М. Осипов</i>)	№ 1
Обширный кризис, нарастающие перемены и навязчивая апокалиптика (<i>Ю.М. Осипов</i>).....	№ 1
Проблема развития — проблема современной России (<i>Ю.М. Осипов</i>).....	№ 1
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Философия хозяйства и будущее.....	№ 2
<i>Ю.М. Осипов</i>	
От битвы под Москвой к... через 70 лет... битве в Москве	№ 2

<i>Ю.М. Осипов</i>	
О Софии.....	№ 4
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Метафизика российской государственности	№ 5
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Магия цикла	№ 5
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Философия хозяйства как мировоззренческое событие	№ 5
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Кризис бродит по планете... ..	№ 6
<i>Е.В. Шелкопляс</i>	
Россия в новом политико-экономическом цикле	№ 5

Научно-образовательный журнал «Философия хозяйства»

Центр общественных наук при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, экономический факультет МГУ продолжают в 2013 г. выпуск научно-образовательного журнала «Философия хозяйства», призванного отражать новейшие мировоззренческие и общетеоретические искания современной гуманитарной, экономической и философской, обществоведческой науки, нацеленные на комплексное и сущностное осмысление актуальных проблем, стоящих перед хозяйствующим человечеством, мировым экономическим и политическим сообществом, Россией. Философия хозяйства — особая сфера знания о человеке, его жизни и хозяйственной деятельности, для которой характерны проблемы и смыслы, сопряженные с феноменом человека вообще, началами и целями жизни, устремлениями человека хозяйствующего и творящего, историческими судьбами человека и мира.

Научное направление издания: исследования в области гуманитарных и общественных наук, развитие научного направления философии хозяйства и примыкающих к нему отраслей знаний, создание условий для свободного научного творчества, выражения различных мнений, дискуссий, способствующих развитию фундаментального и прикладного знания.

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом не более 12 страниц, т. е. не более 20 000 знаков (без пробелов).

К статье обязательно должны прилагаться: электронная версия (файл на дискете 3,5 или присланный по электронной почте на адрес: eszotova@mail.ru); сведения об авторах (имя и отчество полностью — без сокращений, научная степень, место работы, должность, контактный телефон, адрес, e-mail); аннотация и список ключевых слов (на русском и английском языках), а также название на английском языке. Прикрепленный файл — неархивированный. Формат doc.

Требования к электронной версии: текст статьи в формате Word for Windows шрифтом Times New Roman, размером 14 pt, через 1,5 интервала.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Источники представляются в порядке цитирования в тексте. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]).

Таблицы должны выполняться табличными ячейками Word. Математические символы и формулы должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Графики должны быть построены с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные). Рисунки и схемы, выполненные в Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не используйте в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставляйте их в документы Word.

Редакция плату за публикацию не взимает, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. Подписка на журнал (6 номеров в год; один номер объемом 20 п. л.) осуществляется в редакции. Оформить подписку можно в отделениях связи, почтовый индекс в каталоге «Пресса России» — 83115. Библиотечный индекс — 741. Все вышедшие с 1999 г. номера журнала можно приобрести в розницу.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331. Контактный тел. (495)939-4183. По вопросам распространения журнала обращаться к Ирине Анатольевне Ольховой (пн., чт., 14.00—18.00).

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам редакционно-издательского совета (РИСО).
2. Обязательному рецензированию подлежат тексты соискателей ученых степеней, а также присылаемые в редакцию статьи.
3. Не рецензируются по усмотрению редакции статьи:
 - заказываемые приоритетным авторам редакцией журнала;
 - подготовленные авторитетными в стране и за рубежом учеными и специалистами, а также высококвалифицированными авторами, регулярно публикующимися в журнале;
 - авторами которых являются члены РИСО.
4. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.
5. В отдельных случаях рецензирование проводится конфиденциально. Автору рецензируемой работы предоставляется возможность ознакомиться с текстом рецензии.
6. Если в рецензии на статью имеется указание на необходимость ее исправления, то она направляется автору на доработку.
7. Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается главным редактором.
8. Материалы, относящиеся к деятельности редакции и РИСО, сохраняются.